ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Философия

Филология

ИСТОРИЯ

Том 11, № 4
2016

ISSN 2307-1842
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4

Гуманитарный вектор

История. Политология

Humanitarian Vector

History, Political Sciences

Gumanitarnyi Vektor

Istoriya, Politologiya

Издаётся с 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Учредитель
ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-54189 от 17.05.2013

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук (*философские науки; филологические науки; исторические науки и археология*)

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Рукописи, присланные в редакцию, не возвращаются

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласованию с редакцией

Адрес редакции
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
факс: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Сайт журнала в Интернете
http://www.zabvector.com

Подписной индекс журнала в каталоге «Пресса России» ***42407***

Электронная версия журнала размещена на платформе Российской универсальной научной электронной библиотеки www.elibrary.ru

DOI: 10.2109/2307-1842

© Забайкальский государственный университет, 2016

Founded in 1997
Quarterly

Founder
FSBEI HE “Transbaikal State University”

The journal is registered
by the Federal Supervision Service in the Field of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Registration certificate
ПИ № ФС77-54189 от 17.05.2013

The journal
is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences (*Philosophical Sciences, Filological Sciences, Historical Sciences and Archeology*)

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them do not necessarily reflect the views of the Editorial Board

The manuscripts submitted to the journal are not returned

Reproduction of any materials from the journal is allowed only in coordination with the Editorial Board

Address
672007, Chita, 129 Babushkina St.
Phone: 8 (3022) 35-24-79;
Fax: 8 (3022) 41-64-44
E-mail: zab-nauka@mail.ru

Journal web site
http://www.zabvector.com

Subscription index of the journal in “Press of Russia” ***42407***

The electronic version of the journal is placed on the platform of the Russian Universal Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

DOI: 10.2109/2307-1842

© Transbaikal State University, 2016

Гуманитарный вектор

История. Политология

Humanitarian Vector

History, Political Sciences

Gumanitarnyi Vektor

Istoriya, Politologiya

Редакционный совет:

***Борис Ванданович Базаров*,** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);

Андре Буржо, доктор социологических наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);

***Дэн Цзюнь*,** профессор, Институт русского языка Хэйлуцзянского университета (Хэйлуцзян, КНР);

Кейдзи Идэ, заместитель главы миссии, министр Посольства Японии в Российской Федерации (Япония);

Чжен Шупу, доктор филологических наук, профессор (Харбин, КНР);

Михаил Иванович Эпов, доктор технических наук, профессор, академик РАН, Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН (Новосибирск, Россия)

Редакционная коллегия:

Выпускающий редактор:

А. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия)

Члены редколлегии:

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);

Ц. П. Ванчикова, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, доцент (Екатеринбург, Россия);

С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Масами Изухо, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония)

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Ответственный секретарь

И. Н. Блажевская

Журнал представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей российских и зарубежных авторов по отечественной и всемирной истории, археологии, источниковедению и историографии.

В журнале публикуются результаты научных исследований специалистов по истории международных отношений и внешней политики, результаты прикладных исследований по истории СМИ и их роли в жизни общества.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

Editors:

Boris Vandanovich Bazarov, Doctor of History, Professor, corresponding member of the RAS, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);

Andre Bourget, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);

Den Tszun, professor, the Institute of the Russian Language at Heilongjiang University (Heilongjiang, China);

Keidzy Ide, Mission Deputy Head, Ministry of Embassy of Japan in the Russian Federation (Japan);

Zhen Chupu, Doctor of Philology, Professor (Harbin, China);

Mikhail Ivanovich Epov, Doctor of Engineering Science, Professor, Academician of the RAS, Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics Siberian Branch, Russian Academy of Sciences

Editorial Board:

Main Handling Editor:

A. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia)

Editorial board members:

M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);

Ts. P. Vanchikova, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);

D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Associate Professor (Yekaterinburg, Russia);

S. A. Mikhailov, Doctor of Political Science, Professor (St. Petersburg, Russia);

Masami Izukho, Associate Professor, Tokyo Capital University (Tokyo, Japan)

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive Secretary

I. N. Blazhevskaya

The journal is a collection of original and review scientific papers of Russian and foreign authors on the national and world history, archeology, source studies and historiography.

The journal publishes the results of experts' research in history of international relations and foreign policy, the results of applied research in history of mass media and their role in the life of society.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university professors, postgraduate students, students, workers in culture and education.

ГУМАНИТАРНЫЙ вектор

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Горбатов Л. В. Заболевания и лечение хакасов в конце XIX – начале XX века 6
Даренский В. Ю. Идеология «традиционалистской революции»: между политической утопией и социальной прогностикой 12
Мамкина И. Н. Организационно-правовые основы государственной службы в системе народного просвещения в конце XIX – начале XX вв. (на примере Восточной Сибири) 20
Печерский В. А. Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны 25
Казанцева Н. Г. Организационно-штатная структура таможен конца XIX – начала XX века 35

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX века 42
Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830) 50
Иванов А. А. К определению численности и состава политических ссыльных Иркутской губернии 1860-х годов 60
Кушнарева М. Д. Вклад представителей крупных фирм в экономическое развитие и общественную жизнь населения городов Северо-Восточной Сибири в начале XX века 66
Маруев В. А. Дорожный вопрос в истории золотодобычи Забайкалья начала XX столетия 71
Скрипучий Д. В. Узкоколейные железные дороги Читинской области: пробелы исторического знания 78

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ

Дроботушенко Е. В. Православие в Китае во второй половине 40-х годов XX века по документам Государственного архива Российской Федерации 86
Занданова Л. В., ***Паламарчук А. В.*** Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е годы: документы свидетельствуют 93
Кискидосова Т. А. Национально-конфессиональный состав г. Читы во второй половине XIX – начале XX века 99

АРХЕОЛОГИЯ

Мамкин А. М., ***Белоусов В. Е.*** Новые данные по массивным каменным сакральным объектам эпохи палеометалла, раннего железного века Восточного региона Байкальской Азии и Восточного Забайкалья 104
Мороз П. В. Этапы изучения каменного века Забайкалья: прошлое и настоящее 117

СМИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Ильченко С. Н. Экранная хроника как элемент фейковой журналистики 124
Исаев Е. М., ***Пожидаева И. В.*** Популярная история в современной России: мифы, образы и представления о прошлом в спортивном историческом фильме 128
Цыремпилова В. Э. Отражение китайско-монгольских отношений в период реализации XII пятилетки КНР (2011–2015) на страницах «Жэньминь Жибао» 137
Шейкна Калифа Сангаре. Роль СМИ в становлении и развитии малийской демократии 142
Грег Саймонс. Новые подходы к теории коммуникации: на примере современной террористической угрозы 150

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Ванчикова Ц. П., ***Ринчинова О. С.*** Проект Буручкома по реформированию тибетской медицины в БМАССР в 1920-е годы 155
Курас Л. В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) 163
Поогоо Чултэмсурэн. Уртонная служба монголов, или «Монгольский закон в три дня» 174
Ушницкий В. В. Анализ легенд о Тыгын Дархане: мифологический якутский «царь» времён «завоевания» 179

УГОЛ ЗРЕНИЯ

Захаров А. М. Рецензия на сборник статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» 184
Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в диссертационном исследовании В. Л. Дрындина «Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории» 190

HUMANITARIAN
Vector

CONTENTS

SOCIAL HISTORY

Gorbatov L. V. The Khakass' Diseases and Treatment in the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Century 6
Darenskiy V. Yu. The Ideology of "Traditionalistic Revolution": Between Political Utopia and Social Prognostics 12
Mamkina I. N. Organizational and Legal Foundations of Public Service in the National Education System at The End of the XIXth – Beginning of the XXth Centuries (the Case of Eastern Siberia) 20
Pecherskiy V. A. Activity of Procuracy Bodies of the Krasnoyarsk Region During the Great Patriotic War 25
Kazantseva N. G. Organizational and Staff Structure of Customs at the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries 35

REGIONAL HISTORY

Dameshek L. M., Mamkina I. N. State Policy in the Field of Public Education Governance in Eastern Siberia in the XIXth – Early XXth Centuries 43
Efimova V. V. General-Governor S. I. Minitsky and Old Believers of Olonets Governorate (1825–1830) 50
Ivanov A. A. To Determination of the Number and Structure of the Political Exiled of Irkutsk Governorate in the 1860s 60
Kushnareva M. D. Contribution of Representatives of Large Firms to the Economic Development and Social Life of Urban Population of North-Eastern Siberia in the Early XXth Century 66
Maruev V. A. The Road Issue in the History of Gold Mining in Transbaikalia in the Early XXth Century 71
Skripuchiy D. V. The Narrow-Gauge Railways of Chita Oblast: Lacuna of History 78

HISTORY OF RELIGION

Drobotushenko E. V. Orthodoxy in China in the Second Half of the 1940s According to the Documents of the State Archive of the Russian Federation 86
Zandanova L. V., ***Palamarchuk A. V.*** The Struggle Against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: Documents Testify 93
Kiskidosova T. A. National-Religious Composition in the City of Chita in the Second Half of the XIXth – Early XXth Century 99

ARCHEOLOGY

Mamkin A. M., ***Belousov V. E.*** New Data on Massive Paleometal Era Stone Sacral Objects of the Early Iron Age in East Baikal Asia and East Transbaikal Regions 105
Moroz P. V. The Stages of Studying the Stone Age of the Trans-Baikal Region: Past and Present 117

MASS MEDIA: THE PAST, THE PRESENT AND THE FUTURE

Il'chenko S. N. Screen Chronicle as an Element of Fake Journalism 124
Isaev E. M., ***Pozhidaeva I. V.*** Popular History in Modern Russia: Myths, Images and Ideas of the Past in Sport Historical Film 128
Tsyrempilova V. E. Coverage of Sino-Mongolian Relationships During the Realization of the 12th Five-Year Plan (2011–2015) on the Pages of Renmin Ribao 137
Cheickna Kalifa Sangare. The Role of the Mass Media in the Development of the Malian Democracy 142
Greg Simons. Rethinking the Communication Theory: the Case of Modern Terroristic Threat 151

ORIENTAL STUDIES

Vanchikova T. P., ***Rinchinova O. S.*** The Project of the Buryat Scientific Committee on Reforming of the Tibetan Medicine in BMASSR in the 1920s 156
Kuras L. V. Russian Military-Political Emigration in Manchukuo (on the Materials of the Soviet Intelligence) 163
Poogoo Chultemsuren. The Urton Postal Service of the Mongols, or "Mongolian Law in Three Days" 174
Ushnitsky V. V. Analysis of the Legends of Tygyn Darkhan: Yakut Mythological "King" of the "Conquest" 179

POINT OF VIEW

Zakharov A. M. A Review of the Collection of Articles "The Revolution of 1917 in Russia: New Approaches and Views" 184
Mertsalov V. I. Building and Industrial Management During 1957–1965 Reform in V. L. Dryndin's Research "Attempts of Reforming Agrarian and Industrial Spheres in the RF (1953 – 1964) in the Context of Russian History Characteristics" 190

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
SOCIAL HISTORY

УДК 392

Леонид Васильевич Горбатов,
соискатель, научный сотрудник,
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
(650017, Россия, г. Абакан, Щетинкина, 23),
Анхаковский музей-заповедник «Хуртуях тас»
(655711, Россия, Аскизский район, аал Анхаков),
e-mail: gorbatovl@mail.ru

Заболевания и лечение хакасов в конце XIX – начале XX века

В статье раскрываются причины сокращения численности коренного населения Хакасско-Минусинского края в конце XIX – начале XX в. На основе анализа полевого материала, собранного дореволюционными учёными, автор называет типичные для хакасов заболевания. Значительное внимание уделяется проблеме организации в Минусинском уезде, где проживали хакасы, светского медицинского обслуживания как в дореволюционный период, так и в первые годы советской власти. В статье сделан вывод о том, что только физическое уничтожение шаманов и знахарей способствовало распространению медицинского обслуживания среди населения, а также привело к утрате целого пласта эмпирических медицинских знаний. Времени перехода от кочевого состояния к оседлости хакасского народа посвящено большое количество разновременных научных работ. Но среди них слабо освещено состояние здоровья хакасов в конце XIX – начале XX в., особенности заболеваний и меры, предпринимаемые для медицинского обслуживания населения. Этот информационный пробел позволит заполнить данная обзорная статья, построенная на материалах библиографических источников.

Ключевые слова: хакасы, заболевания, народная медицина, лечение, шаманизм

Leonid V. Gorbatov,
Doctoral Candidate, Researcher,
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
(23 Schetinkina st., Abakan, 650017, Russia),
Ankhakov Museum Preserve “Khurtuyakh tas”
(Aal Ankhakov, Askizsky District, 655711, Russia),
e-mail: gorbatovl@mail.ru

The Khakass’ Diseases and Treatment in the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Century

In the article causes of indigenous population decline of the Khakas-Minusinsk region in the end of the XIXt – the beginning of the XXth century are under consideration. According to the analysis of field material, gathered by pre-revolutionary scholars the author states diseases typical for the Khakass. Considerable attention is paid to the problem of organizing a secular medical care both in the pre-revolutionary period and during the first years of the Soviet power in the Minusinsk County, where the Khakass lived. The article concludes that only the physical extermination of shamans and healers contributed to the spread of medical care among the population and resulted in the loss of an entire layer of empirical medical knowledge. A lot of scientific papers of different times are devoted to the period of transition from nomadic to a settled state of the Khakass people. But among them health condition of the Khakass people in the late XIXth – early XXth century, disease peculiarities and measures taken to medical care are poorly covered. This review article based on materials of bibliographic sources will help to fill in this information gap. The article shows the measures which brought results in the preservation of health of the peoples inhabiting the territory of South Siberia. .

Keywords: the Khakass, diseases, folk medicine, treatment, shamanism

© Горбатов Л. В., 2016

Присоединение Хакасии к России (официальная дата 20 августа 1727 г.) привнесло в регион иную культуру, новый образ жизни, религию и мышление. Основные этнические группы хакасов – сагайцы, качинцы, кызыльцы и койбалы, были скотоводами, живущими в режиме сезонного кочевания, зимой в аале, летом на пастбище. Большую или меньшую долю их занятий, в зависимости от условий места проживания, занимали охота, звероловство, пчелование, сбор кедровых орехов и съедобных диких растений. Однако в конце XIX – начале XX в. национальный быт и культура стали рушиться, уступая место новым формам ведения хозяйства, вызванным переходом от кочевого состояния к оседлости. Одновременно происходила русификация населения и христианизация. По свидетельству Н. Ф. Катанова (1896 г.) «Многие татары, а в особенности живущие близ русских сёл и деревень, ведут оседлую жизнь и кроме скотоводства занимаются хлебопашеством. За соху татары взялись, после крупных эпизоотий, свирепствовавших в семидесятых и восьмидесятых годах настоящего столетия» [5]. Времени перехода от кочевого состояния к оседлости посвящено большое количество разновременных научных работ. Но среди них слабо освещено состояние здоровья хакасов в конце XIX – начале XX в., особенности заболеваний и меры, предпринимаемые для медицинского обслуживания населения. Этот информационный пробел позволит заполнить данная обзорная статья, построенная на материалах библиографических источников.

Хакасия, являясь частью Западной Сибири, обладала общим для региона набором краевых (географических) патологий. Задолго до переселения сюда русских среди коренного населения были сильно распространены оспа и природно-очаговые инфекции – трахома, гельминтозы, «горячки» (тиф), «лихорадка» (малярия), сибирская язва, чесотка. Кроме того, процветали заболевания, связанные с климатическими и социальными условиями жизни: простудные заболевания, цинга, подагра, венерические болезни, кожные заболевания, конъюнктивиты, заболевания желудочно-кишечного тракта, болезни сердца, артриты, психические расстройства, водянка, различные травмы, головные боли, переохлаждения, обморожения [11]. Болезни носили сезонный характер и, кроме того, они распределялись неравномерно по территории края в зависимости от изменчивых климатических условий. Историк Г. Спасский (1818 г.) утверждал, что народы, кочующие в верховьях Енисея, бодры и крепки до глубокой старости. «Они редко подвержены бывают болезням, несмотря на способствующие к тому образу жизни их; оспа и глазная болезнь нередко, однако же их посещают. – Оспа почитается у них важною и злейшею болезнью. Самой несчастной тот, кто оной подвергнется. Всякой его боится и самые ближние родственники оставляют. – Никакая болезнь не имеет столько жертв как оспа. …Прививание же оспы здесь почти неизвестно. Глазная болезнь происходит, кажется, более от дыма и всегдашнего пребывания подле огня. – Между тем, может также глазам вредит беспрестанное зрелище степей, зимою покрытых снегом, а летом в некоторых местах выступающею солью и сверх того в жаркие дни колебание восстающих паров…» [13, с. 17]. М. А. Кастрен (1847 г.), живший какое-то время среди койбалов, писал о Хакасии, как о стране, где почти каждый страдает господствующими перемежающимися и катаральными лихорадками [3, с. 239]. У сагайцев Е. К. Яковлев (1900 г.) выделял как наиболее распространённые: болезни кожи (сыпи, экземы), глазные (конъюнктивит, трахому), желудочно-кишечные у детей, сифилис, туберкулёз, малярию и острый ревматизм [15, с. 16–17].

Простой и естественный образ жизни скотоводов порождал лёгкое отношение к быту, в особенности к его гигиеническому состоянию. Крайняя нечистоплотность населения вызывала брезгливость у всех исследователей края XVIII – начала XX вв. Они справедливо видели в грязи и нечистотах залог болезней, как минимум желудочно-кишечных и кожных. Но мнение учёных совершенно не волновало хакасов, предпочитавших жить как повелось издревле, согласно глубокому убеждению о вреде чистоты [12, с. 226]. Существовало поверье, что больной не должен мыться [12, с. 170], иначе он лишится защиты, т. е. станет открытым злым духам. При таком отношении к телу повсеместно были распространены кожные заболевания.

Один из первых исследователей Сибири Иоганн Готлиб Гмелин (путешествия 1733–1743 гг.) отмечал, что в середине юрты скотовода всегда горел огонь, вокруг которого лежали мужчины, женщины, дети и собаки, а сама юрта была заполнена дымом настолько, что непривычные люди не могли оставаться долго внутри из-за боязни задохнуться [14, с. 11]. Другими авторами замечена разница между жилищами бедных и зажиточных татар, где попросту было немного чище. Обычно в юртах и, особенно, в зимних землянках

бедняков стены и потолок были покрыты паутиной, закопчёны, на грязном полу валялись объедки [17, с. 90]; стоял кислый запах, смешанный с едким дымом очага. Здесь же находились маленькие дети и нередко слабые телята и ягнята, тут же справляли по необходимости естественную нужду. От постоянного дыма сильно страдали глаза. Поэтому присутствующие в юрте старались лежать, т. е. быть ближе к полу, где дыма поменьше. К тому же, людей преследовали болезни грязных, сырых, тесных жилищ, где не было возможности отделить больных от здоровых. Такое состояние быта способствовало повышенной заболеваемости, и в особенности детей.

Этнограф и экономист С. Л. Чудновский, сосланный в 1878 г. за революционную деятельность в Сибирь, сделав подробный обзор Енисейской губернии, старался объективно взглянуть на причины сокращения прироста и вымирания коренного населения. По его мнению, произошла смена типа хозяйствования со скотоводческого на земледельческий и, как результат, вытеснение скотоводов с богатейших пастбищ, пригодных под пашни, на неугодья. Это привело к быстрому сокращению поголовья скота и, соответственно, к обеднению населения. Развитие земледельческих поселений, жители которых обрабатывали прилежащие угодья, тоже ограничивало возможности свободного кочевания. «Тут повторяется столь же знаменательный, сколь и поразительный факт, подмеченный путешественниками и исследователями, что те инородцы чаще терпят бедствия, которые ознакомились с хлебом!» [18, с. 53]. Делая такое заявление, С. Л. Чудновский утверждал, что ухудшение экономического положения коренного населения стало благодатной почвой для всевозможных эпидемий и заразных болезней, «которыми мы угостили их». Уважая мнение почтенного исследователя, бывшего свидетелем описываемых им событий, всё же трудно полностью согласиться с некоторыми его выводами.

Уровень жизни населения Минусинской котловины всегда был крайне низок, несмотря на изобилие скота и издревле выращиваемые для пропитания хлебные злаки, т. е. население «ознакомилось с хлебом» задолго до мнения С. Л. Чудновского. Трудно сказать, вызвано ли сокращение коренного населения в конце XIX в. следствием «культурного шока», возникшего от смены культур, или в силу местных климатических и антисанитарных социальных условий. Возможно, завозимые переселенцами инфекции нашли благоприятную среду для развития. Во всяком случае среди русских смертность тоже была не менее высокой. С. Л. Чудновский ругал городские думы за плохое исполнение санитарных законоположений, указывая на непроходимую грязь на улицах, низкое качество еды, воду, переполненную нечистотами, практическое отсутствие медицинского обслуживания. В деревнях он называл положение убийственным. «В Минусинском окр. дифтерит свирепствует с осени 1878 г., а в 1881 г. смертность в селениях превосходила здесь, по удостоверению местного корреспондента, всякое вероятие: «в редкой деревне нет дифтерита, свирепствующего с неслыханной силой, проникающего даже в тайгу… В деревнях крестьянские дети, по преимуществу от 2 до 7-летнего возраста, буквально мрут как мухи, не единолично, а поголовно, семьями, в 3–4 дня, со всеми ужасами острой эпидемии, так что в некоторых селениях… не остаётся в живых ни одного ребёнка! …» [18, с.154–155].

В 1897 г. Енисейский Губернский Статистический Комитет организовал экспедицию по изучению инородцев Минусинского и Ачинского округов в составе П. Е. Кулакова, А. А. Кузнецовой и А. А. Ярилова. Полученные результаты показали разрушения национального быта и хозяйства населения и стремительный переход его к новым формам под влиянием экономических, административных и бытовых факторов [9]. Тем не менее, было отмечено, что население, проживающее ближе к русским культурно-хозяйственным центрам, не удовлетворяется той помощью, которую им оказывают знахари и шаманы, и при любой возможности обращается к врачам и фельдшерам [6, с. 105–248].

Однако до революционных событий 1917 г. европейское медицинское обслуживание крайне медленно проникало в отдалённые места Хакасии. В 1881 г. в Минусинске была одна больница на 35 кроватей, в которой состояло три врача, в том числе один сельский, один ветеринар, один фельдшер, и три в селениях – Абаканском, Шушенском и Тесинском [3, с. 291]. По статистике, которая касалась русских и обрусевших хакасов, обратившихся в лечебное заведение, в ведомстве всей Степной думы за 1888 г. родилось 610 чел., а умерло 206, в основном детского и старческого возраста. Наибольшая смертность пришлась на три весенних месяца по причине горячки, лихорадки и кровавого поноса [2, с. 559–570]. Что происходило в степных аалах, никем не учитывалось. Только в

1899 г. Н. Ф. Катанов по поводу Сагайской степи отметил: «Врач и 2 фельдшера появились в степи лишь недавно; к ним сагайцы ещё не привыкли и потому лечатся по-прежнему своими средствами. Так как врач и фельдшера не понимают по-сагайски, а сагайцы плохо понимают по-русски, и так как район деятельности … (в окружности около 300 вёрст), то неизвестно, когда именно сагайцы усвоят русские способы лечения» [4, с. 394–395].

Недостаточность медицинской помощи вела к тому, что народ обходился собственными средствами. «Заболит у дитяти горло или начнётся кашель, начинают по совету знахарок и знахарей, а то и так доброй, сведующей в лечении соседки поить больнаго чаем, сулемой, чилибухой, скипидаром, а то и купоросом или маслом из лампадки, припаривать горло сонной трухой или древесными опилками, держат “на духу”, садят “на пар”, а уж если это не помогает, то начнут мазать дёгтем, тёплым коровьим и лошадиным пометом, пускают всякаго рода способы лечения, какия придут на ум родителям или родственникам. Понятна становится та огромная смертность детей, какая происходит в губернии» [8, с. 292–295]. В то же время местное население Абаканской управы быстро оценило эффективность «русских способов лечения» и при всякой возможности обращались к врачам и фельдшерам, и даже в 1896 г. ходатайствовало об устройстве больницы. Но в целом практически всё население края, жившее в отдалении от русских культурных центров, не было охвачено медицинским обслуживанием и жило по шаманским традициям. Экономист П. Е. Кулаков (1898 г.) считал, что лучшим средством избавления от привычек, обычаев и верований будет приобщение кочевников к русской культуре через распространение грамоты и образования [6, с. 66].

После Октябрьской революции, в начале 1919 г. было создано Хакасское степное самоуправление. Ему в наследство от прежних времён досталось малоразвитая структура лечебных заведений и ограниченный медицинский персонал. Сохранилась заметка в минусинской газете «Власть труда», характеризующая уровень медицинского обслуживания того времени: «В 1918 г. в наиболее неблагоприятный в эпидемиологическом отношении Аскизский район уездным здравотделом был направлен врач А. В. Новочадовский. Но из-за предрассудков и невежества население сторонилось врача и скрывало свои недуги. Физическое облегчение от них хакасы в основном получали, обращаясь за помощью к шаманам, знахарям. В Аскизе, к примеру, известными знахарями какое-то время являлась супружеская пара Албижаковых. Порой это обращение, настойчиво рекомендуемое старшими родственниками, заканчивалось непоправимым исходом для больного. Так, в Минусинскую больницу был привезён А. Тамжаков, состоявший из зажиточной семьи. Подвергнутый шаманскому “лечению”, в ходе которого на него вылили 18 ведер холодной воды, он через четыре дня скончался» [16].

В Хакасском уезде, созданном в 1923 г., первый советский отдел здравоохранения появился год спустя. В нём работало всего два человека, заведующий и делопроизводитель. В посёлке Усть-Абакан была создана уездная больница на 10 коек (2 палаты) и появились три [5]. Но местное население с осторожностью относилось к нововведениям советских властей. «Классовые враги, стремясь удержать своё влияние на трудящихся, объявляли всё новое, что принесла Советская власть, в том числе и медицинскую помощь, «шайтаном», «нечистым духом»…» [5]. Нередки были отказы от медицинской помощи, нежелание пускать медицинских работников в юрты, предоставлять им лошадей для передвижения. В одном из закрытых писем Губкома, Укома РКП (б) по организационно-партийной и агитационно-массовой работе за 1924–1925 гг. было записано: «К медпомощи хакасы прибегают очень редко, а если и прибегают то только тогда, когда медицине уже невозможно бороться с болезнью ввиду её запущенности. Смотря, что медицина в оказании помощи бессильна, у хакасов создаётся мнение, что медицина с ШАМАНИЗМОМ бессильна, а посему и в большинстве обращаются к таковому...» [10, с. 30]. Преодолеть влияние шаманства удалось только в годы коллективизации. Тогда местное население производило массовый забой скота, протестуя против его обобществления. Шаманов обвинили в том, что это делалось с их подачи для жертвоприношений. В конечном итоге, власти предприняли репрессивные меры. Повсеместно шаманов объявляли саботажниками, отдавали под суд и отправляли в ссылку [10, с. 32]. Такая акция и непримиримая борьба советской власти с религиозными убеждениями привели к практическому исчезновению шаманов и знахарей. С ними ушёл целый пласт эмпирических медицинских знаний, среди которых было немало полезных, особенно в области психотерапии и

местных лекарственных средств. Но тогда об этом никто не думал. Новой власти требовалось скорейшим образом, отрицая и отметая всё старое, изменить сознание отсталого населения и вовлечь его в полной мере в социалистическое строительство.

Сейчас уже трудно, даже почти невозможно представить, какие тяжёлые условия жизни были в старой Хакасии. Они сохранялись ещё в 1930 г., о чём свидетельствуют медицинские отчёты обследования улусов того времени. Борьба за изжитие социальных болезней велась на государственном уровне. Система здравоохранения пыталась создать иную социоэкологическую среду, содержащую оздоравливающее начало. С населением проводилась образовательная работа в домах санитарного просвещения. Санитарные работники проводили регулярные рейды по аалам с целью выявления очагов загрязнения. Учеников в школах приучали к физкультурным занятиям и ежедневной влажной уборке помещений. Предпринимаемые действия медленно, но верно начинали приносить результаты. Но потребовалась смена поколений, воспитанных и образованных в советском обществе, прежде чем у хакасов окончательно произошёл отрыв от традиционных взглядов и привычек, приведший к изменению отношения к индивидуальной гигиене и санитарии.

В целом понадобилось более 50 лет, чтобы преодолеть пагубное влияние краевых патологий. Для этого была создана сеть больниц, поликлиник, женских консультаций, роддомов, кожно-венерологических диспансеров, санэпидстанций, обучены врачи, медицинские сёстры и фельдшера из местного населения (которые раньше были только приезжими). Были взяты под контроль такие заболевания, как трахома, сифилис, туберкулёз, малярия, бруцеллёз, тиф, а от настоящей оспы, которая раньше свирепствовала на всей территории края, благодаря профилактическим мерам удалось избавиться полностью.

Список литературы

1. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
2. Катанов Н. Ф. Народные способы лечения у сагайцев Минусинского уезда Енисейской губернии // Деятель. 1899. № 10. С. 394–395.
3. Катанов Н. Ф. Отчёт о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Учен. зап. Казан. ун-та. 1897. Т. 64. Кн. III. С. 1–50.
4. Катанов Н. Ф. Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии // Живая старина.1893. Т. 3. Вып. 4. С. 559–570.
5. Козлов А. В., Зайцева Н. Н., Абдина К. Г. История развития санитарной службы в Республике Хакасия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cgsn.khakasnet.ru/History.php#up (дата обращения: 03.12.2015).
6. Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения). Красноярск, 1898. С. 105–248.
7. Кулаков П. Е., Кузнецова А. А. Новейшая история минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения). Красноярск, 1898. С. 1–104.
8. Латкин Н. В. Енисейская губерния, её прошлое и настоящее. СПб.: Тип. и лит. В. А. Тиханова, 1892. 468 с.
9. Минусинские и ачинские инородцы (Материалы для изучения) // Статьи А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова. Красноярск, 1898. 300 с.
10. Орехова Е. Н. Деятельность хакасской областной партийной организации по развитию народного здравоохранения (1930–1937 гг.) // Учен. зап. ХАКНИЯЛИ. Вып. XIX. Сер. историческая. № 5. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. кн. изд-ва, 1974. С. 29–38.
11. Паутова В. А. Народная медицина аборигенов Западной Сибири в трудах исследователей XVIII – начала XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 24 с.
12. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 750 с.
13. Спасский Г. И. Народы, кочующие в верховьях реки Енисея // Сиб. вест. СПб., 1818. Ч. 1. 220 с.
14. Харузина Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России // Этнографическое обозрение. Год 8, кн. XXVIII. М.: Изд. Этногр. отд. Импер. О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, 1896. Гл. 1. С. 11.
15. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 212 с.

Источники

16. Газета «Власть труда». 1924. 24 авг.
17. Ельницкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. СПб.: Изд. М. М. Гутзаца, 1908. С. 90.
18. Чудновский С. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири. (Статистико-публицистические этюды). Томск: Сибирская газ., 1885. 198 с.

References

1. Kastren M. A. Puteshestvie v Sibir’ (1845–1849). Sobr. soch.: v 2 t. T. 2. Tjumen’: Izd-vo Ju. Mandriki, 1999. 352 s.

2. Katanov N. F. Narodnye sposoby lechenija u sagajcev Minusinskogo uezda Enisejskoj gubernii // Dejatel'. 1899. № 10. S. 394–395.

3. Katanov N. F. Otchjot o poezdke, sovershennoj s 15 maja po 1 sentjabrja 1896 goda v Minusinskij okrug Enisejskoj gubernii // Uchen. zap. Kazan. un-ta. 1897. T. 64. Kn. III. S. 1–50.

4. Katanov N. F. Sagajskie tatary Minusinskogo okruga Enisejskoj gubernii // Zhivaja starina.1893. T. 3. Vyp. 4. S. 559–570.

5. Kozlov A. V., Zajceva N. N., Abdina K. G. Istorija razvitija sanitarnoj sluzhby v Respublike Hakasija [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://cgsn.khakasnet.ru/History.php#up (data obrashhenija: 03.12.2015).

6. Kuznecova A. A. Zhilishha, odezhda i pishha minusinskih i achinskih inorodcev // Minusinskie i achinskie inorodcy (Materialy dlja izuchenija). Krasnojarsk, 1898. S. 105–248.

7. Kulakov P. E., Kuznecova A. A. Novejshaja istorija minusinskih i achinskih inorodcev // Minusinskie i achinskie inorodcy (Materialy dlja izuchenija). Krasnojarsk, 1898. S. 1–104.

8. Latkin N. V. Enisejskaja gubernija, ejo proshloe i nastojashhee. SPb.: Tip. i lit. V. A. Tihanova, 1892. 468 s.

9. Minusinskie i achinskie inorodcy (Materialy dlja izuchenija) // Stat'i A. A. Kuznecovoj i P. E. Kulakova. Krasnojarsk, 1898. 300 s.

10. Orehova E. N. Dejatel'nost' hakasskoj oblastnoj partijnoj organizacii po razvitiju narodnogo zdravoohranenija (1930–1937 gg.) // Uchen. zap. HAKNIJaLI. Vyp. XIX. Ser. istoricheskaja. № 5. Abakan: Hakas. otd-nie Krasnojar. kn. izd-va, 1974. S. 29–38.

11. Pautova V. A. Narodnaja medicina aborigenov Zapadnoj Sibiri v trudah issledovatelej XVIII – nachala XX v.: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2004. 24 s.Radlov V. V. Iz Sibiri. Stranicy dnevnika. M.: Nauka, 1989. 750 s.

12. Spasskij G. I. Narody, kochujushhie v verhov'jah reki Eniseja // Sib. vest. SPb., 1818. Ch. 1. 220 s.

13. Haruzina N. Istorija razvitija zhilishha u kochevyh i polukochevyh tjurkskih i mongol'skih narodnostej Rossii // Jetnograficheskoe obozrenie. God 8, kn. XXVIII. M.: Izd. Jetnogr. otd. Imper. O-va Ljubitelej Estestvoznanija, Antropologii i Jetnografii, 1896. Gl. 1. S. 11.

14. Jakovlev E. K. Jetnograficheskij obzor inorodcheskogo naselenija doliny Juzhnogo Eniseja i Ob#jasnitel'nyj katalog jetnograficheskogo otdela muzeja. Minusinsk: Tip. V. I. Kornakova, 1900. 212 s.

Istochniki

15. Gazeta «Vlast' truda». 1924. 24 avg.

16. El'nickij K. Inorodcy Sibiri i sredneaziatskih vladenij Rossii. Jetnograficheskie ocherki. SPb.: Izd. M. M. Gutzaca, 1908. S. 90.

17. Chudnovskij S. Enisejskaja gubernija k trehsotletnemu jubileju Sibiri. (Statistiko-publicisticheskie jetjudy). Tomsk: Sibirskaja gaz., 1885. 198 s.

Библиографическое описание статьи

Горбатов Л. В. Заболевания и лечение хакасов в конце XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 6–11.

Reference to the article

Gorbatov L. V. The Khakass' Diseases and Treatment in the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Century // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 6–11.

Статья поступила в редакцию 19.01.2016

УДК 321.1 : 101.9 (092)
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-12-19.

Виталий Юрьевич Даренский,
кандидат философских наук, доцент,
Луганский государственный университет им. В. Даля
(91034, Украина, г. Луганск, квартал Молодёжный, 4),
e-mail: darenskiy1972@mail.ru

Идеология «традиционалистской революции»: между политической утопией и социальной прогностикой

Статья посвящена анализу трансформационных аспектов кризиса современной цивилизации в рамках идеологии «традиционалистской революции» (в частности, в работах Ю. Эволы, Р. Генона и М. Элиаде). Автор рассматривает возможности реконструкции традиционалистского мировоззрения в рамках современного дискурса. Авторская интерпретация этой трансформации опирается на переосмысление общечеловеческого опыта, который всегда с необходимостью связан с архетипами культуры. Феномен такой мировоззренческой трансформации анализируется в качестве источника экзистенциального опыта для современного человека. В статье рассматриваются такие аспекты идеологии «традиционалистской революции», как: 1) её трактовка сущности человеческого разума и специфика типов познания; 2) её трактовка движущих сил истории и факторы культурной креативности; 3) культурное значение научных открытий; 4) её диагнозы и прогнозы культурных процессов XXI в. В статье также исследуются сущностные связи между этими концепциями. Автор предлагает свою интерпретацию духовного опыта, который необходимо связан с источником человеческой свободы. В частности, человеческое сознание и познание интерпретируется как незавершённые и проблемные сущности, которые определяются различными типами «пути» творческого поиска (наука, философия и религия). Особое внимание также посвящено интерпретации «внутренних механизмов» культурной активности в рамках «традиционалистской революции» как феномена поведения в соответствии со «стремлением к Абсолюту».

Ключевые слова: «традиционалистская революция», религия, мировоззрение, наука, творчество

Vitaliy Yu. Darenskiy
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Dal' Lugansk State University
(4 Molodezhny kvartal, Lugansk, 91034, Ukraine),
E-mail: darenskiy1972@mail.ru

The Ideology of "Traditionalistic Revolution": Between Political Utopia and Social Prognostics

The article is devoted to the analysis of transformation processes by crisis of contemporary civilizations in a context of ideology of "traditionalistic revolution" (in particular, works of Yu. Evola, R. Genona and M. Eliade). The author considers the possibilities of the reconstruction of traditionalistic worldview within contemporary discourse. Author's interpretation of this transformation based on rethinking of universal human experience, which are necessarily linked with archetypes of culture. The phenomenon of this worldview transformation is analysed here as a source of existential experience for contemporary man. The paper discusses various aspects of "traditionalistic revolution"? such as 1) transformation of human reason and types of cognition; 2) traditionalistic view on moving forces of history and cultural creativity; 3) traditionalistic view on cultural meaning of scientific discoveries; 4) diagnosis and prognosis of cultural processes in the XXIst century. The article also examines essential links between these conceptions. The author proposes his own interpretation of traditionalistic spiritual experience, which is necessarily linked with a source of human freedom. For instance, human consciousness and cognition is interpreted by traditionalistic ideology as a non-finished and problematical essence, which are determined by different types of "ways" (science, philosophy and religion). Special attention in the article is devoted to interpreting of "inner mechanisms" of traditionalistic cultural activity as a phenomenon of behavior according to "streaming to Absolute".

Keywords: "traditionalistic revolution", religion, worldview, science, creativity

> Законный протест и бунт должны быть направлены против цивилизации, охваченной тем, что мы назвали «экономической одержимостью» – то есть обществом, в котором вследствие насильственного подавления всех истинных ценностей возобладали производственно-экономические интересы.
>
> *Ю. Эвола* [6, с. 7; 244]

Кризис современной цивилизации, ключевым моментом которого является «антропологическая катастрофа» (М. К. Мамардашвили) в смысле исчерпания ценностно-смысловых содержаний общественного бытия, является одной из приоритетных тем

© Даренский В. Ю., 2016

исследования в современной политической философии. Одним из важных направлений такой рефлексии является идеология «традиционалистской революции», сложившаяся как особое идеологическое и философское направление XX века [См.: 3; 9]. Основная ценность этого направления мысли состоит в глубокой критике ценностных оснований современной цивилизации, поскольку такая критика позволяет выявить глубинные причины кризисности современных социально-политических процессов. Целью данной статьи является краткий анализ этой традиции, в первую очередь работ идеолога «интегрального традиционализма» Ю. Эволы и Р. Генона, а также близкого к этому направлению историка религий М. Элиаде, с целью выделения в них, с одной стороны, утопических элементов, а с другой – важных элементов прогностики, имеющих ценность для понимания наиболее вероятных путей развития цивилизации.

Давно отмечено, что современная цивилизация вырывает человека из непосредственной включённости в природные циклы, опосредуя и почти сводя на нет его контакт с «упругой плотью бытия», искусственно замыкает его в сфере эфемерной реальности внутри мира межчеловеческих условностей. Она изначально основана на иррациональном и противоестественном во всех отношениях стремлении к *избыточному* потреблению ресурсов и *избыточному* комфорту, что с неизбежностью быстро приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Эта тенденция достигает своего полного выражения в «постиндустриальном» мире, где циркулируют огромные потоки *искусственной* информации, лишь замусоривающей человеческое сознание, теряющее способность к самостоятельному мышлению и целостному, осмысленному взгляду на мир и самого себя. «Потребности посттрадиционного общества быстро стандартизируют весь мир в один урбанизированный мегакомплекс» [4, с. 277]. Так создаётся замкнутый и бессмысленный мир *искусственного* человеческого бытия, в котором абсолютно доминируют искусственные виды деятельности и искусственные потребности, совершенно избыточные по отношению к базовым процессам духовного и физического воспроизводства человека. Более того, они радикально *препятствуют* последним самим фактом этого доминирования, отбирающим силы и время людей на *экзистенциально деструктивные* цели, порождённые патологической гордыней эфемерного «самоутверждения» *Ego*-центрического индивида. Возникает специфическая жизненная среда, именуемая исследователями «пост-культурой» – «своего рода провал бытия», в котором «всё обнаруживает себя лишь как средство для чего-либо другого. Общение – это игра для успеха в работе. Работа – средство для улучшения финансового положения. Благополучие – средство для респектабельного имиджа. Углубляясь, таким образом, в этот театр, индивид начинает сомневаться в самих основаниях онтологической подлинности чего-либо в мире» [4, с. 302]. Тотальное давление этой среды формирует самый массовый тип человека как ненасытного эгоцентрического потребителя – и противостоять этому принудительному воздействию чрезвычайно тяжело, ведь альтернативные цивилизационные модели жизни практически уничтожены и возродить их в индивидуальной жизни можно лишь чрезвычайным волевым усилием, *подвигом*. Мы используем термин «традиционалистская революция» как более точный по существу по сравнению с термином «консервативная революция», поскольку речь идёт об идеологиях, не «консервирующих» то, что есть, а, наоборот, отрицающих современное состояние социума ради возрождения уже почти уничтоженных культурных традиций.

Ю. Эвола в своё время назвал это состояние «руинами». В этом контексте под «руинами» следует понимать не только и не столько разрушение внешних традиционных учреждений, сколько изменение онтологического статуса и фундаментальных ценностных ориентиров самого человеческого существа.

Вместе с тем, возрождение непотребительского стиля жизни и религиозного мышления как альтернативной цивилизационной модели в рамках сложного социума – заметная тенденция, особенно на пространстве «Русского мира». Специфика пост-секулярной культуры состоит в том, что она создается людьми, имеющими печальный опыт жизни в «обезбоженном» мире и своей собственной «обезбоженной» души. Сама эта культура становится их *преображением* путём открытия сакральной реальности. В основе такой культуры лежит общий закон приобщения к Традиции: последняя становится из «объекта» изучения – *органом* самопознания и самотрансформации самого познающего субъекта. А само такое познание становится уже вторичным по отношению к *бытийному приобщению*. Сначала рассматривая Тради-

цию как «объект», человек затем переходит в состояние, при котором сама Традиция становится «органом» познаний и источником нового (для нас) знания. В свою очередь этот переход порождает и новые формы *жизнетворчества*: будучи окружёнными со всех сторон секулярной цивилизацией, в основе которой лежит *эголатрия* (идолопоклонство перед смертным *Ego*), люди *способны* параллельно жить своей внутренней культурой духовного подвига и спасения. Поэтому, как пишет известный теоретик традиционной культуры А. С. Тимощук, возможная альтернативная «модель глобального порядка заключается в кластерном мироустройстве, где традиционные культуры выступают островками ценностно-смысловой социальной памяти» [4, с. 304]. Объективной онтологической предпосылкой такой возможности является внутренний креативный потенциал культурной традиции, изначально предполагающий возможность и особые механизмы её «регенерации» в самых неблагоприятных исторических условиях, подобных нынешним. Поэтому, как отмечает А. С. Тимощук, «ценностно-смысловое ядро традиционной культуры можно сравнить со стволовыми клетками организма культуры, оно хранит её изначальный здоровый генофонд, позволяет сопротивляться культурным мутациям. Традиционная культура не чужда организму культуры, напротив, она способна усиливать его самоорганизацию, обеспечивать жизнеспособность. Посттрадиционная культура оторвалась от корней, трансмутировала. Она нуждается в регенерации за счёт потенциала ТК» [4, с. 306].

В свою очередь, антропологической предпосылкой такой «регенерации» является существование особых констант человеческой экзистенции, делающих возможным переоткрытие опыта сакрального в условиях десакрализированного жизненного мира. М. Элиаде справедливо указывал на сохранение в нашей экзистенции структуры инициации в качестве одной из таких констант: «значительная часть действий и жестов современного человека продолжают повторять сценарии инициации. Очень часто “борьба за жизнь”, “тяжёлые испытания” и “трудности”, возникающие на пути осуществления призвания или карьеры, в некоторых отношениях подобны испытаниям в обрядах инициации… Ибо каждая человеческая экзистенция формируется серией испытаний, повторяющимся опытом “смерти” и “воскресения”… Короче говоря, большинство “нерелигиозных” людей сохраняет некую псевдорелигию или вырожденную мифологию… профанный человек является наследником *homo religiosus* и не может просто “стереть” свою собственную историю» [7, с. 208–209]. Тем самым, в человеческой экзистенции всегда сохраняется форма готовности к инициации опытом сакрального, требующая лишь сознательного обращения человека к соответствующему содержанию, хранимому Традицией, и обращения к соответствующей жизненной практике.

Этим содержанием является особый опыт познания Священного. По удачной формулировке Ф. Шюона, «Священное – это присутствие центра на периферии, незыблемого – в движении; абсолютного – в относительном; это то, что придаёт преходящему и тленному свойства бессмертия» [5, с. 121]. С появлением у человека реального опыта Священного этот познавательный опыт становится своего рода субстанциальной основой разума, благодаря которой его деятельность выходит за рамки естественных перцептивных и рассудочных актов, но постигает сущее как Единое, содержащее в себе бесконечную и непостижимую Основу. Однако изначально в самом разуме уже заложено предвосхищение этого опыта, т. е. сама его потенциальная возможность и устремлённость к нему, составляющая наиболее глубокую сущностную основу разумной деятельности, имеющую «априорный» характер – более глубокую, чем «трансцендентальное единство апперцепции» и т. п. *Священное принципиально не объектно и само полагает законы разуму*. Священное открывается не как нечто противо-стоящее (*ob-jectum*) разуму, а как то, что оживотворяет его изнутри и распахивает в бесконечность. Первичное переживание Священного как такового одновременно является и первым подлинным переживанием *субъектности самого разума*. Это первичное переживание Священного, открывающее особое, самое глубокое измерение рефлексивности самого разума, чаще всего не осознаётся в своём «чистом» виде. Как правило, изначальный опыт Священного сразу же протекает в форме его «опредмечивания» в наиболее доступных для человека в данный момент религиозных символах. Тем самым, в религиозном сознании, если оно желает оставаться таковым и не изменять своему первопринципу чистого опыта (в противном случае оно трансформируется в сознание идеологическое), должен действовать двуединый императив приращения опыта и рефлексии его ситуативных форм, обнаруживающих свою случайность и субъективность. Однако этот

императив «беспокойства духа» отнюдь не означает бесконечного релятивизма – требования «разоблачения» *любых форм* в качестве случайных и ограниченных. Он имеет чёткую направленность, а именно – всё более глубокое раскрытие первичного опыта абсолютной субъектности Священного, его обращённости к нашему разуму в качестве абсолютного «Ты».

Вместе с тем, эта внутренняя личностная работа так или иначе всегда имеет социокультурные последствия. И относительно последних самый радикальный взгляд состоит в надежде на восстановление традиционной цивилизации. В своё время Р. Генон в «Кризисе современного мира» весьма оптимистично высказывался по этому поводу: «Если бы все люди познали то, чем является современный мир в действительности, этот мир в то же мгновение прекратил бы своё существование, так как это существование, равно как и сам современный мир, суть явления негативные, основанные на чистом отрицании, как и вообще всякое невежество, незнание… Современный мир есть не что иное, как отрицание традиционной и сверхчеловеческой истины. И в случае такого понимания сущности современного мира всем человечеством финальная трансформация произошла бы безо всякой катастрофы, которой иначе нельзя избежать ни при каких условиях» [3, с. 126–127].

Но суть проблемы – в следующих тезисах этого автора.

«Но, с другой стороны, – продолжает Р. Генон, – трудно представить себе, что действительно все смогут достичь этого знания, так как большинство современных людей сегодня далеки от этого, как никогда ранее. Впрочем, это даже и не является строго необходимым, так как в данном случае достаточно небольшой, но адекватно сформированной элиты для того, чтобы задать массе определённое направление. *При этом масса, подчиняющаяся воздействию элиты, могла бы даже и не подозревать о существовании самой этой элиты и о методах её воздействия*. Возможно ли ещё на Западе формирование такой элиты?» [Выделено мной. – Авт.] [3, с. 127].

Р. Генон весьма сомневался в способности Запада сформировать новую элиту, способную к возрождению традиционной цивилизации, но и не отрицал в целом такой возможности. Однако стоит обратить внимание на выделенное нами высказывание: в нём фактически идёт речь о простом манипулятивном воздействии этой гипотетической новой элиты на «непросвещённую массу» – то есть, фактически использовании тех же самых методов и средств, которые в своё время использовала антитрадиционалистская «элита» для разрушения Традиции и традиционной цивилизации. Однако совершенно очевидно, что это невозможно в принципе, поскольку на основе манипуляции возможны только разрушение и деградация, но никак не созидание, основой для которого является открытие принципиально нового опыта путём личного усилия.

Специально к этой теме обратился Ю. Эвола в своей книге «Люди и руины». Здесь он разрабатывает идею «консервативной революции», в которой «подчёркивается динамическая составляющая, то есть “революция”. Однако в данном сочетании, – отмечает автор, – это слово утрачивает своё прежнее значение насильственного ниспровержения законно установленного порядка и подразумевает действие, направленное на устранение хаоса, пришедшего на смену некогда бывшему порядку, и на восстановление нормальных условий» [6, с. 7]. Ю. Эвола специально указывает на изначальный смысл слова «революция», в корне искажённый до своей прямой противоположности в сознании современных людей, понимающих под «революцией» как раз разрушение всяческих традиций. Действительно, слово *revolutio* было заимствовано из астрономии в качестве метафоры, обозначающей «возвращение» уже в самом общем, метафизическом смысле. По-видимому, первым это сделал Лейбниц, в самом начале XVIII написавший небольшой трактат «*Meditatio mea circa revolutionem seu palingenesiam omnium rerum*», то есть «Мои размышления относительно возвращения, или палингенезиса, всех вещей» [7, с. 200]. А уже в конце того же века, в ходе «Великой французской революции» оно приобрело уже свой современный, сугубо исторический и идеологический смысл.

Само слово «революция», напоминает Ю. Эвола, «в своём изначальном этимологическом смысле происходит от *re-volvere*, субстантива, который выражает движение, возвращающее к собственному истоку, к отправной точке. Поэтому для победы над современным миром именно из истоков следует черпать “революционную” и обновляющую силу» [6, с. 244].

Возвращение исконного смысла слова является частью стратегии работы Ю. Эволы, которую он определяет следующим образом: «Без предварительной идеологической дезинтоксикации и очищения мировоззрен-

ческих установок, всякое преобразование останется чисто поверхностным, так как не затронет глубинных корней кризиса современного общества, что будет лишь на руку подрывным силам» [6, с. 86–87]. Далее мы выделим ряд ключевых предметов такой «идеологической дезинтоксикации и очищения мировоззренческих установок» в качестве основы концепции традиционалистской революции.

Базовый предмет дезинтоксикации современного сознания в концепции Ю. Эволы – это преодоление «одержимости экономикой», которую он называет «свидетельством самой настоящей патологии цивилизации», ибо «экономика буквально гипнотизирует современного человека, делает его одержимым. И, как часто бывает при гипнозе, то, на чём сосредотачивается ум, в конце концов, становится реальным. Человек сегодня делает истинным то, что в любой нормальной и цельной цивилизации восприняли бы как отклонение или дурную шутку – что экономика и связанный с ней социальный вопрос могут быть судьбой… *Под сомнение должна быть поставлена не ценность той или иной экономической системы, но ценность экономики как таковой*» [6, с. 81].

Ю. Эвола определяет границу цивилизаций следующим образом: «…именуют “ретроградными” и “неразвитыми” те цивилизации, которые нельзя свести к цивилизации “труда” и “производства”, которым благодаря счастливому стечению обстоятельств пока удаётся ускользнуть от судорожной промышленной эксплуатации всех природных ресурсов, от подчинения всех человеческих возможностей производственным и общественным интересам, от давления промышленно-технических нормативов – в общем, те цивилизации, которым ещё знакомо чувство *простора,* позволяющее свободно дышать. Следовательно, истинными противниками являются не капитализм и марксизм, но система, в которой главенствует экономика, независимо от её конкретной формы, – и система, в которой последняя подчинена внеэкономическим факторам в рамках более широкого и цельного порядка, который придаёт человеческой жизни более глубокий смысл и открывает путь к развитию более высоких способностей. Условием этого является внутренняя дезинтоксикация, оздоровление в высшем смысле этого слова, как способность отличать высшие интересы от низших» [6, с. 81–82].

Такой поход сразу же выводит нас за грань столь привычных идеологических коллизий XX в. Как пишет Ю. Эвола, «марксистские воззрения совпадают с “западными” мечтами о *prosperity*: по сути дела, как исходное мировоззрение, так и вытекающие отсюда последствия в обоих случаях тождественны. Здесь утверждается концепция антиполитического, материалистического общества, которая отчуждает человека и социальный строй ото всякого высшего порядка и высшей цели, признавая в качестве последней исключительно пользу в чисто физическом, растительном, приземлённом понимании, которая становится критерием прогресса»; им противостоит традиционализм как «стремление связать человека с чем-то превосходящим его, с тем, по отношению к чему экономика и материальное богатство или бедность занимали подчинённое положение» [6, с. 85].

Как отмечает в связи с этим современный исследователь наследия Эволы Ален де Бенуа, «для Эволы вся человеческая история на протяжении двух с половиной тысячелетий может рассматриваться как процесс инволюции, достаточно медленный вначале, но затем постепенно убыстряющийся и достигающий своей кульминации в современную эпоху. Этот процесс упадка подчинён закону “вырождения каст”, который закончился освящением торгашеских, экономических ценностей» [1].

Однако за этим стоит и ещё более фундаментальная «дезинтоксикация» мировоззрения. В частности, традиционализм утверждает, в соответствии с концепцией Ю. Эволы, что «пресловутое “улучшение социальных условий” следует рассматривать не как благо, но как зло, поскольку платой за него становится порабощение индивида производственным механизмом и социальным конгломератом, вырождение государства до уровня “трудового государства”, исчезновение всякой качественной иерархии, омертвением всякой духовной восприимчивости и “героической” способности в самом широком смысле этого слова. Гегель писал, что “всемирная история не является царством счастья, периоды счастья [в смысле материального и социального благополучия] являются чистыми страницами в книге истории”. Но и на индивидуальном уровне наиболее ценные в человеке качества, которые собственно и делают его человеком, нередко пробуждаются в суровой атмосфере, на грани нужды и несправедливости, в обстановке, которая бросает человеку вызов, подвергает его духовному испытанию, но те же качества почти неизбежно угасают, когда человеческому животному гарантирована максимально удоб-

ная и безопасная жизнь и обеспечена равная доля благоденствия и счастья, пристойного стадному животному, которое остаётся таковым, несмотря на радио, телевидение и самолеты, Голливуд и спортивные стадионы или культуру *Reader's Digest*. Повторим вновь: духовные ценности и уровень человеческого совершенства никак не связаны с общественно-экономическим достатком или нуждой» [6, с. 85–86].

Превращение человека в подобие «стадного животного», все пресловутые «ценности» которого в конечном счёте сводятся к поклонению идолу земного эгоистического «комфорта» – главное, но отнюдь не единственное следствие «одержимости экономикой». Оно имеет не менее печальные последствия в политической и культурной сфере, превращающихся в пародию самих себя.

В частности, в политической сфере, пишет Ю. Эвола, «сама система, установившаяся на Западе с приходом демократии – система всеобщего и равного избирательного права – изначально обрекает господствующий класс на вырождение. Действительно, большинство, качественно ничем не ограниченное, всегда будет на стороне общественных низов. Поэтому дабы завоевать их, получить то количество голосов, которое требуется для прихода к власти, необходимо говорить с ними на единственно понятном для них языке, то есть выдвигать на первый план именно их интересы (которые, естественно, являются наиболее грубыми, вещественными и призрачными), постоянно идти им на уступки и никогда ничего от них не требовать. Таким образом, любая демократия в самой своей основе всегда является школой безнравственности, оскорблением для достоинства и внутренней сдержанности, характерных для истинного политического класса» [6, с. 30–31].

В качестве противодействия происходящей демократической деградации политики «это требует признания необходимости настоящей "революции справа", с новой антидемократической оценкой идеи государства как самодержавной власти, освящённой высшим авторитетом и обладающей надлежащими средствами для обуздания экономики и освобождения мира от её тирании. Помимо прочего очевидно, что создание адекватного координирующего и контролирующего органа по необходимости требует смены партократического режима системой "корпоративных" представителей»; именно «это единственный путь, ведущий к истинной революции» [6, с. 245]. Очевидно, что попытки осуществить столь фундаментальные политические преобразования сразу же приведут к перманентной агрессии (в том числе и военной) со стороны современного «демократического мирового сообщества», то есть в настоящее являются почти нереалистичными.

Но главный содержательный аспект традиционалистской революции, естественно, находится в сфере культуры, в частности, в «перекодировке» понятий *знания* и *образования*. Относительно первого Ю. Эвола отмечает:

«Необходимо восстать против "мифа" науки, точнее, против идеи, согласно которой именно наука ведёт нас к истинному знанию, а её достижения, якобы переросшие рамки простых средств, способны внести ценный вклад в разрешение основополагающих проблем существования… помимо изучения работ, посвящённых критике науки и насчитывающих довольно серьёзную традицию (достаточно вспомнить такие имена, как Пуанкаре, Леруа, Бутру, тот же Бергсон и т. п.), с учётом вклада, внесённого традиционной мыслью (Генон, Шюон, Буркхардт; ещё де Мэстр отдал должное *savants* и учёным своего времени), следует занять холодную отстранённую позицию по отношению ко всему миру науки и техники. Так, адский шум, поднятый вокруг космических исследований, следует воспринимать как своеобразные игры для взрослых детей, способные произвести впечатление только на наивных простаков. Следовательно, нам необходимо разоблачить миф науки и начать борьбу за иное мировоззрение» [6, с. 246–247].

Следует отметить, что «разоблачение мифа науки» происходит постоянно и имеет уже очень большую традицию (сам Ю. Эвола здесь упоминает о ней), но, по существу, не имеет никакого влияния на состояние современного мира. Действительно, то знание, которое добывает наука, возникшая в Европе в Новое время, а в настоящее время ставшая глобальной, не имеет никакого отношения к тому, что называют Знанием в традиционной культуре. Они существуют в разных культурных и ментальных «мирах», вследствие чего традиционное Знание, основанное на опыте сакрального, в современном мире неизбежно становится все более «эзотеричным» вследствие утраты людьми базовых экзистенциальных и когнитивных навыков, необходимых для его усвоения. Соответственно, и «разоблачение мифа науки», сколь бы виртуозным и убедительным оно ни было, совершенно безразлично для основной массы людей.

Причастность традиционному Знанию и свобода от идола современной науки возможна лишь в «микросоциумах» современных «людей традиции».

То же самое касается и сферы образования. Ю. Эвола справедливо отмечает: «В этой области настоящий протест, “культурная революция” должны были бы продолжить спор, начатый… на заре индустриализации В. фон Гумбольдтом и его последователями, выступавшими против калечащей специализации и утилитарно-практической инструментализации знания. Необходимо ввести такие формы обучения, которые, вместо того чтобы втягивать новые поколения в жернова технологического общества потребления и перепроизводства, имели бы своей целью не “гуманитарность” в бесцветном, литературном понимании этого понятия, но воспитание цельного человека с особым упором на духовные ценности, в связи с чем всякое узкоспециализированное обучение рассматривалась бы лишь как дополнительное и в некотором смысле устаревшее, ибо оно пригодно лишь в качестве средства, используемого во благо “системы”, стремящейся к стандартизации индивида» [6, с. 247].

Но очевидно, что такое изначальное понимание сущности образования может быть реализовано только на уровне «микросоциумов» людей, усилием воспроизводящих непрерывность сакральных традиций. Но этот подлинный смысл образования оказывается маргинальным на фоне огромной «индустрии образования» современного мира, имеющей совсем иные цели.

Наконец, исходя из изначально утопической надежды возрождения традиционалистского государства, Ю. Эвола предлагает и особо радикальную революционную меру: «антидемографическая направленность должна стать частью общей борьбы против мира количества и указанных роковых процессов контрселекции. В настоящем государстве эта задача имеет двойной аспект: удержание ракового размножения смешанной серой массы и реализация предпосылок, необходимых для кристаллизации и консолидации слоя, в котором будут выработаны свойства, позволяющие их носителям твёрдо удерживать власть в своих руках и быть её достойными»; «поэтому в нынешней ситуации государству не помешало бы предпринять суровые профилактические и систематические меры (даже репрессивного характера), несмотря на нежелательность подобного рода вмешательства в частную жизнь» [6, с. 247].

В данном случае мы видим тот же самый парадокс, как и в ранее цитированном тезисе Р. Генона, а именно – попытку противостоять современной цивилизации её же собственными методами, попытку, сразу же обречённую на неудачу. Современная цивилизация также реализует свою «антидемографическую направленность» путём навязывания идеологии «гендерного равенства» и пропаганды содомии, подлинной целью которых является разрушение института семьи и искусственное вымирание населения стран «золотого миллиарда», поскольку подорожание и исчерпание природных ресурсов уже не позволяет поддерживать привычные жизненные стандарты «цивилизации потребления». И надежда Ю. Эволы искусственно сдержать «размножение серой массы» не только является столь же безнравственной, но и ошибочной по существу, поскольку вырождение и фактическое исчезновение старой культурной элиты может быть компенсировано как раз только за счёт прилива «свежей крови» из максимально широких слоёв населения.

В связи с этим Ален де Бенуа справедливо указывает на принципиальную важность концепции «деятельного самоотречения» у Ю. Эволы, поскольку «этим термином Эвола определял человека, который превзошёл своё собственное человеческое «Я» и поднялся на метафизический уровень, действуя единственно в соответствии с принципами» [1]. Собственно, именно субъект «деятельного самоотречения» и является деятелем «традиционалистской революции» в её реально-историческом, а не утопическом содержании.

Базовым типом революций, который всегда лежал в основании всех остальных, являются революции экзистенциальные, т. е. революции ценностей. «Блокирование» возможности насильственного типа революционных действий современной глобальной цивилизацией уже привело к тому, что этот базовый тип становится единственно возможным и будет иметь проявление в каких-то собственных эмпирических формах. XXI столетие будет эпохой «частных революций» – эпохой глобального структурирования социокультурных форм мировоззренческого плюрализма. Возможно, тогда «революция» перестанет быть лишь социальной псевдоморфозой и возвратится к своему исходному смыслу, который в предшествующей истории практически ещё не был реализован ни разу. Принцип и «движущая сила» этих «частных революций» навсегда определены противо-

стоянием и эклектичным взаимодействием двух ценностных систем: ценностей Спасения и квази-ценностей «человекобожия» (Ф. Достоевский) – т. е. абсолютизации земного человеческого бытия. Революции всегда были и всегда будут следствиями выбора предельного смысла человеческого бытия в его социальных и когнитивных экспликациях.

Такая ситуация означает весьма специфическое состояние современного человека, которого не знал человек «органических» традиционных культур. В частности, *само жизнетворчество в пост-секулярной культуре, способной развиваться и в окружении секулярной пост-культуры «потребительского общества», не подчиняясь ей духовно – это результат личностного свободного усилия, экзистенциально идентичного процессу «инициации» в традиционных культурах*. В этом состоит важное прогностическое открытие авторов философии «традиционалистской революции».

Список литературы

1. Бенуа Ален де. Юлиус Эвола, радикальный реакционер и метафизик, занимающийся политикой [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pravaya.ru/ks/20168 (дата обращения: 16.04.2016).

2. Генон Р. Кризис современного мира. М.: Эксмо, 2008. 784 с.

3. Макаров А. И. Традиция против истории в философии современного европейского традиционализма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. № 6. С. 275–283.

4. Тимощук А. С. Традиционная культура: сущность и существование: дис. … д-ра филос. наук. Нижний Новгород, 2007. 397 с.

5. Шюон Ф. Познать ислам // Вопросы философии. 1994. № 7–8. С. 119–134.

6. Эвола Ю. Люди и руины // Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа. М.: АСТ, 2007. С. 5–268.

7. Блюменберґ Г. Світ як книга / Пер. з нім. В.Єрмоленка. Київ.: Лібра, 2005. 544 с.

8. Eliade M. The sacred and the profane. The nature of religion. N. Y. : A Harvest Book Harcourt, 1968. 246 p.

9. Sedgwick M. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 2004.

References

1. Benua Alen de. Julius Jevola, radikal'nyj reakcioner i metafizik, zanimajushhijsja politikoj [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.pravaya.ru/ks/20168 (data obrashhenija: 16.04.2016).

2. Genon R. Krizis sovremennogo mira. M.: Jeksmo, 2008. 784 s.

3. Makarov A. I. Tradicija protiv istorii v filosofii sovremennogo evropejskogo tradicionalizma // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 2001. № 6. S. 275–283.

4. Timoshhuk A. S. Tradicionnaja kul'tura: sushhnost' i sushhestvovanie: dis. … d-ra filos. nauk. Nizhnij Novgorod, 2007. 397 s.

5. Shjuon F. Poznat' islam // Voprosy filosofii. 1994. № 7–8. S. 119–134.

6. Jevola Ju. Ljudi i ruiny // Ljudi i ruiny. Kritika fashizma: vzgljad sprava. M.: AST, 2007. S. 5–268.

7. Bljumenberґ G. Svit jak kniga / Per. z nim. V.Єrmolenka. Kïïv.: Libra, 2005. 544 s.

8. Eliade M. The sacred and the profane. The nature of religion. N. Y. : A Harvest Book Harcourt, 1968. 246 p.

9. Sedgwick M. Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Библиографическое описание статьи

Даренский В. Ю. Идеология «традиционалистской революции»: между политической утопией и социальной прогностикой // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 12–19.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-12-19

Reference to the article

Darenskiy V. Yu. The Ideology of "Traditionalistic Revolution": Between Political Utopia and Social Prognostics // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 12–19.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-12-19

Статья поступила в редакцию 10.05.2016

УДК 34:37

Инна Николаевна Мамкина,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Организационно-правовые основы государственной службы в системе народного просвещения в конце XIX – начале XX вв. (на примере Восточной Сибири)

Государственная служба в системе народного просвещения как предмет исторического исследования на региональном уровне является малоизученной проблемой. Историография представлена в основном работами юридического характера, исторические работы преимущественно рассматривают систему власти в целом. В статье автор попыталась восполнить существующий пробел в области изучения основ государственной службы в системе народного просвещения на примере Восточной Сибири. На основе законодательства Российской империи конца XIX – начала XX в. обобщены сведения по правовому регулированию основ государственной службы. Автор отметила изменение условий государственной службы в Российской империи. Определила элементы системы государственной службы и порядок чинопроизводства, установила зависимость государственной службы от образовательного ценза. В статье определены условия службы в министерстве народного просвещения. Автор, на основе архивных данных, выделила особенности государственной службы и чинопроизводства. Привела примеры нарушений ряда законодательных положений в области чинопроизводства в Восточной Сибири. Отметила недостаток учителей начальной школы и их социальную незащищённость. Привела сведения о способах решения кадровых проблем на примере обязательств по службе казеннокоштных учеников. В статье автор приходит к выводу об избирательной и непоследовательной государственной политике в области народного просвещения.

Ключевые слова: государственная служба, чинопроизводство, просвещение, учителя, особенности, Восточная Сибирь

Inna N. Mamkina,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Organizational and Legal Foundations of Public Service in the National Education System at The End of the XIXth Beginning of the XXth Centuries (the case of Eastern Siberia)

Public service as the subject of historical research at the regional level in the national education system has not thoroughly studied yet. Historiography is generally presented by the legal researches. Historical writings consider the power system mainly in the context of the state mechanism. In the article the author has tried to fill the existing gap in the field of public service foundations in the national education system taking Eastern Siberia as an example. The paper generalizes information on the legal regulation of public service foundations on the basis of the Russian Empire legislation at the end of the XIXth –beginning of the XXth centuries. The author has noted the change of public service conditions in the Russian Empire. The paper presents rank promotion procedure, determines the public service dependence on the educational qualification and identifies the service conditions in the national education ministry. On the basis of archival data, the author has distinguished rank promotion features in Eastern Siberia, has noted the violations of a number of legislative provisions in the field of rank promotion. The author has paid attention to the elementary school teacher shortcoming and their social vulnerability. Taking full State care pupils' service obligations as an example, one of the ways of personnel problem solving in the field of national education has been described. The author has evaluated the state policy in the field of national education as selective and inconsistent.

Keywords: public service, rank promotion, education, teachers, features, Eastern Siberia

Государственная служба в системе народного просвещения как предмет исторического исследования на региональном уровне является малоизученной проблемой. Историография организационно-правовых основ государственной службы может быть представлена работами юристов и историков. Юридические исследования царского периода способствовали формированию теоретической основы института государственной службы. Одно из первых понятий государственной службы было сформулировано известным учёным юристом Н. В. Коркуновым. Под государственной службой он понимал «публично-правовое отношение служащего к государству, основанное на подчинении и

© Мамкина И. Н., 2016

имеющее своим содержанием обязательную деятельность, совершаемую от лица государства и направленную к осуществлению определённой задачи государственной деятельности» [8]. По мнению автора статьи, наиболее чётко определил понятие государственной службы О. Эйхельман. Он считал, что государственная служба есть «исполнение лицом, по собственному его согласию и по назначению правительственной властью, постоянной должности, по штату или сверх штата, с определёнными обязанностями в учреждениях государственного управления и служебной ответственностью, соединённое с получением жалованья, выслугой чинов, знаков отличия и пенсии» [16].

В советский период государственная служба Российской империи не являлась самостоятельным предметом изучения. В постсоветский период сформировалось две концепции изучения характера государственной службы. Сторонником первой является В. Д. Граждан, второй Г. В. Атаманчук [1; 3]. Авторы в обоснованиях государственной службы приходят к выводу о политическом или правовом её характере соответственно. Таким образом, юридические исследования дают представление о государственной службе как явлении динамическом, подверженном влиянию различных факторов, которые в свою очередь определяют модель службы в различные периоды государственного развития.

Исторические исследования по теме связаны с изучением государственного аппарата. Авторы исследовали трансформацию системы власти в различные исторические периоды, определили причины изменений, степень преемственности систем, выявили особенности. Одной из первых публикаций в этой области стал очерк В. А. Евреинова, вышедший в 1888 г. [5]. Несомненно, авторы не обошли стороной и институт государственной службы [2].

В советский период направление исторических исследований принципиально не изменилось. В большинстве исследований утвердилось мнение о консервативной деятельности властей.

В конце XX в. интерес к изучению государственной службы и госаппарата возрос. Появляется ряд работ, посвящённых организации управления Сибирью [4; 9; 10; 11; 13; 14; 15]. Авторы реконструировали систему власти, определили проблемы развития института губернаторства в условиях Азиатской России.

В постсоветский период, с изменением политической ситуации в стране, тема получила новое направление. Появляются работы затрагивающие положение государственных служащих различных ведомств [7]. В частности, в работах Т. И. Ермолиной проводится детальный анализ нормативно-правовых актов, регулирующих государственную службу в системе народного просвещения в масштабах Российской империи. Тем не менее, на региональном уровне тема изучена довольно слабо. Таким образом, целью данной работы является восполнение существующего пробела в области изучения основ государственной службы в системе народного просвещения в Восточной Сибири.

Система государственной службы в Российской империи начала законодательное оформление в эпоху Петра I. Введённые правила чинопроизводства основывались на безупречном служении государству, вне зависимости от образования. Реформы Александра I изменили принципы государственной службы. В 1803 г. «Общие правила народного просвещения» впервые вводили положение, запрещающее принимать без образования на должности, «требующие юридических и других познаний» [5, с. 23]. Правило вступало в силу через пять лет после утверждения. По предположению властей данная норма должна была способствовать росту числа учащихся в учреждениях Министерства народного просвещения. Однако притока желающих получить образование не последовало. В 1809 г. по инициативе М. М. Сперанского производство в чины коллежского асессора и статского советника стало возможным при наличии университетского диплома. Указ вызвал критику со стороны общественности, особенно государственных служащих. В начале XIX в. дворянское происхождение было определяющим в карьере. Образование не имело той степени важности, чтобы быть обязательным критерием для поступления на службу, но государственные власти продолжали укреплять зависимость чинопроизводства от образования.

В 1834 г. Положение о порядке производства в чины по гражданской службе ввело правило присвоения чина в соответствии с полученным образованием. В зависимости от его уровня должности разделили на четыре разряда. Первый разряд требовал «…весьма обширные научные познания»; второй был доступен лицам, имеющим «познания в особых высших науках»; должность третьего разряда зависела от «…некоторых специ-

альных научных и практических познаний»; четвёртый определялся уровнем «простых знаний и ограниченных научных сведений» [5, с. 25]. Установленные 1, 2, 3 и 4-й разряды должностей соотносились с системой просвещения – университет, гимназия, уездное училище и приходская школа соответственно. В дополнительных правилах к Уставу о гражданской службе 1844 г. власти, стремясь повысить уровень образования служащих, закрепили сокращение очередного производства в чины в зависимости от типа оконченного соискателем учебного заведения. С 1856 г. образование становится обязательным условием при поступлении на государственную службу.

Во второй половине XIX в. будущие чиновники, получившие образование не ниже уездного училища и имевшие права на государственную службу по происхождению, принимались на должность в чине коллежского регистратора (14-й классный чин). Лица, не имевшие образования, производились в чин по истечении длительного срока службы от 4 до 12 лет в зависимости от происхождения. Происхождение подтверждалось юридически. Потомственные дворяне предоставляли свидетельство о дворянстве, дети почётных граждан и личных дворян – послужной список отца. Сыновья купцов и коммерции советников получали право на классный чин лишь после 12 лет со дня получения звания их отцом. В случае банкротства купца они теряли право на чинопроизводство. Не допускались к государственной службе иностранные граждане и представители податного сословия. При вступлении в должность будущие служащие обязательно приводились к присяге с подписанием присяжного листа[1].

Принятым на службу государственным гражданским служащим присваивалось звание канцелярского служителя, имевшее три разряда. Выпускники гимназий или реальных училищ получали звание первого разряда через год, второго – через два, третьего – через четыре. Присвоение разряда канцелярского служителя лицам без образования происходило после экзамена по программе уездного училища. В таком случае первый разряд присваивался по истечении двух лет, второй разряд – четырёх, третий, в случае присвоения почётного гражданства – восьми, при отсутствии такового – десяти лет[2].

Повышение по службе до восьмого класса происходило с интервалом в три года по распоряжению министерства или уполномоченных должностных лиц; с седьмого по пятый – через четыре года при условии беспорочной и усердной службы по согласованию с высшими государственными органами. Личным распоряжением императора или назначением от правительства определялись к должности первые четыре класса.

С развитием бюрократического аппарата формируются особенности правового регулирования службы ряда ведомств. В частности, государственная служба в Министерстве народного просвещения имела некоторые особенности. Запрет принимать на гражданскую службу иностранцев и лиц бывшего податного сословия в ведомстве не действовал. Например, в 1915 г. в Читинской учительской семинарии временно преподавал гимнастику английский подданный Вальтер Ирвинг.

Не соблюдалось соответствие должности и чина. По правилам служащий имел право на разницу чина и должности в три класса, а именно – одним классом выше должности или двумя классами ниже. В Министерстве народного просвещения преподаватели гимназий, городских и уездных училищ производились «тремя чинами выше класса, присвоенного должности»[3]. Послужной список учителя городского четырёхклассного училища в Троицкосавске П. С. Михно иллюстрирует нарушение сроков чинопроизводства. Окончив в 1888 г. Глуховский учительский институт, Михно был назначен учителем в Троицкосавское городское училище. В 1898 г. он получил чин коллежского секретаря со старшинством, в 1901 г. – титулярного советника со старшинством, в 1902 – коллежского асессора со старшинством, в 1903 – надворного советника со старшинством. В 1906 г. П. С. Михно назначен инспектором Читинского и Акшинского уездов[4]. Таким образом, мы видим, что сроки получения десятого, девятого и восьмого чина нарушены.

Заметим, что для получения первого классного чина учителем приходского училища правила устанавливали сроки, намного превышающие сроки в средней школе. Учителя производились в чин по истечении 12 лет усердной и беспорочной службы, что случалось крайне редко. В Государственном архиве Иркутской области сохранились уникальные сведения о Георгии Петровиче Фомине, учителе Берёзовского начального училища Якутской области, в 1896 г. получившем чин губернского секретаря[5]. Там же учитель Сунтарского народного училища Д. Д. Сивцев в

[1] Свод Уставов по службе гражданской. – СПб., 1898. – Кн. первая. Ст. 174.

[2] Там же. – Кн. первая. Гл. 6. Ст. 305.

[3] Там же. – Ст. 407.

[4] ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 32. – Л. 4.

[5] ГАИО (Гос. архив Иркут. обл.). – Ф. 63. – Оп. 5. – Д. 31. – Л. 9.

1890 г. после пятнадцати лет службы получил чин губернского секретаря со старшинством [13]. Заметим, что оба учителя уроженцы Якутской области и являются по происхождению якутами, что является важным условием столь длительной службы. Низкий уровень заработной платы, высокая степень контроля со стороны общества и государства, слабая правовая защищённость делали профессию малопривлекательной, что вынуждало учителя переводиться в другие ведомства.

Среди государственных служащих системы просвещения, необходимо выделить категорию лиц (казённокоштные выпускники), назначенных на должность в связи с получением образования за государственный счёт. Обязательства сохранялись и при отсутствии вакансий, в таком случае казённокоштные выпускники могли назначаться в другие губернии на учительские должности в приходские школы.

Выпускники сибирских учительских семинарий, завершив обучение, отрабатывали шесть лет. По истечении двух лет службы в начальной школе учитель имел право продолжить образование в учительском институте, при этом оставшиеся четыре года обязательной службы сохранялись. Если образование в учительском институте было получено за государственный счёт, то обязательства за обучение в институте возникали после погашения предыдущего. Однако выпускник учительского института освобождался от обязательств, если в течение шести месяцев он не получал назначения в городское училище[1]. В случае отказа выпускника от отработки, он возмещал государству полную стоимость обучения. Обязательства не распространялись на реальные училища. Так, выпускники Троицкосавского реального училища поступали на гражданскую службу без обязательной отработки.

Таким образом, на протяжении XIX столетия в Российской империи происходило законодательное закрепление и регулирование государственной службы и системы чинопроизводства. Служба в Министерстве народного просвещения считалась государственной и имела некоторые особенности. Особенности зависели от общего уровня развития образования в целом. Способствуя развитию просвещения в Восточной Сибири, государство закрепляло обязательства за получение образования за казённый счёт, что отчасти позволяло обеспечивать школы учительскими кадрами. Учитывая недостаток профессиональных кадров в учебных заведениях Восточной Сибири, государственные власти допускали отступления от норм законодательства. Продвигая по служебной лестнице преподавателей средней школы, «забывали» о народном учителе. Низкий уровень жизни, социальная незащищённость, отсутствие возможности профессионального роста низводили учителя на самый низ социальной лестницы. В целом, в организации и правовом регулировании государственной службы в системе народного просвещения Восточной Сибири допускались нарушения. Государственная политика в области кадрового обеспечения носила избирательный и непоследовательный характер.

Список литературы

1. Атаманчук Г. В. В поисках истины // Государственная служба. 2000. № 3. С. 39–41.
2. Блинов А. И. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. 368 с.
3. Граждан В. Д. Предмет и функции государственной службы // Государственная служба. 2000. № 3. С. 25–34.
4. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 165 с..
5. Евреинов В. А. Гражданское чинопроизводство в России. Исторический очерк. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1888. 116 с.
6. Еремина Т. И. Законодательное регулирование гражданской службы преподавателей университетов Российской империи в XIX – начале XX века // Науч. труды РАЮН. Вып. 13: в 2 т. Т. 2. М.: Юрист, 2013. С. 871–875.
7. Ермолина Т. И. Законодательное регулирование гражданского чинопроизводства учителей в XIX – начале XX в. // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 87.
8. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 1. Введ. и общ. часть. СПб., 1893. 403 с.
9. Маркова И. Б. Управление Сибирью в 20–60-е гг. XIX в. : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1985.
10. Матханова Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 250 с.
11. Матханова Н. П. Стратификация восточносибирского чиновничества в середине XIX века. (Смена поведенческих стереотипов на сломе эпох) // Сословия и государственная власть в России. XV – сер. XIX в.: междунар. конф. – Чтения памяти акад. Л. В.Черепнина. Москва, 13–16 июня 1994 г. Ч. 1. М., 1994. С. 327–336.
12. От казачьей школы до педагогического колледжа [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mosjour.ru/index.php?id=2068 (дата обращения: 17.02.2016).
13. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995. 236 с.

[1] Свод Уставов по службе гражданской. – СПб., 1898. – Кн. первая. Гл. 3. Ст. 23.

14. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX века. Омск: Изд-во ОмГУ, 1997. 252 с.

15. Ремнев А. В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX в.). М., 1997. С. 52–66.

16. Эйхельман О. Обзор центральных и местных учреждений Управления в России и Устава о службе по определению от правительства. Киев, 1890. 83 с.

References

1. Atamanchuk G. V. V poiskah istiny // Gosudarstvennaja sluzhba. 2000. № 3. S. 39–41.

2. Blinov A. I. Gubernatory. Istoriko-juridicheskij ocherk. SPb.: Tipo-lit. K. L. Pentkovskogo, 1905. 368 s.

3. Grazhdan V. D. Predmet i funkcii gosudarstvennoj sluzhby // Gosudarstvennaja sluzhba. 2000. № 3. S. 25–34.

4. Dameshek L. M. Vnutrennjaja politika carizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX v.). Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1986. 165 s..

5. Evreinov V. A. Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii. Istoricheskij ocherk. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1888. 116 s.

6. Eremina T. I. Zakonodatel'noe regulirovanie grazhdanskoj sluzhby prepodavatelej universitetov Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX veka // Nauch. trudy RAJuN. Vyp. 13: v 2 t. T. 2. M.: Jurist, 2013. S. 871–875.

7. Ermolina T. I. Zakonodatel'noe regulirovanie grazhdanskogo chinoproizvodstva uchitelej v XIX – nachale HH v. // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gercena. 2009. № 87.

8. Korkunov N. M. Russkoe gosudarstvennoe pravo. T. 1. Vved. i obshh. chast'. SPb., 1893. 403 s.

9. Markova I. B. Upravlenie Sibir'ju v 20–60-e gg. XIX v. : avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1985.

10. Mathanova N. P. Vysshaja administracija Vostochnoj Sibiri v seredine XIX veka: Problemy social'noj stratifikacii. Novosibirsk: Sib. hronograf, 2002. 250 s.

11. Mathanova N. P. Stratifikacija vostochnosibirskogo chinovnichestva v seredine XIX veka. (Smena povedencheskih stereotipov na slome jepoh) // Soslovija i gosudarstvennaja vlast' v Rossii. XV – ser. XIX v.: mezhdunar. konf. – Chtenija pamjati akad. L. V.Che¬rep¬ni¬na. Moskva, 13–16 ijunja 1994 g. Ch. 1. M., 1994. S. 327–336.

12. Ot kazach'ej shkoly do pedagogicheskogo kolledzha [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.mosjour.ru/index.php?id=2068 (data obrashhenija: 17.02.2016).

13. Remnev A. V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaja politika v pervoj polovine XIX veka. Omsk: Izd-vo OmGU, 1995. 236 s.

14. Remnev A. V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaja politika vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. Omsk: Izd-vo OmGU, 1997. 252 s.

15. Remnev A. V. General-gubernatorskaja vlast' v XIX stoletii. K probleme organizacii regional'nogo upravlenija Rossijskoj imperii // Imperskij stroj Rossii v regional'nom izmerenii (XIX – nachalo XX v.). M., 1997. S. 52–66.

16. Jejhel'man O. Obzor central'nyh i mestnyh uchrezhdenij Upravlenija v Rossii i Ustava o sluzhbe po opredeleniju ot pravitel'stva. Kiev, 1890. 83 s.

Библиографическое описание статьи

Мамкина И. Н. Организационно-правовые основы государственной службы в системе народного просвещения в конце XIX начале XX вв. (на примере Восточной Сибири) // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 20–24.

Reference to the article

Mamkina I. N. Organizational and Legal Foundations of Public Service in the National Education System at The End of the XIXth- Beginning of the XXth Centuries (the case of Eastern Siberia) // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 20–24.

Статья поступила в редакцию 11.04.2016

УДК 94(94) «1941/1945»
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-25-34

Владимир Арнольдович Печерский,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
(650017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23),
e-mail: volody75.75@mail.ru

Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны[1]

В статье на основании ранее неизвестных документов из Государственного архива Красноярского края и Государственного архива Российской Федерации исследуется деятельность прокурорских органов Красноярского края в период Великой Отечественной войны. Рассматриваются проблемы перестройки работы прокурорских органов в соответствии с требованиями военного времени. К таким проблемам относились: ужесточение действовавших законодательных актов в сфере уголовного права, принятие новых нормативных правовых актов, призванных, прежде всего, способствовать укреплению дисциплины в тылу. Подвергаются анализу вопросы, связанные с надзором за работой предприятий, снабжавших действующую армию. Особое внимание уделяется борьбе прокурорских органов с дезертирством рабочих с предприятий в нарушение Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» и от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». В данном аспекте анализируются как карательные меры по отношению к дезертирам, так и борьба прокурорских работников с причинами, порождавшими дезертирство. Делается вывод о том, что прокурорские органы занимали особое место в системе государственного управления Советского Союза.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красноярский край, снабжение действующей армии, прокурорские органы, прокурорский надзор, Указы Президиума Верховного Совета СССР, борьба с дезертирством, карательные меры

Vladimir A. Pecherskiy,
Candidate of History, Leading Researcher,
Khakass Scientific Research Institutute of Language, Literature and History
(23 Schetinkina st., Abakan, 655017, Russia),
e-mail: volody75.75@mail.ru

Activity of Procuracy Bodies of the Krasnoyarsk Region During the Great Patriotic War[2]

In the article activity of procuracy bodies of the Krasnoyarsk region during the Great Patriotic War is researched on the basis of previously unknown documents from the State Archive of the Krasnoyarsk region and State Archive of the Russian Federation. Problems of restructuring of procuracy bodies' work according to demands of the war period are under consideration. The problems were as follows: toughening of working statutes in a criminal law, enactment of new laws and regulations aimed first of all to contribute to strengthening of discipline in the rear. Issues connected to the supervision of operation of enterprises, which supplied a combat army, undergo an analysis. Special attention is paid to the struggle of procuracy bodies against workers' defection from enterprises in violation of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of 26 June 1940 "On change-over to an eight-hour day, seven-day workweek and the prohibition of workers and employees' unauthorized leave from enterprises and institutions" and as of 26 December 1941 "On liability of workers and employees of enterprises of the military industry for an unauthorized leave from enterprises". In respect of this aspect both punitive measures towards defectors and procuracy officers' struggle against causes raising defection are analyzed. The conclusion that procuracy bodies had a special place in the system of government control of the Soviet Union is made.

Keywords: the Great Patriotic War, the Krasnoyarsk region, supply of a combat army, procuracy bodies, procuracy supervision, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, struggle against defection, punitive measures

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (Проект № 15-1119002 «Военный вклад Хакасии в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») и Правительства Республики Хакасия.

[2] The research was financially supported by the Russian Foundation for Humanities (Project no. 15-1119002 "Military contribution of Khakassia to the Victory in the Great Patriotic War 1941–1945") and the Government of the Republic of Khakassia.

© Печерский В. А., 2016

Великая Отечественная война потребовала мобилизации всех имевшихся на тот период ресурсов. Последовавшие в военное время изменения в законодательстве были призваны способствовать этому процессу, надзор за исполнением новых законов имел особое значение, поэтому деятельность прокурорских органов была всецело подчинена интересам фронта.

Особую актуальность приобрела борьба с нарушениями трудовой и воинской дисциплины, хищениями государственного и общественного имущества, самовольным оставлением работы на предприятиях [7, с. 352].

В новых условиях сотрудники прокуратуры были вынуждены перестроить свою деятельность на военный лад, что означало уменьшение сроков следствия, ведение обвинения по тем деяниям, которые в мирное время не представляли большой общественной опасности; усиление надзорной работы. Цель данной статьи – на основе впервые вводимых в научный оборот архивных источников проанализировать работу прокурорских органов одного из крупнейших регионов РСФСР – Красноярского края в период Великой Отечественной войны, их вклад в укрепление обороноспособности страны, в поддержание законности и порядка в тылу.

Деятельность прокурорских органов в военный период не получила должного освещения в отечественной историографии. Из изданий советского времени можно выделить сборник документов, очерков и воспоминаний «Советская прокуратура. Страницы истории. Прокуратура сегодня» [7], в котором в публицистической форме излагается история прокурорских органов СССР, в том числе и в годы Великой Отечественной войны.

В российской исторической науке наибольший вклад в разработку темы внёс А. Г. Звягинцев. Военному времени значительное внимание уделяется в его монографии, освещающей деятельность прокуроров СССР и РСФСР [3].

Историю прокурорских органов в военное время изучал также В. С. Павлов. Его статья посвящена милитаризации органов прокуратуры в прифронтовых районах, при этом автор совершенно не уделяет внимания работе прокурорских органов регионов, находившихся в глубоком тылу [6].

Сотрудники Красноярской краевой прокуратуры в первые военные месяцы не смогли перестроить свою работу в соответствии с новыми реалиями, что показала проверка, проведённая старшим помощником прокурора СССР Кузнецовым в ноябре 1941 г. Ознакомившись с деятельностью краевой прокуратуры с 22 июня по 28 октября 1941 г., он пришёл к выводу, что «состояние руководства периферией по судебному надзору, по уголовным делам не отвечает требованиям военного времени». По его мнению, краевые работники прокуратуры не справлялись с судебным надзором по делам о «злостных отказниках» от трудовой повинности, об уклонении от сельхозналога, о растратах, спекуляции, хулиганстве. Руководство краевой прокуратуры, в частности заместитель краевого прокурора А. Д. Потопаев, «недостаточно руководил работой уголовно-судебного отдела, вследствие чего по целому ряду категорий дел прокуроры УСО допустили неправильное разрешение их в суде». Краевой же прокурор В. А. Дорогов недостаточно интересовался работой возглавляемого Александром Дмитриевичем отдела, вследствие чего, как считал Кузнецов, «ряд серьёзнейших недостатков в работе этого отдела своевременно не были исправлены»[1].

Недочёты в работе прокурорских органов края были вызваны большим количеством новых нормативных правовых актов, в которых сотрудники не сразу смогли сориентироваться. К тому же руководство краевой прокуратуры загрузило местных прокуроров несвойственными им функциями, что и отметил старший помощник прокурора СССР.

Краевая прокуратура с 22 июня по 28 октября 1941 г. разослала окружным, городским и районным прокуратурам 29 секретных и совершенно секретных приказов и 28 не секретных приказов и директивных писем. Кузнецов отметил, что многие приказы и директивные письма ставили перед местными прокурорами невыполнимые задачи, порождали препятствия в их работе. Иногда эти приказы противоречили действовавшему законодательству[2].

Для усовершенствования работы краевой прокуратуры старший помощник прокурора СССР предложил руководству краевой прокуратуры принять ряд «решительных и немедленных мер»: обеспечить участие прокуроров в суде первой инстанции во всех процессах, в ходе которых мог быть вынесен приговор к лишению свободы. Улучшить судебный надзор по делам, возбуждённым по ст. 107 УК РСФСР «Спекуляция», а также опротестовывать в кассационном порядке решения судов, вынесенных по этой статье,

[1] ГАКК (Гос. архив Краснояр. края). – Ф. П-26. – Оп. 3. – Д. 152. – Л. 130.

[2] ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 3. – Д. 152. – Л. 69.

если таковые не отвечали «требованиям ликвидации спекуляции». Взять под особый контроль работу по судебному надзору по делам о хулиганстве. Особо строго относиться к судебному надзору по делам о хулиганстве, «с тем, чтобы немедленно ликвидировать практику послабления борьбы с хулиганами». Вести борьбу с растратами, «с тем, чтобы к растратчикам государственных денег была применена надлежащая мера репрессии». Обобщать практику работы прокуратуры по судебному надзору, «с тем, чтобы в результате этих обобщений немедленно устранять выявленные недостатки»[1].

Таким образом, проверяющий обозначил основные направления деятельности местных прокурорских органов в уголовно-судебной сфере. По мнению руководства особую общественную опасность в военное время представляли собой такие виды преступлений, как спекуляция, нарушавшая монополию государства в сфере распределения продуктов и товаров; растрата государственных средств в тот момент, когда требовалась их максимальная концентрация для достижения Победы; хулиганство, способствовавшее дестабилизации обстановки в тылу.

Прокурор края на основе результатов данной проверки 26 ноября 1941 г. издал приказ, в котором содержалось признание того, что работники краевой прокуратуры, в частности уголовно-судебного отдела, «не сумели полностью перестроить свою работу на военный лад». Сотрудники УСО обвинялись В. А. Дороговым в том, что они, давая заключение по судебным решениям, не обжаловали чересчур «либеральные» решения народных судов по отдельным видам преступлений. В частности, «к злостным спекулянтам применялись минимальные меры наказания, имущество оставалось не конфисковано».

На особую опасность спекуляции в условиях войны позднее обратил внимание нарком юстиции СССР Н. М. Рычков. В своей статье «Крепче удар по спекулянтам – дезорганизаторам тыла», он заявлял: «спекуляция в условиях войны является ещё более опасной и нетерпимой, чем в мирное время». По мнению наркома, следствие по делам о спекуляции проводилось не лучшим образом, следователи часто не накладывали на имущество виновных в спекуляции предварительного ареста, в результате чего спекулянтам удавалось избежать материальной ответственности и приговоры судов о конфискации имущества оставались невыполненными. Николай Михайлович напомнил работникам милиции, прокуратуры и суда, что борьба со спекуляцией является их «государственной обязанностью». Свою статью нарком закончил призывом: «Никакой пощады спекулянтам, дезорганизующим наш советский тыл!» [5]. Подобные публикации руководителей органов юстиции не имели силу закона, однако воспринимались сотрудниками на местах как руководство к действию.

Для преодоления обозначенных недостатков краевой прокурор В. А. Дорогов обязал начальника УСО «перестроить судебный надзор и обеспечить беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, с нарушением государственной дисциплины, уклонением от воинской обязанности, мобилизации и т. д.»[2]. Этим приказом Василий Андрианович расширил список деяний, особо опасных в военное время, отмеченных старшим помощником прокурора СССР. Служебное рвение заставило его охватить более широкий круг преступлений.

В приказе от 15 декабря 1941 г. краевой прокурор предъявил претензии и к отделу общего надзора, который так же «не перестроил полностью работу в соответствии с требованиями военного времени». Это выражалось в том, что отдел недостаточно занимался оперативным руководством районными прокуратурами, издавал большое количество директив, иногда без учёта их необходимости и «составленных, в отдельных случаях, невнимательно и непродуманно»[3]. Тем самым В. А. Дорогов часть своей вины переложил на подчинённых.

От начальника отдела общего надзора Г. И. Жданович требовалось «обеспечить надзор за строжайшим и безоговорочным соблюдением всеми организациями и отдельными гражданами законов, имеющих важное значение в условиях военного времени». Особое внимание Галине Ивановне полагалось обратить на повседневный надзор за соблюдением, выполнением Указов Президиума Верховного Совета СССР, направленных на укрепление трудовой дисциплины. Систематически проверять выполнение положений Указа от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплате пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время», а также проверять своевременность выплаты мобилизованным гражданам зарплат, двухнедельного выходного пособия и компенсаций[4].

[1] ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 3. Д. 152. – Л. 131.

[2] ГАКК. – Ф. Р-1434. – Оп. 14.– Д. 10. – Л. 52–52об.

[3] Там же. – Оп.3. – Д. 10. – Л. 56.

[4] Там же.

Прокурорским органам края предстояло проделать большую работу, чтобы перестроить свою деятельность в соответствии с требованиями военного времени. На их плечи лёг ряд новых обязанностей, сотрудники прокуратуры должны были следить за соблюдением нормативных правовых актов, принятых в военное время. Руководство указало им основные направления деятельности, обратило внимание на недочёты, которые предстояло исправить в дальнейшем.

С началом войны Красноярский край стал одним из центров военно-промышленного комплекса СССР. На местных и эвакуированных предприятиях развернулось производство военной техники, вооружений, боеприпасов, снаряжения. Задачей работников прокуратуры был надзор за тем, чтобы выполнялись планы выпуска предназначенной для армии продукции и она вовремя доставлялась по назначению.

С переводом промышленности на военные рельсы справлялись не все предприятия, примером чего может служить Красноярская мебельная фабрика, которая осенью 1941 г. сорвала план производства лыж для РККА. С августа по октябрь 1941 г. фабрика должна была изготовить 4200 и сдать 1440 пар лыж. К 20 октября было изготовлено лишь 309 пар, из которых сдано было 178. Директор фабрики Ф. А. Кравченко объяснял срыв поставок недопоставкой сырья, технологическими трудностями, возникшими в связи с переходом на выпуск нового вида продукции и призывом в армию большей части кадровых рабочих.

Краевая прокуратура провела проверку деятельности Красноярской мебельной фабрики, по результатам которой объяснения директора были признаны несостоятельными. По мнению помощника краевого прокурора Спиридонова оснащённость предприятия позволяла его работникам выполнить государственный план полностью и в срок, а Ф. А. Кравченко своевременно не принял меры к набору рабочей силы взамен мобилизованных, имевшимися же у него кадрами Фёдор Андреевич распоряжался «неправильно и не рационально»[1].

Помощник краевого прокурора возбудил против Ф. А. Кравченко уголовное дело по ст. 111 УК РСФСР «Бездействие власти, то есть невыполнение должностным лицом действий, которое оно по обязанности своей службы должно было выполнить». Директор мебельной фабрики был признан виновным в предъявленном обвинении и 10 октября 1941 г. был осуждён на 2 года лишения свободы.

В преддверие зимы лыжи становились стратегическим видом продукции, обеспечивавшим маневренность солдат действующей армии, посему за невыполнение плана их выпуска к ответственности был привлечён не только Ф. А. Кравченко. Так, краевая прокуратура возбудила уголовное преследование против председателя правления Крайлеспотребсоюза Рычкова за срыв поставок сырья для изготовления лыж. Хакасскому областному прокурору было предложено начать уголовное преследование в отношении руководства Абаканского лесозавода за аналогичный проступок. Прокуратура Сталинского района Красноярска расследовала дело о срыве выполнения плана изготовления лыж, возбуждённое против председателя артели «Промкооператор» Скребкова. 3 ноября 1941 г. краевой прокурор дал директиву всем районным прокурорам края о надзоре за ходом выполнения плана изготовления лыж. Сотрудники отдела общего надзора краевой прокуратуры неоднократно посещали Красноярский деревообрабатывающий комбинат и другие предприятия, осуществлявшие заготовку сырья для лыж, систематически получали от них сводки о ходе работ. Энергичные меры, предпринятые сотрудниками прокурорских органов, помогли предприятиям края выполнить план изготовления лыж в 2800 пар[2].

Мобилизационный тип экономики, возникший в Советском Союзе ещё в довоенный период, предусматривал широкое применение внеэкономических методов. Репрессивная составляющая в экономике многократно усилилась в военное время, привлечение к уголовной ответственности стало одной из главных форм стимулирования производителей продукции, необходимой для фронта. Объективные причины, мешавшие реализации производственных планов, были слабым оправданием для не справлявшихся руководителей. Им предлагалось самостоятельно искать выход из сложившейся ситуации и, несмотря ни на что, выполнять государственное задание.

Методы принуждения применялись в различных сферах экономики, связанных с армейским ведомством. Так, осенью 1941 г. Красноярский городской военкомат сообщил в краевую прокуратуру о том, что автомастерские различных организаций задерживают ремонт автомобилей для РККА. Прокурор-

[1] ГАКК. – Ф. Р-1434. – Оп. 14. – Д. 2. – Л. 105.

[2] ГАКК. – Ф. Р-1434. – Оп. 14. – Д. 2. – Л. 113.

ская проверка установила, что мастерские Крайпотребсоюза, Енисейзолото и краевой транспортной конторы не закончили вовремя ремонт вследствие отсутствия запасных частей, в частности резины и аккумуляторов. Благодаря вмешательству прокурорских органов армия в короткие сроки получила исправные автомашины. Быстрой и качественной работе мастерских во многом способствовало возбуждение уголовного преследования против начальника транспортной конторы Константинова и заведующего гаражом той же организации Юданова за срыв плана ремонта автомобилей[1]. Здесь мы так же видим, как действия прокуратуры стимулировали активность гражданских организаций в их помощи Красной Армии.

Предметом заботы прокурорских органов были и эвакогоспитали. В первые дни войны согласно мобилизационному плану в крае были развёрнуты семь эвакогоспиталей на 2100 коек. Шефство над госпиталями брали интернаты и школы, снабжавшие медучреждения мебелью и прочим не медицинским инвентарём [5, с. 118].

Именно по сигналам шефов осенью 1941 г. краевой прокуратурой была проведена проверка эвакогоспиталя № 3347, размещавшегося в помещениях интерната и средней школы № 12 Красноярска. Сотрудники прокуратуры установили в ходе проверки ряд недостатков в работе данного лечебного учреждения, каковые надлежало устранить в самое ближайшее время: навести чистоту в помещениях, снабдить обслуживающий персонал чистыми халатами. Краевому отделу коммунального хозяйства было предписано немедленно исправить отопительную систему в помещениях госпиталя. Тресту очистки полагалось регулярно очищать канализационные ямы от нечистот. Забота о раненых бойцах и командирах Красной Армии должна была носить постоянный характер, и краевая прокуратура совместно с краевым отделом здравоохранения отправили директиву райпрокуратурам и райздравотделам о систематическом надзоре за госпиталями[2].

В результате проверки деятельности эвакогоспиталя № 3347 не было возбуждено ни одного уголовного дела. Это было вызвано не только тем, что поступки командования и персонала госпиталя не подпадали под действие уголовного закона, но и потому что эвакогоспитали являлись воинскими частями, а служившие в них были мобилизованными на военную службу, и на них распространялась юрисдикция военной прокуратуры.

Кадровый вопрос в военные годы стоял очень остро. Мобилизация значительной части работоспособных мужчин породила дефицит рабочей силы в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте. Решалась эта проблема путём запретов и репрессий. 26 июня 1940 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» [1]. Согласно этому нормативному правовому акту рабочие и служащие, самовольно покинувшие место работы, карались тюремным заключением сроком от 2 до 4 месяцев. За прогул без уважительной причины виновные могли быть приговорены к исправительно-трудовым работам на срок до 6 месяцев по месту работы.

Отдел общего надзора краевой прокуратуры, проверив ряд предприятий краевого центра и получив сообщения 26 районных прокуроров, обобщил сведения о выполнении данного Указа на 147 предприятиях и в учреждениях края с 23 июня по 23 июля 1941 г.

Сотрудники отдела отметили снижение количества прогулов и опозданий, при этом на ряде предприятий и в учреждениях имели место нарушения соответствующего нормативного правового акта: «покровительство прогульщикам», приём на работу без трудовых книжек, а иногда и вовсе без документов. Некоторые должностные лица по итогам проверки были привлечены к уголовной ответственности. Так, в Байкитском районе директор местной школы ограничился выговором опоздавшему на работу на час учителю. Прокурор района направил дело прогульщика в районный суд, а против директора возбудил уголовное преследование, впоследствии он был приговорён к одному году исправительно-трудовых работ. Заведующий Казачинской районной заготовительной организацией был привлечён к уголовной ответственности за то, что «не принял никаких мер против зоотехника – прогульщика и пьяницы»[3].

Указ от 26 июня 1941 г., призванный помогать руководству предприятий и учреждений удерживать рабочую силу, в военный период стал создавать затруднения. Испытывая постоянную нехватку рабочих и служащих, руководящие работники, рискуя собственной свободой, зачастую смотрели сквозь пальцы

[1] ГАКК. – Ф. Р-1434. Оп. 14. – Д. 2. – Л. 113об.–114.
[2] Там же. – Л. 114.
[3] ГАКК. – Ф. Р-1434. – Оп. 14. – Д. 1. – Л. 157.

на нарушения Указа, которые грозили их подчинённым тюремным заключением.

Краевая прокуратура постоянно контролировала выполнение положений Указа от 26 июня 1941 г. и требовала того же от нижестоящих прокуратур. В своём приказе от 10 ноября 1941 г. краевой прокурор В. А. Дорогов на основе докладов городских прокуроров Ачинска и Минусинска и прокуроров Кировского и Артёмовского районов отметил, что «прокуроры ослабили работу по общему надзору и не проводили систематических проверок на предприятиях и учреждениях на предмет выполнения Указа». Руководителям отдельных предприятий и учреждений Василий Андрианович вменял в вину то, что они «не принимают решительных мер к ликвидации прогулов».

Краевой прокурор потребовал немедленного исправления недостатков в работе по надзору за выполнением Указа от 26 июня 1940 г. и «организации борьбы с дезорганизаторами производства». Для достижения этой цели районные и городские прокуроры должны были выполнить ряд задач: прежде всего «систематически и повседневно» следить за неуклонным выполнением всеми предприятиями и организациями данного Указа, сосредоточив основное внимание на предприятиях, выполняющих военные заказы; обеспечить судебный надзор и в кассационный срок проверять законность всех приговоров по делам, возбуждённым по Указу от 26 июня 1940 г.; «решительно» привлекать к уголовной ответственности руководителей предприятий и учреждений, не принимавших мер к ликвидации прогулов; на собраниях рабочих и служащих ставить вопросы о борьбе с прогульщиками[1]. Столь суровые требования к надзору за выполнением именно этого нормативного правового акта, предъявленные краевым прокурорам к подчинённым, говорили о том значении, которое придавало государство названному Указу. Прокуроры несли персональную ответственность за недостаточно энергичную борьбу с прогулами.

Другим законодательным актом, вводившим запрет на свободный выбор места работы, был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Этот Указ объявлял всех рабочих и служащих предприятий военной промышленности мобилизованными на период войны, их самовольный уход с предприятий рассматривался как дезертирство и карался тюремным заключением сроком от 5 до 8 лет. Уголовные дела по обвинению дезертиров с предприятий военной промышленности должны были рассматривать военные трибуналы.

3 января 1942 г. Постановление СНК СССР определило порядок направления в военные трибуналы дел, возбуждённых по Указу от 26 декабря 1941 г. С этого времени прокурор Союза ССР В. М. Бочков разъяснял прокурорам на местах, что, получив от директора предприятия материалы о самовольном уходе (дезертирстве) рабочих и служащих, немедленно, не производя предварительного расследования, выносить постановление о привлечении обвиняемого к ответственности. Постановление о возбуждении уголовного дела вместе с материалами, полученными от директора предприятия, прокурор обязан был незамедлительно направить в ближайший военный трибунал [3, с. 216].

Этот нормативный правовой акт сделал рабочих и служащих военной промышленности ещё более бесправными и зависимыми от начальства, чем они были по Указу от 26 июня 1940 г. Основанием для обвинения было лишь сообщение директора предприятия, которое не проверялось следователями и прокурорами на предмет объективности и достоверности. Указ создавал почву для сведения личных счётов. Зачастую уголовное преследование возбуждалось против рабочих, мобилизованных в армию или просто переведённых в другие цеха, поскольку необходимые документы не были оформлены должным образом и в срок.

Несмотря на драконовские меры по борьбе с дезертирством, количество судебных дел о трудовых преступлениях на предприятиях края во второй половине 1941 г. и в первые месяцы 1942 г. росло. С 22 июня 1941 г. по 1 апреля 1942 г. в Красноярском крае за прогулы и нарушение трудовой дисциплины было осуждено 15096 чел., из них за прогулы – 12165, за самовольный уход с работы – 2931. К числу самовольно оставивших место работы в указанный период добавлялись 195 дезертиров с предприятий военной промышленности, осуждённых по Указу от 26 декабря 1941 г.[2]

Масштабы явления заставили краевую прокуратуру заняться изучением причин, порождавших дезертирство. Прокурорские работники весной 1942 г. проверили ряд предприятий. Особое внимание было уделено

[1] ГАКК. – Ф. Р-1434. – Оп. 14. – Д. 10. – Л. 50–50об.

[2] ГАКК. – Ф. Р-1434. – Оп. 14. – Д. 8. – Л. 4.

Красноярскому заводу № 4 им. К. Е. Ворошилова, флагману военной промышленности края. В период войны завод освоил выпуск орудий, миномётов, авиабомб, морских мин. Предприятие в рекордные сроки увеличило производственные мощности в полтора раза, зимой 1941–42 г. заработали пять новых цехов [6, с. 65–66].

16 марта 1942 г. краевая прокуратура провела проверку состояния трудовой дисциплины на заводе № 4. С 1 января по 15 марта 1942 г. на предприятии было зафиксировано 200 прогулов, за тот же период дезертировал 71 работник. Помощник краевого прокурора побеседовал с начальниками ряда цехов, председателями цеховых комитетов, рабочими. В ходе бесед выяснилось – причиной прогулов и дезертирств являлось отсутствие элементарных жилищно-бытовых условий.

По распоряжению краевого прокурора была создана комиссия в составе: государственного санитарного инспектора по Красноярскому краю Соколовского, заведующей отделом здравоохранения Кировского района Красноярска Быковой, районного санинспектора Лакшина и помощника директора завода Рюмина. Перед комиссией предстала ужасающая картина жизни тех, кто ковал оборонную мощь страны. В бараках, служивших общежитиями для рабочих, проживало 882 человека. Они спали на двух-трёх ярусных нарах, на которых вместо матрасов лежали мешки, набитые трухой. Несмотря на наличие штата уборщиц, «грязь в бараках невообразимая», уборка производилась от случая к случаю. Столы и тумбочки имелись не во всех комнатах, а те, что были, разбитые и без ящиков. В тех комнатах, где не было мебели, рабочие были вынуждены есть прямо на нарах. Общежития не отапливались. Умывальники были неисправны, а в некоторых бараках не было даже таких. Вода хранилась в грязных деревянных бочках, была покрыта плесенью, пахла затхлостью. Не имея возможности помыться и не проходя санобработку, жильцы завшивели, возникла угроза эпидемии сыпного тифа. Уборные, помойные ямы и мусорные ящики были переполнены нечистотами, в тёплое время года растекавшимися по территории общежитий.

Для того чтобы решить гигиенические проблемы рабочих, администрация предприятия, в нарушение закона, регулярно предоставляла им отпуска за свой счёт. Мера по большей части была бесполезной. Многие рабочие были эвакуированы из Европейской части СССР, и им некуда было поехать, чтобы просто помыться и переменить бельё[1].

Ознакомившись с результатами проверки, краевой прокурор потребовал от администрации предприятия немедленно привести в порядок бараки и территорию двора. Краевая прокуратура приняла решение привлечь к уголовной ответственности начальника жилищного отдела завода № 4 Коссия и его заместителя Жердева и возбудила дисциплинарное преследование против помощника директора Рюмина. Директор предприятия Б. А. Хазанов избежал ответственности только потому, что 14 февраля 1942 г. подписал приказ, в котором Рюмину предписывалось в пятидневный срок проверить состояние общежитий и устранить неполадки, «вызывающие справедливые нарекания рабочих на отсутствие нормальных условий для отдыха в нерабочее время». Этот акт скорее напоминал отписку, поскольку директор не проверял его выполнение, и краевой прокурор посчитал, что и Борис Абрамович «должен быть предупреждён об ответственности».

Прокуратура уже 27 марта 1942 г. проверила, что было сделано на заводе. Администрация прислушалась к прокурорским работникам. Стёкла в окнах были вымыты, а там где отсутствовали, вставлены и даже занавешены. Нары были снесены, вместо них поставлены железные кровати, в комнатах появились целые столы и табуреты. Жильцам было выдано постельное бельё. Было налажено снабжение бараков водой и топливом, очищена территория двора. Видя значительные изменения, произошедшие в столь короткий срок, краевой прокурор пришёл к выводу: «очевидно, что оборудовать общежитие и привести их в человеческий вид можно и должно было и без вмешательства прокуратуры»[2].

Такое состояние материально-бытовых условий жизни рабочих объяснялось тем, что главной целью руководства завода № 4 и других предприятий было скорейшее налаживание выпуска вооружения, боеприпасов и другой, необходимой действующей армии продукции. На решение этой задачи бросались все силы и средства, имевшиеся в распоряжении дирекции. Забота о жизни рабочих в нерабочее время оставалась на периферии внимания ответственных лиц, порой у них элементарно не было времени узнать, как живут их подчинённые. Требовался окрик со стороны, чтобы проблема сдвинулась с мёртвой точки. Но даже строгие меры и давление

[1] ГАКК. – Ф. Р-1434. – Оп. 14. – Д. 8. – Л. 32–33.
[2] Там же. – Л. 4, 33.

на администрацию не помогали полностью решить данный вопрос.

Касалось это и завода № 4. Б. А. Хазанов в своём приказе от 20 мая 1944 г. отмечал: «На протяжении 1 квартала и апреля 1944 г. число оформленных дел на дезертиров и прогульщиков возросло по сравнению с 4 кварталом 1943 г. в среднем с 50 до 70 в месяц. Количество общих невыходов на работу с марта 1944 г. стало возрастать с 7 до 7,3 процентов и достигло в апреле 8,45 процентов. Усилилась текучесть рабсилы по заводу: в апреле было принято 119 человек, уволено 234». Директор заявлял: «анализ дезертирства свидетельствует о том, что начальники цехов по-прежнему не проявляют должной заботы и чуткости к удовлетворению материально-бытовых нужд рабочих. Так, проверкой 51-го жилого квартала и барака № 15, где размещены инвалиды Отечественной войны, установлено отсутствие света, в бараках антисанитарное состояние, отсутствуют постельные принадлежности»[1]. Таким образом, для поддержания достойного состояния жилья рабочих требовалось постоянное вмешательство прокурорских органов, поскольку администрация по-прежнему не уделяла этому вопросу должного внимания.

Проблема дезертирства с предприятий военной промышленности касалась практически всех профильных заводов края в той или иной мере. С января по октябрь 1942 г. в среднем в военный трибунал поступало не более 300 дел данной категории, в оставшиеся месяцы 1942 г. поступление выросло до 1450 дел в среднем за месяц. В ноябре – декабре 1942 г. прокурорские органы Красноярска передали в военный трибунал Красноярского гарнизона 2902 уголовных дела, возбуждённых за нарушение положений Указа от 26 декабря 1941 г. Наибольшее количество дел – 1491, в 1942 г. было возбуждено Кировской районной прокуратурой, поскольку большинство предприятий соответствующего профиля размещалось в Кировском районе Красноярска[2]. В край осенью 1941 г. прибывали всё новые производственные мощности, вместе с оборудованием эвакуировались рабочие, происходила мобилизация рабочей силы на местах. С ростом числа мобилизованных росло и количество дезертиров.

Анализ причин, заставлявших рабочих самовольно покидать военные заводы, показал одну тенденцию. Большинство дезертиров составляли молодые люди 1922–1925 гг. рождения, только начинавшие трудовую деятельность. Так, на заводе № 4 в ноябре 1942 г. из 259 осуждённых за самовольное оставление места работы 157 были в возрасте 16–18 лет. На заводе № 703 из 136 осуждённых по Указу от 26 декабря 1941 г. в ноябре 1942 г. 73 принадлежали к той же возрастной категории. Краевой прокурор в этой связи отмечал недостаточность работы, проводимой с молодёжью партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями[3].

Подросткам в военные годы предстояло заменить у станка взрослых рабочих, призванных в армию. Молодые люди, мобилизованные на производство, оказывались оторванными от родителей, от привычной обстановки, в описанных выше условиях заводских бараков. Скудное снабжение, отсутствие элементарных бытовых удобств провоцировали их, часто в силу незрелости и малограмотности не осознававших, что совершают серьёзное преступление, к самовольному отъезду домой. В связи с этим были предприняты меры к просвещению молодых рабочих.

По инициативе прокурорских органов на заводах № 4 и «Красный профинтерн» прошли выездные сессии военного трибунала, в которых рассматривались дела по обвинению в нарушении положений Указа от 26 декабря 1941 г. В специальных бюллетенях стали публиковаться судебные отчёты по делам о самовольном оставлении рабочих мест. Эти бюллетени рассылались по предприятиям соответствующего профиля, в цехах, заводских столовых и клубах их зачитывали рабочим. В заводских многотиражках публиковались статьи, посвящённые борьбе с дезертирством. По требованию прокуратуры на заводах дирекция провела работу по упорядочению учёта кадров, который позволял своевременно выявлять дезертиров[4].

Репрессии и воспитательные меры дали свой результат, и в 1943 г. число дел, возбуждённых прокурорскими органами края по Указу от 26 декабря 1941 г., стало уменьшаться. В январе таковых было 930, в феврале – 842, в марте – 838, в апреле – 724, в мае – 652. По-прежнему 70 % нарушителей положений Указа составляли подростки и молодёжь со стажем работы до 1 года[5].

Несмотря на снижение числа дезертиров, их количество не свелось к минимуму. Социальные проблемы рабочих, трудившихся на предприятиях военной промышленности, не были решены до конца войны и многие из

[1] ГАРФ (Гос. архив Рос. Федер.). – Ф. Р-8131. – Оп. 22. – Д. 133. – Л. 92.

[2] ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 4. – Д. 145. – Л. 5–6.

[3] ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 4. – Д. 145. – Л. 6–7.

[4] ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 4. – Д. 145. – Л. 85.

[5] Там же. – Л. 83.

них, несмотря на риск сурового наказания, самовольно оставляли рабочие места. Вскоре количество дезертиров вновь стало расти.

Во многих промышленных районах страны проблемы дезертирства с военных предприятий приобрели не меньший масштаб, чем в Красноярском крае. В РСФСР в 1944 г. в 84 городские и районные прокуратуры от директоров заводов военной промышленности ежемесячно поступало от 200 до 300 дел о самовольном оставлении рабочих мест, а в 56 прокуратур – свыше 300. Так, в Молотовскую районную прокуратуру Омска приходило в среднем 320, Ленинскую того же города – 316, Сталинского района Омска – 289 дел. В Новосибирске самовольное оставление рабочих мест приобрело угрожающий размах на предприятиях военной промышленности Кировского района, где директора заводов отправляли в прокуратуру в среднем 800 дел в месяц[1]. В прокуратуру Ленинского района Красноярска с 1 июня по 14 августа 1944 г. поступило 508 дел на дезертиров военной промышленности[2].

Рост числа дел о самовольном оставлении рабочих мест на военных заводах в 1944 г. заставил советское Правительство 29 июня 1944 г. издать Постановление «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.». В нём СНК СССР признавал борьбу с дезертирством неудовлетворительной. А органы прокуратуры обвинялись в том, что они не обеспечили неуклонного и правильного исполнения Указа от 26 декабря 1941 г. и Постановления от 3 января 1942 г.[3] К сожалению, в данном нормативном правовом акте ни слова не говорилось о причинах массового дезертирства и не содержалось указаний к их устранению.

1 июля 1944 г. прокурор СССР К. П. Горшенин подписал приказ «Об усилении борьбы с дезертирством с предприятий военной промышленности», в котором он требовал от местных прокуроров осуществлять постоянный надзор за точным исполнением Указа от 26 декабря 1941 г. Этот документ более подробно расписывал положения Постановления СНК СССР от 29 июня 1944 г. [8, с. 271–273].

Красноярский крайком ВКП(б) отметил, что оценка советского правительства, данная им в постановлении от 29 июня 1944 г., относится и к Красноярскому краю. «В нашем крае до сих пор имеет место дезертирство с заводов военной промышленности, а органы прокуратуры и милиции не ведут надлежащей работы по розыску дезертиров и борьбу с причинами, порождающими дезертирство. В Красноярском крае не разыскано 4116 человек», – констатировал заведующий сектором судебно-прокурорских работников крайкома Пахомов[4].

Сотрудники прокурорских органов края отреагировали на постановление правительства, приказ прокурора СССР и мнение крайкома усилением работы по борьбе с дезертирством. Так, военная прокуратура дороги учредила надзор за работой органов железнодорожной милиции края по задержанию дезертиров в поездах. В июле 1944 г. было задержано 144 чел., в августе – 168, в сентябре – 53, в октябре – 38. Таким образом, за первые четыре месяца действия Постановления СНК от 29 июня 1944 г. транспортная милиция совместно с военной прокуратурой задержали 403 дезертира, которые были переданы в распоряжение территориальных прокуроров[5].

Опыт борьбы с самовольным оставлением рабочих мест на предприятиях военной промышленности наглядно показал – репрессивных и воспитательных мер было явно мало для того, чтобы остановить дезертирство. Отвратительные бытовые условия, в которые попадали мобилизованные, провоцировали их на побеги, поток которых не останавливал страх наказания. Кто-то не осознавал, что совершает преступление, а иные делали сознательный выбор в пользу лагеря, где качество жизни порой было лучше, чем в заводских общежитиях. К тому же дезертиры могли рассчитывать укрыться у родственников. Их, не обращая особого внимания на документы, принимали на работу в других местах, где испытывали недостаток в рабочей силе. Без постоянного надзора прокуратуры администрация не уделяла должного внимания обустройству рабочих общежитий, а прокурорские работники чаще боролись со следствием, а не с причиной.

Таким образом, прокурорские органы занимали в структуре государственного управления СССР особое место. Объём их полномочий был велик, это определяло разнообразие направлений их деятельности. В условиях войны прокуроры вносили свой вклад в укрепление обороноспособности страны, часто они занимались теми проблемами, до которых не доходили руки у партийных, советских и хозяйственных органов.

[1] ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 22. – Д. 130. – Л. 26–27.
[2] ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 14. – Д. 80. – Л. 139.
[3] ГАРФ. – Ф. Р-8131. – Оп. 22. – Д. 133. – Л. 1а.
[4] ГАКК. – Ф. П-26. – Оп. 14. – Д. 80. – Л. 223.
[5] Там же. – Л. 147.

В Красноярском крае работа прокурорских органов имела свою специфику. Огромная территория, суровый климат и слаборазвитые пути сообщения создавали большие затруднения, в том числе и в работе прокуроров. Несмотря на все объективные и субъективные трудности, прокурорские работники края сумели со временем перестроить свою работу на военный лад и поддерживать порядок в одном из тыловых регионов страны.

Список литературы и источников

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 20.
2. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговорённые временем. Российские и советские прокуроры. XX век. 1937–1953 гг. М.: Росспэн, 2001. 536 с.
3. История прокуратуры России. Историко-правовой анализ / под ред. А. Г. Звягинцева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 223 с.
4. Красноярск – Берлин. 1941–1945. Красноярск: Поликор, 2010. 448 с.
5. Павлов В. С. Изменения в деятельности советской прокуратуры в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Инновационная наука. 2015. Т. 2. № 6. С. 196–198.
6. Советская прокуратура. Страницы истории. Прокуратура сегодня. М.: Юрид. лит., 1982. 352 с.
7. Социалистическая законность. 1943. № 1.

Источники

8. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Неизвестная Фемида. Документы, события, люди. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 575 с.
9. Советская прокуратура. Сборник важнейших документов. М.: Юрид. лит., 1972. 407 с.

References

1. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1940. № 20.
2. Zvjagincev A. G., Orlov Ju. G. Prigovorjonnye vremenem. Rossijskie i sovetskie prokurory. XX vek. 1937–1953 gg. M.: Rosspjen, 2001. 536 s.
3. Istorija prokuratury Rossii. Istoriko-pravovoj analiz / pod red. A. G. Zvjaginceva. M.: JuNITI–DANA, 2010. 223 s.
4. Krasnojarsk – Berlin. 1941–1945. Krasnojarsk: Polikor, 2010. 448 s.
5. Pavlov V. S. Izmenenija v dejatel'nosti sovetskoj prokuratury v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.) // Innovacionnaja nauka. 2015. T. 2. № 6. S. 196–198.
6. Sovetskaja prokuratura. Stranicy istorii. Prokuratura segodnja. M.: Jurid. lit., 1982. 352 s.
7. Socialisticheskaja zakonnost'. 1943. № 1.

Istochniki

8. Zvjagincev A. G., Orlov Ju. G. Neizvestnaja Femida. Dokumenty, sobytija, ljudi. M.: OLMA–PRESS, 2003. 575 s.
9. Sovetskaja prokuratura. Sbornik vazhnejshih dokumentov. M.: Jurid. lit., 1972. 407 s.

Библиографическое описание статьи

Печерский В. А. Деятельность прокурорских органов Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 25–34.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-25-34

Reference to the article

Pecherskiy V. A. Activity of Procuracy Bodies of the Krasnoyarsk Region During the Great Patriotic War // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 25–34.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-25-34

Статья поступила в редакцию 07.04.2016

УДК 336.244:34.07
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-35-41

Наталья Геннадьевна Казанцева,
кандидат юридических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: ngsav@mail.ru

Организационно-штатная структура таможен конца XIX – начала XX века

В статье проанализированы особенности организационно-штатной структуры таможен, составлявших в XIX – начале XIX века основное звено в имперской системе таможенных органов. Изучение вопросов управления таможенной деятельностью важно и значимо, так как качественно организованная внутриорганизационная работа государственного органа формирует результаты и эффективность результатов его деятельности. Таможня как орган государственной власти выполняла важнейшие задачи государства.

Дана характеристика полномочий отдельных категорий таможенных служащих. Представлена характеристика статуса таможенных служащих, на примере, управляющего таможней, его помощника и таможенных досмотрщиков, сформированная посредством комплексного анализа законодательных актов, а также созданных на их основе внутренних предписаний таможен. Проведён сравнительный анализ условий служебной деятельности, на основе вводимых в научный оборот документов и материалов.

Важным утверждением автора является признание значимости правильной организации деятельности таможни и необходимости распределения должностных обязанностей межу различными категориями служащих. Автор констатирует, что заложенные исторически правила управления внутри таможенной системы можно увидеть в современной практике деятельности таможенных органов, что ещё раз подтверждает значимость обобщения исторического опыта функционирования органов государственной власти.

Ключевые слова: таможенные органы, таможня, управляющий таможней, Департамент таможенных сборов, функции, досмотрщик

Natalya G. Kazantseva,
Candidate of Jurisprudence, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, 672039, Russia),
e-mail: ngsav@mail.ru

Organizational and Staff Structure of Customs at the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries

The paper analyzes organizational and staff structure features of the customs service constituting the main link in the customs authority imperial system at the 19th – beginning of the 20th centuries; gives the characteristics of the powers of the separate categories of customs officials. It presents the key features of customs officials status, that have been created through the complex analysis of legal acts on the basis of internal customs provisions taking the Head of Customs House, his assistant and customs surveyors as an example. The comparative analysis of the service conditions on the basis of the documents and materials introduced for scientific use has been carried out.

The author's important statement is the recognition of the importance of the correct customs service organization and the need for responsibilities allocation between different categories of officials. The author states that the administration principles, historically established in the customs service system, can be seen in modern customs practice that reaffirms the importance of historical experience generalization in the public authorities' functioning.

Keywords: customs authorities, customs house, Head of Customs House, Customs Revenue Collection Department, functions, customs surveyor.

Изучение деятельности государственных таможенных учреждений конца XIX – начала XX в. представляет собой важную задачу, решение которой способствует пониманию особенностей возникновения и формирования единой конструкции таможенного дела России, причин доминирующей роли государства в этой сфере. В настоящей работе рассматриваются вопросы организационно-штатной структуры таможенных органов, оказывавшей непосредственное влияние на качество выполняемых государственных задач в сфере таможенного дела. Изучение этого вопроса до настоящего времени не стало предметом комплексного исследования. Можно назвать ряд работ, где рассматривались особенности организационно-штатной структуры таможенных органов в отдельные исторические периоды, например М. М. Шумилова, В. Г. Балковой[1] и др. Однако при всей значимости этих

[1] Шумилов М. М. История торговли и таможенного дела в России IX–XVII вв. – СПб., 1999; Балковая В. Г. Таможенная служба в системе управления российского

© Казанцева Н. Г., 2016

научных изысканий отметим, что обобщающих научных работ, в которых бы комплексно исследовались вопросы организационно-штатной структуры таможенных органов Российской Империи до настоящего времени нет. Между тем, громадный опыт таможенных учреждений России не утратил научного и практического значения. Несомненно, современные таможенные органы могут с пользой для себя использовать этот богатый опыт в своей практической деятельности.

К концу XIX в. была сформирована качественная законодательная основа, определившая структуру, направления деятельности, статус таможенных органов и их служащих. Причём можно отметить, что основу правотворчества составили различные критерии, обусловленные специфическими особенностями таможенных учреждений. Например, видовые особенности (таможни делились на внутренние (пограничные) и портовые), место в системе таможенных органов (таможня, таможенная застава и др.) и т. д.

Классический вариант структуры самого распространённого вида таможенных учреждений – таможни, был представлен управляющим таможни, членами таможни, такими как: помощник управляющего, казначей, кроме них нужно называть пакгаузного надзирателя, досмотрщиков и сторожей и др. Если таможня была портовая, то в её штат входили корабельные смотрители, кораблемеры и иные должности [10], наличие которых было обусловлено необходимостью проведения таможенного контроля в отношении судов. Сухопутные таможни в своей, структурной организации отвечали классическому варианту. Так, например, в начале XX в. штат Сретенской таможни был представлен управляющим, членами таможни (из которых один казначей), бухгалтером и секретарём, пакгаузным надзирателем, его помощниками[1].

Статус руководящего состава таможен определялся Таможенным уставом, Уставом о службе гражданской и циркулярами по Департаменту таможенных сборов[2]. Управляющие таможен назначались на должности и освобождались от её исполнения директором Департамента, по согласованию с Министром финансов.

Управляющий таможнею осуществлял надзор за всеми таможенными чиновниками, вёл наблюдение и нёс ответственность за все действия таможни. Ему принадлежали такие административные функции, как: распределение занятий между служащими; назначение очереди дежурства между таможенными чиновниками; командирование чиновников к исполнению таможенных обрядностей; участие в производстве дел, являющихся необходимыми, например по применению к товарам соответствующих статей Таможенного тарифа, наложение штрафов и акциденций на товарохозяев. А также управляющий осуществлял ревизование денежных сумм, поступивших в таможню.

Административная власть управляющего распространялась на переходные пункты. Циркуляром департамента таможенных сборов от 28 октября 1898 г. № 22792 была утверждена инструкция [1, с. 118], предусматривающая объёмы властных полномочий управляющего. Так, например, управляющий мог увольнять надзирателя пункта в случае его кратковременной отлучки на срок не более 3 дней, а также в случае его внезапной болезни, для исполнения его обязанностей назначить одного из штатных или канцелярских чиновников вверенной ему таможни. Обо всех подобных случаях управляющий должен немедленно доносить начальнику таможенного округа[3]. При наблюдении за деятельностью переходного пункта управляющий таможнею был вправе производить ревизию «всем частям делопроизводства переходного пункта», причём, как предусмотрено Циркуляром, «внезапно, не менее одного раза в месяц».

При ревизии переходного пункта управляющий проверял: «…правильность охраны досмотрщиками таможенной рогатки; правильность пропуска пассажиров в обе стороны границы; правильность ведения пассажирских книг и алфавитных списков лицам, коим воспрещён въезд в Империи, а также подлежащим задержанию при проезде через переходной пункт; правильность пропуска и очистки пошлиною предметов, привозимых приграничными жителями для собственного

госу¬дарства в XVI–XVIII вв.: монография. – Владивосток: РИО ВФРТА, 2011. – 280 с.; Балковая В.Г. Правовая регламентация деятельности «верных» таможен в Московском государстве (XVI–XVII вв.) // Вестн. Рос. тамож. акад. – 2010. – № 2. – С. 4.; Балковая В. Г. Таможенная служба в России как государственная повинность (XVI–XVII вв.) // Вестн. Рос. тамож. акад. – 2010. – № 3. – С. 7–10.

[1] ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). – Ф. 42. «Сретенская таможня». – Оп. 1. – Л. 15–17.

[2] До 1864 г. высшим органом таможенного управления был Департамент внешней торговли.

[3] Внедрение системы окружного таможенного управления принято связывать с учреждением 24 июня 1811 г. таможенного управления по европейской границе, в соответствии с которым была создана сеть таможенных округов в соответствии со сложившимся делением страны. Было образовано 11 таможенных округов, к которым в 1816 г. было прибавлено ещё 2 округа, а в 1818 три округа по азиатской торговле (впоследствии 4).

употребления, а также товаров, на основании особых разрешений начальства; наличность денежных сумм и гербового имущества; правильность показания весов, находящихся на переходном пункте…» [1, с. 119].

Всем товарам, которые во время ревизии находились на переходном пункте, управляющий обязан производить «передосмотр». О результатах ревизии переходного пункта и всех замеченных упущениях информация предоставлялась начальнику округа.

По хозяйственным вопросам управляющий обеспечивал приобретение необходимых для таможни вещей, например канцелярских материалов, осуществлял надзор за таможенными зданиями, обеспечивал организацию ремонтных работ.

Для содействия управляющему таможнями в изыскании способов удовлетворения строительных и хозяйственных потребностей таможни по содержанию, ремонту, отоплению и освещению таможенных зданий и судов, по заготовлению и расходованию канцелярских и пломбировальных материалов Циркуляром Департамента таможенных сборов от 21 августа 1900 г. № 17351 были учреждены хозяйственные комиссии [1, с. 341–346].

Все таможенные чиновники и служители, не исключая членов, обязаны были исполнять беспрекословно требования управляющего. Управляющий таможнею был вправе отстранить таможенного служителя от обязанностей в случаях злоупотребления положением, объявить устное замечание при недолжном исполнении должностных обязанностей таможенным служителям, а также применить иные административные меры взыскания и увольнение.

Циркуляром Департамента таможенных сборов от 9 августа 1882 г. № 14030 определено, что «…право управляющего таможней относительно распределения подведомственных ему чиновников ограничено следующими правилами:

1) штатные чиновники не должны быть назначаемы к исправлению должностей членов, пакгаузных надзирателей, корабельных смотрителей и их помощников, если все показанные по штату чины находятся на месте и если такое допущение не вызывается болезнью или кратковременным отсутствием должностного лица;

2) лица, причисленные к Департаменту, состоящие при таможнях или командированные для ознакомления с таможенной службою, не назначаются к исполнению штатных должностей без решения Департамента;

3) при увольнении в продолжительные отпуска исполнительных чиновников управляющий обязан доносить начальству о том, кто назначается к исполнению должности отсутствующего лица...» [4, с. 65–67].

Статус управляющих таможен не мог быть одинаков, как ранее было сказано, всё зависело от специфики таможенной структуры. Управляющим таможнями некоторых таможен предоставлялись права и обязанности начальников таможенных округов, например: управляющему Архангельской таможней – по отношению к таможенным установлениям и частям пограничной стражи, входящим в состав бывшего Архангельского округа, и управляющим таможнями, изъятыми из ведения начальников таможенных округов [4, с. 67].

Во многих таможнях в помощь управляющему учреждалась должность помощника управляющего. Регламентация его статуса отражена в Циркуляре Департамента таможенных сборов. На основании Инструкции помощникам управляющих таможнями [1, с. 115], утверждённой Циркуляром департамента таможенных сборов от 1 мая 1898 г. № 8923, помощник управляющего на период болезни или увольнения в отпуск или от должности управляющего вступал во все его права и обязанности. Так, например, к общим обязанностям помощников управляющего относилось «…заведывание всем внутренним делопроизводством под руководством Управляющего и наблюдение за всеми частями Таможни…» [1, с. 115]. Помощник также производил передосмотр товарных мест и почтовых посылок, но к решению серьёзных административных и хозяйственных вопросов не допускался.

Содержание статуса иных категорий служащих таможен без внимания правоустановителей не осталось, наряду с положениями Таможенных уставов были оформлены инструкции, где статусное положение служителей таможен было детализировано. Особое внимание в законодательных актах уделялось наиболее распространённой категории служащих таможен – досмотрщикам. Должность досмотрщика была предусмотрена ст. 29, ст. 112 Устава Таможенного [5]. Объём их обязанностей и ответственности был предусмотрен статьями Устава Таможенного (ст. 423, 454, 484, 487, 495, 522, 524, 526, 527, 569, 574, 637, 649, 814). Кроме Таможенного Устава нужно назвать такие документы, как «Положение о таможенных досмотрщиках и их обязанностях» утверждённое министром финансов, изданное в 1875 г.; Циркуляр Де-

партамента таможенных сборов № 8563 от 17 апреля 1896 г., и др.

Досмотрщики определялись в таможни самими таможнями, с учреждения начальников таможенных округов. Вопросы распределения досмотрщиков по таможенных структурам затронуты в Циркуляре Департамента таможенных сборов от 17 апреля 1896 г. № 8563 [1, с. 56–58]. Там сказано, что распределение досмотрщиков по отдельным таможенным учреждениям, как и установление объёма денежного содержания, является предметом исключительного ведения начальника таможенного округа, исходя при этом из пределов сумм, ассигнованных на содержание досмотрщиков в границах округа [1, с. 56–58].

Достаточно чётко названным положением прописывались требования к лицам, занимающим должности досмотрщика. В досмотрщики принимались люди всякого звания, не моложе 21 года и не старше 40 лет, хорошего поведения и грамотные. К 1913 г. это правило несколько изменилось. В Положении о таможенных досмотрщиках, утверждённом министром финансов 7 декабря 1912 г., возрастные требования к досмотрщикам устанавливались иные: верхняя граница возраста не старше 30 лет. Кроме того, предпочтение в приёме на службу отдавалось лицам «запасных воинских чинов, безупречного поведения, грамотным, вполне здоровым и пригодным к таможенной службе».

Предельный возраст нахождения на службе составлял 60 лет. Досмотрщики, достигшие этого возраста, со службы увольнялись, но начальникам таможенных округов, а также управляющим таможен, состоящим вне округа, предоставлялось право сохранять на службе лиц до 65-летнего возраста, в отношении тех досмотрщиков, которые при условии «усердной и безпорочной службы» способны были исполнять свои обязанности и «особенно полезны для службы».

Не остались без внимания элементы социального статуса. Названные ранее Положения 1875 и 1912 гг. охватили вопросы денежного содержания досмотрщика, пользования государственным имуществом, времени отдыха, системы поощрения и наказания. В Положении 1875 г. сказано, что: «кроме получаемого за свою службу содержания досмотрщики некоторых таможенных учреждений пользуются казёнными квартирами, за которые с них производятся вычеты: в учреждениях I разряда по 2 р. 50 к. в месяц; II разряда по 1 р. 75 к. и III разряда по 1 р.» [3].

Кроме названных окладов денежного содержания досмотрщики за пределами таможенной черты получали суточные в соответствии со ст. 50 Таможенного устава [5]. Дополнительные выплаты устанавливались для лиц, участвовавших в задержании контрабандных товаров, исходя из стоимости задержанного товара. По решению управляющего таможней и начальника таможенного округа досмотрщикам могли быть назначены награды за особые отличия и выделены дополнительные пособия из остатков от сумм, отпускаемых на их содержание.

Для досмотрщиков была сформирована система социальных гарантий, это, например, отпуск. Состоящих на службе досмотрщиков можно было увольнять (с сохранением содержания) в отпуска на сроки не свыше двух месяцев. При этом соблюдались такие правила: «…из каждых тридцати досмотрщиков по всему округу может быть увольняем только один; в портовых таможнях дозволяется начальнику округа или управляющему таможнею, не состоящему в ведении округа, увольнять досмотрщиков в отпуск в течение зимнего времени по столько, сколько будет признано возможным по предстоящим им в это время занятиям; отпуска должны предоставляться в такое время, когда увольняемые люди менее нужны и не предвидится временная командировка для усиления состава других таможен; при увольнении в отпуск досмотрщику выдаётся один мундир с панталонами, шинель и фуражка...» [3].

Определённое внимание было уделено вопросам пенсионного обеспечения, хотя основное регулирование этого вопроса осуществлялось на уровне Департамента таможенных сборов. Наиболее качественная детализация вопросов пенсионного обеспечения присутствует в ведомственных актах. Циркуляром Департамента от 20.01.1912 г. «Об утверждении министром финансов правил о пенсиях и пособиях отставным таможенным досмотрщикам и их семействам»[1] досмотрщикам назначались пожизненные пенсии за выслугу лет и единовременные пособия, «по оставлении ими службы». Пенсии назначались с ближайшего дня после увольнения. Право на пенсию за выслугу лет приобретается досмотрщиком по «послужении» в этой должности 25 лет и достижении им при этом 50-летнего возраста. Если досмотрщик прослужил 25 лет, но не достиг при этом 50-летнего возраста, то срок пенсии признавался выслуженным лишь по достижении им

[1] РГИА (Рос. гос. ист. архив). – Ф. 143. – Оп. 1. – Д. 665. – Л. 3.

этого возраста. Для досмотрщиков, которые выслужили 25-летний срок в возрасте старше 50 лет, срок выслуги считался со времени истечения 25-летнего срока службы. Если досмотрщик, имевший право на пенсию за выслугу лет, продолжал службу, то причитавшиеся ему платежи, пенсии не выдавались, а зачислялись Управлением Государственными сберегательными кассами на особый счёт. Имеющему такой счёт досмотрщику при увольнении его со службы назначалась усиленная пенсия.

Досмотрщику, прослужившему не менее 2 лет, но не выслужившему право на пенсию в случае оставления им службы по причине наступления неспособности к труду, назначалось особое усиленное пособие. Выдача этого усиленного пособия производилась лишь в том случае, если досмотрщик потерял способность к труду.

Система пенсионного обеспечения для служащих в своей основе руководствовалась принципом не только защиты интересов служащего, но и защиты членов его семьи. Общим пенсионным уставом (ст. 100, 101, 106, 109–121, 124) было прописано «семействам умерших в таможенной службе чиновников, прослуживших тридцать и более лет, определяется пенсия» [9].

Наличие социальных гарантий имеет особое значение, поскольку эффективность деятельности служащих в немалой степени зависит от их защищённости, тем более что гарантии были созданы как для служащих, так и для членов их семей.

Довольно интересным представляется содержание служебных обязанностей, предусмотренных в «Положении о таможенных досмотрщиках» 16 марта 1896 г. В положении сказано: «…ввиду разнообразия обязанностей, исполняемых досмотрщиками, а также не одинаковой степени ответственности и самостоятельности при исполнении каждым из них порученного ему дела, в каждом таможенном учреждении устанавливаются для досмотрщиков три оклада: высший, средний, низший…» [1, с. 56–58]. Высший оклад устанавливался для досмотрщиков, наблюдавших за отдельными таможенными операциями, дежурившими на судах при выгрузке и погрузке товара, осуществляющих контроль за приёмом и выпуском товаров и др. Средний оклад – для досмотрщиков, осуществлявших досмотр и клеймение товаров. Низший оклад – для досмотрщиков, исполнявших сторожевую, караульную службу и другие простейшие обязанности.

При поступлении на службу досмотрщики, как правило, назначались на низшие оклады, а в течение службы могли быть «повышаемы в окладах» за выслугу или в виде поощрения за исправную и отличную службу.

При исполнении обязанностей по разным родам таможенных действий досмотрщики руководствовались инструкциями, составленными самими таможнями, с утверждения начальника округа, в соответствии с местными условиями службы. Прежде всего, инструкции закрепляли обязанности досмотрщиков, которые касались каждого досмотрщика, например Инструкция, составленная управляющим заставой С. Н. Хмелевским 20 мая 1902 г., таможенным досмотрщикам Маньчжурской таможенной заставы[1] и Инструкция для досмотрщиков Ревельской таможни 19 октября 1910 года[2]. По тексту Инструкции досмотрщики Ревельской таможни делились на разные категории: досмотрщик клеймильного отделения, досмотрщик по надзору за браком товара, досмотрщики, назначаемые для надзору за погрузкой товара, досмотрщики на складах вывозимого за границу товара и др.

Анализ названных выше документов позволяет говорить о существовании различий в объёме служебных полномочий, с учётом распределения досмотрщиков по категориям. Так, например, в обязанности старшего досмотрщика по корабельной части входило «…как можно чаще обходить все торговые суда, стоящие в гавани; на судах, пребывающих по заграничному плаванию, проверять целость наложенных пломб и печатей, наблюдать, чтобы по окончании дневной грузовой операции пресс со штемпелем и казённые печати были незамедлительно возвращены в Корабельную контору дежурному чиновнику; знать, сколько торговых судов находятся в гавани и на рейде и какая идёт на них работа; на ожидаемые к приходу суда заблаговременно подготовлять состав досмотрщиков и отдавать им соответствующие распоряжения; заметив или узнав о каких-либо подозрительных сношениях экипажа судов с местными жителями, донести об этом корабельному чиновнику, постовым досмотрщикам вменить в обязанность иметь за ними строгое наблюдение и в случае необходимости усилить надзор…»[3].

[1] ГАЗК. – Ф. 107. «Маньчжурская таможня». – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 145–147.

[2] РГИА. – Ф. 21. «Департамент таможенных сборов». – Оп. 12. – Д.16. – Л. 27–47.

[3] Там же. – Л. 27–47.

В перечень общих для всех досмотрщиков входили обязанности, прежде всего, соблюдать присягу, которую на основании статей 180–186 Устава о службе гражданской должны быть принять все лица, вступающие в службу, как первоначально, так и из отставки[1].Текст присяги таможенного служащего определён циркуляром Департамента таможенных сборов от 3 сентября 1899 г. «О форме присяги» № 17864. В циркуляре закреплён следующий текст присяги – Клятвенного обещания: «Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, перед святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и законному Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всём повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежавшие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и притом по крайней мере стараться способствовать всё к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может; о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявляя, но и всякими мерами отвращать и не допущать тщатися и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, определённой и от времени до времени Его Императорского Величества именем от предуставленных надо мною начальниковопределяемых инструкциями и регламентами и указами надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги поступать, и таким образом себя весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежить, и как я перед Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу; как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же моей клятвы целуя слова и крест Спасителя моего. Аминь»[2].

Ещё одна закреплённая Инструкцией обязанность – «…служить честно, всемерно заботясь о казённом интересе и вообще ставить службу самою первою и высокою своею обязанностью…»[3] Существовали обязанности в отношении правил ношения форменной одежды, соблюдения требований руководства, отношения к имуществу, документам, амуниции и др.

Особый предмет регулирования составляли исключительные права, такие как употребление оружия. Основание реализации этого права чётко устанавливались нормативными предписаниями, например, если во время службы на досмотрщика будет совершено открытое нападение «людей вооружённых с целью отбития задержанного» или причинения ему телесных повреждений или смерти.

Детализировались также меры дисциплинарной ответственности, которые применялись в случаях нарушений служебной дисциплины. Досмотрщики подвергались взысканиям в форме: замечания, выговора, назначения в очередь на часы, вычета из жалования, смещения со старшего оклада на младший – и, наконец, освобождению от должности. Были учтены критерии многократности нарушений и безрезультатности двукратно наложенного взыскания. В этих случаях с утверждения начальника таможенного округа досмотрщик увольнялся со службы. Налагаемые взыскания на досмотрщиков должны были соответствовать важности проступка, при этом обстоятельства, сопровождавшие событие проступка, подлежали детальной оценке. Пособничество «контрабандирам» наказывалось особо. Досмотрщики исключались со службы и при доказательстве вины подвергались наказаниям, определённым за взятки: потерей всех особенных, присвоенных прав и преимуществ; ссылкой на житьё в Сибирь, отдаче в исправительные арестантские роты.

Таким образом, в России к концу XIX – началу XX в. произошли существенные изменения, ставшие значительным шагом вперёд в закреплении статуса таможенного служащего. В системе таможенной службы теперь чётко прослеживались: формальная внутриорганизационность и должностная субординация, а статус служащего приобрёл все необходимые атрибуты: права, обязанности, гарантии и ответственность. Следует констатировать, что оформление статуса отдельных таможенных чинов прошло длительный период развития – от регламентации общих функций до официального закрепления всех

[1] РГИА. – Ф.10. – Оп. 3. – Д. 18. – Л. 138–141.

[2] Там же.

[3] РГИА. – Ф. 21. «Департамент таможенных сборов». – Оп. 12. – Д.16. – Л. 27–47.

элементов статуса, что имело большое значение в целом для развития «таможенного дела» России, ведь наличие законодательно закреплённого статуса чиновников позволяет государственным органам эффективно реализовывать свои задачи и достигать поставленные цели.

Подводя итог, отметим, что к XX в. таможенная система в целом и таможенная служба в частности превратились в важный структурный элемент государственного механизма Российской империи. Заложенные исторически правила управления внутри таможенной системы можно увидеть сегодня в современной практике деятельности таможенных органов, что ещё раз подтверждает значимость обобщения исторического опыта функционирования органов государственной власти.

Источники

1. Общее собрание циркуляров, распоряжений Департамента таможенных сборов за 1870–1900 гг. СПб., 1902.
2. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 3. 1689 – 1699 гг. СПб., 1830. 694 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений Правительства 16 января 1896 г. № 6, ст. 40.
4. Таможенный устав по европейской и азиатской торговле, дополненный соображениями и разъяснениями. СПб.: Изд. Миклашевского,1887. С. 65–67.
5. Таможенный устав 1892 г. // Собрание законов Российской империи: Свод учреждений и уставов таможенных. СПб., 1892. 6 т. 683 с.
6. Таможенное дело в России: сб. док. и материалов. М., 1998. Т. 2. 502 с.
7. Таможенный Устав 1904 г. // Собрание узаконений (СУ). 1907. С. 3–38.
8. Таможенный Устав по Европейской и Азиатской торговле, утв. 1 июля 1892 г. // Свод законов Российской империи (СЗ). Т. VI: Устав таможенный. СПб. С. 1–60.
9. Уставы о службе гражданской // Свод законов Российской империи. Т. 3. СПб., 1857.
10. Штаты таможенных учреждений по Европейской и Азиатской торговле за 1874 г. СПб., 1874.

Istochniki

1. Obshhee sobranie cirkuljarov, rasporjazhenij Departamenta tamozhennyh sborov za 1870–1900 gg. SPb., 1902.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. T. 3. 1689 – 1699 gg. SPb., 1830. 694 s.
3. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij Pravitel'stva 16 janvarja 1896 g. № 6, st. 40.
4. Tamozhennyj ustav po evropejskoj i aziatskoj torgovle, dopolnennyj soobrazhenijami i raz#jasnenijami. SPb.: Izd. Miklashevskogo,1887. S. 65–67.
5. Tamozhennyj ustav 1892 g. // Sobranie zakonov Rossijskoj imperii: Svod uchrezhdenij i ustavov tamozhennyh. SPb., 1892. 6 t. 683 s.
6. Tamozhennoe delo v Rossii: sb. dok. i materialov. M., 1998. T. 2. 502 s.
7. Tamozhennyj Ustav 1904 g. // Sobranie uzakonenij (SU). 1907. S. 3–38.
8. Tamozhennyj Ustav po Evropejskoj i Aziatskoj torgovle, utv. 1 ijulja 1892 g. // Svod zakonov Rossijskoj imperii (SZ). T. VI: Ustav tamozhennyj. SPb. S. 1–60.
9. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoj // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 3. SPb., 1857.
10. Shtaty tamozhennyh uchrezhdenij po Evropejskoj i Aziatskoj torgovle za 1874 g. SPb., 1874.

Библиографическое описание статьи

Казанцева Н. Г. Организационно-штатная структура таможен конца XIX – начала XX века // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 35–41.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-35-41

Reference to the article

Казанцева N. G. Organizational and Staff Structure of Customs at the End of the XIXth – the Beginning of the XXth Centuries // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 35–41.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-35-41

Статья поступила в редакцию 25.06.2016

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

REGIONAL HISTORY

УДК 336.143(571.53)
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-42-49

***Лев Михайлович Дамешек*[1],**
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail:levdameshek@gmail.com

***Инна Николаевна Мамкина*[2],**
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX века

На основе нормативно-правовых актов и архивных материалов авторы рассматривают процесс формирования системы управления народным просвещением в Восточной Сибири в начале XIX в., а также процесс её последующего развития на протяжении столетия в результате преобразований. В статье определяются основные направления государственной политики в области образования. Впервые вводится информация об образовательных проектах Второго Сибирского комитета и отношение к ним региональной власти. Учитывая статистические данные, авторы сравнивают эффективность системы образования в начале, середине и конце XIX в. Дана детальная характеристика деятельности региональной инспекции народных училищ, определены ее особенности. В статье приводится информация о формируемых инспекторских районах, их площади, количестве учебных заведений. Обращается внимание на взаимодействие местной администрации с дирекцией народных училищ. Авторы делают вывод об усилении бюрократизации системы народного просвещения и необходимости изменения штатного состава инспекций в конце XIX в., а также об особенностях формирования инспекторских районов в Восточной Сибири. Авторы, учитывая изменения государственной политики в области образования в начале XX в., приводят сведения о деятельности региональных инспекций по введению всеобщего начального образования в Восточной Сибири. В результате анализа изученных материалов авторы приходят к выводу о динамичном развитии системы народного просвещения в контексте изменения государственной политики в начале XX века.

Ключевые слова: государственная политика, народное просвещение, система управления, инспекция народных училищ

[1] Л. М. Дамешек является основным автором, им разработаны основные положения исследования.

[2] И. Н. Мамкина на основе выявленного фактического материала по истории просвещения обобщила итоги реализации коллективной работы.

© Дамешек Л. М., Мамкина И. Н., 2016

***Lev M. Dameshek*[1],**
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail:levdameshek@gmail.com

***Inna N. Mamkina*[2],**
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: inna-mamkina@yandex.ru

State Policy in the Field of Public Education Governance in Eastern Siberia in the XIXth – Early XXth Centuries

On the basis of legal acts and archive materials, the authors consider forming process of public education governance system in Eastern Siberia in the early nineteenth century and the process of its subsequent development during the century as the result of changes. The article determines the main directions of state policy in the field of education. For the first time it introduces information about the Second Siberian Committee's education projects and the attitude of regional authorities toward them. Taking the statistical data into account, authors compare the efficiency of the education system at the beginning, in the middle and at the end of the XIXth century. The paper gives a detailed description of regional Inspectorate activities for public schools and identifies its features. It contains information about inspection territories, their total area and number of educational institutions. The paper draws attention to the interaction between local authorities and public school directorate. The authors conclude about the increased bureaucratization of public education system and the need for changes in inspection staff in the late nineteenth century and the peculiarities of inspection territory formation in Eastern Siberia. Taking into account the state policy changes in the field of education in the early twentieth century, the authors give information about the regional inspectorate activities for the introduction of universal primary education in Eastern Siberia. Having analyzed the materials, the authors come to the conclusion about the dynamic development of national education system in the context of state policy changes in the early twentieth century.

Keywords: state policy, public education, governance system, inspection of national schools

Процесс формирования взаимосвязанной, вертикальной системы просвещения в России приходится на начало XIX в. Реформы Александра I вводили новые принципы образования, закрепляющие всесословность и доступность, преемственность учебных заведений, централизацию управления. В результате реформ система учебных заведений представляла собой совокупность учреждений начальной, средней и высшей школы, а именно приходских одно- и двухклассных начальных училищ, уездных училищ, гимназий и университетов.

Управление осуществлялось посредством организации учебных округов и института попечителей. На базе университетов образовано шесть учебных округов (Московский, Виленский, Дерптский, С.-Петербургский, Харьковский и Казанский) с учебно-административными функциями. Округа возглавляли попечители, которые одновременно являлись ректорами университетов. Попечители наделялись административными и контрольно-надзорными полномочиями. Они назначались по согласованию с министром народного просвещения и находились в прямом подчинении ему. Управление учебными заведениями в округе осуществлялось особым Училищным комитетом. В губерниях и областях управление учебными делами возлагалось на директоров, штатных и почётных смотрителей. Для контроля отдалённых регионов вводилась должность визитатора. Система подчинялась принципу строгой субординации. Что касается Восточной Сибири, то она вошла в состав Казанского учебного округа, который курировал визитатор восточносибирских учебных заведений, директор Иркутской гимназии статский советник П. А. Словцов.

Созданная система просвещения имела либеральный характер и перспективные направления развития. Однако события на Сенатской площади в 1825 г. повлекли за собой изменения государственной политики в области просвещения. Новые уставы учебных заведений упразднили либеральные начала образовательной реформы, а именно – ликвидировали преемственность учебных заведений, доступность обучения, существенно ограничили автономию университетов,

[1] L. M. Dameshek is the primary author, he developed the basic principles of the study.

[2] I. N. Mamkina has summarized the results of the implementation of teamwork on the basis of identified actual material on the history of education.

упразднили должности визитаторов. Каждое сословие получило свой тип школы. Усилился и надзор со стороны государства. Так, с 1828 г. на окраинах гражданские и военные губернаторы получили полномочия попечителей учебных округов, а в 1835 г. учебные заведения восточной окраины были изъяты из общей системы учебных округов и введены под контроль генерал-губернатора.

Нововведения были направлены на «отрезвление общества от вольнодумства и дерзновенных мечтаний». Тем самым преобразованиям придавался государственный статус, позднее оформившийся в доктрину «охранительного просвещения». Николаевская эпоха привела к консервации просвещения. На восточной окраине, по мнению И. Л. Дамешек, в первой четверти XIX в. приоритетной задачей государства являлось усиление власти в регионе, которая осуществлялась посредством системы управления, приводимой в действие чиновниками, назначенными из центральной России. Учитывая значительное число инородцев, ссыльных и слабое заселение территории русскими, государство не торопилось развивать систему образования в Восточной Сибири [1].

Положение с делом народного просвещения в Восточной Сибири в середине XIX в. представляло удручающую картину и не удовлетворяла потребностям государства и общества. По данным Гагемейстера в Восточной Сибири в середине XIX в. на огромной территории с миллионным населением в 1851 г. действовало лишь 48 государственных учебных заведений. Они были представлены Иркутской мужской гимназией, десятью уездными училищами в Нерчинске, Иркутске, Енисейске, Верхнеудинске, Троицкосавске, Киренске, Красноярске, Ачинске, Нижнеудинске, Якутске, 34 приходскими училищами, училищем для канцелярских служителей, магометанской школой, институтом благородных девиц и сиропитательным заведением Елизаветы Медниковой. В совокупности в учебных заведениях обучалось 2157 чел., из них 2002 мальчиков и 155 девочек. Соотношение одного ученика к количеству проживающих мужчин составляло 1:262. В женском образовании дела обстояли значительно хуже, одна ученица приходилась на 3031 проживающих в крае женщин[1].

В 1852 г. учреждённый по указу императора Сибирский комитет принял проект программы по развитию народного просвещения. Члены комитета считали необходимым увеличить число приходских училищ и гимназий, улучшить их материальную базу. Для продолжения обучения сибирских гимназистов Комитет рассматривал возможность выделения дополнительных мест в Казанском университете. С программой Сибирского комитета был ознакомлен генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв, который имел по данному вопросу собственное мнение. Он считал увеличение числа средних учебных заведений и обучение сибирской молодёжи в Казанском университете нецелесообразным. Позиция генерал-губернатора объясняется его личным отношением к населению Сибири. В докладе Сибирскому комитету он отмечал, что «… совершенно убедился в необходимости, чтобы управление тамошнее состояло не из сибирских уроженцев. …и даже если и из сибирских …то во всяком случае таких, которые с юных лет удалены были для воспитания с места их родины»[2]. Генерал-губернатор был совершенно уверен в пагубных чертах местного населения и высказывался против открытия университета и учреждения учебного округа в Восточной Сибири. Очевидно, его мнение повлияло на решение Сибирского комитета относительно открытия университета. Члены комитета отметили необходимость улучшения гимназического образования в Восточной Сибири, но «не приступая ни в коем случае к учреждению в Сибири высшего учебного заведения, потому что оно …не принесёт существенной пользы краю»[3].

Очевидно, что отчасти субъективная позиция местной администрации лишила Восточную Сибирь высшего учебного заведения и тормозила развитие системы просвещения в целом. Отсутствие местных органов управления просвещением ставило его в прямую зависимость от генерал-губернаторов. Программы Министерства народного просвещения для высшей администрации Восточной Сибири имели второстепенный характер и часто выполнялись формально. Так, например, в соответствии с Положением об уездных училищах последние были открыты лишь в десяти из 22 имеющихся уездных городов Восточной Сибири. Гимназия открыта лишь в Иркутске на базе бывшего главного народного училища.

Для эффективной реализации государственной политики в области народного просвещения требовалось создание системы местных органов управления, находившихся

[1] Гагемейстер. Статистическое обозрение Сибири. – СПб., 1854. – Ч. 3. – С. 100.

[2] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 84. – Д. 95. – Л. 17.

[3] Там же. – Л. 72.

в подчинении непосредственно министру народного просвещения.

Отмена крепостного права, изменение социально-экономического положения в империи создали предпосылки для развития народного просвещения. В 1860-е гг. государство вновь вернулось к принципам всесословности, преемственности и доступности. В европейской России на фоне появления земств и всплеска общественной инициативы система просвещения получила импульс для своего развития. Учебное дело на окраинах империи и в неземских губерниях продолжало оставаться под контролем государства.

В 1865 г. по распоряжению МНП Восточную Сибирь посетил помощник попечителя Санкт-Петербургского учебного округа А. В. Латышев. Инспектируя учебные заведения, он отмечал полную зависимость учебных заведений от областных и губернских властей, что являлось, по его мнению, препятствием в развитии образования в крае.

К концу 1860-х гг. в крае назрела необходимость создания специальных органов власти для управления народным просвещением. Потребность в профессиональных кадрах, увеличение числа учебных заведений изменили отношение местной администрации к народному просвещению. В декабре 1867 г. по ходатайству генерал-губернатора М. С. Корсакова и по представлению министра народного просвещения графа Толстого в Восточной Сибири высочайшим указом введена должность главного инспектора народных училищ.

Кандидатура главного инспектора согласовывалась с генерал-губернатором и утверждалась министром народного просвещения. Инспектор осуществлял контроль за деятельностью учебных заведений в педагогической, административной и хозяйственной сферах, а также проводил ревизии учебных заведений, принимал отчёты от директоров и инспекторов, утверждал протоколы заседаний педагогических советов, составлял ежегодные отчёты для генерал-губернатора Восточной Сибири и МНП. В области финансов инспектор распределял отпускаемые казной средства на организацию и содержание учебных заведений. Однако инспектор не имел права прямого, непосредственного письменного сношения с министром народного просвещения. Генерал-губернатор продолжал оставаться попечителем учебных заведений. Освободившись от административно-хозяйственных полномочий, он сохранил контрольно-надзорные функции «для ближайшего надзора… и для направления учебной части соответственно видам правительства и пользам края»[1]. Главный инспектор, выполняя распоряжения министра, в первую очередь подчинялся генерал-губернатору.

Ежегодно на содержание штата инспекции из государственного казначейства выделялись 8050 р. Годичное жалование инспектора в разные годы варьировалось от 3000 до 5000 р. Так, в 1902 г. А. Г. Дедов получал жалования – 1400 р., столовые – 1800 р., квартирные – 700 р., командировочные – 1000 р., итого 4908 р. в год. Жалование секретарей не превышало 800 р. в год[2].

Одним из значимых направлений деятельности инспектора являлись ревизии. Согласно законодательству, ревизии проводились «по одному разу в течение двух лет»[3]. Однако данное положение в Восточной Сибири было невыполнимо в связи с огромной и слабозаселённой территорией. Удалённость одного селения от другого могла составлять десятки, а то и сотни вёрст. Учитывая размеры края, для проведения полноценной ревизии инспектору требовалось проехать двенадцать тысяч вёрст по грунтовым дорогам на различном виде транспорта в течение десяти месяцев. Во время ревизий инспектора замещал чиновник, назначенный из главного управления Восточной Сибири, который все решения по наиболее важным делам откладывал до возвращения инспектора. Генерал-губернатор Анучин отмечал, что это «всегда влекло полный застой в делах»[4]. Таким образом, в отсутствие инспектора функционирование системы народного просвещения замирало до его возвращения. Для продуктивной деятельности системы требовались дополнительные элементы управления.

В 1864 г. в соответствии с Положением о начальных народных училищах в систему управления были введены училищные советы, формируемые при участии дворянства, должности директоров и инспекторов народных училищ.

Местная система управления создавалась крайне медленно. Несмотря на принятое Положение 1864 г., учебные заведения продолжали оставаться под контролем директоров Иркутской и Красноярской гимназий, а также директора Якутской прогимназии.

[1] ГАЗК. – Ф.4. – Оп.2. – Д.192. – Л. 1–2*об*.

[2] Памятная книжка управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1902 г. – Иркутск, 1902. – 380 с.

[3] Уставы учебных учреждений и учебных заведений // Свод законов Российской империи. – Т. XI. – Ч. 1. – СПб., 1893. – С. 17.

[4] РГИА. – Ф. 733. – Оп. 194. – Д. 84. – Л. 2.

Учебные заведения Забайкальской области контролировал непосредственно главный инспектор. В 1872 г. школы Забайкальского казачьего войска передали в ведение МНП и в связи с увеличением их общего числа учредили должность инспектора народных училищ. Предположительно первое назначение на должность получил барон Гергард Людвигович Майдель, который оставался инспектором до 1883 г.

Эффективность работы созданной системы управления в Восточной Сибири не замедлила сказаться положительным результатом. За период с 1867 по 1871 гг. количество учебных заведений возросло с 64 до 183, а к 1880 г. достигло 235 [2].

В 1884 г. в административном делении восточной окраины России происходят значительные изменения. Восточно-Сибирское генерал-губернаторство в 1887 г. преобразовано в Иркутское. На Дальнем Востоке было учреждено Приамурское генерал-губернаторство, куда вошла и Забайкальская область.

Изменения затронули и учебную администрацию. В Приамурском генерал-губернаторстве учредили должность окружного инспектора. Однако учебные заведения Забайкальской области остались в ведении главного инспектора Восточной Сибири. В Иркутской губернии ввели должность директора народных училищ, который осуществлял контроль за начальными училищами Иркутска, Нижнеудинского и Киренского округов. В Забайкальской области должность инспектора была заменена на директора, которому подчинили все учебные заведения. Иркутский, Верхоянский и Балаганский округ и Енисейская губерния отошли в ведение двух инспекторов народных училищ. Все новые должностные лица находились в подчинении главного инспектора. Не затронули изменения Якутию и средние учебные заведения.

Таким образом, нововведения усложнили систему управления просвещением. В Восточной Сибири, где дворянское сословие было незначительно, училищные советы не были открыты, распространение получили дирекции и инспекции народных училищ. Инспектор курировали одно- и двухклассные начальные школы на селе и подчинялся директору. Директор контролировал образование в городских и уездных училищах, женских гимназиях и прогимназиях и в губернии (области) в целом. Директора мужских гимназий и прогимназий, реальных училищ подчинялись непосредственно главному инспектору училищ и отвечали за деятельность вверенного им учебного заведения. Из-за многообразия учебных заведений организация управления формировалась под определённый тип, система приобрела дифференцированный характер. Формирование властного аппарата способствовало развитию народного просвещения, с 1884 по 1890 гг. в крае открылось более 90 начальных училищ [2].

Несмотря на положительные черты, в управлении происходило усиление бюрократизации. Директор училищ Забайкальской области, находясь в подчинении главного и окружного инспекторов, был вынужден месяцами согласовывать свои действия не только с ними, но и с генерал-губернатором Приамурья. В частности, переписка по открытию Читинской мужской гимназии началась в 1872 г. Круг адресатов постепенно увеличивался, включая инспектора, наказного атамана ЗКВ, военного губернатора Забайкальской области, окружного инспектора, главного инспектора, министра внутренних дел, министра народного просвещения. Гимназия в Чите начала работу лишь в 1884 г. Значительно увеличился и документооборот. Так, например, в 1869 г. канцелярия обрабатывала документов в количестве 2245 единиц, в 1911 г. – 18 469 единиц с сохранением прежнего штата из двух секретарей. Неоднократные ходатайства главного инспектора и генерал-губернаторов о выделении дополнительных штатов привели лишь к увеличению рабочего дня секретарей на два часа при прежнем жаловании [2].

В 1900 г. в Восточной Сибири уже действовало 12 инспекторских районов: три в Енисейской губернии, четыре в Иркутской, четыре в Забайкальской области и один в Якутии. Основным принципом при формировании районов стало количество учебных заведений и административно-территориальное деление. Например, в 1900 г. в Забайкальской области при учреждении инспекторских районов за основу деления взяли административные районы. В ведение каждого инспектора было отведено по два уезда. Так, в первый участок вошли Читинский и Акшинский, во второй Верхнеудинский и Баргузинский, в третий – Нерчинский и Нерчинско-Заводский, в четвёртый – Троицкосавский и Селенгинский уезды. Однако на практике выяснилось, что такое распределение крайне неудобно для инспекторских поездок. Из-за чересполосицы им приходилось проезжать по чужим районам до 70 вёрст.

В 1902 г. на съезде инспекторов приняли решение об изменении территории инспек-

торских районов в зависимости от количества школ, без учёта их административной принадлежности. Новое распределение уничтожило чересполосицу и отчасти облегчило ревизионную работу инспекторов. Распределение утвердил Приамурский генерал-губернатор[1].

Инспекторские районы были обширны по занимаемой территории. В Иркутской губернии инспектор первого участка на 70 169 км^2 инспектировал 152 школы Иркутского уезда. Инспектор второго – 80 училищ Балаганского и Верхоленского уездов на территории 115 776 км^2. На третьем участке действовало 66 школ Нижнеудинского уезда на площади 106 798 км^2. Территория четвёртой инспекции составляла 410 905 км^2 с 75 школами Киренского уезда.

Наибольшее количество разъездов приходилось на 1 и 2-ю инспекцию Забайкальской области и 4-ю в Иркутской губернии. Количество училищ ежегодно увеличивалось более чем на сотню.

В Якутии назначение на должность инспектора народных училищ получил надворный советник Семён Осипович Огородников, переведённый из Иркутского городского 4-классного училища им. Александра III[2]. В сферу его деятельности входили учебные заведения ведомства МНП в Якутском, Олёкминском, Вилюйском, Верхоянском и Колымском округах, что по площади занимало более 3 млн км^2. Посетить все учебные заведения, разбросанные на таком обширном пространстве, невозможно. В качестве сравнения приведём размеры губерний центральной России: так, Калужская губерния занимала 27 177 км^2, Московская 29 263 км^2, Курская 40 424 км^2, Орловская 41 057 км^2. Более того, по правилам для народных школ в инспекции количество начальных учебных заведений не должно превышать 50 училищ, что в Восточной Сибири было невозможно[3].

В 1903 г. статус и компетенции инспектора Якутской области были приравнены к должности директора. Инспектор дополнительно получил право распоряжения финансовыми средствами, выделяемыми казной и попечителями на содержание учебных заведений[4].

Таким образом, в начале XX в. в Восточной Сибири во всех губерниях и областях сформировалась система местного управления народным просвещением. Государство на фоне всплеска общественной инициативы в области народного просвещения не только сохраняло, но и укрепляло контроль в этой сфере. Однако географические и этнические особенности региона обусловили ряд проблем в системе управления. Инспекторам и директорам подчинялись территории, сравнимые с площадью небольших европейских государств. Удалённость и малочисленность населённых пунктов, кочевой образ жизни части населения препятствовал увеличению числа начальных школ. Для продуктивной деятельности системы управления должностные лица вынуждены были либо сокращать количество ревизий, либо пускать на самотёк административно-хозяйственную часть. Нельзя забывать и о возрастающем документообороте. Таким образом, созданная на местах система управления требовала дальнейшего развития.

Летом 1908 г. член Совета МНП тайный советник Алексей Матвеевич Позднеев находился в командировке в Восточной Сибири (Иркутске и Чите) для ознакомления с работой дирекции народных училищ. Позднеев отмечал «…крайне неудовлетворительное содержание как инспекторов, так и директоров народных училищ»[5]. Служащие получали содержание, утвержденное ещё в 1874 г. Так, директор получал годовое жалование 2300 р., а инспектор 2000 р., соответственно ежемесячное жалование составляло 80 и 72 р., что «… при самых скромных потребностях на такое жалование прожить в Забайкалье семейному человеку, не делая долгов, невозможно. В силу необходимости инспекторы народных училищ вынуждены пополнять свой бюджет посторонним заработком…»[6] Стоимость жилья и дров превышали почти в два раза сумму, выделяемую служащим на аренду помещений. На инспекции школ выделялось 700 р. директору и 500 р. инспектору. Позднеев приводил в качестве примера суммы, выделяемые другими ведомствами своим служащим для разъездов по области. Так, акцизный ревизор получал 1400 р. в год, помощники акцизных надзирателей – 1200 р., податные инспекторы, участки которых совпадают по размерам с участками инспекторов, 1000 р. «Инспекторы… лишены возможности ежегодно осматривать все подведомственные школы, что без сомнения неблагоприятно отражается на развитии школьного дела в Забайкальской области»[7].

[1] ГАИО. – Ф.63. – Оп.2. – Д.7. – Л. 98.

[2] НАРС (Я) (Нац. архив Респ. Саха (Якутия)). – Ф. 288-и. – Оп 1. – Д. 45. – Л. 33.

[3] ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 98.

[4] НАРС (Я). – Ф. 288-и. – Оп 1. – Д. 232. – Л. 10.

[5] ГАИО. – Ф. 63. – Оп.2. – Д.7. – Л.70*об.*

[6] Там же. – Л.71*об.*

[7] Там же. – Л.72*об.*

Докладывая в Совете МНП результаты проверки, А. М. Позднеев предложил дополнительно создать две инспекции в Забайкальской области и одну в Иркутской губернии, распространить на директоров и инспекторов положение о полуторных окладах, выплачиваемых служащим средних учебных заведений.

К концу 1908 г. главный инспектор народных училищ Восточной Сибири Г. П. Василенко подготовил проект по увеличению числа инспекторов народных училищ. При поддержке А. М. Позднеева решение было принято. 7 июня 1909 г. император утвердил закон «Об усилении инспекции народных училищ в некоторых губерниях и областях империи и об увеличении канцелярских и разъездных средств инспектора народных училищ киргизской Орды»[1]. В июле 1909 г. из первого инспекторского района Иркутской дирекции выделили пятый, позднее в Забайкальской области учредили пятый и шестой инспекторские районы.

В это же время Государственной Думой принимается закон «Об отпуске 6 900 000 р. на нужды начального образования» с целью введения всеобщего начального образования. С 1908 по 1914 гг. министерством народного просвещения для реализации программы выделено 51 900 000 р. и дополнительно для школьного строительства выделено 51 416 000 р.[2] В Восточной Сибири обсуждение проектов по введению всеобщего образования началось в 1909 г. Организационная работа проводилась главным инспектором Г. П. Василенко и директорами народных училищ. Реализация программ привела к росту числа учебных заведений. В 1910 г. в Восточной Сибири обучалось 54 546 учащихся в 1205 учебных заведениях, на содержание которых выделялось 1 236 495 р.[3]

К 1911 г. в Российской империи учреждено 12 учебных округов. Восточная Сибирь, Туркестан и Приамурский край находились в ведении местной администрации. В совокупности по всей стране действовало 556 инспекций. Введение всеобщего начального образования потребовало не только дополнительных средств, но и дополнительных штатов. 18 мая 1911 г. МНП утвердило новое штатное расписание инспекторов. Незначительно увеличилось жалование инспекторов и их секретарей. Количество инспекций в стране увеличилось на 52, четыре из них открыли в Восточной Сибири. Кроме того, главный инспектор народных училищ Восточной Сибири уравнен в правах с попечителем учебного округа[4].

Одна из четырёх инспекций учреждена в Якутской области. Учитывая площадь новой инспекции, включавшей Верхоянский, Вилюйский, Колымский и Олекминский округ, должность второго инспектора, так же как и первого, уравняли в правах с должностью директора[5]. По сути, в Якутии существовало две дирекции с сотней учебных заведений.

Государственная политика по введению всеобщего начального образования требовала усиления эффективности системы управления не только для реализации закона, но и для осуществления надзора в условиях нарастающих революционных настроений. В 1911 г. в Восточной Сибири функционировало 17 инспекторских районов, три дирекции, штат главного инспектора состоял из двух секретарей. В 1917 г. количество инспекций увеличилось до 22, штат увеличился до девяти человек. У главного инспектора работали секретарь А. Мацкевич, помощник секретаря В. Литвинцев, старший письмоводитель И. Пономарёв, журналист К. Соболевская, переписчица О. Рогозина, Е. Гантимурова, писцы Д. Хрусталёв, А. Пепенина, А. Гантимурова[6].

Таким образом, накануне революции 1917 г. в Восточной Сибири оформилась местная система управления учебными заведениями. Система представляла собой централизованную иерархию должностных лиц и органов государственной власти. Расширение сети инспекторских районов отвечало интересам государства и эффективно способствовало реализации государственной политики в области народного просвещения. За исключением училищных советов, система управления народным просвещением в Восточной Сибири соответствовала общероссийской модели организации власти в сфере народного просвещения.

[1] ПСЗРИ (Полн. собр. законов Рос. империи). – Собр. 3. – Т. XXIX. – Отд-ние 1. – Ст. 32015.

[2] Всеобщее обучение. Сб. законов и правит. распор. – Вып. II / сост. К. Денисов. – СПб., 1914.

[3] Всеобщее обучение. Сб. законов и правит. распор. – Вып. 1. 1907–1913 гг. / сост. К. Денисов. – СПб., 1913. – С. 115, 119.

[4] ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 203. – Л. 159.

[5] НАРС (Я). – Ф. 288-и. – Оп 1. – Д. 362. – Л. 5.

[6] ГАИО. – Ф. 63. – Оп.6. – Д.14. – Л. 3.

Список литературы

1. Дамешек И. Л. Российское законодательство и Сибирь. Соотношение имперских принципов и регионализма // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической ретроспективе: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского. Иркутск: Оттиск, 2004. С. 37–51.
2. История педагогики / сост.: Н. А. Константинов, Е. Н. Медынский, М. Ф. Шабаева. М.: Просвещение, 1982. 447 с.
3. Линьков А. Рост учебного дела в Восточной Сибири. Иркутск: Сибирский Архив, 1912. С. 505–543.
4. Миропольский С. И. Школа и государство. Обязательность обучения в России. СПб., 1876. 258 с.
5. Панчуков А. П. История начальной и средней школы Восточной Сибири. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1956. 510 с.
6. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. СПб., 1902. 492 с.
7. Сеченова А. А. Управление учебными заведениями Западной Сибири до учреждения учебного округа (1803–1885 гг.) // Материалы междунар. заоч. науч.-практ. конф. «Проблемы и перспективы развития психологии и педагогики». Новосибирск, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: htth://sibac.info (дата обращения: 15.01.16).
8. Соколовский П. Русская школа в Восточной Сибири и Приамурском крае. Харьков: Тип. Зильберберг и с-вья, 1914. 305 с.

References

1. Dameshek I. L. Rossijskoe zakonodatel'stvo i Sibir'. Sootnoshenie imperskih principov i regionalizma // Rossija i Sibir': problemy vzaimodejstvija v regional'noj politike v istoricheskoj retrospektive: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 180-letiju sibirskih reform M. M. Speranskogo. Irkutsk: Ottisk, 2004. S. 37–51.
2. Istorija pedagogiki / sost.: N. A. Konstantinov, E. N. Medynskij, M. F. Shabaeva. M.: Prosveshhenie, 1982. 447 s.
3. Lin'kov A. Rost uchebnogo dela v Vostochnoj Sibiri. Irkutsk: Sibirskij Arhiv, 1912. S. 505–543.
4. Miropol'skij S. I. Shkola i gosudarstvo. Objazatel'nost' obuchenija v Rossii. SPb., 1876. 258 s.
5. Panchukov A. P. Istorija nachal'noj i srednej shkoly Vostochnoj Sibiri. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1956. 510 s.
6. Rozhdestvenskij S. V. Istoricheskij obzor dejatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshhenija 1802–1902 gg. SPb., 1902. 492 s.
7. Sechenova A. A. Upravlenie uchebnymi zavedenijami Zapadnoj Sibiri do uchrezhdenija uchebnogo okruga (1803–1885 gg.) // Materialy mezhdunar. zaoch. nauch.-prakt. konf. «Problemy i perspektivy razvitija psihologii i pedagogiki». Novosibirsk, 2011 [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: htth://sibac.info (data obrashhenija: 15.01.16).
8. Sokolovskij P. Russkaja shkola v Vostochnoj Sibiri i Priamurskom krae. Har'kov: Tip. Zil'berberg i s-v'ja, 1914. 305 s.

Библиографическое описание статьи

Дамешек Л. М., Мамкина И. Н. Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 42–49. DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-42-49

Reference to the article

Dameshek L. M., Mamkina I. N. State Policy in the Field of Public Education Governance in Eastern Siberia in the XIXth – Early XXth Centuries // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 42–49. DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-42-49

Статья поступила в редакцию 02.02.2016

УДК 94(470.22) «18»

Виктория Викторовна Ефимова,
кандидат юридических наук, доцент,
Петрозаводский государственный университет
(185011, Россия. г. Петрозаводск, ул. Ломоносова, 65),
e-mail: efimova1870@rambler.ru

Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830)[1]

Исследователи, изучающие историю старообрядчества, карелов или образования в 1-й трети XIX в. в Олонецкой губернии, если и упоминают имя архангельского, вологодского и олонецкого генерал-губернатора С. И. Миницкого, то только в связи с тем, что в 1829 г. он вышел в правительство с предложением о выведении карельского языка как не книжного из употребления. Автор попытался максимально полно выявить причины, побудившие его это сделать. С этой целью была рассмотрена не только проводимая правительством в 1-е пятилетие царствования Николая I этноконфессиональная политика, но и отношения генерал-губернатора с государем и местным чиновничеством. В результате сделаны выводы о том, что: 1) в рассматриваемый период конфессиональная политика ещё только формировалась и поэтому её нельзя характеризовать как сугубо репрессивную в отношении, по крайней мере, старообрядцев Олонецкой губернии; 2) инициатором разработки мер против распространения старообрядчества среди населения Олонецкой губернии выступила отнюдь не местная администрация, возглавляемая генерал-губернатором, а сенатор Д. О. Баранов, проводивший в 1827/28 гг. общую ревизию губернии, но предложенные им меры не носили репрессивный характер; 3) настоящим автором предложения о выведение карельского языка из употребления являлся епископ Игнатий, считавший его «языком раскола»; 4) при реализации мер, предложенных Барановым и Игнатием, генерал-губернатор не забывал преследовать и свою цель – укрепление собственного положения, для чего он добился отрешения от должности губернатора П. А. Лачинова и попытался скомпрометировать директора олонецких горных заводов А. А. Фуллона.

Ключевые слова: этноконфессиональная политика, архангельский генерал-губернатор, губернатор, епископ Игнатий, старообрядцы

Viktoria V. Efimova,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Petrozavodsk State University
(65 Lomonosova St., Petrozavodsk, 186011, Russia),
e-mail: efimova1870@rambler.ru

General-Governor S. I. Minitsky and Old Believers of Olonets Governorate (1825–1830)[2]

Researchers who study the history of Old Believers, Karelians and education in the first third of the XIXth century mention S. I. Minitsky's name, the General-Governor of Archangelsk Governorate, only in connection with his address to the Russian government in 1829 to put the Karelian language out of use as a non-literary one. The author of the article makes an attempt to find the reasons that induced Minitsky to do so. With this end in view, we examine ethno-confessional policies that Nicolas I and his government enforced during the first five years of the tsar's rule. The author also studies the relationship of the General-Governor with the Tsar and the local officials. We come to the following conclusion: first, in the period under review, ethno-confessional policies were being formed and could not be characterized as policies of repression against Old Believers of Olonets Governorate. Second, those were not local authorities, headed by the General-Governor, that initiated the measures against the spread of Old Belief, but senator D. O. Baranov who inspected the governorate in 1827–1828. However, actions proposed by D. O. Baranov could not be regarded as repressive ones. Third, it was bishop Ignatiy's idea to put the Karelian language out of use as a non-literary one since he considered it as "the language of schism". Finally, while having put into action the measures proposed by senator D. O. Baranov and bishop Ignatiy, S. I. Minitsky had in view to enhance his own status. To do this he made Governor P. A. Lachinov discharged and tried to compromise A. A. Fullon, Olonets mining and metallurgy factories director.

Keywords: ethno-confessional policies, the General-Governor of Archangelsk Governorate, Governor, bishop Ignatiy, Old Believers

Исследователи, которые выбрали предметом своего изучения историю православия, карелов или образования в Олонецкой губернии в 1-й половине XIX в., как правило, обращают внимание только на сделанное в 1829 г. генерал-губернатором С. И. Миницким представление правительству о выведении карельского языка как некнижного из употре-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности № 33.1162.2014/К

[2] The study was supported by the Ministry of Education and Science of Russia in the framework of the project of the state task in the field of scientific activity no. 33.1162.2014 / K

© Ефимова В. В., 2016

бления, оценивая при этом его негативно [7, с. 288–289; 8, с. 113–114; 11, с. 138; 9, с. 272–277; 6, с. 98–100]. Не оспаривая эту оценку, мы бы хотели восстановить справедливость в вопросе об авторстве данного предложения, а также более полно, нежели это делалось прежде, выяснить причины, побудившие генерал-губернатора поддержать его. Для этого, полагаем, необходимо теснее увязать историю принятия этого предложения, во-первых, с религиозной и национальной политикой, которая проводилась Николаем I в 1-е пятилетие его царствования, и, во-вторых, с взаимоотношениями, которые сложились у него с царём, а также местной гражданской и горной администрацией. Статья написана на основе архивных документов, часть которых впервые вводятся в научный оборот.

Для начала попытаемся очень кратко охарактеризовать религиозный курс Николая I в отношении старообрядцев в 1-е пятилетие его царствования. Полагаем, что здесь следует быть весьма осторожным и не спешить обращать на него традиционную оценку – репрессивная, обычно даваемую всему периоду правления этого императора. Представляется, что в эти годы она только формировалась. Однако её основы были заложены в последнее пятилетие царствования Александра I, когда, как отмечает Е. А. Вышленкова, «верховная власть приходит к убеждению о необходимости сохранения государственной церкви как политического института» [1, с. 292–294]. Т. Н. Жуковская считает, что «с 1826 и до начала 1830-х гг. в правительственных сферах шёл интенсивный поиск «новых духовных опор» нового царствования и «православие не могло бы занять место этического стержня официальной идеологии, если бы не соответствовало искренней и глубокой вере императора». Оно «поднималось на щит» для обоснования того, «что преданность алтарю и престолу нераздельны в народном сознании» и для освящения новой идеологии [2, с. 88, 92]. В связи с этим раскол станет рассматриваться как отступничество от православия, а значит, выходящее за пределы веротерпимости. Но всё это произойдёт не ранее конца 1830 г., когда законодатель классифицирует «расколы и ереси», разделив их на «особенно вредные» и «соединённые с жестоким изуверством»[1], чтобы различать их при определении наказания. Однако при этом наказывать предписывалось лишь тех из раскольников, кто в судебном порядке был изобличён в «распространении своей ереси и привлечении к оной других, а также в соблазнах, буйстве и дерзостях против церкви и духовенства православной веры»[2]. В этой связи полагаем, что И. Н. Ружинская несколько поспешила, заявив в своей диссертации, что «первая волна репрессий» против старообрядчества в Олонецкой губернии началась в 1828 г. [10, с. 179]. Считаем, что таковая началась, как и во всей империи, не ранее начала 1830-х гг.

Что же касается национальной политики Николая I в этот же период, то позволим себе сослаться на авторитетное утверждение начальника Статистического отделения МВД К. Ф. Германа[3], который в своих «Объяснениях на вопросы г. Арсеньева»[4], представленных директору Департамента полиции 19 октября 1828 г., так пояснял причину отсутствия такого интереса: «Правительство русское считает народы за детей, живущих по одним законам, но никогда не приказывало делать исчисления по народам и даже старалось по возможности истребить народные различия» [2, с. 6].

При выяснении позиции генерал-губернатора С. И. Миницкого по отношению к старообрядцам важно учитывать и субъективный фактор, а именно: отношение Николая I к генерал-губернатору и генерал-губернатора к губернским чиновникам. При Александре I С. И. Миницкий был под покровительством А. А. Аракчеева, которого, как известно, новый император по его прошению сразу же уволил со всех должностей. К тому же с конца 1825 по 1828 г. в Архангельске расследовалось дело о поставке в архангельские адмиралтейские магазины недоброкачественной муки, к которому оказался прикосновенным

[1] Подавляющая часть проживавших в Олонецкой губернии раскольников, как об этом свидетельствовали в своих отчётах всю 1-ю треть XIX в. олонецкие губернаторы, составляли беспоповцы, которые относились к 1-й группе.

[2] ПСЗРИ. – Собр. 2 (далее ПСЗ-2). – Т. 5. № 4010. – В таком виде эта классификация войдёт в 1832 г. в XV т. Свода законов Российской империи.

[3] Бывший профессор Санкт-Петербургского университета К. Ф. Герман одним из первых в истории русской статистики предпринял в 1819 г. попытку сосчитать количество проживавших в Российской империи народов. Однако, как он сам признавал, представленные им сведения были «ужасно не точные». Известный советский историк В. М. Кабузан отмечал по этому поводу: Герман полагал, что нерусское население составляет примерно 25% всех жителей России, а на самом деле их было не менее 47% [2, с. 6–7].

[4] Адъюнкт-профессор Санкт-Петербургского университета, издавший в 1818–1819 гг. «Начертания статистики Российского государства», позже, став одним из наставников наследника престола, просил Николая I помочь ему в его дальнейших изысканиях. Сведения по высочайшему повелению стали собираться с 1828 г., в т. ч. через МВД и губернаторов.

и генерал-губернатор Миницкий. Под предлогом расследования Николай I на разрешал ему всё это время приезжать в Санкт-Петербург ни по делам службы, ни в отпуск. Лишь в начале 1829 г. ему было позволено приехать в столицу. Здесь за заслуги в качестве командира Архангельского военного порта контр-адмирал Миницкий был даже произведён в вице-адмиралы. Но царская милость длилась недолго – 18 апреля 1830 г. за «прикосновенность» к делу о лихоимстве чиновников своей канцелярии он был отрешён царём от должности, а 7 апреля 1831 г. окончательно уволен от службы. Таким образом, в первые годы царствования Николая I С. И. Миницкому пришлось добиваться расположения царя к себе, а значит, быть крайне осторожным во всех своих предположениях и поступках. Однако, как только он добился этого, то сразу же попытался укрепить своё положение. В Олонецкой губернии это проявилось в эскалации отношений с гражданским губернатором П. А. Лачиновым и начальником Олонецких горных заводов А. А. Фуллоном. Так как эта эскалация повлияла в конечном итоге на меры по отношению к раскольникам, которые в 1829 г. предложил правительству С. И. Миницкий, ниже кратко изложим их суть.

Конфронтация с П. А. Лачиновым была вызвана несогласием сразу по нескольким «делам». Важнейшими из них были: 1) конфликт с советниками Олонецкого губернского правления по поводу установленного Лачиновым нового порядка рассмотрения дел в Правлении; 2) дело о починке 2 казённых домов в Петрозаводске, по которому Лачинов обвинял личного друга С. И. Миницкого бывшего губернатора Т. Е. Фан-дер-Флита и его окружение в халатности и даже присвоении части денег; 3) дело о переносе губернского центра из Петрозаводска в Вытегру. Противостояние закончилось тем, что генерал-губернатор, будучи в Санкт-Петербурге, добился появления 18 марта 1829 г. высочайшего повеления об отрешении Лачинова от должности.

Отношения же С. И. Миницкого с А. А. Фуллоном и его подчинёнными – чиновниками Петрозаводского заводского правления – испортились во время работы в 1825–1827 гг. Комиссии по приписным крестьянам. Генерал-губернатор, желая подчинить себе горную администрацию, активно поддержал Т. Е. Фан-дер-Флита и своего представителя в Комиссии – советника Олонецкого губернского правления Ф. П. Борисова. Это противостояние в 1828 г. закончилось для С. И. Миницкого малым успехом: надзор «за общей безопасностью и тишиною» в Петрозаводском уезде, где проживали эти крестьяне, был возложен на земскую полицию, которая подчинялась ему. Однако главная цель достигнута не была – во всех прочих отношениях Петрозаводское заводское правление во главе с А. А. Фуллоном продолжило подчиняться Министерству финансов. Самолюбие С. И. Миницкого конечно же было уязвлено.

И наконец, для более точного понимания религиозной обстановки в Олонецкой губернии в первые годы правления Николая I упомянем о статистических последствиях религиозных экспериментов Александра I[1]. По подсчётам И. Н. Ружинской только за 10 лет (с 1815 по 1825 гг.) число старообрядцев здесь увеличилось на 1/3 и составило 8764 чел., а это означало, что каждый 20-й житель губернии, а в Повенецком уезде каждый 5-й, был старообрядцем. Эти данные совпадают и с официальными данными, опубликованными в 1826 г. МВД [10, с. 15–16, 82–85, 93, 103, 139]. Но, как признавал, например, в 1829 г. олонецкий вице-губернатор Б. И. Пестель, они были весьма заниженными[2].

По имеющимся в нашем распоряжении документам мы не смогли выявить каких-нибудь примечательных действий генерал-губернатора С. И. Миницкого в отношении старообрядцев в первые 2 года правления Николая I. Да, кажется, их и не могло быть, так как, полагаем, что основное внимание нового императора во внутренней политике в этот период поглощал процесс над декабристами, а также «разбор» найденных в кабинете его старшего брата бумаг в специально созданном для этого 6 декабря 1826 г. секретном Комитете. Поэтому в религиозной сфере велась весьма «вялая» законодательная деятельность, сводившаяся в основном к подтверждению прежних узаконений[3]. Новеллами следует признать лишь два узаконения. Это, во-первых, именной указ министру внутренних дел от 3 июля 1826 г., предписывавший все сведения о числе существующих в государстве сект и расколов отныне собирать в III Отделении С. Е. И. В. канцелярии, что ясно дало понять чиновничеству, какое значе-

[1] Здесь мы имеем в виду увлечённость царя с 1812 г. идеей создания общехристианского «евангелистского» государства, где существует «приоритет единых христианских ценностей перед конфессиональными, общегосударственных перед национальными» (см. подробнее: [1, с. 133–145, 284–292]).

[2] НАРК (Нац. архив Респ. Карелия). – Ф. 2. – Оп. 47 – Д. 2/1. – Л. 18.

[3] См., напр.: ПСЗ-2. – Т. 1. № 584; Т. 2. № 1257; НА РК. – Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 4–13.

ние царь начинает придавать этому делу. И, во-вторых, высочайшее повеление от 24 мая 1827 г., запрещавшее раскольничьим попам переходить даже внутри одной губернии из уезда в уезд. При нарушении этого запрета местным властям предписывалось поступать с ними как с бродягами[1]. Как считал известный старообрядческий писатель Ф. Е. Мельников, эта мера очень скоро негативно сказалась на количестве и качестве руководителей старообрядческой церкви [4, с. 168].

Главным же виновником обращения более пристального внимания к старообрядцам Олонецкой губернии следует признать отнюдь не губернскую администрацию во главе с генерал-губернатором С. И. Миницким, а сенатора Д. О. Баранова, который в 1827–1828 гг. проводил общую ревизию губернии. В результате в своём рапорте на высочайшее имя он назвал следующие причины распространения раскола: 1) незнание жителями, «наипаче в Повенецком уезде, находящимся посреди Карелии», русского языка, отчего они остаются равнодушными к «пастырским поучениям священников, тогда как раскольники чрез частое с ними обращение по делам торговым, ознакомясь с их языком и обычаями, подчинили их своему влиянию»; 2) зависимость священников от раскольников, которые получают от них денежное содержание за сокрытие раскола; 3) поддержка раскольничьими монастырями крестьян в годы частых неурожаев; 4) поддержка самих монастырей «большими вкладами» богатых лиц. Однако в качестве средств «уврачевания зла сего» сенатор предлагал «одни только способы кротости и христианского назидания», т. к. «всякие другие, будучи противны Вашему сердцу, опровергаются также опытом прошедших времён», когда «строгость и гонение на отказников от церкви нашей, не только не обращает заблудшие души на путь истины, но производит в них пущее упорство, ожесточение и ненависть к Господствующей вере». Основные меры, предложенные сенатором, должны были состоять в: 1) учреждении отдельной епархии; 2) расширении числа церквей, которые разрешить строить из леса без взимания попенного сбора; 3) назначении священниками в приходы Повенецкого уезда монахов Соловецкого и Палеостровского монастырей, известных «своей кротостью нравов и благочестием», но с содержанием, независимым от прихожан; 4) прекращении Казённой палатой приписки крестьян к старообрядческим монастырям; 5) учреждении духовного училища в г. Повенце из детей старообрядцев и воспрещение принимать на воспитание в раскольничьи монастыри малолетних детей[2].

Данный рапорт произвёл на Николая I впечатление, которое собственноручно написал на нём: «Я совершенно согласен на предлагаемые меры сенатором Барановым. Святейшему Синоду избрать епископа, назначив, где иметь пребывание». Исполнительный доклад Синода был утверждён царём 22 мая 1828 г. Епископом новой епархии был избран новгородский викарий Игнатий, а его местопребыванием назначен Петрозаводск[3] [5, с. 9].

Официально об этих высочайше утверждённых мерах генерал-губернатор С. И. Миницкий был извещён министром внутренних дел А. А. Закревским в отношении от 22 сентября 1828 г. 29 сентября об этом же поставил в известность губернатора П. А. Лачинова епископ Игнатий. 5 и 21 октября С. И. Миницкий предлагает П. А. Лачинову привести высочайшую волю в исполнение и представить к нему «местные соображения… о мерах обращения тамошних старообрядцев к принятию постановлений христианской церкви». Кроме этого, к последнему своему предложению генерал-губернатор приложил анонимную записку о Выгорецком старообрядческом монастыре, в которой, между прочим, отмечалось, что для «ослабления и уничтожения Выгорецких старообрядческих монастырей должны употребляться самые кроткие и политические меры, ибо гонения не истребляют, а только усиливают раскол. При благоразумных мерах Правительства, из коих главная есть возвышение состояния священнослужителей в нравственном и физическом отношении, сами собою уничтожаться расколы, кои доселе поддерживались и возжигались усердием и связями умных старшин[4]. Нынешний большак их человек весьма ограниченный, не имеющий даже между собратьями своими должного уважения, а потому не в состоянии управлять се огромною махиною и скоро доведет общество до разорения»[5].

Ответ от губернатора был получен при рапорте от 4 декабря 1828 г. только после по-

[1] ПСЗ-2. – Т. 1. – № 449.

[2] НАРК. – Ф. 25. – Оп. – 15. – Д. 7/153. – Л. 1–13; Ф. 593. – Оп. 3. – Д. 1/ 2. – Л. 154–158.

[3] НАРК. – Ф. 593. – Оп. 3. – Д. 1/2. – Л. 158б –163.

[4] Полагаем, что здесь подразумевался Кирилл Михайлов, в отношении которого в 1824 г. было возбуждено уголовное преследование за его отлучки в Ярославскую губернию для наставления в расколе тамошних жителей (см.: НА РК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 23/1).

[5] НАРК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 29/12; Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 1.

вторного напоминания генерал-губернатора. Свою задержку П. А. Лачинов оправдывал тем, что в это время вынужден был сразу исполнять несколько дел: во-первых, заканчивать ежегодный отчёт, в котором, между прочим, говорилось, что существующие в губернии 2 раскола – даниловской и филипповской сект, распространения в текущем году не имели. Старообрядцы «законной власти послушны, подати и прочие повинности оплачивают и исполняют беспрекословно»[1]; во-вторых, лично обсчитывать «стоимость» перевода из Петрозаводска в Вытегру губернского города; в-третьих, давал разъяснения присланной из МВД комиссии по делу о ремонте казённых зданий. Затем губернатор рапортовал об отданных распоряжениях губернскому правлению, Казённой палате и повенецкому земскому исправнику, а далее в морализаторском духе рассуждал о мерах «на будущее». Впрочем, большинство из них представляли собой лишь повтор мыслей сенатора. Собственной его инициативой следует признать лишь предложение об учреждении нового тракта из Санкт-Петербурга через Петрозаводск, Повенец, старообрядческие скиты и Онегу в Архангельск. Это, по его мнению, не только бы улучшило путь паломников в Соловецкую обитель, но и сделало жилища старообрядцев «открытыми для света, которого они до сего времени чуждаются столько же, как и Православия»[2].

Реакция генерал-губернатора на этот прожект была крайне негативной. В своей записке государю от 14 марта 1829 г. он писал, что о невозможности постройки такой дороги он ещё в 1824 г. лично представлял Александру I в Вологде. Среди его возражений особо выделим такое: «по Олонецкой губернии старообрядцы живут не только в скитах, но и в городах и даже в Петрозаводске в глазах у г[осподина]. Лачинова, которые тако же, как и в Повенецких скитах чуждаются православия и явно страообрядствуют», поэтому и дорога не поможет[3]. Напомним, что через 4 дня губернатор был отрешён царём от должности и предан суду.

Следующим важным сигналом к началу более активных действий олонецкой губернской администрации в отношении старообрядцев, как мы полагаем, стало циркулярное (по секретной части) предписание министра внутренних дел А. А. Закревского к губернаторам от 15 марта 1829 года. Им предписывалось «принять к руководству» приложенную к циркуляру «выписку» из Высочайше утверждённых с 1820 по 1827 гг. постановлений о раскольниках, а в случае могущих возникнуть у них сомнений в применении этих узаконений представлять об этом прямо в МВД, «не передавая сих дел в Губернское правление». Таким образом, министр не просто подчёркивал, но ужесточал режим секретности при рассмотрении дел о раскольниках. С. И. Миницкий, по-видимому узнавший о готовящемся циркуляре раньше, чем он был разослан, уже в предложении от 28 февраля приказал губернатору Лачинову «доводить и до моего сведения о всех таких случаях», а также «всякой раз немедля нимало, извещать меня секретно о всём том, что касается до раскола и определяемых Вами мерах и распоряжениях по сей части»[4].

Не бездействовал после своего прибытия 7 августа 1828 г. в Петрозаводск и епископ Игнатий, который начал знакомство с епархией с её обозрения. Именно тогда он в первый раз посетил и старообрядческие монастыри на Выге. О такой активной деятельности Игнатия в своём рапорте к С. И. Миницкому от 4 декабря 1828 г. не преминул заметить и губернатор, написав, что «о доблестях» нового епископа «молва в самое короткое время распространилась по всей губернии», что его деятельность «есть пример для всего духовенства», и это принудит старообрядцев «слушать божье поучение под кровом Православной церкви»[5].

Полагаем, что именно после поездки на Выг, у епископа Игнатия и возник план, который он предположил обсудить с генерал-губернатором. Случай не заставил ждать – С. И. Миницкий, несмотря на то, что спешил из Петербурга в Архангельск к открытию навигации, вынужден был 3 апреля заехать в Петрозаводск, чтобы выполнить поручение министра внутренних дел лично разобраться на месте с беспорядками, которые случились в Олонецком губернском правлении во время губернаторства П. А. Лачинова, и донести об этом ему и Сенату, где собирались материалы для суда над губернатором. И хотя в

[1] То же продолжал повторять в своих отчётах за 1-ю пол. 1830-х гг. и сменивший его на губернаторском посту А. И. Яковлев (см., напр.: РГИА (Рос. гос. ист. архив). – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 799. – Л. 34–35; Ф. 1284. – Оп. 19. – Д. 14. – Л. 18; НА РК. – Ф. 1. – Оп. 38. – Д. 5/21. – Л. 233–234).

[2] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 4. – Д. 278. – Л. 150–180; НА РК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 29/12. – Л. 12, 19–20; Д. 29/23. – Л. 49–53, 69–76; Оп. 38. – Д. 5/21. – Л. 235–238.

[3] РГИА. – Ф. 1286. – Оп. 2. – Д. 799. – Л. 35–37; Оп. 4. – Д. 278. – Л. 76, 185–186; НА РК. – Ф. 1. – Оп. 38. – Д. 5/21. – Л. 235–238.

[4] НАРК. – Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 14.

[5] НАРК. – Ф. 1. – Оп. 36. – Д. 29/12. – Л. 19.

городе генерал-губернатор пробыл не более 4 дней[1], но именно в эти дни он успел переговорить о проблемах раскола не только с епископом, но и, как минимум, с временно замещавшим губернатора вице-губернатором Б. И. Пестелем, о секретном поручении которому генерал-губернатор счёл необходимым упомянуть в своём пресловутом представлении 1829 г. министру внутренних дел.

О том, что встреча с генерал-губернатором состоялась, свидетельствовал и сам епископ. Так, в рапорте Синоду от 31 мая 1836 г.[2] он дважды пишет об этом в следующих выражениях: «было словесное совещание с бывшим генерал-губернатором о выведении из употребления карельского языка», впоследствии чего было «сделано от генерал-губернатора представление министру внутренних дел»; «при первом обозрении Повенецкого уезда в 1828 г. изъяснялся о сём словесно, а потом и в поданной записке с бывшим генерал-губернатором здешним на его о том приглашении»[3]. К сожалению, эта записка до сих пор никем из исследователей не найдена, но, по-видимому, именно её текст Игнатий частично воспроизвёл в своём рапорте от 31 мая 1836 г. К сожалению, рамки данной статьи не позволяют привести полностью аргументацию епископа, но несомненно то, что она была составлена мастером риторики, убедившим генерал-губернатора С. И. Миницкого войти со своим предложением в правительство. Желающих подробно ознакомиться с её содержанием отсылаем к работе А. М. Пашкова [6, с. 101–109]. Здесь же в качестве примера приведём только один из аргументов епископа: при оставлении карельского языка карелы «оставались бы навсегда не склонными к Церкви и Святым книгам», а также отчуждёнными «от общего отечества даже в Гражданском отношении; а язык общий сделал бы их всех доступными общенародному образованию, коего здешний край по природным способностям карелов и близости к столице весьма достоин». Цель всех приведённых епископом аргументов была одна – доказать, что карельский язык, как «особенный язык раскола» и «не имевший ни прежней ни нынешней письменности», может и должен быть выведен из употребления карелов.

Первым последствием состоявшегося между генерал-губернатором и епископом разговора, по-видимому, следует признать сделанное 14 мая 1829 г. Игнатием в Синод донесение о необходимости открытия в Петрозаводске духовной семинарии, имеющей в своём составе особый класс по изучению карельского языка. На первый взгляд эта инициатива может показаться весьма неожиданной в контексте только что сказанного, но вот как объяснял её епископ: класс этот нужен «не столько для разговора, сколько для навыка» тем будущим священнослужителям, которые будут «неумеющим по Руски жителям здешней Епархии, коих очень много, изъяснять истины до веры и нравов касающиеся… Хотя язык Корельский не имеет книжного бытия, по многим отношениям весьма ненадобный, должен по некотором времени выведен из употребления, как о сём уже и входил я в совещание с Гражданским Правительством, к чему и со стороны сего Правительства сходятся убедительные причины; но пока меры к сему будут иметь своё действие, для первоначального привлечения их самих в действие, необходимо духовным знать язык Корельский с тем, чтобы со временем никто из прихожан не знал его»[4].

Теперь посмотрим, что же написал в своём представлении к министру внутренних дел в 1829 г. С. И. Миницкий. Но прежде сделаем важную оговорку – мы до сих пор не смогли найти оригинал этого представления, а также произвести его точную датировку[5]. Мы можем только предположить, что это представление не могло быть подано ранее 3–6 апреля и позже 17 июля, т. к. последним числом уже датируется приказание, поступившее из Департамента горных и соляных дел на имя начальника Олонецких горных заводов А. А. Фуллона, в котором оно, собственно, наиболее полно и пересказывалось. Начиналось оно так: «Архангельский, Вологодский и Олонецкий генерал-губернатор вице-адмирал Миницкий в отношении своём министру внутренних дел, между прочим, объясняет: 1) что Олонецкий Преосвященный, бывши в Выгорецких старообрядческих монастырях, заметил, что в окружности оных крестьяне ведомства Казён-

[1] Об этом он пишет в письме к А. А. Аракчееву от 13 апр. 1829 г. (см.: Отдел Рукописей Рос. Нац. б-ки. – Ф. 29. – Т. 33. – Л. 489–490).

[2] Этот рапорт был ответом на указ Синода от 30 апр. 1836 г. о предоставлении ему сведений, необходимых к принятию мер «об утверждении карелов в православии и ослаблении на них раскольников Поморской секты» (см.: НА РК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 1–2, 40*об*. – 52).

[3] НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. –Л. 40, 44*об*.

[4] НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 18, 39; Оп. 15. – Д. 21/470. – Л. 5–8. Этот доклад 27 июля 1829 г. был утверждён Комиссией духовных училищ при Синоде, и 27 октября 1829 г. духовная семинария с классом карельского языка была открыта в Петрозаводске.

[5] Датировка, произведённая И. А. Черняковой, не совсем верна [11, с. 97].

ной палаты по местному положению своему весьма бедны и требуют особого попечения об них начальства, и что посему он – генерал-губернатор – предложил вице-губернатору узнать подробно о промыслах и хлебопашестве окрестным к этим старообрядческим скитам селений Повенецкого уезда и какие бы можно было предпринять меры к улучшению их состояния так, чтобы они не зависели от пособия старообрядцев, которые в скудости им делают вспомоществование и тем их к себе привязывают»[1]; 2) что, «проехав через Олонецкую губернию, заметил <он ?>, что жители около г. Петрозаводска «мало знают по-русски и по последней к городу станции из Санкт-Петербурга мужчины и женщины говорят по-карельски, не умея или с нуждою могут объясняться по-русски. На сие доныне не обращали внимания, хоть в судах и следствиях для самих поселян бывает затруднительно, а для следователей остановка и трудность открывать истину». Поэтому надо бы «вменить в обязанность Олонецкому губернскому начальству, наипаче управлению Олонецких горных заводов, в ведомстве коего состоят казённые крестьяне целого Петрозаводского уезда, стараться о распространении русского языка, и чтобы корельский, как не книжный и ни к чему не нужной, мало по малу ослаблялся, и, по его мнению, можно бы воспретить волостным начальствам в каждом селении говорить без нужды по-корельски, ибо во всякой вотчине есть хотя один знающий русский язык, которые обыкновенно и занимают упоминаемые мирские должности, и дабы точно сие исполнилось, то велеть бы доносить, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин; земским же и другим губернским чиновникам в проездах своих замечать, есть ли успех в сем деле, и внушать бы о пользе того сельским поселянам и поощрять в познании русского наречия»[2].

Таким образом, если сличить соответствующие фрагменты из предложения от 14 мая 1829 г. и записки от 31 мая 1836 г. епископа Игнатия и представления генерал-губернатора, то становится совершенно очевидным, что С. И. Миницкий просто заимствовал у епископа фразу о некнижности и ненужности карельского языка. А это значит, что автором идеи выведения карельского языка из употребления следует всё же считать не генерал-губернатора Миницкого, а епископа Игнатия. С другой стороны, в этом представлении весьма много было добавлено и самим генерал-губернатором. Мы видим, как в его второй части он тонко перетолковывает сообщённую епископом информацию не в пользу А. А. Фуллона. За этим словесным маневром безусловно кроется затаённое генерал-губернатором неудовлетворение итогами решения «дела о приписных крестьянах».

Но вернёмся вновь к отношению Департамента горных и соляных дел от 17 июля 1829 г. В его заключении А. А. Фуллону было передано приказание министра финансов Е. Ф. Канкрина, чтобы он и его подчинённые «старались», чтобы подведомственные им крестьяне «научились русскому языку и исправили своё домоводство». 30 июля Фуллон отдал приказание Петрозаводскому заводскому правлению донести ему, «в каких именно селениях Петрозаводского уезда приписные к олонецким заводам крестьяне не знают русского языка и какие можно употребить средства к научению их оному, а также исправляют ли они как надлежит своё домоводство». Уверены, что представление генерал-губернатора вызвало неудовольствие министра финансов, т. к. в переданном министру внутренних дел отзыве он предложил «то же сделать и Олонецкому гражданскому начальству, что он предписал» А. А. Фуллону. Министр внутренних дел А. А. Закревский, передавая отзыв Е. Ф. Канкрина генерал-губернатору, предложил обратить его собственное представление для исполнения в Олонецкое губернское правление, но при этом высказал сомнение – не будут ли предполагаемые генерал-губернатором меры «стеснительны для крестьян»? В результате С. И. Миницкий предложил Губернскому правлению предписать земским судам исполнить одобренное министрами его представление, а также подумать, какие ещё следует предпринять меры? Правление своими отношениями от 11 сентября и 26 октября 1829 г., во-первых, отдало соответствующее приказание земским судам, обязав их при этом доносить себе «по истечении каждой трети, сколько в каждом селении выучилось по-русски мужчин и женщин»; и, во-вторых, просило подумать о других возможных мерах Казённую палату, Духовную консисторию, Заводское правление и директора народных училищ Олонецкой губернии[3].

Чуть позже генерал-губернатор подключил к обдумыванию этих мер и нового

[1] Эта часть представления одинаково изложена в двух используемых нами для его цитирования делах (см.: НА РК. – Ф. 37. – Оп. 5. – Д. 198/1878. – Л. 1; НА РК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 3).

[2] Эта часть в более подробном изложении взята нами из: НА РК. – Ф. 37. – Оп. 5. – Д. 190/1878. – Л. 4. – Заметим, что в изложении А. М. Пашкова получается, что это не Миницкий, а Департамент предлагал Фуллону «стараться» об ослаблении карельского языка, «как не книжного и ни к чему не нужного» [7, с. 98–99].

[3] НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 26–28.

олонецкого губернатора И. А. Яковлева, которому при своём предложении от 9 ноября 1829 г. передал 2 рапорта вице-губернатора Б. И. Пестеля, представленные к нему ещё 22 июля. В заключение генерал-губернатор просил губернатора высказать на них своё мнение, но советовал при этом предварительно снестись с епископом Игнатием и «стремиться к единой цели с кротостью и терпением», ожидая «присоединения раскольников к нашей Церкви». Рапорты эти, кажется, прежде никем из исследователей не взятые во внимание, представляют интерес не только приведёнными в них статистическими данными о числе раскольников, но и суждениями вице-губернатора. В них, в отличие от епископа Игнатия, Б. И. Пестель не предлагал вывести карельский язык из употребления. Его меры сводились к переселению окрестных к выгорецким старообрядческим монастырям крестьян на лучшую землю с дарованием им «для исправления» некоторых льгот или пособий, «чем и отдалить их от Выгорецкого общества и сблизить с людьми»[1].

Вскоре в Олонецкое губернское правление последовали и ответы на его запросы от 11 сентября и 26 октября. Так, в своём отношении от 21 ноября 1829 г. директор олонецких народных училищ М. И. Троицкий писал, что «для приведения в исполнение намерения правительства о содействии к распространению русского языка между карелами» он «не находит другого средства, как восполнение и умножение приходских училищ по многолюдности карельских приходов» на «точных правилах» Высочайше утверждённого устава учебных заведений от 8 декабря 1828 г., а епископу назначить в эти училища законоучителей. Этим, заключал он, и «исполнится цель правительства и распространится просвещение»[2]. 29 ноября 1829 г. епископ Игнатий сообщил Губернскому правлению, что всем священникам под подписку объявлено, «дабы они исполнили сделанное Гражданским Правительством распоряжение»[3]. Дольше всех задержалось с ответом Петрозаводское заводское правление, обязанное своё мнение согласовывать со своим непосредственным начальником А. А. Фуллоном. В отношении к нему от 19 ноября 1821 г. Правление вначале прописало результаты проведённой переписи карелов в Петрозаводском уезде [6, с. 99–100], а затем пространно рассуждало, что «обучению карельских крестьян русскому языку более всего могут способствовать священники и училища приходские, кои, впрочем, не подлежат власти Заводского правления». При этом Правление выступило против того, чтобы запретить волостным головам и старшинам изъясняться на карельском языке, т. к. полагало, что это «неминуемо подаст повод к притеснениям, тем более опасным, что происходило бы в отдалённых и малонаселённых местах над людьми, которым по незнанию русского языка не столь удобно можно жалобы свои приносить начальству». Гораздо безопаснее было бы «только предлагать волостным головам и старшинам внушать при всяком удобном случае о пользе знания русского языка» и чтобы они «уговаривали бы посылать детей своих в приходские училища и убеждали бы всех по воскресным и праздничным дням ходить в храм Божий, где кроме христианского учения привыкали бы к наречию русскому». Но применить эти меры Заводское правление предполагало только в отношении одной Салменижской вотчины, где, по его сведениям, проживала большая часть карелов, незнающих русского языка. Поэтому только для них и следовало увеличить число приходских училищ, т. к. на 3 тысячи ревизских душ в вотчине их было всего 2. Что же касается «домоводства» крестьян этой вотчины, то заводские чиновники хоть и признавали, что они «не очень достаточны, но при всём при том они исправно исправляют все повинности и платят подати без доимок и вообще, можно сказать о всех приписных крестьянах, что при нынешнем увеличении платы за заводские уроки и представленным им во всех отношениях вольных заводских работ и снабжения заводов материалами, каждый трудолюбивый крестьянин легко может отыскать средство к исправлению состояния своего. Впрочем, замечена Преосвященным Игнатием бедность не в селениях приписных крестьян, но у крестьян ведомства Казённой палаты, живущих близ старообрядческих монастырей, где вовсе нет крестьян заводских»[4] [6, с. 100].

Мы специально воспроизвели это донесение более полно, нежели это делалось до нас, чтобы показать, что только заводские чиновники посмели обратить внимание на

[1] НАРК. – Ф. 2. – Оп. 47. – Д. 2/1. – Л. 17–20. Правительство решило вопрос кардинально противоположно: в конце 1830-х гг. у этих старообрядческих монастырей были отобраны почти все земельные владения, а в 1-й половине 1850-х гг. они были разгромлены [6, с. 24].

[2] НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 6–7.

[3] В этом деле можно увидеть и расписки благочинных о полученном епископском приказании. Там же. – Л. 5, 7–8.

[4] НАРК. – Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 28–29; Ф. 37. – Оп. 5. – Д. 198/1878. – Л. 7–10.

потенциальную опасность реализации предложенных С. И. Миницким мер. Впрочем, только они и могли себе позволить это как чиновники, напрямую независимые от генерал-губернатора. А. А. Фуллон повторил эти предложения в своём рапорте министру финансов, который в своём ответе от 20 декабря 1829 г., соглашаясь с ними, заметил, что введение училищ не в его компетенции, но об этом он представил министру внутренних дел. В ходе завязавшейся переписки между министрами выяснилось, что и министр народного просвещение не может сделать распоряжение об увеличении числа приходских училищ в селениях приписных крестьян, т. к. по Уставу учебных заведений 1828 г. эти училища должны были содержаться за счёт городских и сельских обществ. Хотя в своём предложении от 28 февраля 1830 г. Е. Ф. Канкрин и советовал А. А. Фуллону «уговорить» крестьян открыть училища, но нетрудно предугадать, чем закончилось эта переписка – в своём донесении от 24 мая 1830 г. Заводское правление сообщило Фуллону, что крестьяне Салменижской вотчины отказались от их открытия по своей «недостаточности», но обязались учить русскому языку своих детей дома[1]. Впрочем, эта переписка шла без участия С. И. Миницкого, который уже с конца 1829 г. был отвлечен разразившимся в Архангельске коррупционным скандалом, вскоре прервавшим его служебную карьеру.

Таким образом, исследовав деятельность генерал-губернатора С. И. Миницкого в отношении старообрядцев в Олонецкой губернии при Николае I, мы можем заключить, что она всецело определялась правительственным курсом, проводимым правительством в 1-е пятилетие этого царствования. Курс же этот ещё не предполагал в их отношении репрессивных действий. Даже сенатор Д. О. Баранов, поразившийся масштабам распространения раскола среди жителей губернии, предложил исключительно мирные и рассчитанные на долгую перспективу меры борьбы с этим явлением. Реализация этих мер была возложена на местные светские (во главе с генерал-губернатором С. И. Миницким) и духовные (во главе с епископом Игнатием) власти. Из-за конфликта с олонецким губернатором П. А. Лачиновым генерал-губернатор совершенно проигнорировал его «соображения», а вскоре добился и его отставки. В начале 1829 г. у олонецкого епископа Игнатия возникла идея начать кампанию по выведению карельского языка из употребления, которую активно поддержал генерал-губернатор. Оба вышли с представление об этом в Синод и МВД. Однако способы, как достигнуть этого, предложенные генерал-губернатором, имели ещё одну тайную цель – опорочить деятельность начальника Олонецких горных заводов А. А. Фуллона. Сама же инициатива в правительственных кругах не только никого не удивила, а, наоборот, даже была поддержана. В этом отношении карельскому языку не повезло особенно, т. к. с лёгкой руки епископа Игнатия он стал считаться «языком раскола». Лишь министр внутренних дел и горные чиновники задумались о возможных негативных последствиях реализации этой меры. Впрочем, приказание генерал-губернатора было исполнено чисто бюрократическим способом. Как будут органы крестьянского самоуправления каждую треть подсчитывать выучивших русский язык карелов и будут ли вообще это делать, об этом никто не задумывался.

Список литературы

1. Вышленкова Е. А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое лит. обозрение, 2011. 384 с.

2. Жуковская Т. Н. Николай I и поиски национальной идеологии // Вопросы истории Европейского Севера. Сб. научн. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 86–96.

3. Кабузан В. М. Народы России в 1-й пол. XIX в.: численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 216 с.

4. Мельников Ф. Е. Собрание сочинений. Т. 1. Краткая история древнеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во Фонда поддержки строительства храма Покрова Пресвятыя Богородицы Рус. Правосл. Старообр. Церкви, 2006. 556 с.

5. Олонецкая епархия: Страницы истории / Петрозаводская и Карельская епархия. Нац. Архив РК. Петрозаводск, 2001. 256 с.

6. Пашков А. М. Карельские просветители и краеведы XIX – начала XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 446 с.

7. Пулькин М. В. Карельский язык в деятельности органов государственной власти и крестьянского самоуправления в XVIII – начала XX века // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. С. 285–301.

[1] НАРК. – Ф. 37. – Оп. 20. – Д. 198/1878. – Л. 19–23; Ф. 25. – Оп. 20. – Д. 78/906. – Л. 30–32.

8. Пулькин М. В. Три облика русификации в Карелии // Вестн. Евразии. Независимый журнал. М., 2005. № 3(29). С. 107–125.

9. Пулькин М. В. Православие приход и власть в середине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 423 с.

10. Ружинская И. Н. Старообрядчество Олонецкой губернии в конце XVIII – сер. XIX в.: численность, расселение и состав: дис. … канд. ист. наук. Петрозаводск, 2002. 184 с.

11. Чернякова И. А. Проблема карельского языка в политике церкви в Олонецкой губернии в XIX в. // Православие в Карелии: материалы III Регион. научн. конф., посвящ. 780-летию крещения карелов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 96–113.

References

1. Vyshlenkova E. A. Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu». M.: Novoe lit. obozrenie, 2011. 384 c.

2. Zhukovskaja T. N. Nikolaj I i poiski nacional'noj ideologii // Voprosy istorii Evropejskogo Severa. Sb. nauchn. st. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2007. S. 86–96.

3. Kabuzan V. M. Narody Rossii v 1-j pol. XIX v.: chislennost' i jetnicheskij sostav. M.: Nauka, 1992. 216 s.

4. Mel'nikov F. E. Sobranie sochinenij. T. 1. Kratkaja istorija drevnepravoslavnoj (staroobrjadcheskoj) cerkvi. Barnaul: Izd-vo Fonda podderzhki stroitel'stva hrama Pokrova Presvjatyja Bogorodicy Rus. Pravosl. Staroobr. Cerkvi, 2006. 556 s.

5. Oloneckaja eparhija: Stranicy istorii / Petrozavodskaja i Karel'skaja eparhija. Nac. Arhiv RK. Petrozavodsk, 2001. 256 s.

6. Pashkov A. M. Karel'skie prosvetiteli i kraevedy XIX – nachala XX veka. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2010. 446 s.

7. Pul'kin M. V. Karel'skij jazyk v dejatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti i krest'janskogo samoupravlenija v XVIII – nachala XX veka // Bubrihovskie chtenija: Problemy pribaltijsko-finskoj filologii i kul'tury. Sb. nauch. st. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2002. C. 285–301.

8. Pul'kin M. V. Tri oblika rusifikacii v Karelii // Vestn. Evrazii. Nezavisimyj zhurnal. M., 2005. № 3(29). S. 107–125.

9. Pul'kin M. V. Pravoslavie prihod i vlast' v seredine XVIII – nachale XX v. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2009. 423 s.

10. Ruzhinskaja I. N. Staroobrjadchestvo Oloneckoj gubernii v konce XVIII – ser. XIX v.: chislennost', rasselenie i sostav: dis. … kand. ist. nauk. Petrozavodsk, 2002. 184 s.

11. Chernjakova I. A. Problema karel'skogo jazyka v politike cerkvi v Oloneckoj gubernii v XIX v. // Pravoslavie v Karelii: materialy III Region. nauchn. konf., posvjashh. 780-letiju kreshhenija karelov. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. S. 96–113.

Библиографическое описание статьи

Ефимова В. В. Генерал-губернатор С. И. Миницкий и старообрядцы Олонецкой губернии (1825–1830) // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 50–59.

Reference to the article

Efimova V. V. General-Governor S. I. Minitsky and Old Believers of Olonets Governorate (1825–1830) // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 50–59.

Статья поступила в редакцию 25.12.15

УДК 94(47).081

Александр Александрович Иванов,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1),
e-mail: ottisk@irmail.ru

К определению численности и состава политических ссыльных Иркутской губернии 1860-х годов

Статья посвящена решению важной научной проблемы – определению численности и социального состава политических ссыльных Иркутской губернии 1860-х годов. Небольшое количество сохранившихся документальных материалов этого периода, воссоздающих лишь отдельные фрагменты жизни ссыльных, значительно усложняет решение поставленной задачи. Однако автору удаётся относительно точно обосновать количественные и качественные характеристики иркутской политической ссылки 1860-х годов. Делаются выводы о том, что: политическая ссылка данного периода измерялась несколькими десятками революционеров, что не позволяет назвать её «массовой»; революционеры попадали в Иркутскую губернию после значительного тюремного заключения в Европейской России и каторжных работ в Нерчинском горном округе; ссылка была в основном уделом дворянского сословия, среди сосланных доминировали студенты, гимназисты, учителя и врачи; хорошо прослеживается тенденция сравнительно быстрого возрастания в составе ссыльных разночинцев; абсолютное большинство «шестидесятников» были сосланы в пределы губернии по приговорам судов. С учётом географической «разбросанности» ссыльных, а также различных сроков поступления в пределы губернии, автором сделан вывод о том, что политические ссыльные этого периода были ещё сравнительно редким явлением в данном регионе.

Ключевые слова: политическая ссылка, административная высылка, поселения, Иркутская губерния

Aleksandr A. Ivanov,
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karla Marxa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: ottisk@irmail.ru

To Determination of the Number and Structure of the Political Exiled of Irkutsk Governorate in the 1860s

The article is devoted to the solution of an important scientific problem – determination of the number and social composition of the political exiled of Irkutsk Governorate in the 1860s. A small amount of the remained documentary materials of this period recreating only separate fragments of life of the exiled considerably complicates the solution of the problem. However, the author manages to prove rather precisely quantity and quality characteristics of the Irkutsk political exile of the 1860s. Conclusions that are drawn: the political exile of this period was measured by several tens of revolutionaries and this fact does not allow us to call it “mass”; revolutionaries got to Irkutsk Governorate after considerable imprisonment in the European Russia and a hard labor in Nerchinsk mountain district; the exile was generally destiny of nobility, there were students, gymnasium students, doctors and teachers among the exiled; the tendency of rather fast increase of commons among the exiled is well traced; vast majority of “men of the sixties” were exiled to the governorate under the court sentences. Taking into account geographical “dispersion” of the exiled and also various terms of their arrival in the governorate, the author has drawn a conclusion that the political exiled of that period were still rather unusual occurrence in this region.

Keywords: political exile, administrative exile, settlements, Irkutsk Governorate

Установление численности и состава государственных преступников, размещённых в Сибири, в том числе на территории Иркутской губернии 1860-х гг., сложная научная задача, поставленная впервые, по всей видимости, ещё в советский период. Так, в 1978 г. Л. А. Ушакова, признанный специалист в области изучения историографии народнической ссылки, отмечала, что «статистическая разработка политической ссылки» этого периода «только началась» [10, с. 53]. Несмотря на внушительное число монографий, изданных с тех пор, мы должны констатировать, что эта задача по-прежнему далека от своего решения.

Такое состояние нашей темы объясняется сложностью документальной базы: в 1860-е гг. система политической ссылки только складывалась, соответственно и порядок надзора не имел чёткого бюрократического учёта, а главное, периодической отчётности. Следствием такого положения дел явилось

© Иванов А. А., 2016

отсутствие в современных архивах исчерпывающих сведений о количестве и поименном составе «невольных гостей Сибири».

Недостатки организованной статистики привели к тому, что в деле определения количественных и качественных показателей поселенцев и каторжан за 1860-е гг. историки, пытаясь заменить источники официального происхождения, использовали иные документы – мемуары, периодику, публицистику, а также исследования современников, непосредственных участников тех событий. Такое «совмещение несовместимого» не могло не сказаться на определении итоговых цифр – подсчёты специалистов существенно разнятся.

Так, один из первых исследователей сибирской политической ссылки американский журналист Дж. Кеннан, говоря о статистике ссыльных в Сибирь за период с 1823 по 1887 гг. и рассматривая при этом разряды и категории осуждённых, особо выделяет политических, утверждая, что в это время их ежегодное число едва достигало 150 чел. [4, с. 24]. А. В. Дулов ещё в 1973 г. на основании «большого количества опубликованных и архивных материалов» сумел составить картотеку политических ссыльных-шестидесятников, в которой обозначил 88 революционеров, высланных в Сибирь в 1860-е гг. При этом, как указывает исследователь, на Восточную Сибирь приходилась «основная масса» ссыльных [3, с. 22–23].

Л. П. Рощевской принадлежат иные, значительно меньшие цифры – 35 чел. за два десятилетия, учитывая 1860 и 1870-е гг. Интересно, что по данным исследователя, Сибирь во второй половине XIX в. никогда не лидировала по числу политических ссыльных: в 1861–1870-х гг. 23,85 % всех политических ссыльных страны (100 % – 348 чел.) государство отправляло на Европейский Север; 13,79 % – в Поволжье, 13,5 % – в центральные губернии (т. е. «на родину» ссылаемого); 12,7 % – в Приуралье. На долю же Западной и Восточной Сибири приходилось, по её подсчётам, только 3,45 и 6,61 % ссыльных. Лишь к концу века масштабы ссылки «политиков» в регионы Европейской России заметно снизились, уступив первое место Сибири, однако по-прежнему туда поступало от 40 до 30 % всех ссыльных империи [7, с. 81, 98].

М. Н. Гернет в составленной им таблице политических заключённых Алексеевского равелина и Шлиссельбургской крепости относительно 1860-х гг. приводит 60 фамилий, из них отправлен в ссылку был 21 чел., в том числе в Сибирь – 10 [1, с. 351–358, 397–403]. А. Д. Марголис, исследуя численность и социальную структуру политических каторжан 1860-х гг., оперирует 44 биографиями [6, с. 185].

Следует также отметить, что вопрос о численности политических ссыльных в Сибири – и в первую очередь это относится к 1860-м гг., – всегда был в советской историографии излишне политизирован. Идеологические соображения здесь заслоняли научную истину и реальную картину. Дело в том, что в отечественной исторической науке безгранично господствовала ленинская периодизация революционного движения, согласно которой 1859–1861 гг. были временем первой революционной ситуации в России. А какая революция без репрессий и жертв?! В этом положении и историкам, и публицистам просто необходимо было показать Сибирь «краем изгнания». Отсюда – нереальные, нередко фантастические цифры и количества ссыльных. Например, у В. Н. Дворянова читаем: «Царское правительство пулями и штыками подавляло выступления трудящихся. Многих из них сослали в Сибирь на каторгу и в ссылку. Так, за 20 лет (1862–1881) количество ссыльных перевалило за 296 тыс.» [2, с. 93].

Часть современных исследователей, некритически относясь к выводам учёных советского периода, также считают политическую ссылку середины XIX в. «массовой». Так, авторы «солидной» современной монографии «Сибирь в составе Российской империи» (отв. ред. Л. М. Дамешек и А. В. Ремнев) бездоказательно утверждают, что в начале 1860-х гг. «сибирская политическая ссылка всё больше приобретала массовый характер», «охватывая практически все слои российского общества» [9, с. 294–295]. Между тем общеизвестно, что «революционная ситуация» 1859–1861 гг. не привела к революции, подлинное оппозиционное движение только начиналось и носило, во всяком случае до выстрела Д. Каракозова, скорее теоретический и пропагандистский характер, а значит, было уделом незначительной части интеллигенции.

Следует иметь в виду и то, что советская историография «массовой ссылкой» совершенно обоснованно считала политическую ссылку более позднего периода, а именно 1907–1917 гг., когда, по образному выражению Я. М. Свердлова, в Сибирь действительно «пошла масса», захваченная Первой русской революцией [8, с. 65]. До сих пор это положение никто не опроверг, а значит,

по-прежнему следует считать его общепринятым.

На наш взгляд, единственно правильным подходом в определении количества политических ссыльных 1860-х гг. следует признать то, что оно не могло быть больше известного числа революционеров в целом, осуждённых судом или высланных административно из Европейской России. Исходя из этого, обратимся к подсчётам В. Р. Лейкиной-Свирской, основанным, в свою очередь, на сборнике Б. Базилевского (В. Богучарского) и данных В. А. Дьякова: в 1860-х гг., считает автор, в стране состоялось 22 судебных процесса, по которым было «сослано в отдалённые места (в Сибирь и проч.)» 35 «гражданских» и 67 «военных» ссыльных, а всего, значит, 102 чел. (автор, правда, говорит ещё о 136 «высланных по суду и административно с отдачей под полицейский надзор», но из текста можно предположить, что это не сибирские ссыльные) [5, с. 307–310].

Итак, на 1860-е гг. приходится чуть больше ста человек. Конечно, нам следует учесть и высланных в Сибирь административно, без поражения имущественных, гражданских прав и привилегий, однако надо иметь в виду, что таких в этот период насчитывалось немного, и лишь с середины 1870-х число административных становится заметным. Надо также учитывать, что на практике количество отбывавших наказание ссылкой в Сибири было всегда меньшим, так как благодаря различным обстоятельствам, например хлопотам родных, болезням осужденных, протекциям и отсрочкам, не все отправленные за Уральский камень достигали мест своего поселения.

Теперь вернёмся к «политикам», находившимся в пределах Иркутской губернии. Понятно, что их число должно было быть значительно меньше общесибирских показателей, однако исчерпывающих сведений и здесь, к сожалению, нет: бóльшая часть материалов нашего периода была утрачена в иркутских пожарах 1879 г., а то, что уцелело – пропало в 1917–1922 гг.: немалую долю своих архивов жандармы успели сжечь в начале марта 1917 г., часть документов тогда же была изъята представителями Советской власти и использовалась для поиска провокаторов и агентов Охранного отделения, а затем, по всей видимости, перешла в распоряжение ОГПУ.

Так или иначе, но мы не имеем сегодня исчерпывающих архивных сведений о численности политических ссыльных в Иркутской губернии 1860-х гг. В этой ситуации придётся довольствоваться отрывочными данными, а также обратиться к материалам, собранным и изданным значительно позже исследуемых событий. Среди них наиболее информативным и достоверным источником может служить словарь «Деятелей революционного движения в России».

Как известно, этот биобиблиографический словарь был издан по инициативе и при активном участии Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1927–1933 гг. Словарь содержит, по нашим подсчётам, не менее 15 тыс. биографических справок, составленных в виде унифицированных карточек на «видных» и рядовых участников революционного движения. Следует подчеркнуть, что авторский коллектив весьма тщательно подходил к формированию документальной базы. Здесь были использованы различные материалы, исходившие в основном от правоохранительных и судебных органов империи, а также уже опубликованные данные, и в первую очередь, личного происхождения. Ценность сведений этого издания повышает и то, что анкеты революционеров тщательно проверялись специальными комиссиями, а также самими бывшими ссыльными, объединёнными в землячества, в том числе «иркутянами», «верхнеудинцами», «читинцами», «якутянами».

Анализ первых семи томов словаря, относящихся к 1860–1890-х гг., дал нам биограммы 319 революционеров, отбывавших наказание ссылкой в Иркутской губернии. При этом на 1860-е гг. приходится лишь 21 фамилия. Можно предположить, что это неполные данные, однако они хорошо соотносятся с уцелевшими архивными материалами. Так, согласно отчёту Иркутского генерал-губернатора за 1859 г., здесь состояло под надзором полиции всего 23 чел., в 1860 г. – 22, «из них в течение года выбыло 6, осталось к 1861 г. – 16». В отчёте за 1862 г. показано 56 поднадзорных, «из них 2 государственных преступника и 12 политических»[1].

При определении общего количества ссыльных в Иркутской губернии следует учесть и оставшихся здесь после амнистии 1856 г. государственных преступников. Так, в пределах губернии по-прежнему проживали декабристы. Таковых, по нашим подсчётам, было четверо: П. Ф. Выгодовский (Дунцов), находившийся в Иркутске; В. Ф. Раевский, живший в с. Олонки Идинской волости;

[1] ГАИО. – Ф. 24. – Оп. Оц. – Д. 638. – Л. 22; Д. 644. – Л.15; Д. 639. – Л. 24.

В. П. Колесников (в Иркутске) и Д. П. Таптыков, умерший в Малышовке после 1864 г.

Кроме первых «дворянских революционеров» здесь жили и амнистированные петрашевцы. Это Ф. Н. Львов, с февраля 1858 г. служивший в Главном управлении Восточной Сибири, Н. А. Спешнев, назначенный в 1857 г. начальником газетного стола Иркутского губернского правления, а затем редактором газеты «Иркутские губернские ведомости», и сам М. В. Буташевич-Петрашевский, живший в основном частными уроками. Однако они быстро покинули пределы Иркутской губернии: Н. А. Спешнев в начале 1860 г. выехал с Н. Н. Муравьёвым в Петербург, в феврале этого же года Петрашевский был выслан М. С. Корсаковым в Минусинск, а Ф. Н. Львов, после пребывания в Олонках у В. Ф. Раевского, в 1863 г. выехал в Петербург.

Как видим, ни декабристы, ни петрашевцы заметно увеличить численность государственных преступников, отбывавших наказание ссылкой на территории Иркутской губернии в 1860-х гг., не могли. Общее число «политиков», таким образом, составляло здесь едва ли больше 30 чел. При этом с учётом их географической «разбросанности», а также различных сроков прибытия, следует сделать вывод о том, что политические ссыльные этого периода были ещё сравнительно редким явлением в данном регионе.

Учитывая задачи нашего исследования, будет вполне уместным привести здесь имена всех ссыльных-«шестидесятников». Итак: П. Д. Баллод, студент Медико-хирургической академии, Идинская волость, 1865 г.; П. А. Беневоленский, сын штаб-лекаря, Киренск, 1866 г.; П. А. Ветошников, преданный суду Сената за «сношения с лондонскими пропагандистами», Идинская волость, 1866 г.; Н. Викторов, учитель Лужского уездного училища, осуждённый за хранение запрещённых сочинений, 1862 г.; Н. М. Владимиров, потомственный почётный гражданин, наказанный за причастность к пропаганде и поселенный с 1866 г. в с. Оёк; П. Г. Заичневский, автор знаменитой прокламации «Молодая Россия», Витимская волость, 1864 г.; фельдъегерь И. С. Климов, Киренск, 1866 г.; П. А. Мартьянов, напечатавший в «Колоколе» письмо Александру II с требованием созыва Земской думы, за что и был наказан, 1865 г.; О. А. Мотков, сосланный за принадлежность к революционной организации «Ад», 1867 г.

Далее: В. А. Обручев, проживавший в Забайкалье, а потом в Урике и Иркутске, 1862 г.; К. В. Павловский, после причисления к крестьянскому сословию занимавший должность ординатора в Иркутской гражданской больнице, 1865 г.; иркутянин Н. Пестерев «за сношения с лицами, принадлежащими к тайному революционному сообществу», высланный на родину, 1867 г.; И. И. Розенталь, после поселения в Мальте (1866), служивший в штате Иркутского губернского правления; Н. А. Серно-Соловьевич, доставленный в Иркутск больным и здесь умерший, 1866 г.; А. И. Скавронский, за «возбуждение крестьян» приговорённый к ссылке, 1860 г.; Д. Т. Степанов, арестованный по делу «о тайной типографии “Земли и Воли”», Илгинская волость, 1868 г.; Я. А. Ушаков, Усть-Кутский, затем Иркутский солеваренные заводы, 1863 г.; Н. Г. Чернышевский, находившийся несколько дней в Иркутске и Усолье, 1864 г.; А. О. Шукшта, проживавший в Братской волости с 1866 по 1871 гг.; А. П. Щапов – Иркутск, 1864–1876 гг.; и А. А. Яковлев, Николаевский железоделательный завод, 1863 г.[1]

К иркутским ссыльным мы отнесли тех, кто был изначально направлен в пределы губернии по суду или административно, на каторгу или в ссылку, затем прибывших на поселение после отбытия наказания в Забайкальской или Якутской области, а также приписанных к крестьянскому или мещанскому сословию и проживавших здесь после окончания срока наказания, но находившихся под негласным (особым) полицейским надзором, существенно ограничивавшим их перемещение по стране и выбор места для постоянного жительства.

Сравнительно небольшое количество биограмм не позволяет провести исчерпывающий, достаточно репрезентативный социолого-статистический анализ, нарисовать подробный «портрет» государственного преступника, поэтому ограничимся выделением лишь некоторых особенностей и существенных черт иркутской политической ссылки этого периода.

Прежде всего, все отбывавшие наказание – мужчины, что точно отражает состояние революционного движения в России: в 1850–1860-х гг. женщины лишь вступали в активную борьбу с самодержавием. Вполне закономерна и география участников движения: абсолютное большинство ссыльных

[1] Деятели революционного движения в России. От предшественников декабристов до падения царизма: биобибл. словарь / под общ. ред. И.А. Теодоровича [и др.]. – М.: ВОПКиС, 1928. Т. I: От предшественников декабристов до конца «Народной Воли». Ч. 2: Шестидесятые годы. Стб.: 27, 28, 35, 36, 63, 64, 66, 132, 169, 183, 238, 255, 287, 305, 307, 311, 353, 373, 375, 390, 391, 423, 448, 474, 475, 492, 494.

были выходцами из московско-петербургского района или западных губерний европейской части страны.

Большинство ссыльных были осуждены на каторжные работы, а затем на ссылку на поселение за организацию или деятельное участие в пропагандистской работе. Их вина заключалась лишь в том, что они составляли, хранили, распространяли воззвания и нелегальные статьи. Сюда же отнесены арестованные «за пособничество лондонским пропагандистам в сношениях их с соумышленниками». Часть ссыльных принадлежали к тем, кто принимал деятельное участие в леворадикальных обществах «Народная расправа» или «Ад», некоторые были наказаны «за знание о намерении Каракозова» и недонесение об этом властям.

Характерная особенность политической ссылки 1860-х гг. – подавляющее число составляли сосланные по суду. Внесудебной расправе подверглись только два революционера – Пестерев и Щапов, оба были высланы на родину. Немалая часть ссыльных – более половины – попали в Иркутскую губернию после отбытия наказания каторжными работами. При этом через казематы Петропавловской крепости прошёл каждый третий, другие отбывали каторгу в Нерчинском горном округе, прежде всего, в Александровском заводе.

Сроки каторги сильно разнятся – от 20 лет у А. А. Яковлева, восьми у П. А. Ветошникова, до 2,8 лет – у П. Г. Заичневского. При этом преобладают всё-таки сравнительно небольшие, не более пяти лет, каторжные сроки (П. А. Беневоленский, И. С. Климов, П. А. Мартьянов, В. А. Обручев, К. В. Павловский, Я. А. Ушаков). Следует отметить, что практически всегда (!) большие сроки каторжных работ, вынесенные судом, при конфирмации приговора государем существенно сокращались. Так было, например, с П. Д. Баллодом, О. А. Мотковым, Д. Т. Степановым, или вообще заменялись ссылкой на поселение (Н. М. Владимиров, Н. А. Серно-Соловьевич), что можно расценить как стремление государства к созданию благоприятного общественного мнения о царствующей династии, правительстве и существующем строе.

Бóльшая часть иркутских ссыльных 1860-х гг. принадлежала к дворянскому сословию – дети статских советников и генералов и лишь четверых (что, в принципе, и немало) можно определить разночинцами (сыновья священника, сельского дьячка, домашнего учителя, штаб-лекаря); двоих революционеров следует отнести к податному сословию: П. А. Мартьянов был из крепостных крестьян, а О. А. Мотков – «вольноотпущенным дворовым человеком».

Социальное положение ссыльных отличалось большой пестротой: здесь были студенты, чиновники, учителя, приказчики, купец, лекари. Можно совершенно определённо выделить группу военнослужащих. При этом среди военных были люди «в немалых чинах» – штабс-капитан, подполковник в отставке, а также поручик лейб-гвардии Измайловского полка (В. А. Обручев).

Не все ссыльные мирились с перспективой многолетнего вынужденного пребывания в пределах губернии. Однако именно в этот период отсюда пытался бежать только один О. А. Мотков[1]. По дороге в Сибирь он сумел обменяться именем с поселенцем Бачинским и в марте 1867 г. бежал с этапного пункта в Нижнеудинске, но уже 23 апреля был задержан в окрестностях Иркутска.

В 1860-е гг. открывается и мартиролог иркутской ссылки. Не каждый выдерживал тяжёлые климатические и материально-бытовые условия. За этот период здесь умерло три человека: П. А. Мартьянов, 1865 год, Иркутская тюремная больница; О. А. Мотков – от чахотки, декабрь 1867 г.; Н. А. Серно-Соловьевич, февраль 1866 г.

Итак, Иркутская политическая ссылка 1860-х гг. была численно невелика: за десятилетие здесь побывало не более 30 революционеров. Политические ссыльные попадали в губернию после значительного тюремного заключения, среди них преобладали осуждённые на каторжные работы (12 из 21), которые они отбывали в основном в Нерчинском горном округе, а затем выходили на поселение в Иркутскую губернию. Ссылка была в основном уделом дворянской молодёжи, среди которой выделялось много городских средних слоёв – студентов, учащихся, служилой интеллигенции и чиновничества. Хорошо прослеживается при этом тенденция сравнительно быстрого возрастания в её составе разночинцев. Абсолютное большинство «шестидесятников» были сосланы в пределы губернии по приговорам судов.

[1] Автор статьи не считает отъезд М. Бакунина из Иркутска в начале 1861 г. «бегством» ссыльного из Сибири.

Список литературы

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Том второй: 1825–1870. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1961. 511 с.
2. Дворянов В. Н. В Сибирской дальней стороне…(Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.). Минск: Наука и техника, 1971. 303 с.
3. Дулов А. В. Революционеры шестидесятых годов в Сибирской ссылке // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1973. Вып. 1. С. 21–26.
4. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка (Очерки из жизни политических ссыльных). СПб., 1906. Ч. 1, 2. 302 с.
5. Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1971. 368 с.
6. Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М.: Латерна: Вита, 1995. 207 с.
7. Рощевская Л. П. История политических репрессий в царской России: учеб. пособие. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2006. 138 с.
8. Свердлов Я. М. Массовая ссылка (1906–1916 гг.) // В кн.: Избр. произв. В 3 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 65–87.
9. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 368 с.
10. Ушакова Л. А. Народническая сибирская ссылка 70–90-х годов XIX века в советской историографии 50–70-х годов // В кн.: Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С. 8–53.

References

1. Gernet M. N. Istorija carskoj tjur'my. Tom vtoroj: 1825–1870. M.: Gos. izd-vo jurid. lit., 1961. 511 s.
2. Dvorjanov V. N. V Sibirskoj dal'nej storone…(Ocherki istorii carskoj katorgi i ssylki. 60-e gg. XVIII v. – 1917 g.). Minsk: Nauka i tehnika, 1971. 303 s.
3. Dulov A. V. Revoljucionery shestidesjatyh godov v Sibirskoj ssylke // Ssyl'nye revoljucionery v Sibiri (XIX v. – fevral' 1917 g.). Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1973. Vyp. 1. S. 21–26.
4. Kennan Dzh. Sibir' i ssylka (Ocherki iz zhizni politicheskih ssyl'nyh). SPb., 1906. Ch. 1, 2. 302 s.
5. Lejkina-Svirskaja V. R. Intelligencija v Rossii vo vtoroj polovine XIX veka. M.: Mysl', 1971. 368 s.
6. Margolis A. D. Tjur'ma i ssylka v imperatorskoj Rossii. Issledovanija i arhivnye nahodki. M.: Laterna: Vita, 1995. 207 s.
7. Roshhevskaja L. P. Istorija politicheskih repressij v carskoj Rossii: ucheb. posobie. Syktyvkar: Izd-vo SyktGU, 2006. 138 s.
8. Sverdlov Ja. M. Massovaja ssylka (1906–1916 gg.) // V kn.: Izbr. proizv. V 3 t. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1957. S. 65–87.
9. Sibir' v sostave Rossijskoj imperii. M.: Novoe lit. obozrenie, 2007. 368 s.
10. Ushakova L. A. Narodnicheskaja sibirskaja ssylka 70–90-h godov XIX veka v sovetskoj istoriografii 50–70-h godov // V kn.: Ssylka i obshhestvenno-politicheskaja zhizn' v Sibiri (XVIII – nachalo HH v.). Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1978. S. 8–53.

Библиографическое описание статьи

Иванов А. А. К определению численности и состава политических ссыльных Иркутской губернии 1860-х годов // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 60–65.

Reference to the article

Ivanov A. A. To Determination of the Number and Structure of the Political Exiled of Irkutsk Governorate in the 1860s // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 60–65.

Статья поступила в редакцию 20.03.2016

УДК 339.166 (571.5)

Маргарита Дмитриевна Кушнарева,
кандидат исторических наук, доцент,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: rita270880@mail.ru

Вклад представителей крупных фирм в экономическое развитие и общественную жизнь населения городов Северо-Восточной Сибири в начале XX века

Автор проанализировал вклад представителей крупных фирм в экономическое развитие и общественную жизнь населения Якутска как центра Северо-Восточной Сибири. Формированию Якутска в качестве ключевого пункта региона способствовало создание торгово-транспортной инфраструктуры. Транспортные предприятия крупных фирм в конце XIX – начале XX в. выполняли регулярные пароходные рейсы из Якутска в северо-восточные районы Иркутской губернии, где проходило освоение золотых месторождений, северные промысловые районы Якутской области, в порты Охотского моря. Концентрация транспортных предприятий в Якутске позволяла главным распорядителям совместно решать вопросы развития торговли и промышленности в крае, расширения транспортной системы, создания новых добывающих и перерабатывающих предприятий. Организация оптовых поставок товаров потребления и продуктов питания, строительство мукомольных мельниц способствовали становлению Якутска в качестве товарно-распределительного центра Северо-Восточной Сибири. Развитие торговых операций крупных фирм привело к появлению в Якутске торговых отделений, состоявших из хозяйственных и жилых построек. Здания коммерческого назначения выполняли функции реализации населению товаров потребления, создавали архитектурный облик города, являлись центром общественной жизни. В начале XX в. в коммерческом квартале в Якутске заключались крупные внешнеторговые сделки с пушниной. На средства представителей крупных фирм в Якутске проводилось электрическое освещение торговых и административных учреждений, открывались библиотеки, учебные и благотворительные заведения, организовывались научные экспедиции.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сибирь, крупный капитал, торговля, город, население, фирма

Margarita D. Kushnareva,
Candidate of History, Associate Professor,
Irkutsk state University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: rita270880@mail.ru

Contribution of Representatives of Large Firms to the Economic Development and Social Life of Urban Population of North-Eastern Siberia in the Early XXth Century

The author has analyzed the contribution of representatives of large firms to the economic development and social life of the population of Yakutsk, as the center of North-Eastern Siberia. The formation of Yakutsk as a key point in the region contributed to the creation of trade and transport infrastructure. Transport enterprises of large firms in the late XIXth – early XXth centuries performed regular steamship communication from Yakutsk to the north-eastern districts of Irkutsk Governorate where the development of gold deposits took place, to the northern fishing districts of Yakutsk region, to the ports of the Sea of Okhotsk. The concentration of transport companies of large firms in Yakutsk allowed chief administrators to work together to solve the issues of development of trade and industry in the region, expansion of the transport system, the creation of new production and processing enterprises. Organization of large firms, wholesale supply of consumer goods and food to the population field and construction of flour mills contributed to the formation of Yakutsk as commodity-distributing center of North-Eastern Siberia. The development of trade operations of large firms led to sales offices in Yakutsk consisting of commercial and residential buildings. Commercial buildings served as sales to the public consumer goods creating architectural appearance of the city as the center of social life. At the beginning of the XXth century in a commercial block in Yakutsk major deals with foreign trade furs were made. The funds representatives of large firms in Yakutsk conducted electricity in commercial and administrative institutions, opened libraries, educational and charitable institutions, organized scientific expeditions.

Keywords: North-Eastern Siberia, big capital, trade, town, population, firm

Во второй половине XIX – начале XX в. на северо-востоке Сибири происходило интенсивное развитие торговли, производительных сил, транспортных сообщений. На территории макрорегиона возникали новые населённые пункты, расширялись уже существовавшие города, становясь центрами экономической и общественной жизни. Одним из таких городов был Якутск. Его становлению в качестве транспортного и торгового центра

© Кушнарева М. Д., 2016

Северо-Восточной Сибири во второй половине XIX в. способствовало открытие золотых приисков в районе Ленско-Витимской речной системы, а также деятельность Российско-Американской Компании на востоке Якутской области. Присвоение портам Охотского моря статуса «порто-франко», строительство Аянского тракта, связавшего порты Нелькан и Аян с Якутском, позволило оживить торговую деятельность на северо-восточных рубежах Сибири. В начале XX в. существенную роль в развитии Якутска играли представители крупных торговых предприятий.

Изучение проблем развития сибирских городов ранее привлекало внимание российских исследователей. По мнению Ю. М. Гончарова и А. В. Старцева в качестве крупных торговых центров Сибири в XIX в. сформировались такие города, как Тюмень, Тобольск, Томск, Красноярск, Иркутск [7, с. 43]. В сферу научных интересов Ю. М. Гончарова вошли проблемы роли сибирского купечества в формировании облика городов Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний [1; 2; 3]. А. В. Скубневский, Ю. М. Гончаров и А. В. Старцев отметили, что важнейшей предпосылкой роста Новониколаевска, Славгорода, Камня-на-Оби, Барнаула, Бийска, Колывани, Кузнецка являлось возникновение и сосредоточение в них купеческих предприятий [6, с. 40–41]. В. П. Шахеров рассмотрел вклад в формирование экономики Иркутска таких иркутских купеческих фамилий, как Сибиряковы, Трапезниковы, А. Ф Второв, М. Д. Бутин, И. С. Хаминов, И.И Базанов, Е. Е. Глотов, и отметил недостаточную изученность проблемы [8].

Приведённый небольшой анализ исследовательской литературы позволяет сделать вывод о том, что заявленная в статье проблема является достаточно актуальной. Таким образом, основной целью статьи является анализ вклада представителей предприятий с крупным капиталом в развитие экономической и общественной жизни Якутска как центра Северо-Восточной Сибири начала XX в.

Следует отметить, что главным вкладом представителей крупных фирм в экономическое развитие Якутска стало создание коммерческой инфраструктуры. В это время в Якутске действовало несколько транспортных предприятий, принадлежавших крупным торговым фирмам. Одним из первых было основано транспортное предприятие торгового дома «А. И. Громова и сыновья», которое в 1880–90-х гг. состояло из 4 пароходов и 5 грузовых барж[1]. В начале XX в. было зарегистрировано транспортное предприятие фирмы «Наследники А. М. Кушнарева» в составе 2 пароходов и 4 барж[2]. Пароходы транспортных предприятий крупных фирм выполняли регулярные рейсы по Лене, Витиму, Алдану, Олекме, Мае. В 1911–1913 гг. пароход «Акепсим Кушнарев» перевёз по реке Лена более 100 тыс. пудов различных грузов. Средний годовой показатель перевозки пассажиров речным транспортом Кушнаревых по Лене и её притокам составлял около 3000 чел. за одну навигацию[3]. Пароходы транспортного предприятия торгового дома «Наследники А. И. Громовой» в 1905–1912 гг. перевезли из Якутска в Булун, Бодайбо, Алдан, Вилюйск, Сунтар, Нелькан 960 тыс. пудов грузов[4]. Организация собственных транспортных предприятий, средствами которых осуществлялись регулярные грузовые и пассажирские перевозки по рекам Северо-Восточной Сибири, позволила связать Якутск с северными промысловыми районами, морскими портами, промышленными районами и железнодорожными станциями Иркутской губернии. В начале XX в. Якутск приобрёл функции центра международной торговли мехами с государствами Северной Америки и Азии. В 1915 г. в Якутске состоялось собрание крупнейших пароходовладельев Ленского бассейна с участием представителей транспортных предприятий К. Н. и Н. Н. Глотовых, Якова Фризера, торговых домов «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарева». На собрании был разработан проект создания «Восточно-Сибирского общества пароходства, торговли и промышленности» с уставным капиталом в 10–15 млн. р., в планах которого было строительство железнодорожной ветки до Якутска, а также производство страховых и ссудных операций, приобретение и эксплуатация рыбных промыслов, рудников, мельниц [5, с. 214, 215]. Однако из-за существенных разногласий в оценке имущества каждой фирмы совместное предприятие не было создано [5, с. 216].

В начале XX в. с целью бесперебойного снабжения населения Якутска мукой торговые дома «Наследники А. И. Громовой» и «Наследники А. М. Кушнарева» перешли на закупки зерна у местных производителей и отказались от дорогостоящей доставки муки из центральных районов Сибири. Зерно закупалось у местного населения, поставлялось

[1] ГАИО. – Ф. 231. – Оп. 1. – № 1. – Л. 14, 14*об.*
[2] РГИА. – Ф. 587. – Оп. 33. – № 993. – Л. 94–95.
[3] ГАИО. – Ф. 770. – Оп. 1. – №. 23. – Л. 57.
[4] ГАИО. – Ф. 231. – Оп. 1. – № 1. – Л. 2, 6, 7, 14.

на склады, затем на мельницы в Якутске для очистки и переработки в муку, готовую к употреблению[1]. С целью увеличения производительности собственной мельницы П. А. Кушнарев в 1916 г. установил дополнительный паровой котёл с площадью нагрева 120 кв. футов[2]. В 1916–1918 гг. население Якутска ежегодно приобретало муку местного производства на сумму более 100 тыс. р.[3] Создание мукомольных предприятий позволило не только обеспечивать жителей города и близлежащих районов готовой продукцией, но и привлекло местных поставщиков зерна, оживило торговые связи города и южных районов Якутской области с развитым земледелием.

Представители крупных предприятий внесли определённый вклад в формирование облика Якутска, где размещались магазины, лавки, жилые дома и другие хозяйственные постройки фирм. Особое место в жизни городского купечества занимал собственный дом. «До революции купеческие особняки и магазины – кирпичные с мощными стенами или деревянные, отделанные богатой резьбой – определяли облик сибирского города, служили его украшением» [3, с. 189]. Жилые дома и магазины И. Г. Громова, Г. В. Никифорова, М. А. Коковина, Н. Д. Эверстова, П. А. Кушнарева, расположенные на улицах Малая Базарная, Клубная и Набережная в Якутске, а также Гостиный двор составляли своеобразный коммерческий квартал.

В 1908 г. доверенный торгового дома «Наследники А. И. Громовой» В. В. Шитов выступил с инициативой реконструкции здания Гостиного двора в Якутске. С этой целью в Якутскую городскую управу был представлен проект перестройки семи каменных лавок и двух складских помещений Гостиного двора. Новое здание предполагалось сделать из камня и кирпича, построить галерею, создать внутреннюю отделку. План реконструкции был утверждён Якутской городской управой 25 августа 1908 г. На строительные работы было направлено 10 тыс. р. из средств торгового дома «Наследники А. И. Громовой». В свою очередь Якутская городская управа предоставила Громовым право льготной аренды семи лавок Гостиного двора на 12 лет за 800 р. в год[4]. В 1913 г. большинство строительных работ было окончено. В 1914 г. для освещения здания Гостиного двора и прилегающих улиц на средства торгового дома «Наследники А. И. Громова» в Якутске была установлена первая электростанция. Генератор для электростанции был перевезён на теплоходе «Акепсим Кушнарев» из Иркутска. Электричество от станции подавалось также для освещения помещения городского музея и здания Якутской городской управы. Предполагалось расширить использование электричества для освещения улиц Якутска путём приобретения и транспортировки более мощного генератора и локомобиля из Иркутска[5]. В 1916 г. для освещения домов горожан керосином торговые дома «Наследники А. И. Громовой» и «Наследники А. М. Кушнарева» организовали регулярные поставки керосина «Товарищества бр. Нобель», которое являлось крупнейшим нефтеперерабатывающим комбинатом Российской империи [4, с. 54]. В 1916–1918 гг. население Якутска приобрело в магазине на Ломоносовской улице керосин для бытовых нужд на сумму 135 тыс. р.[6]

Общественная деятельность представителей крупных фирм в городах Северо-Восточной Сибири, в отличие от Европейской России, имела свои особенности, обусловленные уровнем общего социально-экономического развития региона. Население отдалённых северных территорий нуждалось, прежде всего, в образовании, культурном просвещении, поддержании духовного настроя. Так, якутский купец 1-й гильдии Н. Д. Эверстов оказывал помощь учебным заведениям. С 1884 по 1895 гг. он являлся почётным блюстителем и членом попечительского совета Якутской духовной семинарии, Якутской женской и мужской гимназий [9, с. 189]; с 1889 по 1902 гг. оказывал материальную поддержку Якутскому Мариинскому детскому приюту[7]. Доверенное лицо акционерного общества спичечной и меховой фабрики «Н. П. Рылов и Ф. П. Лесников» якутский купец 2-й гильдии М. М. Бережнов ежегодно отправлял от 2 до 10 тыс. р. на нужды Якутского отделения Русского Географического Общества[8]. Купчиха 1-й гильдии Иркутска и Якутска, иркутская потомственная почётная гражданка А. И. Громова активно содействовала организации научных экспедиций. В 1898 г. она помогла шведским учёным в поисках Андрэ, снаряжала собственные экспедиции. Содействовала барону Толлю в его путешествии на Новосибирские острова, а затем снаряжала экспедицию Колчака и Матисена по поискам пропавшего барона Толля. При непосредственном участии А. И. Громо-

[1] НАРС (Я). – Ф. 116. – Оп. 1. – № 26. – Л. 6.
[2] НАРС (Я). – Ф. 511. – Оп. 1. – № 2. – Л. 8.
[3] НАРС (Я). – Ф. 511. – Оп. 1. – № 2. – Л. 181.
[4] НАРС (Я). – Ф. 165. – Оп. 1. – № 2450. – Л. 7–18.
[5] НАРС (Я). – Ф. 511. – Оп. 1. – № 2. – Л. 171.
[6] НАРС (Я). – Ф. 165. – Оп. 1. – № 1. – Л. 45–46.
[7] НАРС (Я). – Ф. 500. – Оп. 1. – № 51. – Л. 3–10.
[8] НАРС (Я). – Ф. 420. – Оп. 1. – № 27. – Л. 11.

вой были спасены дневники и научные коллекции с теплохода «Заря», на место крушения которого А. И. Громова направила свой пароход «Лена». В 1905 г. в Якутске и сёлах по берегу Лены А. И. Громова открыла библиотеки с целью просвещения и повышения грамотности местного населения [6, с. 266]. В 1895 г. на средства А. И. Громовой в Иркутске были отлиты четыре медных колокола для Ытык-Кюельской Преображенской церкви весом 24, 13, 8 и 7 пудов. Колокола были доставлены в Якутск пароходом «Громов». В 1897 г. в Иркутске для той же церкви были отлиты ещё 4 медных колокола общим весом 18 пудов, которые были доставлены в Якутск в 1900 г. на пароходе «Громов». Якутский купец 1-й гильдии Г. В. Никифоров был широко известен своей благотворительностью и общественной деятельностью. В Якутске он содержал интернат для учащихся, построил двухэтажное здание школы, в котором до настоящего времени находится учебное заведение [10, с. 95]. В 1913 г. П. А. Кушнарев совместно с М. В. Пихтиным учредили в Якутске совместное предприятие «Якутское печатно-издательское товарищество» с целью издания в Якутске и в других местах Российской империи газет, журналов, книг, брошюр и других произведений. В 1915 г. «Якутское печатно-издательское Товарищество» приобрело издательство газеты «Якутская окраина» вместе с типографией. Газета имела общественно-просветительскую направленность, в годы Первой мировой войны информировала читателей о событиях на фронте и в тылу. Типография также занималась выпуском благотворительных изданий, весь сбор от продажи которых шёл на решение каких-либо социальных проблем горожан.

Таким образом, представители крупных фирм Северо-Восточной Сибири непосредственным образом участвовали в экономической и общественной жизни населения Якутска, направляя средства на развитие торгово-транспортной инфраструктуры, открывали учебные заведения, книгопечатные компании. Сегодня Россия крайне заинтересована в реконструкции торгово-транспортной инфраструктуры Северо-Восточной Сибири. Интеграция опыта прошлого с современными условиями развития капитала позволяет сохранить стратегический потенциал государства на северных рубежах. Спустя 100 лет после создания проекта «Восточно-Сибирского общества пароходства, торговли и промышленности», основной целью которого было строительство железнодорожной ветки до Якутска, был введён в эксплуатацию участок железной дороги «Амуро-Якутской железнодорожной магистрали». Определённый вклад представители крупного капитала внесли в формирование городской среды Якутска, занимались благотворительностью. В настоящее время в рамках архитектурного комплекса Якутска отреставрированы магазины и Гостиный двор, где вели торговлю представители крупных фирм. В Ытык-Кюеле воссоздана Преображенская церковь, вошедшая в состав краеведческой экспозиции музея-заповедника «Таатта».

Список литературы и источников

1. Гончаров Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 384 с.

2. Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (сер. XIX – нач. XX в.). Новосибирск: Сова, 2004. 387 с.

3. Гончаров Ю. М. Семейный быт горожан Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 132 с.

4. Лившин Д. Я. Монополии в экономике России. М.: Соц.-экон. лит., 1961. 446 с.

5. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. 357 с.

6. Скубневский В. А., Старцев А. В., Гончаров Ю. М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. 240 с.

7 Старцев А. В., Гончаров Ю. М. История предпринимательства в Сибири (XVII – нач. XX в.): учеб. пособие. Барнаул: Азбука, 2007. 214 с.

8 Шахеров В. П. Иркутск купеческий: история города в лицах и судьбах. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2006. 176 с.

Источники

9. Реформатор земли якутской губернатор Иван Иванович Крафт. 1906–1913: фот., док. / сост. А. А. Калашников. Якутск: Якутия, 2011. 376 с.

[1] НАРС (Я). – Ф. 226. – Оп. 1. – № 2498. – Л. 1–3.

[2] РГИА. – Ф. 23. – Оп. 1. – № 1081. – Л. 33–34*об*.

[3] РГИА. – Ф. 23. – Оп. 1. – № 1081. – Л. 56.

10. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Т. 2. М-Я / отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2013. 464 с.

References

1. Goncharov Ju. M. Gorodskaja sem'ja Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2002. 384 s.
2. Goncharov Ju. M. Ocherki istorii gorodskogo byta dorevoljucionnoj Sibiri (ser. XIX – nach. XX v.). Novosibirsk: Sova, 2004. 387 s.
3. Goncharov Ju. M. Semejnyj byt gorozhan Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2004. 132 s.
4. Livshin D. Ja. Monopolii v jekonomike Rossii. M.: Soc.-jekon. lit., 1961. 446 s.
5. Rabinovich G. H. Krupnaja burzhuazija i monopolisticheskij kapital v jekonomike Sibiri konca XIX – nachala XX v. Tomsk: Izd-vo TGU, 1975. 357 s.
6. Skubnevskij V. A., Starcev A. V., Goncharov Ju. M. Kupechestvo Altaja vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2001. 240 s.
7 Starcev A. V., Goncharov Ju. M. Istorija predprinimatel'stva v Sibiri (XVII – nach. XX v.): ucheb. posobie. Barnaul: Azbuka, 2007. 214 s.
8 Shaherov V. P. Irkutsk kupecheskij: istorija goroda v licah i sud'bah. Habarovsk: Priamurskie vedomosti, 2006. 176 s.

Istochniki

9. Reformator zemli jakutskoj gubernator Ivan Ivanovich Kraft. 1906–1913: fot., dok. / sost. A. A. Kalashnikov. Jakutsk: Jakutija, 2011. 376 s.
10. Jenciklopedicheskij slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri: v 2 t. T. 2. M-Ja / otv. red. D. Ja. Rezun. Novosibirsk: Geo, 2013. 464 s.

Библиографическое описание статьи

Кушнарева М. Д. Вклад представителей крупных фирм в экономическое развитие и общественную жизнь населения городов Северо-Восточной Сибири в начале XX века // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 66–70.

Reference to the article

Kushnareva M. D. Contribution of Representatives of Large Firms to the Economic Development and Social Life of Urban Population of North-Eastern Siberia in the Early XXth Century // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. *2016. Vol. 11, No 4. P*. 66–70.

Статья поступила в редакцию 05.04.2016

УДК 622.342

Владимир Александрович Маруев,
аспирант,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: vamaruev@mail.ru

Дорожный вопрос в истории золотодобычи Забайкалья начала XX столетия[1]

В статье предпринята попытка определения влияния качества дорожной и железнодорожной инфраструктуры на существование и развитие золотодобычи Забайкалья начала XX в. Рассматриваются вопросы влияния строительства Транссиба на техническую модернизацию золотодобычи, а также изменения в структуре рабочей силы, наличие капиталов для переоснащения**.** Делается вывод о противоречивости влияния на развитие золотодобычи Забайкалья строительства железной дороги, ввиду отсутствия достаточно крупных капиталов, преимущественно хищнической разработки месторождений частными золотопромышленникам и, как следствие, отсутствие или крайне низкое качество дорожной инфраструктуры самих приисков. В работе на основании документальных источников рассмотрено состояние приисковых путей сообщения, обеспечивающих золотодобычу в Забайкалье. Последовательно анализируются документальные источники Государственного архива Забайкальского края, Государственного архива Иркутской области, Геолфонда, рассматривается комплекс исследований. Делается вывод, что достаточно разветвлённой и качественной дорожной инфраструктуры в Забайкалье не было, что крайне негативно сказывалось на развитии золотодобычи. В свою очередь последнее обстоятельство нивелировало для золотодобычи положительные моменты, связанные со строительством Забайкальской железной дороги, усиливая негативные.

Ключевые слова**:** Транссибирская железная дорога, золотодобыча, иностранный капитал, рабочая сила, техническая модернизация, Забайкалье, пути сообщения, документальные материалы

Vladimir A. Maruev,
Postgraduate Student,
Transbaikali State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: vamaruev@mail.ru

The Road Issue in the History of Gold Mining in Transbaikalia in the Early XXth Century[2]

The article attempts to determine the influence of the quality of road and rail infrastructure on the existence and development of gold mining in Transbaikalia at the beginning of the XXth century. The effect of the Transbaikal railway construction on technical modernization of gold mining is examined, as well as the changes in the structure of the workforce, availability of capital for re-equipment. The conclusion about the inconsistency of impact of the Transbaikal railway construction on the development of gold mining in Transbaikalia is made, due to the absence of sufficiently large capital, primarily of predatory development of deposits by private gold miners and, as a result, no or extremely low quality of the road infrastructure of the mines themselves. In the work, based on documentary sources, the state of the field of communications, providing gold mining in Transbaikalia is examined. The documentary sources of the State archive of the Transbaikal region, State archive of the Irkutsk region, Geological Fund are consistently analyzed; the complex of investigations is observed. It is concluded that there was not sufficiently extensive and high quality road infrastructure in Transbaikalia and that fact negatively affected the development of gold mining. In turn, the latter fact is leveled to the gold positive aspects associated with the construction of the Transbaikal railway, increasing the negative ones.

Keywords: Transbaikal railway, gold mining, foreign capital, labor, technical modernization, transport, documentary materials

Золотодобыча, равно как и любое другое капитало- и трудоёмкое производство, напрямую зависит от развития логистики. Для удалённого Забайкалья вопрос связи с центром России крайне значителен. Экономический обмен, техническая модернизация, вопросы стоимости продукции и рентабельности предприятий, возможность получения кредита – всё это связано с обеспеченностью региона дорожной инфраструктурой и качеством транспортной связи с центром. Исходя из изложенного, представляется необходимым изучить влияние строительства Забайкальской железной дороги на развитие золотодобычи. Разработка данного влияния представляется важной для понимания общей картины разви-

[1] Исследование выполнено в рамках реализации научного гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет». 2016 г.

[2] The research was performed in the framework of the scientific grant of the Council for scientific and innovation activities of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Transbaikal State University”, 2016.

© Маруев В. А., 2016

тия местной золотодобычи. Не меньшую роль для функционирования золотодобывающих предприятий играет дорожная инфраструктура самого региона и золотодобывающих предприятий. В настоящей работе предполагается рассмотреть некоторые вопросы влияния строительства Забайкальской железной дороги на развитие золотодобычи в крае, а также представить обзор состояния дорожной инфраструктуры приисков.

Влияние строительства Транссибирской железнодорожной магистрали на развитие сибирской золотодобычи в «Истории Сибири с древнейших времен до наших дней» характеризуется следующим образом [5, с. 182]: «…влияние сказалось не столько на увеличении добычи золота, сколько на глубоких структурных изменениях в этой отрасли капиталистического производства». Исследователь социально-экономической истории Сибири В. П. Зиновьев в работе «Горная промышленность Сибири и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.)» предоставляет данные, из которых следует, что в связи с проведением Сибирской железной дороги усиливается кризис цветной металлургии, вызванный фактом слабой конкурентоспособности Кабинетского хозяйства, по отношению к капиталистической промышленности. Выход золотопромышленности из кризисного состояния В. П. Зиновьев связывал со следующими факторами: вложениями больших средств в золотодобычу крупными российскими и иностранными предпринимателями и обществами, опиравшимися на банковский кредит; введение машинизации вследствие удешевления транспортной перевозки механизмов с проведением железной дороги; расширение добычи за счёт использования иностранных рабочих [8, с. 12–13].

По данным исследователя золотопромышленности Сибири С. Ф. Хроленка провоз машин и материалов для золотодобычи из европейской части России и других стран обходился значительно дороже, чем стоило его производство. Ко времени постройки Сибирской железной дороги «… относится начало наиболее ощутимых изменений в технике добычи золота … в золотопромышленность Сибири проникает великорусский и иностранный капитал» [12, с. 109]. Ниже приведена таблица (см. табл. 1) С. Ф. Хроленка о количестве паровых котлов и их мощности по горным округам Восточной Сибири на начало XX в.

Так, на 1896 г. в Забайкалье имелось 13 котлов суммарной мощностью 191 л. с., что по количеству в 5 раз и по мощности в 7 раз меньше, чем соответствующие показатели Ленского горного округа. Можно заключить, что процесс механизации забайкальской золотопромышленности требовал значительного, если не полного, переоснащения технической базы. Такое переоснащение требовало крупных финансовых капиталовложений. В крае отсутствовали крупные капиталистические хозяйства, что означало крайне медленное и эпизодическое внедрение технических новинок. Недостаток капиталов тормозил процесс технической модернизации местной золотодобычи, а участие Российской империи в Русско-японской и Первой мировой войнах не предоставило времени для дальнейшего развития. Кроме того, основная масса техники до войны закупалась Россией в Германии, нехватка запасных частей к ним во время Первой мировой войны обусловила также спад добычи золота [9, с. 47].

Таблица 1

Горные округа	***Число котлов***	***Мощность, в лошадиных силах***
Ленский	74	1584
Амурский	23	400
Восточно-Забайкальский	12	154
Приморский	2	36
Западно-Забайкальский	1	37
Всего	112	2211

Такой вывод подтверждается следующими данными. По Нерчинскому горному округу обеспечение золотопромывальных устройств водой при частых засухах и маловодности в округе всегда было недостаточным. До строительства Забайкальской железной дороги было затруднительно предпринимать серьёзные меры по обеспечению промыслов водой из непересыхающих в период засухи источников воды – рек. С середины 1890-х гг. появляются капитальные плотины, начинает применяться «оборотная», т. е. отработанная вода, которая поднималась набережными насосами, действующими от локомобилей. Однако промыслы требовали больших объёмов воды, поэтому в засушливые годы часто происходили более или менее значительные недомывы золота [2, с. 62–63]. В Западно-Забайкальском горном округе на приисках братьев Шумовых имелся в начале XX в. экскаватор, который прекратил работу в начале Первой мировой войны, поскольку был сделан на Любекском заводе. 16 января 1917 г. появился экскаватор и в Нерчинском горном

округе, но работать так и не начал. Первая драга на реке Чикой появляется в 1900 г. [4, с. 34]. Надо также отметить, что достаточно квалифицированного трудового резерва в регионе не было [9, с. 42–43].

Особенностью золотодобычи Забайкалья рубежа XIX–XX вв. было практически полное отсутствие рабочих кадров с фабричной генеалогией. Строительство Транссиба способствовало увеличению удельного веса рабочих в крае. Профессор, доктор географических наук А. А. Недешев характеризовал влияние строительства Сибирской железнодорожной магистрали на экономику Забайкалья как огромное. По приводимым учёным данным на строительстве Забайкальского участка железной дороги работало от 5 (1895 г.) до 34 тыс. рабочих (1899 г.) [8, с. 47–48]. По подсчётам исследователя А. А. Мухина, проведённым на основе сведений промышленных и транспортных управлений, горного надзора и фабричной инспекции, «численность рабочих Забайкальской области возросла с 21 тыс. чел. в 1897 г. до 56 тыс. чел. в 1914 г. Основная масса рабочих была занята на железнодорожном транспорте и в горнодобывающей промышленности» [6, с. 184].

Можно было бы сделать вывод, что забайкальская золотодобыча получила приток рабочих. Но переселенцы были чаще крестьянами, чем пролетариями: «в 90-х гг. прошлого столетия появились рабочие из Европейской России, главным образом крестьяне Тобольской, Пермской и Симбирской губернии», – при том ещё и не адаптированными к местным погодным условиям [10, с. 24]. И, кроме того, на строительство и дальнейшее обслуживание железнодорожного полотна перешла значительная масса рабочих. Последнее обстоятельство серьёзным образом сократило рынок свободной рабочей силы.

Таким образом, строительство железной дороги и затем обеспечение её работы привело к оттоку рабочих рук из золотодобывающего сектора. Участие в войнах также приводило к замещению на приисках русских рабочих – китайскими [10, с. 24]. Данных о расширении добычи золота с помощью использования иностранной рабочей силы на данный момент исследования нет. Документы свидетельствуют, что на хозяйские работы золотопромышленники предпочитали нанимать русских рабочих, а на старательские – китайцев [13, л. 33–33*об*.].

Выше отмечено, что строительство железной дороги должно было способствовать привлечению отечественных и иностранных инвестиций. Данные относительно крупных отечественных инвестиций отсутствуют. Что касается иностранных капиталов, то основную роль сыграл английский капитал. Так, в Забайкалье действовала смешанная русско-английская кампания «Нерчинское золотопромышленное общество» [11, с. 35–36]. Основная сумма иностранных вложений в золотодобычу Сибири шла не на расширение и развитие производства, а на приобретение концессионных, арендных и других прав у русских владельцев полезных ископаемых или на скупку действующих русских предприятий. Поэтому вывоз английских капиталов в горное дело Сибири не способствовал развитию производительных сил, а тормозил их развитие [6, с. 186]. Иностранные капиталы усиливали черты колониального характера экономики Сибири [7, с. 122]. Капитан 2-го ранга Шталь 24 ноября 1905 г. писал по поводу строительства Сибирско-Аляскинской железной дороги: «В настоящее время всё побережье Онежского и Берингова пролива беспрепятственно эксплуатируется американскими промышленниками… с проведением дороги граница наша отодвинется к Иркутску, если мы оставим беззащитным этот край, которому иностранная промышленность сулит столь блестящую будущность» [19, л. 3].

Переходя к вопросу состояния дорожной инфраструктуры самих приисков, представляется нужным отметить, что золотопромышленность в подавляющем большинстве сосредотачивалась в отдалённых и малонаселённых районах. Частных приисков было значительное количество, они были дробны и разобщены [14, л. 38–47]. Населённые пункты, как правило, располагались на значительном расстоянии от приисков. Между тем, для существования золотодобывающей промышленности требовался приток на прииски рабочих рук, продуктов, техники, запасных частей, почты и других необходимых элементов. В таких условиях рентабельность золотопромышленности в значительной степени зависела от наличия и качества путей сообщения. По документальным свидетельствам рабочие сами приходили на прииск из соседних населённых пунктов и городов, в большинстве своём это были крестьяне, которые устраивались не на постоянную работу, а на временную [13, л. 79]. Продовольствие рабочие могут приносить из своих населённых пунктов, либо же приобретать в приисковом амбаре в счёт заработной платы по ценам, утверждённым окружным инженером [14,

л. 3*об*–4]. Поскольку большая часть времени рабочих была посвящена сельскохозяйственным работам, то они редко нанимались на более чем 15 рабочих дней. Крайне редко кто работал более месяца. При такой мобильности местного населения существование прииска напрямую зависело от развития дорожной инфраструктуры.

По данным читинского купца, золотопромышленника и современника рассматриваемой проблемы А. М. Розенфарба подвоз материалов и продуктов на прииски являлся затруднительным и дорогостоящим, в особенности летом, и стал особенно значим на 1917 г., «когда независимо от общедороговизны припасов, а также и рабочих золотопромышленность перешла на работу площадей со значительно бедным содержанием золота. При этом бездорожье заставляет останавливаться, идти на поиски золота в далекую тайгу» [18, с. 19–20]. Отмечает золотопромышленник и важность наличия колёсных дорог для механизации отрасли, что способствовало бы удешевлению издержек производства, а также жизни на приисках и позволило бы добывать золото из месторождений с более бедным содержанием драгоценного металла, что, в свою очередь, стимулировало бы развитие мелкой и средней золотодобычи. Таким образом, несмотря на то, что «золото представляло собой исключительно ценный и относительно легко транспортабельный продукт, чтобы окупать свою добычу в труднодоступных таёжных районах» [1, с. 180], отсутствие достаточно развитой инфраструктуры путей сообщения в 1917 г. сдерживало развитие золотопромышленности. В соответствии с данными труда В. В. Сапелкина «Горное дело в России: европейской и азиатской России за 1901 год – перечень и справочная адресная книга горнопромышленных предприятий» [16, с. 148] путями сообщения в Забайкалье служили в абсолютном большинстве случаев просёлочные дороги с почтовыми станциями.

Горный исправник Баргузинского горно-полицейского округа от 18 апреля 1912 г. в своём рапорте в Забайкальский областной статистический комитет предоставлял следующие данные [15, л. 8*об*, 13*об*]: «Цены на товары и припасы по отсутствии путей сообщения высокие… Исходя из того, что проведение путей сообщения, удобных к золотопромышленным районам, и заселение их сельскохозяйственным элементом имеет главное значение для развития ремесла». Автор доносил г. Военному Губернатору 27 сентября 1910 г. за № 1503 о необходимости проведения в Баргузинской тайге колёсного пути, указывая о направлении пути и «незначительности потребного капитала». Помимо этого, автор ссылается на свою записку по вопросу «соединения города Бодайбо с Сибирской магистралью непрерывным рельсовым путём через город Баргузин [13, л. 55–55*об*]… Сообщение летом – верхом по таёжным тропам, зимой – речками и по хребтам санями, если зима снежная, в противном случае также верхом. Неудобства серьёзные».

Из рапорта заведующего частными золотыми приисками Чикойской системы Западно-Забайкальского горного округа от 13 апреля 1912 г. военному губернатору Забайкальской области по поводу путей сообщения были приведены такие данные [15, л. 22*об*–23]: **«**Прииски между собой и с населёнными пунктами сообщаются зимой экипажным сообщением руслами рек – по льду, летом – вьючными тропами, в основном заросшими и старыми, местами – поправляемые золотопромышленниками». Припасы же приобретались в ближайших сёлах и городах Верхнеудинске, Троицксавске и Иркутске [15, л. 23].

Не лучше ситуация представлена и в рапорте на имя исправляющего должность губернатора Забайкальской области от горного исправника Шилкинско-Аргунского горнополицейского округа, от 14 апреля 1911 г. [15, л. 69]: «золотые прииски Читинского, Акшинского, Нерчинского, Нерчинско-Заводского округов с населёнными пунктами и между собой сообщаются экипажами по грунтовым дорогам, с незначительными перерывами в 20–30 вёрст, где проехать возможно только верхом. Район же Вершино-Олекминской системы в летнее время доступен только верховому вьючному сообщению».

В рапорте заведующего частными золотыми приисками Джидинской системы, Троицкосавского уезда, от 1 августа 1909 г. приведена информация, что зимой использовался санный путь, летом – вьючный [14, л. 77*об*].

Исходя из документальных свидетельств, дорожная инфраструктура золотодобывающих приисков, вследствие ограниченности распространения и низкого качества, продолжала тормозить расширение географии приисков, приводила к высоким издержкам производства, делала нерентабельным развитие месторождений с малым и средним содержанием золота.

Представляется необходимым привести здесь свидетельство из документа «Особое мнение доверенного Я. Д. Фризера и т-ва

“Королон”», написанное доверенным И. Погребецким от 14 ноября 1908 г., в котором отражены проблемы, с которыми могли сталкиваться золотопромышленники вследствие слабого развития дорожной инфраструктуры. Я. Д. Фризер был известным баргузинским купцом, золотопромышленником. Из документа следует, что «большинство предметов для приисков покупаются в октябре и транспортируются по Сибирской железной дороге до станции Залари и смежных с оной станцией. По открытии зимнего пути гужем перевозят грузы до Жигаловской на р. Лене, где груз остаётся до начала весенней навигации по р. Лене. Потом сплавом в деревянных судах до Витимской пристани, затем в баржах буксиром за пароходом до Нерпинской резиденции по Витиму. Там пороги и весь груз складывается на резиденции и по замерзании рек – в ноябре – следует на Королонские прииски. Перевозка заканчивается к весне следующего года, то есть через 1,5 года после покупки. Во всех пунктах: Залари, Жигалово, Витим, Нерпо – и местах отправки приходится содержать служащих для приёмки и отправки, сторожей, страховать от пожаров и аварий, при лежании на складах – убыль от утечки, упылки, усушки велика. Кроме провозной платы к расходам необходимо добавить и процент на затраченный в течение странствования капитал из 12 % годовых (обычный в последнее время в коммерческих сферах). Всего получается 18 %, но предметы на приисках расходуются не сразу, что повышает сумму хранения.

Для сокращения времени нахождения грузов в пути следования возможна отправка их через Баргузин и Баргузинскую тайгу и летом на лодках от Нерпо (и вьюком) до приисков, что отчасти и делается. Но доставка обоими этими путями обходится от 4 до 5 р. за каждый пуд и, кроме того, этими путями возможно лишь отправить сравнительно небольшое количество – тысячи две пудов, так как усиленная отправка грузов указанным направлением – через тайгу сильно удорожит и без того дорогую плату, не говоря уже о достоинствах самого пути. Путь по Баргузинской тайге небезызвестен, и грузы почти всегда попадают в наледи и нередко их разбрасывает по зимовьям» [17, л. 15*об*–16].

Помимо прочего, отдалённость приисков от местных культурно-экономических центров, ограниченность путей сообщения сужают культурно-бытовой минимум обихода рабочих. В результате более квалифицированные рабочие предпочитают приискам другие работы в районах железных дорог и торговых центров.

Золотопромышленник А. Розенфарб в труде «Золотопромышленность и её нужды в Восточно-Забайкальском горном округе» [18, с. 28–29] приводит следующие данные: «Переселенческие дороги в местах соприкосновения с золотопромышленными районами сразу сокращали привозную плату с 1 р. – 1р. 50 к. до 20 к. за пуд для приисков, транспортные расходы которых всегда составляют весьма видную часть издержек производства, это является чрезвычайно существенным сбережением и одной из самых побудительных причин расширения развития приисковых работ. Вместе с тем соединение поисковых районов путями сообщения с местными центрами привлекли бы сюда так необходимый золотопромышленности более приспособленный и более необходимый труд… Производительность труда возросла бы во много раз». Кроме этого, он предлагает следующую программу преобразования дорожной инфраструктуры: «Мы полагаем, что не найдёт ли Правительство возможным построить колёсную дорогу, а именно: проложить колёсную дорогу от ст. Урульга Забайкальской жел. дор. на Витим (где есть данные для дражных работ) с Веткой на Нерчу и Нерчуган (где там же есть прииск, неработающий из-за бездорожья) в вершину Олекмы, на соединение с дорогой со ст. Могоча (Амурск. ж. д.) на Тунгирь (приток Олекмы). Эти дороги Забайкальским переселенческим управлением поставлены по плану из работ в 3-ю очередь, но в действительности они нужны для развития золотопромышленности сейчас. …Исправление того же почтового тракта, как нужных для провоза крупных машин, а также для правильного функционирование во всякое время года. Проведение железной дороги со ст. Сретенск Забайк. жел. дор. до Нерчинского Завода, где богатый хлебный район».

Представляется нужным привести и положительный отзыв о дорожных системах горных округов Забайкалья. Как следует из донесения от 2 апреля 1875 г. генерал-майора Бедилина, проводившего ревизию Нерчинских горных заводов [16, л. 5]: «Содержащиеся за счёт горного ведомства дороги и мосты в тех местах, где мне случалось проезжать, находятся в удовлетворительном состоянии». На данный момент этот отзыв является единственным удовлетворительно характеризующим дорожную инфраструктуру приисков Забайкалья.

Таким образом, представляется возможным сделать некоторые выводы. Создавая

условия для повышения механизации, способствуя росту производительности труда и улучшая сообщение с центром, строительство железной дороги в Забайкалье вместе с тем привело к падению удельного веса русских рабочих на приисках, что особенно пагубно сказалось на наличии в золотопромышленности квалифицированных рабочих. Возможность развития блокировалась отсутствием достаточных капиталов на местном уровне, невозможностью привлечь отечественные кредиты на приемлемых условиях, хищническим характером иностранных инвестиций, слабым развитием местной инфраструктуры. В итоге строительство Забайкальской железной дороги привело к эпизодичным фактам модернизации отрасли. Ко всему прочему, строительство железной дороги до Владивостока позволяло в перспективе более успешно проникать американскому капиталу, что при отсутствии достаточного экономического влияния центра России создавало для окраин империи потенциальную опасность. Специфика рынка труда, отсутствие квалифицированных кадров, достаточно крупного местного капитала и отсталая инфраструктура с проведением Забайкальской железной дороги дали противоречивый экономический эффект. Данное обстоятельство было ухудшено и в значительной степени определено войнами Российской империи начала XX в. Нет возможности определить вполне влияние на золотодобычу в Забайкалье строительства Транссиба, поскольку результат данного преобразования не мог проявиться сразу, а после 1917 г. развитие страны пошло по другому пути.

Состояние дорожной инфраструктуры приисков ещё более ухудшало транспортную проблему. Нужно отметить, что на 1917 г., несмотря на понимание частью местной администрации глубины проблемы, дорожная инфраструктура Забайкалья оставалась низкого качества и была недостаточно протяжённой. Это крайне негативно отражалось на тенденциях развития местной золотодобычи. Многие месторождения не могли быть успешно разработаны в условиях высоких транспортных издержек. Сокращались возможности для механизации приисков, которые предоставило строительство Забайкальской железной дороги. Само функционирование приисков находилось в прямой зависимости от погодных условий. Транспортная проблема ограничивала приток рабочей силы на прииски, особенно квалифицированных рабочих. Дорожный вопрос в Забайкалье – это комплексная проблема качества внутренней дорожной инфраструктуры золотодобывающих предприятий региона и связи с центром. На рубеже XIX–XX вв. решился вопрос строительства железнодорожного пути из центра страны до Забайкалья, но качество местной дорожной инфраструктуры оставалось крайне плохим.

Список литературы и источников

1. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: Наука, 1996. 320 с.
2. Герасимов М. Очерк Нерчинского горного округа // Изд-е Кабинета Его Императорского Величества. СПб.: типо-лит. К. Биркенфельда, 1896. 122 с.
3. Зиновьев В. П. Горная промышленность Сибири и формирование горнорабочих (1895–1917 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск: Наука, 1980. С. 6–31.
4. Игнаткин Ю. А. Очерки золота Забайкалья. Чита: АНО ЦНОП, 2004. 100 с.
5. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. III / гл. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. 532 с.
6. Маруев В. А. Иностранный капитал и кадровые вопросы золотопромышленности Забайкалья в предвоенные годы и в годы Первой мировой войны // Молодёжная научная весна – 2015: материалы XLII науч.-практ. конф. молодых иссл. ЗабГУ: в 2 ч. / под ред.: Т. Б. Бердниковой, А. В. Шапиевой. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 184–186.
7. Мухин А. А. Формирование промышленных рабочих кадров в Забайкалье в конце XIX – начале XX столетия // Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1980. С. 151–172.
8. Недешев А. А. Забайкалье: экономика, ресурсы, достижения, проблемы. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1981. 160 с.
9. Орлов М. Н., Хроленок С. Ф. Золотодобывающая промышленность Восточной Сибири и Дальнего Востока в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Вопросы социально-экономического развития Восточной Сибири (XIX–XX вв.). Новосибирск: Наука, 1989. С. 34–57.
10. Розенфарб А. Золотопромышленность и её нужды в Восточно-Забайкальском Горном Округе. Чита: Тип. Забайкал. обл. правления, 1917. 30 с.
11. Ступников В. М. К вопросу об экспансии иностранного капитала в дальневосточную золотопромышленность (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории советского Дальнего Востока. Вып. 2. Владивосток: Тип. № 1 Приморского краевого управления по печати, 1965. С. 35–36.
12. Хроленок С. Ф. К вопросу о промышленном перевороте в золотодобывающей промышленности Восточной Сибири (1860–1900 гг.) // Экономическое и общественно-политическое развитие Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск: Наука, 1965. С. 97–109.
13. ГАЗК. Ф. 19 (Забайкал. обл. стат. комитет). Оп. 1. Д. 137. 88 л.
14. ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 154. 83 л.

15. ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 368. 484 л.
16. ГАЗК. Ф. 93 (Горн. отд-ние Гл. упр. Вост. Сиб.). Оп. 1. Д. 28. 83 л.
17. ГАИО. Ф. 135 (Иркут. горн. упр. Горн. департ. М-ва торговли и промышленности, г. Иркутск Иркутской губернии, 1884 – 25.10.1920). Оп. Оц. Д. 102. 156 л.
18. Сапелкин В. Горное дело в России: европейской и азиатской России за 1901 год: перечень и справочная адресная книга горнопромышленных предприятий. СПб: Тип. Исидора Гольдберга, 1903. 1135 с.
19. ЦГИА. СПб. Геолфонды Управления цветной металлургии. Инв. № 221. П. № 226. Д. № 145 (Комис. по рассмотр. вопр. о горн. и золот. промысле на Чукот. полуострове). 3 л.

References

1. Vinokurov M. A., Suhodolov A. P. Jekonomika Sibiri: 1900–1928. Novosibirsk: Nauka, 1996. 320 s.
2. Gerasimov M. Ocherk Nerchinskogo gornogo okruga // Izd-e Kabineta Ego Imperatorskogo Velichestva. SPb.: tipo-lit. K. Birkenfel'da, 1896. 122 s.
3. Zinov'ev V. P. Gornaja promyshlennost' Sibiri i formirovanie gornorabochih (1895–1917 gg.) // Promyshlennost' i rabochie Sibiri v period kapitalizma. Novosibirsk: Nauka, 1980. S. 6–31.
4. Ignatkin Ju. A. Ocherki zolota Zabajkal'ja. Chita: ANO CNOP, 2004. 100 s.
5. Istorija Sibiri s drevnejshih vremen do nashih dnej: v 5 t. T. III / gl. red. A. P. Okladnikov. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1968. 532 s.
6. Maruev V. A. Inostrannyj kapital i kadrovye voprosy zolotopromyshlennosti Zabajkal'ja v predvoennye gody i v gody Pervoj mirovoj vojny // Molodjozhnaja nauchnaja vesna – 2015: materialy XLII nauch.-prakt. konf. molodyh issl. ZabGU: v 2 ch. / pod red.: T. B. Berdnikovoj, A. V. Shapievoj. Chita: ZabGU, 2015. S. 184–186.
7. Muhin A. A. Formirovanie promyshlennyh rabochih kadrov v Zabajkal'e v konce XIX – nachale XX stoletija // Social'no-jekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie Zabajkal'ja. Novosibirsk: Nauka, 1980. S. 151–172.
8. Nedeshev A. A. Zabajkal'e: jekonomika, resursy, dostizhenija, problemy. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1981. 160 s.
9. Orlov M. N., Hrolenok S. F. Zolotodobyvajushhaja promyshlennost' Vostochnoj Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Pervoj mirovoj vojny (1914–1917 gg.) // Voprosy social'no-jekonomicheskogo razvitija Vostochnoj Sibiri (XIX–XX vv.). Novosibirsk: Nauka, 1989. S. 34–57.
10. Rozenfarb A. Zolotopromyshlennost' i ejo nuzhdy v Vostochno-Zabajkal'skom Gornom Okruge. Chita: Tip. Zabajkal. obl. pravlenija, 1917. 30 s.
11. Stupnikov V. M. K voprosu ob jekspansii inostrannogo kapitala v dal'nevostochnuju zolotopromyshlennost' (konec XIX – nachalo XX vv.) // Voprosy istorii sovetskogo Dal'nego Vostoka. Vyp. 2. Vladivostok: Tip. № 1 Primorskogo kraevogo upravlenija po pechati, 1965. S. 35–36.
12. Hrolenok S. F. K voprosu o promyshlennom perevorote v zolotodobyvajushhej promyshlennosti Vostochnoj Sibiri (1860–1900 gg.) // Jekonomicheskoe i obshhestvenno-politicheskoe razvitie Sibiri v 1861–1917 gg. Novosibirsk: Nauka, 1965. S. 97–109.
13. GAZK. F. 19 (Zabajkal. obl. stat. komitet). Op. 1. D. 137. 88 l.
14. GAZK. F. 19. Op. 1. D. 154. 83 l.
15. GAZK. F. 19. Op. 1. D. 368. 484 l.
16. GAZK. F. 93 (Gorn. otd-nie Gl. upr. Vost. Sib.). Op. 1. D. 28. 83 l.
17. GAIO. F. 135 (Irkut. gorn. upr. Gorn. depart. M-va torgovli i promyshlennosti, g. Irkutsk Irkutskoj gubernii, 1884 – 25.10.1920). Op. Oc. D. 102. 156 l.
18. Sapelkin V. Gornoe delo v Rossii: evropejskoj i aziatskoj Rossii za 1901 god: perechen' i spravochnaja adresnaja kniga gornopromyshlennyh predprijatij. SPb: Tip. Isidora Gol'dberga, 1903. 1135 s.
19. CGIA. SPb. Geolfondy Upravlenija cvetnoj metallurgii. Inv. № 221. P. № 226. D. № 145 (Komis. po rassmotr. vopr. o gorn. i zolot. promysle na Chukot. poluostrove). 3 l.

Библиографическое описание статьи

Маруев В. А. Дорожный вопрос в истории золотодобычи Забайкалья начала XX столетия // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 71–77.

Reference to the article

Maruev V. A. The Road Issue in the History of Gold Mining in Transbaikalia in the Early XXth Century // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 71–77.

Статья поступила в редакцию 13.04.2016

УДК 656.4(571.5)(09)

Дмитрий Владимирович Скрипучий,
аспирант,
Байкальский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11),
e-mail: dmitri1703@mail.ru

Узкоколейные железные дороги Читинской области: пробелы исторического знания

В статье даётся историческая характеристика двух давно закрытых узкоколейных железных дорог Читинской области. На основе архивных документов впервые публикуются статистические данные о размерах узкоколейных предприятий. Главная проблема исследования состоит в отсутствии подробных отчётов о деятельности узкоколейного транспорта, что не позволяет выстроить полную картину его функционирования. Узкоколейки, находившиеся в ведении Петровск-Забайкальского металлургического завода и Арбагарского шахтоуправления, общей протяжённостью, едва превышавшей 40 км, обеспечивали перевозки руды, леса и угля. Датировка существования узкоколейки Петровского завода не установлена. Обе дороги работали на паровозной тяге. Решения о переходе на тепловозы в установленный период не принимались в связи с тем, что потребностей в увеличении грузопотока не было. Статья содержит набор проблем, с которыми сталкивались работники дорог. Министерство путей сообщения крайне неохотно выполняло заявки владельцев узкоколеек по ремонту подвижного состава. Подтверждаются намерения плановых органов по освоению золотоносных месторождений Вершино-Дарасунского рудника согласно проекту прокладки узкоколейки от Холбона. Дорогу начали возводить, но все элементы верхнего строения пути были отправлены на фронт.

Ключевые слова: узкоколейная железная дорога, Петровск-Забайкальский металлургический завод, Арбагарское шахтоуправление, Балягинские рудники, Холбон

Dmitriy V. Skripuchiy,
Postgraduate Student,
Baikal State University
(11 Lenina st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: dmitri1703@mail.ru

The Narrow-Gauge Railways of Chita Oblast: Lacuna of History

The article deals with the history of two long closed narrow-gauge railways of Chita oblast. Due to the archive documents the data of the scale of such railroads are firstly revealed. The main challenge in research is the lack of detailed reports about the activity of the narrow-gauge transport that does not allow reconstructing the holistic past. The narrow-gauge railways managing by the Petrovsk-Zabaikalsky Ironworks and the Arbagar coal company with the gross length of no more than 40 km, carried ore, timber and coal. The chronology of the Petrovsk-Zabaikalsky road is unknown. Both railways worked on the steam locomotive traction. The authorities did not make decisions to renovate the roads for diesel traction because of steady low level of the freight traffic. The author mentions everyday problems during the exploitation. The Ministry of railways reluctantly fixed the narrow-gauge rolling stock. According to the project of Vershino-Darasun gold exploration and extraction, the planning organs started to construct a narrow-gauge way from Holbon to Vershino-Darasun, but rails and sleepers were sent to the war front.

Keywords: narrow-gauge railway, the Petrovsk-Zabaikalsky Ironworks, the Arbagar coal company, the Balyaga mines, Holbon

Одной из наиболее неизученных тем в истории железнодорожного транспорта является прошлое узкоколейных железных дорог (далее – УЖД), которые оставили свой след в народном хозяйстве Забайкалья. Ориентирами для исследования железных дорог с узкой колеёй служат созданные энтузиастами интернет-ресурсы с заметками о судьбе узкой колеи в СССР. Среди наиболее содержательных «библиотек узкой колеи» стоит назвать сайт С. Д. Болашенко и «Энциклопедию Младший брат», контент которой формируется из материалов, собранных любителями УЖД [7; 9]. Ценность этих коллекций заключается в том, что историку «преподносится» перспективный предмет изучения. Упоминания об УЖД также содержатся в издании «Энциклопедия Забайкалья» [5; 11].

В СССР широко применялись лесовозные и торфовозные УЖД, которые с начала 1970-х гг. начали массово закрывать преимущественно по двум причинам: истощение сырьевых баз и экономическая неэффективность [4, с. 23]. Но авторитетные проектные организации и часть учёных-транспортников до сих пор выражают мнение о возможностях развития узкоколеек при определённых рельефах, грузооборотах, расстояниях вывозки

© Скрипучий Д. В., 2016

[3, с. 12; 10]. В Советском Союзе доля железнодорожного транспорта промышленного назначения с 1965 по 1975 гг. колебалась в диапазоне 42,1 % – 46,8 % [2, с. 8]. Узкоколеек среди таких дорог насчитывалось около 40 %, или 46 тыс. км, причём темпы их прироста существенно опережали скорость увеличения эксплуатационной длины дорог общего пользования в Министерстве путей сообщения (далее – МПС) [2, с. 8].

Самой известной и протяжённой (более 200 км) узкоколейной линией в Читинской области была дорога, соединявшая Харанор с Приаргунском. Однако о ней речь в статье не пойдёт, поскольку она требует отдельного исследования.

В условиях поиска оптимальных транспортных решений изучение опыта узкоколеек не лишено актуальности. Цель статьи состоит в том, чтобы оценить роль забайкальских малодеятельных УЖД на Петровск-Забайкальском металлургическом заводе и в Арбагарском шахтоуправлении. Их историю пришлось складывать из разрозненных материалов, что позволяет только представить в самом общем виде объёмы узкоколейного хозяйства. Точную датировку работы УЖД Петровск-Забайкальского металлургического завода установить не удалось. Согласно экономическому обзору тяготеющих к Забайкальской железной дороге (далее – ЗабЖД) объектов за 1933 г. Петровский чугуно-литейный завод работал на Балягинских железных рудниках и лесоучастках[1]. Руда и древесина поступали на завод по Балягинской узкоколейке. Её конечной станцией назывался «Тупик» Балягинского рудника.

В 1939 г. на балансе металлургического завода находилась узкоколейка длиной 25 км[2]. В 1939 г. для «чугунки» приобрели 3 паровоза серии 157, 1 мотовоз, 48 вагонов, 2 углярки и 2 теплушки – общей грузоподъёмностью 424 т[3]. На начало 1940 г. в состав завода отдельно входил цех железнодорожного транспорта наряду с автотранспортным и гужевым цехами (7 автомобилей и 30 лошадей). В 1942 г. в железнодорожном цехе работало 296 чел. (только 14 из них были ИТР), которые получали среднюю заработную плату в размере 1634 р.[4] Диспетчеры и паровозные бригады работали по 12-часовой смене (с 7 до 19 ч). Для железнодорожного цеха уголь завозился из Черемхово, потребность в нём на 1942 г. составляла 4250 т, а за 1944 г. было использовано 8295 т угля[5].

За время предвоенной эксплуатации имеются сведения о финансовых проблемах. Например, за 1939 г. железнодорожный цех дал убыток 324 тыс. р., поскольку сметная стоимость услуг была значительно ниже фактической не в последнюю очередь из-за того, что морозы создавали частые простои вагонов[6].

В 1940 г. наблюдался всплеск дел о различных правонарушениях и о низкой трудовой дисциплине. На заводе был издан приказ о снятии с работы начальника железнодорожного депо П. М. Рыкова (ранее снят с должности начальника железнодорожного цеха) за саботаж[7]. Уголовные дела за прогулы в отношении 3 грузчиков железнодорожного цеха, старшего машиниста, машиниста и 3 помощников машиниста были переданы в народный суд. Начальник депо В. Т. Блинов в 1940 г. в пьяном виде чуть не допустил аварию, представив затем ложную справку о болезни, и в итоге был уволен[8]. За прогул отстранили от работы начальника цеха В. П. Аринушкина, который к тому же провалил план составления заявки на оборудование на 1940 г.[9]

В приказе от 6 ноября 1940 г. отмечался срыв железнодорожным цехом подготовки паропутевых кранов к зимнему сезону[10]. Больше всего случаев производственного травматизма было зафиксировано именно у железнодорожников. В количественном выражении за 1955 и 1956 гг. было выявлено более 80 случаев получения травм[11]. Для улучшения работы рекомендовалось назначить нового начальника, выполнять все заказы железнодорожников вне очереди, прикрепить инженера-конструктора к цеху, а начальнику отдела снабжения обеспечить цех необходимыми материалами и инструментами.

Об отсутствии слаженности в работе цехов свидетельствует то, что железнодорожники регулярно предъявляли претензии мартеновскому цеху, который не очищал вагоны, хотя простои и сократились с 6 до 4 ч в 1940 г.[12] Особо подчёркивались проблемы нехватки грузчиков и слабой механизации, не было достроено депо, паровых кранов не хватало.

[1] ГАЗК (Гос. архив Забайкал. края). – Ф. Р-604. – Оп. 23. – Д. 14. – Л.14.
[2] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 20.
[3] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 55.
[4] 4 ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 172.
[5] ГАЗК. – Ф Р-415. – Оп. 1. – Д. 53. – Л. 105.
[6] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 24.
[7] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 17.
[8] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 93.
[9] Там же. – Л. 240.
[10] Там же. – Л. 54.
[11] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 186. – Л.22.
[12] ГАЗК.– Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 62.

В плане капремонта на 1942 г. предусматривался ремонт Балягинской УЖД на протяжении 12,5 км. В 1943 г. велось строительство внутризаводской ветви УЖД на сумму 1905 тыс. р., разъезда Декабристов на 2791 тыс. р. и паровозного депо на 561 тыс. р.[1] В годовом отчёте за 1946 г. отмечалось, что главной проблемой железной дороги являлось отсутствие собственной ремонтной базы. Износ паровозов превысил эксплуатационные характеристики, их приходилось ремонтировать на заводах МПС, которые без интереса относились к таким заявкам. Взаимоотношения железнодорожников-заводчан и МПС осложнялись регулярным перепростоем вагонов из-за того, что ЗабЖД не предоставляла склады и грузчиков, не проводила разогрев мазута зимой[2].

Будучи столпом металлургии в Забайкалье, завод имел большие возможности по развитию своего собственного транспорта. Пути узкой колеи дополняли параллельно проходившую ширококолейную железную дорогу, о времени появления которой нам ничего не известно (см. таблицу). Ниже приведены данные по известным характеристикам обеих дорог[3].

В 1950 г. было отремонтировано по 1 паровозу обоих видов колеи, 1,5 км пути широкой и 2 км узкой колеи[5]. По оценке комиссии МПС состояние пути признавалось хорошим. Благодаря вновь осуществлённому капитальному и среднему ремонту путей на протяжении 6 км, МПС в 1951 г. снова не имело нареканий на путевое хозяйство, правда, по его содержанию завод явно не дорабатывал. В 1952 г. согласно экспертизе МПС состояние полотна признавалось удовлетворительным.

Ремонт подвижного состава преимущественно проводился своими силами. На УЖД в 1956 г. использовались паровозы серии 157, которые не проходили починку с 1945 г., поэтому за 90 дней поручалось произвести срочный ремонт котла, водяного бака, днища, рамы и труб[6].

В графике внедрения новой техники, механизации, автоматизации на 1957 г. в цехе планировалось переоборудовать парокран на электромагнитный, вагоны на автосцепку, поставить на щебень 10 стрелочных переводов, приобрести 15 четырёхосных платформ. В плане капремонта на 1957 г. намечался ремонт паровоза серии 157 с заменой топки, труб, днища, водяного бака и боковых стенок[7]. Всего в 1956 г. эксплуатировались 7 паровозов широкой и 2 узкой колеи.

В 1954 г. персонал цеха достиг 459 чел. со средней зарплатой 13 104 р. В 1955 г. численность рабочих цеха упала до 388 чел., что увеличило среднюю зарплату до 13 237 р.

Таблица

Показатели железнодорожного цеха Петровск-Забайкальского металлургического завода за 1946–1954 гг.

	11946	***1947***	***1948***	***1950***	***1951, 1952***	***1953***	***1954***
Протяжённость пути широкой и узкой колеи в км	–	22/30	27,9/27,1	–	26,5/28,1	29,1/28,1	31,4 /28,1
Количество широких и узких паровозов	–	6/3 (ещё один узкоколейный мотовоз)	–/3 (2 на ходу)	7/3 (2 на ходу)	8/3 (2 на ходу)	7/2	–
Количество широких и узких открытых вагонов-платформ	–	93/67	126/62	127/61	129/62	144/54	–
Грузоподъёмность широкого и узкого подвижного состава в т	–	2484/552	3034/480	3364 /483	3558/496	– /448	–
Количество аварий и браков на обеих дорогах	6/19	4/32	1/11	6/5	5/27	1/68	–/18
Убыток всего железнодорожного цеха в тыс. р.	42	36	–	46,9	228,9	–	–
Штрафы за простой при отгрузке всего цеха в тыс. р.	–	–	37,5	46,3	–	–	–

В 1-м квартале 1948 г. бытовые и мастерские паровозного депо были сданы в эксплуатацию. За счёт сверхлимитного финансирования в 1949 г. укладывались внутризаводские пути со сметной стоимостью в 5860 тыс. р.[4]

[1] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 12.
[2] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 13.
[3] Подсчитано по: ГАЗК. Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 62, 68, 84, 109, 119, 146, 159.
[4] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 6.
[5] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 7.
[6] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 16.
[7] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 198. – Л. 25.

ИТР получали среднюю зарплату в 20 200 р.[1] В 1956 г. средняя зарплата грузчиков цеха равнялась 1330 р. (для сравнения сталевары получали 2175 р., забойщики в шахте – 1332 р., а лесорубы – 1256 р.)[2]. В цехе в 1957 г. работало 18 практиков (люди без специального образования), что составляло 86 % от всех ИТР.

Сведения о размерах грузоперевозок остаются тайной за семью печатями, а фонд Петровского завода заканчивается 1961 г., поэтому судить о снижавшейся роли УЖД можно только исходя из увеличения длины трассы ширококолейной ветки и количества вагонов в её парке (см. таблицу). Скорее всего, железнодорожники так и не успели опробовать тепловозы на путях узкой колеи.

Холбонская ЦЭС была введена в строй в 1933 г. Узкоколейке от Арбагара до Холбона отводилась роль посредника между угольными шахтами и ЦЭС [6, с. 1]. Но в таком виде дорога не сразу оформилась. Изначально УЖД Холбон – Дарасун проектировалась для обеспечения грузового сообщения между золотоносным Вершино-Дарасунским рудником и главной железнодорожной магистралью. Поскольку по плану в 1940 г. должно было начаться строительство металлургического завода в районе Холбона, то намечались регулярные поставки дарасунских руд по узкоколейке.

В 1934 г. сектор треста «Комлотрансстрой» проектировал железнодорожную ветку колеи 750 мм от разъезда Холбон до села Дарасун протяжённостью 113 км при руководящем уклоне 20 ‰ (20 м на 1 км)[3]. В плане грузооборота, составленном объединением «Союззолото», намечалось пропускать по дороге 5 пар поездов в сутки с полезным весом 90 т[4]. Проектирование было засекречено и велось в контакте с Наркомвоенмором. Поскольку дорога относилась к объекту военного назначения, то направление трассы, условия её прохождения надлежало согласовывать со штабом ОКДВА (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия).

Работы по возведению УЖД стартовали в 1934 г., но строительство неоднократно подвергалось консервации. За период до 1940 г. владельцем дороги три раза был «Холбонстрой», по два раза – комбинаты «Дарасунзолото» и «Союзмышьяк» [8, с. 2]. Все переходы дороги сопровождались стремлением предыдущего хозяина сохранить за собой лучшее оборудование. К 1940 г. управление узкоколейки, построившее десятки многоквартирных домов, не имело в Холбоне своих жилых строений. Руководители «Холбонстроя» присвоили себе весь жилой фонд узкоколейки [8, с. 2].

«Дарасунзолото» в 1939 г. за счёт кредитов, выданных по линии узкоколейки, приобрёл для себя 20 трёхтонных автомашин «ЗИС» и 22 лошади [8, с. 2]. Не имея прямого финансирования, УЖД полностью зависела от комбината не только в приобретении оборудования, но и в выплате зарплаты рабочим. Зачастую деньги, ассигнованные дороге, руководители «Дарасунзолото» тратили на собственные нужды.

После двухгодичной консервации Экономический Совет при СНК СССР в 1939 г. разрешил без смет и проектов возобновить на дороге строительные работы, направив 6 млн. р. [8, с. 2]. Но поскольку руководители комбината и управления стройки не подготовились к строительству, а финансирование открылось только во 2-м полугодии, то администрация узкоколейки смогла освоить в 1939 г. лишь 2 млн р., из которых часть была потрачена не на основные работы [8, с. 2]. Экономсовет, позволив бессметное строительство в 1939 г., обязал руководителей стройки и «Главвостокзолото» подготовить сметы на 1940 г. и внести их на утверждение к 31 декабря 1939 г. Управление строительством дороги и «Главвостокзолото» не справились с заданием, и в 1-м квартале строительство оказалось без смет и финансирования. Рабочие и служащие стройки три месяца не получали зарплату. Более 70 семей и одиноких переселенцев, приехавших на УЖД в конце 1939 г. из Башкирии и Воронежской области, покинули объект [8, с. 3]. Оставшиеся сотрудники более половины рабочего времени в 1-м квартале 1940 г. находились де-юре в отпуске, а де-факто на работе в других организациях.

Вина лежала на руководстве дарасунского «Золотопродснаба». В 1940 г. начальство, ссылаясь на неподготовленность помещения на участке Тарга, не открыло там столовой, стоявшей в списке самых нужных заведений. На Тарге более 15 сут не работал магазин «Золотопродснаба», так как руководители не могли найти для него управляющего. На 5–8 сут магазины закрывались в Зон-Хиле и Тарге [8, с. 3].

К 1940 г. временные бараки в Тарге, Зон-Хиле и Мишихе, построенные в 1934 г., превратились в негодные для проживания

[1] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 185. – Л. 25.
[2] ГАЗК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 18.
[3] ГАЗК. – Ф. Р-983. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 17.
[4] Там же. – Л. 18.

строения, поскольку никогда не ремонтировались. К этим пунктам зимой не подвозилось топливо, в бараках кроме голых топчанов ничего не устанавливалось. На узкоколейке матрацев, одеял, постельного белья хватало для штата рабочих, но всё было расхищено некоторыми работниками строительства, что было вызвано отсутствием учёта имущества [8, с. 3].

В 1940 г. проверка наличия вещей в самой маленькой кладовой из четырёх вскрыла, что не было взято на учёт предметов на 3500 р. [5, с. 3]. На территории Холбонской ЦЭС был обнаружен двадцатидвухсильный локомобиль, принадлежавший узкоколейке, но не числившийся на её балансе. А 2 мес. назад управление строительством было вынуждено приобрести для себя такой же локомобиль только худшего качества.

Бывший начальник строительства раздавал работникам УЖД без записей полушубки, кровати, постельные принадлежности. В итоге не возвращено до 300 комплектов постельного белья, до 150 кроватей, несколько полушубков, из чего разыскать удалось немногую часть [5, с. 3]. Такая безнаказанность вытекала из деятельности комбината «Дарасунзолото», которому УЖД была подчинена. Шилкинский райком ВКП (б) дорожным вопросом занимался мало. Из 12 млн р., израсходованных на строительство за 1934–1940 гг., 6 млн были списаны на убытки при разработке нового проекта [8, с. 3].

По решению Правительства СССР строительство дороги должно было проводиться в две очереди. Строительство узкоколейки 1-й очереди предполагалось довести до Тарги и закончить в 1940 г. Следующую очередь запланировали на 1941 г. В путевое хозяйство за 1940–1941 гг. предписывалось вложить 39 млн р. [5, с. 3]. Экономсовет к апрелю 1940 г. утвердил финансирование на 3 млн р. Но руководители стройки (начальник Завизион, главный инженер Юрчик) не готовились к освоению средств. Они обсуждали возможность сдать кому-нибудь подряд на строительство дороги, игнорировали жилищный вопрос, не заготавливали стройматериалы, не принимали мер к размещению заказов на рельсы, костыли, накладки, болты и другие элементы строения пути.

Интересы комбината «Дарасунзолото» в укладке узкоколейки состояли в том, чтобы сократить транспортные издержки с учётом четырёхкратного увеличения добычи золота в 1936 г. по сравнению с 1930 г. [1, с. 65]. В 1938 г. Московский институт «Гипрозолото» составил план расширения Дарасунского ГОКа. В «Главзолоте» по месторождениям Большого Дарасуна предусматривалось довести мощности по добыче руды до 1500 т в сутки [1, с. 66]. В Холбоне намечалось построить металлургический передел для переработки дарасунских золотосодержащих концентратов, соединить Дарасун и Холбон через Арбагар узкоколейкой.

В начале 1941 г. была введена в эксплуатацию мощная шахта «Восточная», достраивалась обогатительная фабрика № 2, с двух концов от Дарасуна и Арбагара строилась УЖД. Война приостановила реконструкцию рудника, рельсы с УЖД были сняты и направлены на фронт [1, с. 66]. Возврата к перспективной узкоколейке до Дарасуна не последовало, и осталась только угольная ветка от Арбагара до Холбона протяжённостью 7,5 км.

В документах фонда первичной организации КПСС шахтоуправления посёлка Арбагар удалось найти подтверждение существованию принадлежавшей горнякам узкоколейке. В силу того, что дорога была не протяжённой, сведения о ней носят обрывочный характер. В документах используются ласкательные суффиксы к словам дорога и паровоз (дорожка и паровозик).

В связи с войной в сентябре 1941 г. работники ветки по приказу Наркомугля и треста «Востуголь» перешли на 10–11-часовой рабочий день. Расширение времени работ к ноябрю 1941 г. ускорило восстановление 20 вагонеток и 2 углярок[1]. Во время войны начальник УЖД Паршин заявлял, что ремонт паровозов и изготовление крестовин задерживались по причине отсутствия поперечно-строгального станка, а движение по графику не выполнялось из-за дефицита ГСМ. В 1945 г. шахтоуправление обращалось в разные инстанции по вопросу привлечения трёх слесарей на ремонт. В марте 1946 г. три имевшихся паровоза задерживали работу шахт, а для перевозки 700 т в сутки требовалось провести средний ремонт всех локомотивов[2].

Вагонный парк к 1946 г. был изношен, а на участке длиной 5 км требовалась полная замена рельс и шпал. В 1946 г. шахтоуправление направило письмо в обком ВКП (б) с просьбой к тресту помочь в производстве среднего деповского ремонта 3 паровозов и выделить для Арбагара дополнительно паровоз, 5 углярок и 2 пассажирских вагона, чтобы углярок стало 25 штук, а пассажирских вагонов – 6 единиц[3]. В июле 1946 г. дорога прино-

[1] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 36.
[2] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 53.
[3] Там же.

сила убытки шахтоуправлению из-за множества аварий. Арбагарское горное управление сообщало о прошедших 2 месяцах с того момента, как паровоз отправили в депо станции Шилка, которое откладывало исполнение заказов. Квартиры для работников УЖД не ремонтировались, барак в Холбоне протекал, хлеб в пекарне расхищался. Вопрос с системой оплаты труда машинистов паровозов никак не решался.

В 1953 г. из 5 паровозов 3 пребывали в ремонте, а из 4 подлежавших ремонту вагонов был отремонтирован только один[1]. Вместо подвозки леса для шахт паровозом продолжалась доставка 4–5 машинами. Сообщалось, что депо могло завалиться. Для перевозки 120 учащихся из Арбагара в Холбон требовалось 3 новых вагона, а пока их не приобрели, многие из Холбона до Арбагара ходили пешком. На одной из шахт пассажирские вагоны не доставляли трудящихся до пункта назначения, и люди ждали поезд на морозе. В исправных же вагонах двери не закрывались, освещение отсутствовало. В апреле 1953 г. составы с пассажирами в среднем опаздывали на 30–40 мин[2]. В такой ситуации поступали предложения о том, чтобы дефицитные думпкары и классные вагоны для перевозки 120 детей построить самостоятельно.

Начальник УЖД Макаренко в 1953 г. не контролировал подвоз леса на шахты, за что с узкоколейки взыскивались штрафы. Шахта в свою очередь платила УЖД много неустоек за недовес, что увеличило число взаимных обвинений цехов. Вырисовывалась картина, при которой, если уголь до Холбона не довезли, то на ЦЭС отключали электроэнергию, что происходило по 2–3 раза в неделю[3].

На 14 января 1954 г. из 5 паровозов в эксплуатации находилось только 2 по причине медленного ремонта. Перевозка угля с шахты № 6 задерживалась из-за штыковки угля в бункере и задержки угольного состава при разгрузке в Холбоне. Вокзальное помещение в Арбагаре не вводилось в строй, и шахтёры с учащимися продолжали ожидать паровоз на улице. Начальник УЖД Черномазов выступал за составление расписания перевозок учащихся в Холбон и обратно отдельно от рабочих.

За 9 мес. 1958 г. УЖД выполнила план грузоперевозок на 101,4 %, вывезя 432,7 тыс. т, что является самым высоким показателем, согласно имеющимся данным[4]. В этом же году ударными темпами заменили 1750 шпал, вывезли 1100 м^3 балласта[5]. Подъёмочный и промывочный ремонт паровозов был полностью выполнен. Но существенные недочёты в работе сохранялись: систематический срыв графика движения пассажирских поездов (рабочих на шахту и с шахт запаздывали увозить и привозить от 20 мин до 1 ч); слабая техническая база в депо УЖД (станочное оборудование устарело, не было фрезерного и строгального станков). Неоднократные заявки в адрес треста «Забайкалуголь» оставались без внимания. В 1958 г. депо снабжалось ГСМ с перебоями. В зимних условиях ремонт думпкаров в депо был невозможен из-за отсутствия специального помещения.

В 1959 г. работники УЖД столкнулись с тем, что шахтёры не успевали подавать уголь под погрузку. УЖД выражала возмущение, поскольку в этом году полностью произвели ремонт путей с настилом новых рельсов. Однако на узкоколейке срывался график движения пассажирских поездов. Радиофикация паровозов не приносила никакой пользы, так как всё оборудование бездействовало из-за консервативности цеха.

В депо в 1960 г. экономия осуществлялась за счёт сокращения весовщиков и экипировщиков. В связи с переходом на 6–7-часовой рабочий день прекратилась тяжба между администрацией и рабочими УЖД о нереальных нормах и низких тарифных ставках работников депо: машинистов, кондукторов и стрелочников[6].

Железнодорожный цех за 9 мес. 1960 г. перевёз 243,13 тыс. т, произвёл все виды ремонта по подъездным путям и подвижному составу[7]. Работники цеха построили тупик в 450 м для пласта «Толстый». В течение 2 лет путь капитально не ремонтировался, оправданием чему выступили брошенные силы на тупик в сторону пласта «Толстый».

В сентябре 1960 г. на УЖД паровоз потерпел крушение по причине того, что рабочие забыли перевести стрелку и пустили паровоз в породный тупик с неудовлетворительным состоянием путей, которые не выдержали тяжесть грузов и расползлись[8]. Паровоз шёл резервом, но если бы ехал с классными вагонами, то жертвы оказались бы неизбежны. Правила, которые постоянно обходились, запрещали передвижение на углярках. Прицеп-

[1] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 105.
[2] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 57.
[3] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 209.
[4] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 33.
[5] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 26. – Л. 33.
[6] Там же.
[7] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 58.
[8] Там же. – Л. 59.

ка пассажирских вагонов к угольному составу разрешалась только на основе приказов по шахтоуправлению.

В 1961 г. начальник депо В. Е. Толстоногов заявлял, что паровозный парк был исправлен. В 1961 г. состояние пути оставляло желать лучшего, случаи схода вагонов повторялись. Завес думпкаров не контролировался и писался по шаблону, что приводило к потере на каждом составе до 10–15 т угля[1]. В 1962 г. Толстоногов заявлял, что УЖД была полностью обеспечена паровозами и вагонами, но техника требовала ремонта.

В 1963 г. в работе УЖД наметились перемены, поскольку Холбонская ЦЭС частично перешла на завоз угля с Харанорских и Черновских угольных копей. С уменьшением объёма перевозок сообщалось о достаточности выхода в рейс одного паровоза, поэтому речи о закупке тепловозов не велось. С каждым годом размер зарплаты среди работников транспортного цеха понижался.

К 1968 г. помещение депо окончательно пришло в ветхое состояние. В трест «Забайкалуголь» поступали требования о необходимости ремонта котлов, пароводонапорных агрегатов и калориферной установки в депо[2]. По причине обсуждавшегося закрытия шахт, а также в связи с разносерийностью паровозов (во владении Арбагарских шахт находились русские, немецкие и польские локомотивы) на предприятие с большими опозданиями поступали запчасти, либо вообще не доходили. В 1969 г. затянулся, например, ремонт паровоза из-за недостатка дымогарных труб. Из-за отсутствия шпал путейцы заменили 1500 штук вместо 2500 по плану[3]. Хотя железнодорожники продолжали активно трудиться, проведя за 9 мес. 1969 г. промывку паровоза, ремонт 21 вагона, предупредительный ремонт 7,5 км путей с подъёмкой 1 км[4]. Капремонта также дождались 6 водосточных труб и 1 мост.

С вводом в эксплуатацию Читинской ГРЭС и формированием Читинской энергосистемы работа Холбонской ЦЭС была остановлена, и в 1972 г. на шахтах Арбагара прекратились работы. На пике развития угольного дела в Арбагаре было занято примерно 1000 чел. А если за основу оценки грузооборота взять показатель за 9 мес. в 243,13 тыс. т в качестве средней величины, то получится, что по УЖД за 3 года перевозилось до 972,52 тыс. т грузов из 32 лет, которые проработала угольная ветка.

Сворачивание перевозок по Арбагарской дороге и снижение роли Петровского подъездного пути шли вразрез с общесоветской тенденцией ускоренного развития промышленного транспорта. В обоих случаях УЖД, оказавшись в зависимости от головного предприятия и обслуживаемой ЦЭС, одновременно с их закрытием были разобраны. Ограниченные потребности в перевозках так и не привели дороги к переводу на тепловозную тягу, мощностей паровозов оказалось достаточно. Несмотря на выполнение локальных функций, существовавшие узкоколейки сыграли важную роль на одном из этапов развития советской индустриальной базы.

Список литературы

1. Игнаткин Ю. А. По диким степям Забайкалья. Очерки золота Забайкалья. Чита: Чит. обл. тип., 1994. 112 с.
2. Локтев А. Я. Промышленный транспорт. М.: Знание, 1969. 45 с.
3. Починков С. В. Экономика транспортного освоения лесных территорий // Лесное хозяйство. 2008. № 3. С. 10–12.
4. Чинченко Е. М. Лесовозный транспорт: выбор оптимальных решений // Лесная промышленность. 1987. № 4. С. 23–24.

Источники

5. Болтовская Л. А., Гатыпова Н. В. Петровск-Забайкальский металлургический завод [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4457 (дата обращения: 25.01.2016).
6. Воронов В. «Читаэнерго» – 40 лет // Приаргунская заря. 2000. 2 дек.
7. Все объекты по регионам. Забайкальский край [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://narrow.parovoz.com/emb/regions.php?REGID=RU75#RU75 (дата обращения: 25.01.2016).
8. Краснорядцев Н. На строительстве узкоколейки Холбон – Дарасун // Забайкальский рабочий. 1940. 20 апр.
9. Узкоколейные железные дороги Забайкальского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://infojd.ru/uzk75.html (дата обращения: 25.01.2016).
10. Узкоколейные железные дороги на вывозке древесины могут быть эффективнее автомобильного транспорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.tsniime.ru/02.htm (дата обращения: 25.11.2015).
11. Ураева Л. А. Арбагар [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=94 (дата обращения: 25.11.2015).

[1] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 158.
[2] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 86.
[3] Там же.
[4] ГАЗК. – Ф. П-376. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 209.

References

1. Ignatkin Ju. A. Po dikim stepjam Zabajkal'ja. Ocherki zolota Zabajkal'ja. Chita: Chit. obl. tip., 1994. 112 s.
2. Loktev A. Ja. Promyshlennyj transport. M.: Znanie, 1969. 45 s.
3. Pochinkov S. V. Jekonomika transportnogo osvoenija lesnyh territorij // Lesnoe hozjajstvo. 2008. № 3. C. 10–12.
4. Chinchenko E. M. Lesovoznyj transport: vybor optimal'nyh reshenij // Lesnaja promyshlennost'. 1987. № 4. S. 23–24.

Istochniki

5. Boltovskaja L. A., Gatypova N. V. Petrovsk-Zabajkal'skij metallurgicheskij zavod [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4457 (data obrashhenija: 25.01.2016).
6. Voronov V. «Chitajenergo» – 40 let // Priargunskaja zarja. 2000. 2 dek.
7. Vse ob#ekty po regionam. Zabajkal'skij kraj [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://narrow.parovoz.com/emb/regions.php?REGID=RU75#RU75 (data obrashhenija: 25.01.2016).
8. Krasnorjadcev N. Na stroitel'stve uzkokolejki Holbon – Darasun // Zabajkal'skij rabochij. 1940. 20 apr.
9. Uzkokolejnye zheleznye dorogi Zabajkal'skogo kraja [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://infojd.ru/uzk75.html (data obrashhenija: 25.01.2016).
10. Uzkokolejnye zheleznye dorogi na vyvozke drevesiny mogut byt' jeffektivnee avtomobil'nogo transporta [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.tsniime.ru/02.htm (data obrashhenija: 25.11.2015).
11. Uraeva L. A. Arbagar [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=94 (data obrashhenija: 25.11.2015).

Библиографическое описание статьи

Скрипучий Д. В. Узкоколейные железные дороги Читинской области: пробелы исторического знания // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 78–85.

Reference to the article

*Skripuchiy D. V. T*he Narrow-Gauge Railways of Chita Oblast: Lacuna of History // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 78–85.

Статья поступила в редакцию 07.02.2016

ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ
HISTORY OF RELIGION

УДК 27(510)
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-86-92

Евгений Викторович Дроботушенко,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: DRZZ@yandex.ru

Православие в Китае во второй половине 40-х годов XX века по документам Государственного архива Российской Федерации

В статье анализируется состояние православной церкви в Китае в переходное для государства время – второй половине 40-х гг. XX в. В то же время – это период возврата части православных священнослужителей и прихожан в Московский патриархат. Анализируется имеющийся публикационный задел по проблематике. Акцентируется внимание на том, что имеющиеся данные, в основной массе публикаций, приводятся без ссылок на архивные источники, если же они имеются, то не учитываются дела Государственного архива Российской Федерации. Определяется значимость для изучения истории православия в Китае в рассматриваемое время документов Государственного архива Российской Федерации. Характеризуются основные тенденции развития православия в разных регионах страны. Выявляются негативные и позитивные аспекты. Делается вывод о значительном упадке православия. Автор выделяет причины подобного, говорит об объективных факторах, влиявших на православие со стороны, таких, как отток православных прихожан в СССР, и субъективных – внутренние противоречия. В итоговых замечаниях делается вывод о необходимости для воссоздания наиболее полной истории православия в Китае дальнейшей серьёзной работы с архивными документами, прежде всего с делами Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: религия, православие, духовная миссия, церковь, прихожане, верующие, Китай

Evgeniy V. Drobotushenko,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: DRZZ@yandex.ru

Orthodoxy in China in the Second Half of the 1940s According to the Documents of the State Archive of the Russian Federation

The article analyzes the state of the Orthodox Church in China in a transitional time for the state – the second half of the 1940s. At the same time, it is the period of the return of the Orthodox clergy and parishioners to the Moscow Patriarchate. The paper analyzes publications on the issue. It focuses on the fact that the available data, the majority of publications are given without references to archival sources, if they exist they are not considered as cases of the State archive of the Russian Federation. The author determined significance of the documents of the State archive of the Russian Federation for studying the history of Orthodoxy in China at the time studied. The main trends in the development of Orthodoxy in different regions of the country are characterized. Negative and positive aspects are identified. A conclusion about a significant decline of Orthodoxy is made. The author highlights the reasons for this, discusses the objective factors that influenced the Orthodoxy, such as the outflow of Orthodox parishioners in the Soviet Union and the subjective – internal contradictions. In the final remarks the author concludes about the necessity to recreate the most complete history of Orthodoxy in China, further serious work with archival documents, first of all, with the affairs of the State archive of the Russian Federation.

Keywords: religion, Orthodoxy, clerical mission, the Church, parishioners, believers, China

© Дроботушенко Е. В., 2016

Длительная работа с источниками по истории православия, католичества и протестантизма в Китае навела автора данных строк на мысль о том, что на сегодняшний день далеко не все аспекты развития названных религиозных учений в Китае изучены в достаточной мере. И это при том, что существует определённое количество публикаций в рамках анализируемого предметного поля. Один из таких аспектов – характеристика развития православия в Китае во второй половине 40-х гг. XX в. на основе архивных источников и, главным образом, Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Отдельные упоминания о некоторых фактах в исследовательской литературе имеются, однако они не имеют отсылок на документы названного архива.

Хронологические рамки очевидны. 1945 г. – год воссоединения с Русской православной церковью части православной церкви в Китае. Речь идёт о Несторе (Анисимове), Викторе (Святине) и начальнике Корейской Духовной миссии архимандрите Поликарпе (Приймаке).

В декабре 1945 г. образован Восточно-Азиатский Митрополичий округ – церковно-административная единица, объединяющая несколько епархий. Временным управляющим стал Нестор (Анисимов). 11 июня 1946 г. Указом Святейшего Патриарха Алексия I № 664 путём преобразования названного выше Митрополичьего округа создан Восточно-Азиатский Экзархат (наместничество за пределами митрополии) Московской патриархии Русской православной церкви. Первым экзархом стал Нестор (Анисимов) с возведением в сан митрополита Харбинского и Маньчжурского. Экзархат включал в себя приходы Китая и Кореи.

Проблема с развитием православия в Китае в рассматриваемое время, заключается в том, что православная церковь, даже после воссоединения с Московской патриархией не стала единой. Восточно-Азиатский Экзархат – это только одна её часть, базирующаяся на севере, северо-востоке Китая. Вторая составляющая – Пекин и Шанхай с распространённой на них «властью» духовной миссии. Третья часть – это относительно независимая православная церковь на западе Китая, в Синьцзяне. Представляя собой вроде бы единое целое, на самом деле названные части соприкасались между собой слабо. Если к этому добавить «раскол» между сторонниками Московской патриархии и Зарубежного синода, картина складывается не слишком хорошая.

Уделим внимание характеристике имеющихся публикаций по проблематике. Несомненно, одним из ведущих специалистов по истории православия в Китае в различные временные отрезки является настоятель прихода святых Апостолов Петра и Павла в Гонконге священник Дионисий Поздняев. В своей известнейшей работе «Православие в Китае» и ряде иных публикаций он отчасти рассматривает историю китайского православия в анализируемый нами период. В то же время при обширности даваемой информации автор ссылается на имеющиеся публикации, такие как по более раннему периоду, «Бэй-гуань», на документы Архива ОВЦС (Отдел внешних церковных связей). В рамках данной статьи важным является, что в работе не использованы документы Государственного архива Российской Федерации [4; 5; 14–17]. Несмотря на то, что многие факты дублируются в документах названных архивов, очевидно, что для серьёзной научной характеристики исторического развития православия в Китае, ссылки на документы ГАРФ просто необходимы.

В достаточно интересной работе одного из ведущих современных китаеведов, красноярского учёного В. Г. Дацышена «История Российской Духовной Миссии в Китае», вышедшей из печати в Гонконге в 2010 г., проблематике, рассматриваемой в данной статье, посвящён целый параграф «Православная церковь в Китае в 1945–1949 гг.». Однако за основу характеристики развития православия в рассматриваемый период, главным образом, взято жизнеописание и труды митрополита Нестора (Анисимова) [6, с. 360–380].

Не так давно из печати вышла книга «Православие в Китае». Это сборник материал по итогам выставки, составленный В. В. Селивановским, который рассматривает самые разные аспекты истории православной церкви в Поднебесной [19]. Несомненно, следует упомянуть большое иллюстрированное издание «Православие в Китае» под редакцией М. Л. Титаренко, изданное Отделом внешних церковных связей Московского патриархата [18]. Очевидный интерес представляют и воспоминания Ольги Кепинг (Святиной), сестры архиепископа Виктора (Святина), и её дочери Ксении Кепинг и некоторые опубликованные документы в книге «Ксения Кепинг Последние статьи и документы» [2; 3; 9–11]. Существует определённое количество публикаций иных авторов, в которых в разной степени затрагивается история православия в Китае в рассматриваемое время или в предшеству-

ющий период, когда закладывались основы ситуации второй половины 40-х гг. XX в. [1; 12; 20; 21 и др.].

Данная статья – это попытка проанализировать имеющиеся материалы фондов Государственного архива Российской Федерации и соотнести их с данными различных публикаций. На наш взгляд, одним из основных источников, характеризующих сложность ситуации с православием в Китае, являются различные отчёты и доклады о православии на востоке, в Японии, Корее и, соответственно, на китайской территории. Помимо этого, можно сказать о докладах по состоянию православной духовной миссии в Пекине. Названные документы содержатся в делах фонда Р-6991 «Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР: 1943–1985» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Интереснейшими являются дела 588 и 589 «По православной церкви в Китае, Маньчжурии, Корее и Японии». Это два тома, более чем 270 страниц [9; 10]. Назовём также «Наблюдательные дела по православию в Маньчжурии и Корее». Это дела 277 и 434 первой описи того же фонда [22; 23].

Православие в Китае до середины XX в., так или иначе, рассматривается через деятельность духовной миссии. Всё её существование в Китае в рассматриваемое время проходило в свете постоянных противоречий, постоянного противостояния различных сил. Практически все архивные документы, характеризующие состояние православия в стране, содержат сведения о названных противоречиях.

Помимо наличия постоянного противостояния различных сил, иным негативным фактором стала деятельность отдельных священнослужителей, которые были не в состоянии или не имели желания выполнять свои непосредственные обязанности.

К середине 40-х гг. XX в. православная духовная миссия в Китае относилась к так называемому «белоэмигрантскому заграничному архиерейскому Синоду». За ней числились значительные земельные угодья, ряд промышленных предприятий, таких как завод сухого молока, свечной завод и молочная ферма, типография и ряд иного имущества.

Вторая половина 40-х гг. XX в. – это раскол православной миссии в Китае на две части. Данный раскол, на наш взгляд, окончательно поставил «жирную точку» в развитии китайского православия.

Раскол связан с желанием одной части духовенства вернуться под юрисдикцию Московского патриархата и, соответственно, с нежеланием другой части делать это. Вслед за духовенством, очевидно, схожие позиции занимали и верующие. Отправной точкой стало избрание в 1946 г. на первом Поместном Соборе Патриархом Алексия I (Алексея Симанского). Глава православной духовной миссии в Китае архиепископ Виктор (Святин) перешёл с частью преданного духовенства из подчинения зарубежного синода в подчинение Московского патриархата. В ответ на это Зарубежный синод православной церкви открыл свою миссию в Китае во главе с епископом Шанхайским Иоанном Максимовичем. Его поддержало правительство Гоминьдана, а также значительная часть представителей русской эмиграции. Практически сразу после создания своей самостоятельной миссии Иоанн (Максимович) при поддержке значительной части духовенства «захватил» лучшие храмы и предприятия православной церкви в Шанхае, Пекине и Тяньцзине [27, л. 25].

Архиепископ Виктор одним из первых получил советское гражданство, однако он был арестован в октябре 1946 г. китайскими властями по обвинению в сотрудничестве с японскими оккупационными властями и Антикоммунистическим комитетом Северного Китая. Однако после вмешательства советских властей он был освобождён и передан на поруки вице-консулу СССР М. С. Ананьеву (по иным данным – заведующему консульским отделом Посольства СССР в Шанхае) и Советскому комитету Русской православной церкви [13; 21, с. 100].

В 1948 г. аресту подвергается Экзарх Восточно-Азиатского Экзархата Нестор (Анисимов). Он был выдворен из Китая в СССР, а Экзархом стал Никандр (Леонид Викторов), оставивший место епископа Цицикарского [23, л. 141].

Следует отметить, что постоянно сокращалось количество православных верующих в Китае. При этом архивные источники не говорят о том, к какой церкви относилось большее сокращение. Однако данные о том, что во в конце первой – второй половинах 40-х гг. XX в. значительное количество прихожан вернулось из Китая в СССР, позволяет предположить, что это, главным образом, сторонники Московского Патриархата. Е. Наземцева в одной из публикаций отмечает вслед за Ю. Понькиным, что за Виктором (Святиным) к Московскому Патриархату ушло до половины русских православных мигрантов. Сокраще-

ние числа православных верующих действительно было значительным. По некоторым данным, только в 1947 г. в СССР уехало до 5 000 чел. [13; 25, л. 142].

Несмотря на значительный отток прихожан, миссия продолжала существовать. Совет миссии на конец 40-х гг. XX в. выглядел следующим образом: Председатель Совета протопресвитер Михаил Рогожин, с 1938 г. Члены совета: протоиерей Алексей Филимонов, с 1946 г., Н. М. Яковлев, с 1949 г., секретарь – И. Е. Крупенин (он же епархиальный миссионер). Однако священников Московского Патриархата практически не осталось. В 1949 г. из 16 священников православной миссии «в раскол» к Иоанну ушло 14. Оставшиеся два не справлялись с обязанностями, в связи с чем, пришлось в срочном порядке открывать пастырские курсы. Уже через полгода были рукоположены три священника и два дьякона [25, л. 142].

Помимо того, что у Русской Православной Церкви в Китае практически не осталось священников, Иоанн (Максимович) уезжая, увез часть имущества миссии [25, л. 141].

За миссией в рамках Московского Патриархата сохранилось следующее недвижимое имущество. В Шанхае на конец 40-х гг. XX в. числился Николаевский храм, в Пекине находилась резиденция начальника миссии Архиепископа Китайского и Пекинского Виктора (Святина), три храма: Св. Иннокентия, Св. Николя, Успенский кафедральный собор. Четыре храма сохранилось за миссией в Тяньзине: Св. Покровский Собор, на окраине города, на месте разрушенного японцами в 1939 г., миссионерский Св. Иннокентьевские в наемном помещении в центре, молельный дом при доме милосердия в часть Св. Серафима, храм-часовня при русском кладбище в честь всех Святых. Некоторые из названных храмов были редко посещаемы [25, л. 143].

Известно, что некоторые культовые постройки православная церковь потеряла ещё в годы «раскола» и становления православия в рамках Московского Патриархата. Так, вплоть до 1948 г. под миссией был храм – часовня при воинском кладбище в Мукдене. После 1948 г. он к миссии не относился [25, л. 144].

В одном из докладов о православной миссии в Пекине, отмечается, что в конце 40-х гг. XX в. она на положении бесправной миссии. Особо сложная ситуация сложилась в Шанхае. Ситуация несколько улучшилась после того, как Народно-освободительная армия Китая освободила Пекин, Тяньцзин, Циндао и Мукдэн [25, л. 141].

Для сравнения скажем, что относительно благополучно чувствовали себя в Китае в конце 40-х гг. XX в. католическая и протестантские церкви. Одних верующих католиков было 4 миллионов человек, а протестантов – до 1 миллиона [25, л. 28]. Проблемы у католиков и протестантов начнутся несколько позднее.

В 1949 г. Московский Патриархат решил провести инспекцию экзархата. В июне самолетом до Читы, а далее поездом отправилась комиссия в составе двух человек, Епископа Курского Нестора и протоиерея Козловского. Отчёт о командировке в Харбин написан на имя Преосвященного Алексия. Он осуществлена через Новосибирск, Читу, Отпор, ст. Маньчжурия в Харбин. Было получено разрешение на посещение Бейпина и Шанхая, однако сведений была ли она не встречено [25, л. 160]. Было ходатайство и повторно поездке [26, л. 33]. Насколько существовала в необходимость сказать сложно, так она и не состоялась.

За год этого, в начале 1948 г., Восточно-Азиатским Экзархатом начинается работа по составлению материалов, характеризующих деятельность Харбинской епархии в соответствии с Указом экзарха Восточной Азии Нестора (Анисимова) № 677. По указу создана Учётная комиссии по проведению полного учёта имущества и состояния дел [23, л. 14]. Отметим, что итоги инспекции до конца не известны.

Следует отметить, что определённые проблемы существовали в рамках Экзархата. Архивные источники отмечают, что Нестор (Анисимов) часто руководствовался собственным разумением, а не указаниями Московской Патриархии. Так было с названной выше инспекцией Харбинской епархии [23, л. 44].

Внутренние перипетии миссии, связанные с «расколом»? не коснулись Западного Китая – Синьцзяна. Там работал протоиерей, благочинный Кульджи, Дмитрий Андреевич Млодзяновский, священнослужитель св. Николаевского храма той же Кульджы Павел Николаевич Кочуновский, священнослужитель того же храма Дмитрий Иванович Любов, священнослужитель в с. Лоуцоугоу кульджинского округа Михаил Никитич Маляровский, настоятель Св. Николаевской церкви в г. Чугучак провинции Евфимий Петрович Тимаков и священник церкви в Урумчи И. Филонский [1; 25, л. 164].

В то же время архивные источники содержат данные о том, что из Кульджи в конце 40-х гг. XX в. информации о деятельности православной церкви практически не поступало. В 1949 г. не было вообще ни одного сообщения. Поднимался вопрос о её существовании в регионе и о необходимости пребывания в Синьцзяне благочинного Д. А. Млодзяновского [26, л. 97].

Существуют публикации, которые без ссылок на источники говорят о смерти в 1948–1949 гг. М. Н. Маляровского и И. Филонского и сокращении в результате этого количества православных священнослужителей на Западе Китая. Замены им не нашлось [1].

Помимо разделения священнослужителей на два лагеря, по принадлежности к Московскому Патриархату и Зарубежному Синоду, иным негативным аспектом существования православной церкви в Китае было «качество» священнослужителей. Так в 1949 г. практически к полному развалу пришел Богородице-Казанский мужской монастырь в г. Харбине. Причиной в письмах в Московский Патриарха называлась деятельность настоятеля – архимандрита Иннокентия [26, л. 54–57].

Таким образом, на основе приведённых материалов можно сделать вывод, что упадок православия в Китае в начале 50-х гг. XX в. связан не только с установлением политики неприятия религии со стороны новых китайских властей. Были и иные внутренние причины. В реальности к концу 40-х гг. XX в. ситуация сложилась так, что православная церковь в стране, по сути, находилась в ситуации развала. В СССР уехала значительная часть прихожан, священнослужители не всегда выполняли возложенные на них обязанности должным образом. Самое же главное – это слабая миссионерская работа при постоянном внутреннем противостоянии в самой церкви.

Мы не ставили своей целью воссоздать всю историю православия в Китае в рассматриваемое время, поэтому целый ряд фактов, приведенных, к примеру, в работах Дионисия Поздняева нами не приводится и не оценивается. В рамках ограниченного поля научной статьи мы делаем попытку воссоздания истории на основе документов Государственного архива российской Федерации.

Несомненно, на сегодняшний день степень изученности истории православия в Китае во второй четверти – второй половине XX в. оставляет желать лучшего. Требуется дальнейшая серьёзная работа с архивными документами, поскольку опоры только на воспоминания и отдельные архивы явно не достаточно. И здесь особое место у документов, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации в г. Москва.

Список литературы

1. Арутюнов Г. Млодзяновский Дмитрий Андреевич [Электронный ресурс] // Православие в Китае. Режим доступа: http://www.orthodox.cn/ofasc/index_ru.html (дата обращения: 18.03.2016).
2. Архиепископ Виктор (Святин) Имущество Российской духовной мисси в Китае по состоянию на 11 января 1950 г. / (Святин), Виктор архиепископ // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 314–327.
3. Богданова Т. А., Васильева О. В. Архив митрополита Виктора (Святина) в Российской Национальной библиотеке // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 314–327.
4. Бэй-гуань. Краткая история Российской духовной миссии в Китае / сост. Б. Г. Александров. СПб.: Альянс-Архео, 2006. 264 с.
5. Бэй-гуань. Российская духовная миссия в Китае. Тяньцзин: Идеал-пресс, 1939. 41 с.
6. Дацышен В. Г. История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное Братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010. 448 с.
7. Дацышен В. Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Науч.-образ. форум по междунар. отношениям, 2007. 240 с.
8. История Российской Духовой Миссии в Китае: сбор. статей / ред. С. Л. Тихвинский, В. С. Мясников, А. С. Ипатова, свящ. Дионисий Поздняев. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1997. 415 с.
9. Кепинг К. Последний начальник Российской духовной миссии в Китае // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 264–272.
10. Кепинг К. Судьба Российской духовной миссии в Китае // Ксения Кепинг. Последние статьи и документы. СПб.: Омега, 2003. С. 236–263.
11. Кепинг О. Последний начальник Российской Духовной миссии в Китае [Электронный ресурс] // Православие.ru. Режим доступа: http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40562.htm (дата обращения: 18.03.2016).
12. Ковалева Е. В. Православная Церковь в Харбине: служение епископа Ювеналия (Килина) // Вестник церковной истории. № 4(8). 2007. С. 42–58.
13. Наземцева Е. Международно-правовые проблемы эмиграции, реэмиграции и репатриации русских из Китая в 1945–1949 гг. [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2015.20.03. Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/12811 (дата обращения: 18.03.2016).
14. Поздняев Д. Китайское православие: русская перспектива // Евразия: духовные традиции народов. № 3. 2012. С. 95–101.

15. Поздняев Д. Православие в Китае (страницы истории) / Д. Поздняев // Россия и современный мир. № 1. 2001. С. 165–181.

16. Поздняев Дионисий, свящ. Православие в Китае (1900–1997). М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1997. 277 с.

17. Поздняев Дионисий, свящ. Православие в Китае [Электронный ресурс] // Русское небо. Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/pozdyaev/ (дата обращения: 18.03.2016).

18. Православие в Китае / под ред. М. Л. Титаренко. М.: Отдел внешних церковных связей Моск. Патриархата, 2010. 251 с.

19. Православие в Китае: сб. матер. выставки / сост. В. В. Селивановский. Благовещенск: Амурская ярмарка, 2013. 68 с.

20. Фуганов А. С. К юбилею Пекинской Духовной миссии // Вест. Рус. христ. гум. акад. Т. 14. Вып. 1. 2013. С. 34–41.

21. Хисамутдинов А. А. Духовные миссии Китая, Японии и Кореи (конец XIX – первая половина XX вв.) // Известия Вост. ин-та. 2012. № 2. С. 96–112.

Источники

22. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации)/ Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 277.

23. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1, Д. 434.

24. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1, Д. 569.

25. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1, Д. 588.

26. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1, Д. 589.

27. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1, Д. 604.

References

1. Arutyunov G. Mlodzyanovskii Dmitrii Andreevich [Elektronnyi resurs] // Pravoslavie v Kitae. Rezhim dostupa: http://www.orthodox.cn/ofasc/index_ru.html (data obrashcheniya: 18.03.2016).

2. Arkhiepiskop Viktor (Svyatin) Imushchestvo Rossiiskoi dukhovnoi missi v Kitae po sostoyaniyu na 11 yanvarya 1950 g. / (Svyatin), Viktor arkhiepiskop // Kseniya Keping. Poslednie stat'i i dokumenty. SPb.: Omega, 2003. S. 314–327.

3. Bogdanova T. A., Vasil'eva O. V. Arkhiv mitropolita Viktora (Svyatina) v Rossiiskoi Natsional'noi biblioteke // Kseniya Keping. Poslednie stat'i i dokumenty. SPb.: Omega, 2003. S. 314–327.

4. Bei-guan'. Kratkaya istoriya Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae / sost. B. G. Aleksandrov. SPb.: Al'yans-Arkheo, 2006. 264 s.

5. Bei-guan'. Rossiiskaya dukhovnaya missiya v Kitae. Tyan'tszin: Ideal-press, 1939. 41 s.

6. Datsyshen V. G. Istoriya Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae. Gonkong: Pravoslavnoe Bratstvo svyatykh Pervoverkhovnykh apostolov Petra i Pavla, 2010. 448 s.

7. Datsyshen V. G. Khristianstvo v Kitae: istoriya i sovremennost'. M.: Nauch.-obraz. forum po mezhdunar. otnosheniyam, 2007. 240 s.

8. Istoriya Rossiiskoi Dukhovoi Missii v Kitae: sbor. statei / red. S. L. Tikhvinskii, V. S. Myasnikov, A. S. Ipatova, svyashch. Dionisii Pozdnyaev. M.: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo Bratstva, 1997. 415 s.

9. Keping K. Poslednii nachal'nik Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae // Kseniya Keping. Poslednie stat'i i dokumenty. SPb.: Omega, 2003. S. 264–272.

10. Keping K. Sud'ba Rossiiskoi dukhovnoi missii v Kitae // Kseniya Keping. Poslednie stat'i i dokumenty. SPb.: Omega, 2003. S. 236–263.

11. Keping O. Poslednii nachal'nik Rossiiskoi Dukhovnoi missii v Kitae [Elektronnyi resurs] // Pravoslavie.ru. Rezhim dostupa: http://www.pravoslavie.ru/orthodoxchurches/40562.htm (data obrashcheniya: 18.03.2016).

12. Kovaleva E. V. Pravoslavnaya Tserkov' v Kharbine: sluzhenie episkopa Yuvenaliya (Kilina) // Vestnik tserkovnoi istorii. № 4(8). 2007. S. 42–58.

13. Nazemtseva E. Mezhdunarodno-pravovye problemy emigratsii, reemigratsii i repatriatsii russkikh iz Kitaya v 1945–1949 gg. [Elektronnyi resurs] // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2015.20.03. Rezhim dostupa: https://interaffairs.ru/news/show/12811 (data obrashcheniya: 18.03.2016).

14. Pozdnyaev D. Kitaiskoe pravoslavie: russkaya perspektiva // Evraziya: dukhovnye traditsii narodov. № 3. 2012. S. 95–101.

15. Pozdnyaev D. Pravoslavie v Kitae (stranitsy istorii) / D. Pozdnyaev // Rossiya i sovremennyi mir. № 1. 2001. S. 165–181.

16. Pozdnyaev Dionisii, svyashch. Pravoslavie v Kitae (1900–1997). M.: Izd-vo Svyato-Vladimirskogo bratstva, 1997. 277 s.

17. Pozdnyaev Dionisii, svyashch. Pravoslavie v Kitae [Elektronnyi resurs] // Russkoe nebo. Rezhim dostupa: http://www.rus-sky.com/history/library/pozdyaev/ (data obrashcheniya: 18.03.2016).

18. Pravoslavie v Kitae / pod red. M. L. Titarenko. M.: Otdel vneshnikh tserkovnykh svyazei Mosk. Patriarkhata, 2010. 251 s.

19. Pravoslavie v Kitae: sb. mater. vystavki / sost. V. V. Selivanovskii. Blagoveshchensk: Amurskaya yarmarka, 2013. 68 s.

20. Fuganov A. S. K yubileyu Pekinskoi Dukhovnoi missii // Vest. Rus. khrist. gum. akad. T. 14. Vyp. 1. 2013. S. 34–41.

21. Khisamutdinov A. A. Dukhovnye missii Kitaya, Yaponii i Korei (konets XIX – pervaya polovina XX vv.) // Izvestiya Vost. in-ta. 2012. № 2. S. 96–112.

Istochniki

22. GARF (Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii)/ F. R-6991. Op. 1. D. 277.

23. GARF. F. R-6991. Op. 1, D. 434.

24. GARF. F. R-6991. Op. 1, D. 569.

25. GARF. F. R-6991. Op. 1, D. 588.

26. GARF. F. R-6991. Op. 1, D. 589.
27. GARF. F. R-6991. Op. 1, D. 604.

Библиографическое описание статьи

Дроботушенко Е. В. Православие в Китае во второй половине 40-х гг. XX века по документам Государственного архива Российской Федерации // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 86–92.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-86-92

Reference to the article

Drobotushenko E. V. Orthodoxy in China in the Second Half of the 1940s According to the Documents of the State Archive of the Russian Federation // Humanitarian Vector. History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 86–92.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-86-92

Статья поступила в редакцию 28.02.2016

УДК 322+243] (571.54)091
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98

Лариса Викторовна Занданова[1]***,***
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1),
e-mail: zandanova@mail.ru

Анна Владимировна Паламарчук[2]***,***
кандидат исторических наук,
Государственное училище олимпийского резерва
(664050, Россия, г. Иркутск, ул. Байкальская, 267),
e-mail: zandanova@mail.ru

Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е годы: документы свидетельствуют

В статье рассмотрена репрессивная политика Советского государства в отношении сторонников одной из древнейших мировых религий – буддизма (ламаизма) на территории Бурятии в 1920–1930-е гг.

Буддизм исповедует значительная доля бурят, тувинцев, калмыков и эвенки Восточной Сибири.

В первые годы установления советской власти представители ламаистского духовенства активно принимали участие в общественно-политической жизни Бурят-Монгольской республики, однако новая власть повела с ней беспощадную борьбу. В годы сталинского режима они испытали на себе жестокие гонения. Активные действия советской власти против ламаизма начались в середине 1920-х гг., что привело к резкому сокращению числа лам на территории Бурят-Монголии. Закрытие и ликвидация дацанов сопровождались их варварским разрушением, уничтожением имущества и осквернением чувств верующих. Репрессиям подверглась и традиционная деятельность ламства – тибетская медицина.

Документы свидетельствуют о том, что представители традиционной буддистской религии, веками существовавшей среди бурятского населения и являвшейся частью народной культуры и повседневной жизни, были определены как «классовые враги».

Ключевые слова: религии, буддийская церковь, ламаизм, Восточная Сибирь, Бурятия, репрессии

Larisa V. Zandanova[3]***,***
Doctor of History, Professor,
Irkutsk State University
(1 Karla Marksa st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: zandanova@mail.ru

Anna V. Palamarchuk[4]***,***
Candidate of History,
State Olympic Reserve College
(267 Baikalskaya st., Irkutsk, 664050, Russia),
e-mail: zandanova@mail.ru

The Struggle Against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: Documents Testify

The article deals with the repressive policies of the Soviet state against the supporters of one of the world's oldest religions – Buddhism (Lamaism) on the territory of Buryat Republic in the 1920s -1930s.

Significant proportion of the Buryats, the Tuvinians, the Kalmyks and the Evenks in the region of Eastern Siberia professes Buddhism.

In the early years of the Soviet power representatives of Lamaist clergy actively participated in the political life of the Buryat-Mongolian Republic, however, the new government relentless struggled with it. In the years of the Stalin regime, they experienced severe persecution. The Soviet power began active actions against Lamaism in the middle of the 1920s. These actions led to a sharp reduction in the number of lamas in the territory of Buryat-Mongolia. Closing and liquidation of datsans were accompanied by their barbaric destruction, annihilation of property and the desecration of the feelings of believers. The Tibetan medicine as the traditional activities of lamas was also subjected to repression.

[1] Л. В. Занданова – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта.

[2] А. В. Паламарчук выявляла архивные документы, провела их анализ и подготовила статью к публикации.

[3] L. V. Zandanova is the principal author and the organizer of the study, she draws conclusions and summarizes the results of the collective project.

[4] A. V. Palamarchuk identified archival documents, rules of their analysis and produced an article for publication.

© Занданова Л. В., Паламарчук А. В., 2016

Documents give us the evidence that representatives of the traditional Buddhist religion, which existed for centuries among the Buryat population and was part of popular culture and everyday life were identified as the “class enemies”.

Keywords: religions, Buddhist Church, Lamaism, Eastern Siberia, Buryatia, repression

За несколько последних десятилетий религиозная ситуация в России претерпела радикальные изменения, люди перестали бояться публично заявлять о своей вере в Бога и своей религиозной принадлежности. На протяжении семидесяти лет, несмотря на все старания советских властей, искоренить религию так и не удалось, современное российское общество по-прежнему многоконфессионально. Сегодня в России живёт значительное число сторонников одной из древнейших мировых религий – буддизма, принадлежащего к той его ветви, которую у нас называют ламаизмом. Это значительная доля бурят, основная часть тувинцев, большинство калмыков и сравнительно небольшое число эвенков, живущих в Бурятии. Приверженцы этой религии в годы сталинского режима испытали на себе жестокие гонения, по сути, вычеркнувшие буддизм из отечественной истории. Радикальные перемены, происходящие сейчас в отношении традиционных религий в нашей стране, не являются основанием для того, чтобы забыть чёрные страницы в их истории. Этому способствует возможность ознакомиться с подлинными документами, отложившимися в Государственном архиве новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО) и позволяющими воссоздать конкретно-историческую картину тех событий. Авторы постарались процитировать как можно больше текстов документов, оставив при этом без изменения их стилистику, языковые погрешности и специфические особенности, предоставляя возможность читателям увидеть прошедшую эпоху своими глазами.

В 1930-е гг. в Сибири ламаизм был распространён на территории Бурятии, в большей степени в восточной её части и немного меньше – в западной. Он глубоко вошёл в быт бурят-монгольского населения региона, в силу чего ламы через духовные наставления имели возможность влиять на значительные слои верующих. В первые годы после установления советской власти представители ламаистского духовенства активно принимали участие в общественно-политической жизни Бурят-Монгольской республики, участвовали в работе различных национальных съездов. Однако новая власть, на бумаге провозгласившая религию частным делом граждан, на деле повела с ней беспощадную борьбу, опираясь на высказывание И. Сталина: «Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков… Партия не вычёркивала из своей программы пункт о борьбе с религией» [1, с. 329].

Активные действия советской власти против ламаизма начались в середине 1920-х гг., параллельно с первыми попытками коллективизации. Для нажима на лам большевики использовали методы, уже проверенные в борьбе с православной церковью: обвинение в контрреволюции и как следствие – массовые репрессии среди духовенства и мирян, затем постоянно усиливающаяся антирелигиозная пропаганда и непосильные налоги на культовые здания и имущество самих лам. Именно система налогообложения становится основой «комбинированного метода борьбы с ламаизмом», весьма активно используемого местной властью для давления на служителей религии и верующих.

Деятельность партийных ячеек и групп бедноты носила настолько выраженный незаконный характер, что заставила в 1930 г. секретаря Бурятского обкома партии М. Н. Ербанова в секретном директивном письме ко всем партийным организациям указать на недопустимость «административных перегибов» в отношении лам. Он, в частности, отмечал: «а) доходность ламства за 1930 г. по Гусино-Озёрскому дацану исчислена в 200 000 р., а в прошлом году было исчисленно 100 000 р. Увеличение произошло на 100 %. Между тем раньше в приходе Гусино-Озёрского дацана было примерно 1000 дворов, а теперь осталось около 300; б) в Еравинском аймаке при исчислении доходости лам Эгитуевского дацана в список включён умерший лама Иролтуев с определением его доходности в 14 000 р. Причём налог на него взыскивается со всех лам данного дацана; в) все ламы Ройского дацана, достигшие 18-летнего возраста, всего 145 чел., включены в подоходно-имущественный список, и годовой доход их определён по разрядам: 1-й разряд от 5000 до 6000 р., 2-й разряд от 3000 до 4000 р. и 3-й разряд от 1000 до 2000 р. Всего, таким образом, исчислено дохода 273 255 р. В числе этих лам есть совершенно неимущие. В результате ламы накануне разгона из дацана; г) в Тункинском аймаке Толтойский сомсовет, объявив 27/XII-29 г. ламам Хандагатайского

дацана самообложение, предложил им в тот же день до 8 ч вечера внести причитающиеся с них суммы самообложения от 71 до 175 р. на каждого. На второй день после этого сомсовет описал имущество семи лам, вплоть до обуви и постели, и 30/XII-29 г. продал с торгов всё их имущество. Несомненно, ламы указанных районов вынуждены были уйти из дацанов или же остаются перед фактом ухода…» [2, л. 181].

Такая система мероприятий привела к резкому сокращению числа лам на территории Бурят-Монголии. Так, если в 1916 г. их насчитывалось 11663 чел., то к 1935 г. осталось всего 1271. По данным НКВД, в указанный период «…с 1916 по 1933 гг. из *учтенных* (подписано от руки авторами документа) 8875 лам: сняли сан – 5283, ушли в улусы – 1419, репрессировано – 1162, эмигрировало – 505, умерло – 506». В одном только Тункинском районе численность лам в этот период сократилась с 446 до 18 чел. [3, л.1–3]. Одновременно власти закрывали дацаны и дуганы (часовни, молитвенные дома – Л. З., А. П.) под предлогом малочисленности в них лам, которых они же ранее репрессировали.

В спецсообщении НКВД от 10 декабря 1933 г. отмечалось: « В течение последних лет несколько дацанов …совершенно прекратили деятельность вследствие отсутствия лам. Часть ламства разбежалась по другим дацанам и за границу, другая часть репрессирована или перешла в степное состояние…», в связи с чем предлагалось «…дать указания Айкомам ВКП (б) о проведении массовой работы среди населения о закрытии бездействующих дацанов …путём сноса дацанских построек и использования строительного материала, …реализации с торгов имущества, а также передачи предметов культа (бурханы) музеям для отобрания экспонатов и использования остальной части на утиль» [4, л. 3].

Закрытие и ликвидация дацанов зачастую сопровождались их варварским разрушением, уничтожением имущества и издевательствами над чувствами верующих. Например, летом 1934 г. Бурят-Монгольский обком ВКП(б) отмечал грубейшие нарушения основных «законоположений» советской власти при закрытии Токчинского, Гуновского и Кужиртаевского дацанов Агинского аймака, выразившиеся в сжигании дацанских книг и рукописей, в разрушении бурханов, распродаже с аукциона части имущества, растаскивании населением предметов культа и т. д. [5, л.18].

Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют о варварской ликвидации в том же году Приононских дацанов: «Уполномоченный Агинского айфо Банзарксаев произвёл ликвидацию дацанов. Он просто разгромил эти дацаны, переломав всех бурханов, и развеял по ветру книги». Этот акт вандализма глубоко поразил верующих. Так, например, член артели «Туя» Токчинского сомона 65-летний Дарма Баянов говорил: «Какой я грешный человек. Пришлось мне видеть такую поломку наших дацанских богов. Лучше бы мне во время паспортизации не выдали паспорта и выселили из района – я бы не видел этого» [6, л. 188]. В 1935 г. сотрудник НКВД Рождественский в справке «О дацанах в Бурят-Монгольской республике» отмечал, что в 1921 г. в Бурятии имелось 44 действующих дацана, на данный момент осталось только 28, однако и из них «… намечено к закрытию ещё 8 – в силу малочисленности лам, от 5 до 15 человек» [7, л. 20].

Аймачные комитеты ВКП(б), группы бедноты, советы сомонов, «Союз Воинствующих Безбожников» и комсомольские ячейки, на местах проводившие «идеологическую борьбу с религиозной отсталостью населения», действовали недопустимо грубо, запугивая верующих и оскорбляя их религиозные чувства. Методы «деятельности» этих организаций настолько «недопустимо грубо извращали партийную линию по антирелигиозной пропаганде», что секретарь Буркома ВКП(б) М. Ербанов в цитируемом ранее директивном письме назвал такую «идеологическую работу» хулиганством: «Сомонные советы, группы бедноты и ячейки иногда совершенно неправильно применяют наши законы, извращают их, нарушают элементарные границы революционной законности: а) Курбинский сомсовет на своём заседании 6 ноября 1929 г. вынес постановление “категорически воспретить населению сомона продавать ламам, проживающим в дацанах, мяса, хлеба и прочих продуктов с предупреждением, что лица, нарушающие это постановление, будут преследоваться в уголовном порядке по 109, 111 и 112 ст. УК”; б) комиссия Йорского сомсовета, выезжавшая в дацан для описи имущества лам, описывала не только имущество, но и находящееся на них белье, доходя до обысков лам. Причём, комиссия в полном составе прожила в дацане девять суток и уехала, ничего не заплатив, чем верующие очень возмущены. Организация Союза Воинствующих Безбожников и комсомола недопустимо грубо извращает партийную линию по антирелигиозной пропаганде: а) безбожники и комсомольцы в Ацайском дацане Селенгин-

ского района производят регистрацию верующих и неверующих, причём тем, кто не верует в бога, предлагают уходить из дацана и помочь им в закрытии дацана; б) безбожники и комсомольцы в Гусино-Озёрском, Сортольском, Гыгетуском, Иройском, Цолгинском, Тугно-Галтойском, Агинском и Гуновском дацанах в период религиозных праздников “Зулын-Хурал”, “Майдари” и т. д. без разрешения, самовольно захватывали молитвенные дома и дацанские площади, где устраивали игры, насмешки над ламами и верующими; в) гильбирская ячейка безбожников Селенгинского аймака в первых числах декабря 1929 г. арестовала несколько лам Янгажинского дацана за то, что они долго проживают в улусе. Ячейка вынесла постановление: “не давать ламам больше 3 суток проживать в улусе и по истечении этого срока прогонять”; г) в Гусино-Озёрском дацане во время антирелигиозного карнавала, устроенного в период религиозного праздника “Зулын-Хурала”, комсомольцы и безбожники самовольно, без разрешения лам звонили в ламские колокола, курили табак в дунганах, смеялись над ламами, верующими и т. д.; д) в Гусино-Озёрском дацане в дни революционных праздников безбожники и комсомольцы неоднократно в районе дацана и в самом дацане производили самовольные выстрелы, убивали собак, бродящих около дацана, и т. д. Также за последнее время часто стреляют из Тамчи (районного центра) по направлению Гусино-Озёрского дацана», – перечислял имеющиеся факты руководитель партийной организации республики [8, л.181–182].

Было ясно, что подобные акции вызывают лишь рост оппозиционных настроений у верующих, но комсомольцы Бурятии и местные партийно-карательные органы продолжали бороться со «служителями культа» репрессивными методами. Предлоги для репрессий были не оригинальны: лам обвиняли в контрреволюционной деятельности, антисоветской и антиколхозной агитации и пособничестве врагам советской власти.

Органы ГПУ и местная милиция начали активно собирать данные о «контрреволюционной деятельности лам и членов их семей», готовя будущие судебные процессы. Так, в спецсводке № 2043 от 13 ноября 1933 г., направленной из ГПУ секретарю Восточно-Сибирского крайкома (ВСК) М. О. Разумову, сообщалось о «вскрытии» контрреволюционной вредительской кулацко-ламской группировки в колхозах «Булак» и «Хуцен» Агинского аймака БМАССР. По данным, содержащимся в этой сводке, в «организацию вредителей» входило семь лам Агинского дацана, которые давали прямые и косвенные задания членам группы, направленные на вредительство в колхозах, распространяя слухи «о скором приходе японцев и падении Сов. власти» [9, л. 49–54].

Секретно-политический отдел Управления НКВД Восточно-Сибирского края в справке «О роли ламства в контрреволюционном движении в Бурят-Монгольской республике», датированной июнем 1935 г. и помеченной грифом «Совершенно секретно», пояснял, в чём же собственно заключалась «контрреволюционная деятельность лам»: «Консервативное ламство продолжает оставаться непримиримым к Соввласти. Особого внимания заслуживает к/р (контрреволюционная – Л. З., А. П.) работа ламства по подготовке широкого эмиграционного движения, преследующего цель нанесения политического и экономического ущемления БМР, дискредитации национальной политики партии и Соввласти и создание з/к (закордонного – Л. З., А. П.) людского фонда для национальных формирований, поощряемых Японией» [10, л. 17–21]. В результате агитационной деятельности лам, по мнению начальника УНКВД ВСК Зирниса, эмиграция бурят в Монголию носила массовый характер в районах Догоя, Борзинска, Абагатуя, Агинска и т. д.

Особенно активные эмиграционные процессы наблюдались в Агинском аймаке, что вызвало обеспокоенность зам. начальника ПП ОГПУ ВСК Хомякова. В специально подготовленном 16 октября 1933 г. сообщении за № 18235 в крайком ВКП(б) он отмечал: «На протяжении последних лет 1929–1933 гг. из Агинского аймака систематически происходила укочевка населения за границу и по соседним русским районам ВСК. Эмиграция населения из Агинского аймака шла только организованно под руководством ламско-кулацких элементов, действовавших в тесной связи с бурятской эмиграцией в МНР. В то же время… значительная часть населения перекочевала на территории соседних русских районов ВСК: Шилкинский, Оловяннинский, Акшинский, Кыринский, Нерчинский и др. Кулацко-ламские элементы, не имея возможности для бегства за кордон, бежали от выполнения гособязательств, от нажима и контроля советских органов, одновременно увлекая известные слои колхозников и единоличников. Точного учёта разбежавшихся хозяйств из аймака нет. По сугубо приблизительным данным их насчитывается около 1500–2000 (под-

чёркнуто автором документа), из них часть семейств в аймаке, бежали только главы, которые просто скрываются или устраиваются на работы…» [11, л. 62]. По мнению властей, каждое вооружённое выступление бурят в 1930–1934 гг. против «новых советских порядков» объяснялось «происками» лам [12, л. 19–21]. Причину массового бегства и вооружённых выступлений местного населения партия видела не в своей жестокой и бездарной политике по отношению к верующим, а в религиозной ламаистской традиции.

Не обошла своим вниманием новая власть и традиционную деятельность ламства – тибетскую медицину. Летом 1935 г. сотрудник НКВД Рождественский сообщал: «… количественный состав лам снизился благодаря оперативному изъятию наиболее авторитетных медиков за к/р деятельность… лекарственные ресурсы истощены и поступление новых запасов прекратилось». Результатом такой политики стало практически полное искоренение народной медицины: если в 1925 г. в 44 дацанах насчитывалось 440 лам-лекарей, то через десять лет по всей республике их осталось только 64 чел. [13, л. 8].

Советское руководство, разгромив к 1935 г. значительное число ламаистских религиозных центров и физически уничтожив большую часть ламского духовенства, приступило к ликвидации «религиозных предрассудков» среди населения Бурят-Монголии. На республиканском партийном совещании, посвящённом вопросу современного состояния ламства и задачам дальнейшей борьбы с ним, были утверждены «Практические предложения», согласно которым необходимо было вести «систематическую, беспощадную борьбу за высвобождение трудящихся масс от влияния на них религии ламаизма и ламства».

Основное внимание всех парторганизаций предлагалось сосредоточить на развёртывании идеологической борьбы путём широкой постановки массовой антирелигиозной пропаганды, направив её на путь разоблачения классовой, реакционной, эксплуататорской и паразитической роли ламства, используя при этом кризис ламаизма и внутреннюю борьбу среди самого ламства. Подчёркивалась необходимость увязать работу по агитации с наступлением против капиталистических элементов, с чётким проведением во всех звеньях партийного советского и хозяйственного аппарата классовой линии партии, теснейшим образом увязывая её со всем социалистическим строительством, обратив особое внимание на постановку антирелигиозной работы, прежде всего среди бедноты и батрачества. Также указывалось, что «ламство не ликвидировать в порядке естественного самотёка, – это политическая недооценка классового врага» [14, л. 103–105].

Таким образом, документы свидетельствуют о том, что представители традиционной буддистской религии, веками существовавшей среди бурятского населения и являвшейся также частью народной культуры и повседневной жизни, были определены как «классовые враги», с которыми можно и нужно было бороться любыми методами и средствами. Многие ламы и верующие миряне были подвергнуты репрессиям, уничтожены физически, многие эмигрировали, все действующие дацаны были закрыты. Буддийская церковь в Бурятии фактически прекратила своё существование. Новая власть насаждала свою диктатуру, невзирая на законы, мораль и нравственные устои, беспощадно искореняя любое инакомыслие. Ламаизм не стал исключением.

Список литературы

1. Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией // И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. Изд. второе доп. М.; Л.: Госиздат, 1930. 630 с.

Источники

2. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.123. ОП. 8. Д. 63.
3. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 329.
4. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 1. Д. 546.
5. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 301.
6. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 4. Д. 355.
7. ГАНИИО. Ф. 123. Оп. 15. Д. 329.
8. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 8. Д. 63.
9. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 1. Д. 545.
10. ГАНИИО. Ф. 123. ОП.15. Д. 329.
11. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 1. Д. 545.
12. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 15. Д. 329.
13. ГАНИИО. Ф. 123. ОП. 15. Д. 329.
14. ГАНИИО. Ф.123. ОП. 4. Д. 3.

References

1. Stalin I. V. Beseda s pervoj amerikanskoj rabochej delegaciej // I. V. Stalin. Voprosy leninizma. Izd. vtoroe dop. M.; L.: Gosizdat, 1930. 630 s.

Istochniki

2. Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti (GANIIO). F.123. OP. 8. D. 63.
3. GANIIO. F. 123. Op. 15. D. 329.
4. GANIIO. F. 123. Op. 1. D. 546.
5. GANIIO. F. 123. Op. 15. D. 301.
6. GANIIO. F. 123. Op. 4. D. 355.
7. GANIIO. F. 123. Op. 15. D. 329.
8. GANIIO. F. 123. OP. 8. D. 63.
9. GANIIO. F. 123. OP. 1. D. 545.
10. GANIIO. F. 123. OP. 15. D. 329.
11. GANIIO. F. 123. OP. 1. D. 545.
12. GANIIO. F. 123. OP. 15. D. 329.
13. GANIIO. F. 123. OP. 15. D. 329.
14. GANIIO. F.123. OP. 4. D. 3.

Библиографическое описание статьи

Занданова Л. В., Паламарчук А. В. Борьба с ламаизмом в Восточной Сибири в 1930-е гг.: документы свидетельствуют // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 93–98.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98

Reference to the article

Zandanova L. V., Palamarchuk A. V. The Struggle Against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: Documents Testify // Humanitarian Vector. History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 93–98.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98

Статья поступила в редакцию 14.03.2016

УДК 94(47)08(571.5)

Татьяна Александровна Кискидосова,
кандидат исторических наук,
Хакасский научно-исследовательский
институт языка, литературы и истории
(655017, Россия, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23),
e-mail: tak_74@mail.ru

Национально-конфессиональный состав г. Читы во второй половине XIX – начале XX века[1]

В статье рассматривается национально-конфессиональный состав населения Читы во второй половине XIX – начале XX в. Материалы статистики позволяют исследовать национальный состав населения только с конца XIX в., до этого времени вёлся учёт жителей по вероисповеданию. Отличительной особенностью Читы от многих других сибирских городов являлся значительный перевес мужского населения. Половой дисбаланс был связан с массовым притоком, прежде всего, мужчин, ориентированных на строительные работы, а также военно-административной направленностью города. На протяжении рассматриваемого периода с ростом численности городских жителей изменился национально-конфессиональный состав населения. Со стремительным притоком переселенцев появились новые конфессиональные и этнические группы. Среди конфессиональных групп доминировала группа «православные», но её удельный вес несколько снизился в связи с увеличением удельного веса других групп. К началу XX в. этническая картина Читы была пёстрой, но лидирующие позиции занимала национальная группа «русские». Автор приходит к выводу, что в городском пространстве мирно сосуществовали представители разных национальных и конфессиональных групп.

***Ключевые слова*:** Чита, город, национальный состав, конфессиональный состав, вероисповедание

Tatiana A. Kiskidosova,
Candidate of History,
Khakass Research Institute of Language,
Literature And History
(23 Schetinkina st., Abakan, 655017, Russia),
e-mail: tak_74@mail.ru

National-Religious Composition in the City of Chita in the Second Half of the XIXth – Early XXth Century[2]

The article discusses the national and confessional composition of the population of Chita in the second half of the nineteenth – early twentieth century. Statistical materials allow us to investigate the ethnic composition of the population only since the late nineteenth century, until that time the registration of residents by religion had been carried out. A distinctive feature of Chita from many other Siberian cities was a significant preponderance of male population over female. The sexual imbalance was associated with a massive influx of primarily male-oriented construction work, and military administrative direction of the city. During the period under review, with growth in the urban population, the national-religious composition of the population changed. With the rapid influx of settlers, new confessional and ethnic groups came. Among the religious groups “Othodox Christians” dominated, but its proportion declined slightly in connection with the increase in the proportion of other groups. By the early twentieth century the ethnic picture of Chita was plural, but the leadership was held by the national group “the Russians”. The author comes to the conclusion that in the urban area representatives of different national and religious groups coexisted peacefully.

Keywords: Chita, city, ethnic composition, religious composition, denomination

Городское население Сибири во второй половине XIX – начала XX в. имело сложный сословный, национальный и конфессиональный состав. Постоянный массовый приток населения в сибирские города способствовал стремительному росту численности городского населения. С ростом численности населения становился более пёстрым этнический состав. При изучении городского населения большое значение имеет исследование его национально-конфессионального состава. Определение этнической и религиозной принадлежности жителей позволяет рассмотреть особенности быта, культуры и семейных отношений городского населения.

Изучение национального состава населения дореволюционной России осложнено тем, что до конца XIX в. в Российской импе-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-11-19003 а/Т и Правительства Республики Хакасии.

[2] The work was supported by the RFH grant no. 15-11-19003 a/T and the Government of the Republic of Khakassia.

© Кискидосова Т. А., 2016

рии не проводился учёт населения по национальному признаку. Во второй половине XIX – начале XX в. этническая принадлежность жителей производилась административно-полицейским учётом. Следует отметить, что подобный учёт осуществлялся не всегда и не во всех регионах страны. В основном фиксировался вероисповедный состав населения. Материалы переписи 1897 г. дали наиболее полную информацию о национальном составе, исходя из родного языка. В то же время необходимо учитывать, что определение этнического состава населения на основе родного языка может быть неточным и искажать численность некоторых этносов. Например, несколько завышалась численность представителей русской национальности [6, с. 58].

О национальном составе населения отчасти можно судить по конфессиональной принадлежности. Эти данные дают возможность оценочно определить этнический состав населения. Ряд исследователей используют данную методику. Определение национального состава населения на основе вероисповедания можно применять лишь условно, поскольку нельзя утверждать, что все русские были православными, евреи исповедовали иудаизм, а все поляки являлись католиками и т. д. В то же время при изучении национального состава в случае отсутствия точных сведений данная методика применяется, так как основные религиозные группы изучаемого региона приблизительно совпадают с основными национальными группами. Исследователи считают, что в данном случае будет изучаться не национальный, а национально-конфессиональный состав населения [6, с. 59]. По мнению Л. В. Кальминой в Сибири этническая и конфессиональная идентификация полностью совпадала, так как религиозные общины здесь были практически мононациональны: иудеи – это, как правило, евреи; католики – это, главным образом, поляки; мусульмане – татары Волжско-Уральского региона и т. д. [1, с. 196].

Национально-конфессиональный состав городского населения Восточной Сибири остаётся слабоизученным вопросом в отечественной историографии. Некоторые аспекты городского населения Забайкалья на рубеже XIX–XX вв. были рассмотрены А. В. Козулиным, Т. Н. Паликовой и С. А. Шаламовой [2; 4; 7, с. 223–226]. Однако авторы частично затронули вопросы этнической и религиозной принадлежности городских жителей. Исследователи, основываясь на материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи за 1897 г., представили сведения о национальной принадлежности городского населения Забайкальской области.

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. в связи с притоком переселенцев произошёл рост численности жителей и изменился национальный состав Забайкальской области. Интенсивное увеличение численности населения Читы произошло в 1900 г. в связи с окончанием строительства Забайкальской магистрали. Город значительно вырос и стал не только административным, но и финансовым, торгово-промышленным, транспортным и культурным центром области. К началу XX в. по численности населения Чита занимала второе место в Восточной Сибири, уступая только Иркутску [3, с. 5]. По наблюдениям А. В. Козулина наиболее высокие темпы роста численности населения Читы происходили в 1908–1911 гг. За этот период число жителей увеличилось в 3 раза. Доля населения Читы в общей массе городского населения области выросла с 37,8 до 53,6 %.

Конфессиональный состав Читы в 1862 г. представлен в табл. 1. Согласно данным таблицы, основную массу населения составила группа «православные», на её долю приходилось 89,6 % всего городского населения. По национальному признаку группу в основном составляли русские. Православие исповедовали также белорусы, украинцы, мордва, марийцы, чуваши и др. Среди читинцев, исповедавших православие, число мужчин существенно превосходило женщин. Если мужчин насчитывалось 1782 чел., то женщин – 922 чел., т. е. мужчин было больше в 1,9 раза. Такой численный перевес мужчин над женщинами был в целом в Чите, где мужская часть населения существенно превышала женскую. «Иудеи» являлись второй по численности группой в конфессиональном составе. В городе их насчитывалось всего 275 чел., а удельный вес составил 9,2 %. В случае с «иудеями» конфессиональную принадлежность можно приравнять к этнической. Последователями иудаизма являлись преимущественно евреи, можно предположить, что число иудеев совпадало с числом евреев в городе. Другие конфессиональные группы оказались ещё более незначительны по численности и удельному весу. В Чите было 17 буддистов, что составило 0,6 %, 12 католиков (0,4 %) и 9 лютеран (0,3 %). К буддистам относились преимущественно буряты, к лютеранам – немцы, к католикам – поляки, литовцы, латыши и др.

Таблица 1

Конфессиональный состав населения Читы в 1862 г.[1]

Конфессиональные группы	муж. п.		жен. п.		об. п.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	1782	90,7	922	87,3	2704	89,6
Иудеи	158	8,0	117	11,1	275	9,1
Католики	6	0,4	6	0,6	12	0,4
Лютеране	5	0,3	4	0,5	9	0,3
Буддисты	13	0,6	4	0,5	17	0,6
Итого	1964	100,0	1056	100,0	3017	100,0

К 1874 г. в Чите было зарегистрировано 3757 (85,9 %) православных; 128 (3,0 %) католиков; 4 (0,1 %) лютеран; 459 (10,5 %) иудеев; 10 (0,2 %) мусульман; 15 (0,3 %) язычников. Всего в городе проживало 4373 чел. Официальная статистика за этот период не дала сведений о буддистах[2].

Некоторые изменения в разделении населения Читы по вероисповеданиям можно проследить через несколько десятилетий. В табл. 2 представлен конфессиональный состав города в 1891 г. Дополнительно прибавились такие группы, как «мусульмане», «раскольники», и «шаманисты». За данное время отсутствуют сведения о буддистах, можно предполагать, что исповедовавших буддизм причислили к группе «язычники». По сравнению с 1862 г. удельный вес православных несколько снизился – с 89,6 до 82,7 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Конфессиональный состав населения Читы в 1891 г.[3]

Конфессиональные группы	муж. п.		жен. п.		об. п.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	4152	83,8	2336	81,7	6488	82,7
Иудеи	492	9,9	465	16,3	957	12,2
Католики	44	0,9	23	0,8	67	0,9
Лютеране	6	0,1	3	0,1	9	0,1
Мусульмане	10	0,2	2	0,1	12	0,2
Раскольники	52	1,1	33	1,2	85	1,1
Буддисты	н. с.	н. с.	н. с.	н. с.	н. с.	н. с.
Язычники	197	4,0	29	1,0	226	2,9
Итого	4953	100,0	2858	100,0	7844	100,0

Несколько иной конфессиональный состав был в возрастных группах города. Религиозная принадлежность молодёжи Читы по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. была исследована С. А. Шаламовой. Согласно выводам автора, к концу XIX в. читинская молодёжь (возраст 20–29 лет) имела ряд особенностей по конфессиональному составу. По численности на первом месте стояли представители православного вероисповедания. После православных шли буддисты и ламаисты, что было связано с притоком бурятской молодёжи в города Забайкалья. Далее следовали иудеи и мусульмане. С. А. Шаламова приходит к выводу, что среди молодёжи Читы не получили широкого распространения протестантизм, католицизм и другие верования [9, с. 225].

В начале XX в. происходили дальнейшие изменения в конфессиональном составе населения. В табл. 3 отражены сведения о распределении горожан по вероисповеданиям за 1906 г. К этому времени в Чите начитывалось 42 072 чел. православного вероисповедания, по сравнению с предыдущими годами их доля заметно уменьшилась, она стала составлять 74,2 %. Второе место после православных продолжали прочно удерживать «иудеи», в городе было зарегистрировано 6531 чел. (11,5 %). Меньшую долю среди горожан продолжали составлять другие конфессиональные группы: католики, лютеране, мусульмане, раскольники, буддисты и язычники.

Таблица 3

Конфессиональный состав Читы в 1906 г. (тыс. чел.)[4]

Конфессиональные группы	муж. п.		жен. п.		об. п.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	27,9	74,2	14,2	74,3	42,1	74,2
Иудеи	4,4	11,7	2,1	11,0	6,5	11,5
Католики	1,7	4,5	0,8	4.2	2,5	4,4
Лютеране	0,8	2,1	0,5	2,6	1,3	2,3
Мусульмане	0,7	1,8	0,4	2,1	1,1	1,9
Раскольники	0,4	1,2	0,2	1,1	0,6	1,1
Буддисты	0,5	1,3	0,1	0,5	0,6	1,1
Язычники	1,2	3,2	0,8	4,2	2,0	3,5
Итого	37,6	100,0	19,1	100,0	56,7	100,0

Национальный состав Читы был достаточно пётрым. В целом городское население Забайкалья было многонациональным и говорило на 46 языках, включая зарубежные европейские и восточные языки. На протяжении рассматриваемого времени основная масса горожан считала родным русский язык. Среди иностранных языков лидировал китайский [4, с. 37].

Этническая картина Читы в конце XIX – начале XX в. представлена в табл. 4. С 1897 по 1913 гг. из-за постоянного притока населения происходили изменения в национальном

[1] Составлено по: ГАЗК. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 210.

[2] РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 69. – Д. 339. – Л. 28.

[3] Составлено по: ГАЗК. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 163.

[4] Составлено по: ГАЗК. – Ф. 19. – Оп. 1. – Д. 112. – Л. 107.

составе населения. Распределение населения по родному языку позволяет рассмотреть национальный состав городского населения. К группе русских отнесли не только представителей русской национальности, но и украинцев и белорусов. К концу XIX в. в перечне этнических групп доминировали русские. Удельный вес лиц русской национальности среди городского населения в Чите несколько уступал общесибирским показателям. Так, например, в 1897 г. в среднем по Сибири в городах проживало 90,0 % русских, в Чите – 82,5 %.

Второе место после русских занимала этническая группа евреи, в Чите доля евреев составляла 10,1 %, что было гораздо выше общесибирских показателей (4,0 %). До проведения Транссиба с целью оживления торговли в Чите правительство предоставило ряд льгот при уплате гильдейских пошлин и выполнения государственных повинностей, а также права свободной торговли на неопределённую сумму на всей территории Забайкалья,кроме Кяхты. Данные меры в некоторой степени способствовали привлечению к занятию предпринимательством, прежде всего купцов еврейской национальности [8]. Наиболее известными купцами еврейского происхождения были И. М. Шлезингер, Г. А. Юдович. Читинский купец первой гильдии Исай Моисеевич Шлезингер активно занимался скупкой пушнины в Забайкалье и Монголии, вёл орговые операции на Нижегородской, Ирбитской ярмарках и в Харбине [10, с. 425]. В Чите располагался торговый дом «Юдович Г. А. и К», владевший кирпичным и изразцовым заводом на линии Забайкальской железной дороги [10, с. 445].

Среди других этнических групп заметное место занимали татары (3,1 %) и поляки (2,1 %). С 1897 по 1904 гг., несмотря на стремительный численный рост (с 9,5 тыс. до 30,9 тыс. чел.), доля русских среди читинцев снизилась с 82,5 % до 79,0 %. Со строительством Транссибирской железнодорожной магистрали и проведением столыпинской аграрной реформы резко увеличился поток мигрантов еврейской, польской, татарской и немецкой национальностей. С 1897 по 1913 гг., т. е. за 16 лет, численность немцев увеличилась с 33 до 2077 чел., или в 62,9 раза; поляков – с 243 до 5231 чел., или в 21,5 раза. Если в 1897 г. в городе насчитывалось 353 чел., относящихся к группе татар, то в 1913 г. – 2056 чел. В отдельную группу вошли представители корейской и китайской диаспоры. С 1897 по 1904 гг. произошло резкое увеличение числа группы с 112 до 1291 чел., в основном рост происходил за счёт китайцев. В последующие годы произошёл отток из города данной группы, она сократилась до 505 чел., доля среди городского населения снизилась до 0,6 % (см. табл.4).

Таблица 4

Национальный состав Читы в конце XIX – начале XX в.[1]

Национальности	*1897 г.*		*1904 г.*		*1913 г.*	
	абс.	*%*	*абс.*	*%*	*абс.*	*%*
Русские	9504	82,5	30 902	79,0	68 577	80,2
Поляки	243	2,1	1095	2.8	5231	6,1
Немцы	33	0,3	587	1,5	2077	2,5
Татары	353	3,1	665	1,7	2056	2,4
Евреи	1160	10,1	4577	11,7	6436	7,5
Китайцы и корейцы	112	1,0	1291	3,3	505	0,6
Прочие	106	0,9	н. с.	н. с.	576	0,7
Всего	11 511	100,0	39 117	100,0	85 458	100,0

Существенно увеличилась численность группы «прочие», включавшая представителей разных национальностей. С вливанием в группу представителей разных этносов, становился более пёстрым этнический состав населения. С 1897 по 1913 гг. число «прочих» выросло с 35 до 487. К группе «прочие» относились буряты, финны, латыши, литовцы, эстонцы, армяне, горские евреи и др. В группу «прочие» также вошли иностранцы, как принявшие русское подданство, так и оставшиеся в иноземном подданстве. В данной группе заметным был рост численности армян. С 1897 по 1913 гг. их количество увеличилось с 10 до 59 чел[2].

В целом на протяжении всего времени главную роль в росте численности Читы играл механический прирост. Увеличение численности населения способствовало появлению новых конфессиональных и национальных групп. Городское население представляло сложный национально-религиозный состав. Этническая картина Читы отличалась пестротой, в городе проживали представители разных национальностей. Среди различных национальных групп лидирующие позиции занимало русскоязычное население. В конфессиональном составе населения доминировала группа православных. Как и во многих других сибирских городах, читинцы проявляли толерантное отношение к другим верованиям и культурам.

[1] Составлено по: РГИА. – Ф. 1288. – Оп. – 25. – Д. 21. – Л. 1*об.* – 6.

[2] РГИА. – Ф. 1288. – Оп. – 25. – Д. 21. – Л. 1*об.* – 6.

Список литературы

1. Кальмина Л. В. Еврейская семья в Восточной Сибири (середина XIX – начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики (по материалам метрических книг еврейских общин) // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул: Азбука, 2001. С. 146–158.
2. Кальмина Л. В. Конфессиональные меньшинства Сибири на рубеже XIX–XX вв.: региональные стратегии власти // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. Вып. 2. Барнаул, 2008. С. 193–204.
3. Козулин А. В. Демографические процессы в Забайкалье (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 210 с.
4. Козулин А. В. Особенности демографических процессов в Забайкальской области (конец XIX – начало XX в.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Улан-Удэ, 2001. 224 с.
5. Лобанов В. Г. Старая Чита. Чита, 2001. 270 с.
6. Паликова Т. Н. Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. Улан-Удэ, 2010. 312 с.
7. Попов А. И. Город Чита. Описание, путеводитель и справочник по г. Чите, Забайкальской области. Чита, 1907. 263 с.
8. Скубневский В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Ч. II. Барнаул, 2007. 292 с.
9. Шаламова С. А. Религиозная принадлежность молодёжи областных и губернских центров Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. (По материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. С. 223–226.

Источник

10. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири Т. 2. Новосибирск: ГЕО, 2013. 464 с.

References

1. Kal'mina L. V. Evrejskaja sem'ja v Vostochnoj Sibiri (seredina XIX – nachalo HH v.): opyt istoriko-demograficheskoj harakteristiki (po materialam metricheskih knig evrejskih obshhin) // Sem'ja v rakurse social'nogo znanija. Barnaul: Azbuka, 2001. S. 146–158.
2. Kal'mina L. V. Konfessional'nye men'shinstva Sibiri na rubezhe XIX–HH vv.: regional'nye strategii vlasti // Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII – nachala HH v. Vyp. 2. Barnaul, 2008. S. 193–204.
3. Kozulin A. V. Demograficheskie processy v Zabajkal'e (konec XIX – nachalo HH v.). Ulan-Udje: Izd-vo BGU, 2004. 210 s.
4. Kozulin A. V. Osobennosti demograficheskih processov v Zabajkal'skoj oblasti (konec XIX – nachalo HH v.): dis. … kand. ist. nauk: 07.00.02. Ulan-Udje, 2001. 224 s.
5. Lobanov V. G. Staraja Chita. Chita, 2001. 270 s.
6. Palikova T. N. Goroda Zabajkal'ja vtoroj poloviny XIX – nachala HH v. Ulan-Udje, 2010. 312 s.
7. Popov A. I. Gorod Chita. Opisanie, putevoditel' i spravochnik po g. Chite, Zabajkal'skoj oblasti. Chita, 1907. 263 s.
8. Skubnevskij V. A., Goncharov Ju. M. Goroda Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale HH v. Naselenie. Jekonomika. Zastrojka i blagoustrojstvo. Ch. II. Barnaul, 2007. 292 s.
9. Shalamova S. A. Religioznaja prinadlezhnost' molodjozhi oblastnyh i gubernskih centrov Vostochnoj Sibiri v konce XIX – nachale HH v. (Po materialam Pervoj vseobshhej perepisi naselenija 1897 g.) // Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2010. S. 223–226.

Istochnik

10. Jenciklopedicheskij slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri T. 2. Novosibirsk: GEO, 2013. 464 s.

Библиографическое описание статьи

Кискидосова Т. А. Национально-конфессиональный состав г. Читы во второй половине XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 99–103.

Reference to the article

Kiskidosova T. A. National-Religious Composition in the City of Chita in the Second Half of the XIXth – Early XXth Century // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 99–103.

Статья поступила в редакцию 13.03.2016

АРХЕОЛОГИЯ
ARCHEOLOGY

УДК 902.2
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-104-116

Алексей Михайлович Мамкин[1]***,***
научный сотрудник,
Центр по сохранению и охране историко-культурного наследия
Забайкальского края
(672000, Россия, г. Чита, ул. Анохина, 53),
e-mail: alex010272@yandex.ru

Виталий Евгеньевич Белоусов[2]***,***
старший научный сотрудник,
Центр по сохранению и охране историко-культурного наследия
Забайкальского края
(672000, Россия, г. Чита, ул. Анохина, 53),
e-mail: centr-zabkr@mail.ru

Новые данные по массивным каменным сакральным объектам эпохи палеометалла, раннего железного века Восточного региона Байкальской Азии и Восточного Забайкалья

В статье представлены материалы о массивных каменных сакральных объектах Забайкалья эпохи палеометалла. Авторы на основе фактического материала анализируют объекты культуры плиточных могил, керексуры, оленные камни, распространённые в Забайкалье; подчеркивают взаимосвязь Забайкальских объектов эпохи бронзы – раннего железного века с хронологически синхронными и функционально тождественными объектами мировой цивилизации. Даётся общий обзор истории их изучения. Определяются особенности мегалитов Забайкалья. В данной работе приводятся результаты изысканий на мегалитических объектах эпохи палеометалла в Восточном регионе Байкальской Азии. Приведены данные изысканий на Подлопаткинском керексуре (с. Подлопатки, Республика Бурятия), раскопки которого производились в ходе разведок под руководством доктора исторических наук М. В. Константинова в 1971, 1974 и в 1992 гг. Сведения о результатах раскопок на Альбитуйском кургане-керексуре, сооружённом, согласно датировке находок из панциря кургана, не позднее VIII–VII в. до н. э. На площади керексура был установлен могильник КПМ, датируемый VI–V вв. до н. э. Материалы изысканий на могильник «Дайка-1» «царского типа», на котором зафиксирован наглядный пример утилитарного использования «плиточниками» каменных плит со скифо-тагарскими петроглифами «степного стиля» и оленных камней. В итоге авторами предлагается выделить три хронологически взаимосвязанных типа сакральных и погребальных объектов археологического наследия: керексуры, оленные камни, погребальные объекты КПМ. Однако вопрос их функциональной, историко-культурной дефиниции остаётся открытым.

Ключевые слова: Забайкалье, мегалиты, керексур, оленные камни, культура плиточных могил, эпоха палеометалла, петроглифы

[1] А. М. Мамкин является основным автором, им сформулированы основные положения исследования.
[2] В. Е. Белоусовым проведена камеральная обработка артефактов.

© Мамкин А. М., Белоусов В. Е., 2016

Aleksey M. Mamkin[1]***,***
Researcher,
Center for the Preservation and Protection of Historical and Cultural Heritage of the Trans-Baikal Territory
(53 Anokhina st., Chita, 672000, Russia),
e-mail: alex010272@yandex.ru

Vitaliy E. Belousov[2]***,***
Senior Researcher,
Center for the Preservation and Protection of Historical and Cultural Heritage of the Trans-Baikal Territory
(53 Anokhina st., Chita, 672000, Russia),
e-mail: centr-zabkr@mail.ru

New Data on Massive Paleometal Era Stone Sacral Objects of the Early Iron Age in East Baikal Asia and East Transbaikal Regions

The article highlights information about Transbaikal massive stone sacral objects of paleometal era. On the basis of the factual material the authors analyze culture objects of tiled graves, kereksurs, olenny (deer) stones, which are widespread in Transbaikal region. The authors emphasize interconnection of Transbaikal bronze period objects of the early Iron Age with chronologically synchronous and functionally identical objects of the world civilization. The article gives the general research history review. It defines the specific features of Transbaikal megaliths. The paper presents the research results on megalith paleometal era objects in the east region of Baikal Asia. It gives the research data on the Podlopatkinsky kereksur (the village of Podlopatka, the Republic of Buryatia), excavations of which were made during the exploration under Doctor of History M. V. Konstantinov's supervision in 1971, 1974 and in 1992. It presents the excavation data on the Albituysk mound-kereksur, built of finds from mound armor no later than the 8th-7th century AD according to dating. TGC (tiled grave culture) burial ground dated the 6–5th centuries BC was found in the kereksur area. It presents research materials of "Dayka-1" burial ground of "imperial type" being the vivid example of utilitarian "tiler" stone use with scyth-tagar "steppe style" petroglyphs and olenny stones. As a result, the authors offer to distinguish three chronologically interconnected types of archaeological heritage sacral and funeral objects: hereksur, olenny stones, TGC funeral objects. However, the question of their functional, historical and cultural determination remains open.

Keywords: Transbaikal region, megaliths, kereksur, olenny stones, culture of tiled graves, paleometal era, petroglyphs

Массивные каменные сооружения номадов степного и лесостепного Забайкалья, датируемые бронзовым веком – ранним железным веком, представлены сакрально-погребальными объектами культуры плиточных могил (КПМ), керексурами и так называемыми оленными камнями. Линейными размерами данные сооружения не уступают широко известным «менгирам», «кромлехам», «дольменам», каменным сооружениям в Биг Хорне – «Медицинское колесо» в Северной Америке. Оленные камни, сооружения КПМ, керексуры возведены, вероятно, с использованием похожей технологии, относительно хронологически синхронно и, скорее всего, имели тождественную сакральную нагрузку. Однако Забайкальские, или вероятно следует считать Центральноазиатские, мегалиты в мировой археологической науке на настоящий момент малоизвестны.

Находки неразрушенных и неразграбленных мегалитов крайне редки. В Забайкалье число изученных памятников, сохранившихся в более или менее целостном виде, насчитывает чуть более десятка. Реконструкция погребальной архитектуры культуры плиточных могил проблематична. Верхние части вертикальных плит, как правило, обломаны, плиты перекрытия зачастую расколоты. Однако на настоящий момент планиграфия и линейные размеры читаются достаточно отчётливо: прямоугольные оградки осью длины по линии Восток – Запад достигают 9 м, высота отдельных уцелевших угловых стел стремится к отметке 2–3 м от современной дневной поверхности.

Ясная визуальная экспозиция плиточных объектов (например, в русской традиции плиточные сооружения называются «Маяками», «Дворами» или торчащими камнями – «Куцонами») являлась причиной их тотального ограбления, начиная с момента сооружения и до современности. Кроме того, во времена русского освоения Забайкалья тёсаные плиты, составляющие конструкции мегалитов, использовались для строительных нужд либо

[1] A. M. Mamkin is the main author, he formulated the basic provisions of the study.
[2] E. V. Belousov conducted laboratory processing of artifacts.

просто разрушались. Так, в своем отчёте по результатам археологических изысканий проведённых в юго-восточной части Забайкалья в 1892 г., Алексей Кириллович Кузнецов упоминает: «...В селении Дул-Дурга у Д. И. Ковалёва двор вымощен 67 огромными плитами, перевезёнными за 45 вёрст с “маяков” Бальзинского озера...», и в том же отчёте: «...здесь у одного из “маяков” по Бильчиру плита имеет высеченные фигуры и знаки; но местные жители во время покоса в минуты досуга разбили плиту на мелкие части...» [3].

В советский период истории значительное число мегалитов было частично или полностью утрачено в результате антропогенного воздействия: строительство ферм, дорог, ЛЭП, мелиоративных сооружений, распашкой либо в результате бытового вандализма.

На настоящий момент большинство погребений культуры плиточных могил разграблено. В погребальных ямах плиточников, как правило, обнаруживаются только кости нижних конечностей погребённых (в западных частях могильных ям), фрагменты костей жертвенных животных и керамика (в заполнении кладок), в то время как «область груди и головы» полностью «вычерпана» грабителями. Нередко встречаются впускные погребения эпохи средневековья.

В целом, результаты раскопок Забайкальских керексуров, плиточных могил и оленных камней дают крайне небогатые материалы. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в современных условиях особую ценность представляет, прежде всего, сохранившаяся сакральная архитектура.

Необходимо отметить, что мегалиты Восточного региона Байкальской Азии, датируемые финалом бронзового века – раннего железного века, нередко сопровождают массивные каменные сооружения – курганы-керексуры.

На основании изысканий последних лет, можно констатировать, что ареал распространения Забайкальских керексуров не выходит за пределы западной, юго-западной лесостепи, в границах Чикойского (Восточный регион Байкальской Азии) и Ононского (Восточное Забайкалье) водосборного бассейна, а наиболее вероятная датировка керексуров Забайкалья помещается в хронодиапазоне нескольких столетий рубежа I тыс. до н. э. В то же время, номады культуры плиточных могил, появившиеся в Южной Сибири и Центральной Азии, вероятно, сравнительно позднее керексуров, существовали на протяжении всего I тысячелетия до н. э. Кроме того, в лесостепных рефугиумах, укрытых в горно-таёжном ландшафтном массиве Забайкалья (севернее 53 параллели), объекты КПМ, вероятно, просуществовали вплоть до начала н. э.

Плиточники заселяли весь юг, юго-восток, юго-запад Забайкалья и на заре своей истории, несомненно, пересекались со строителями керексуров. На настоящий момент известно множество эпизодов использования сакральной территории керексуров плиточниками. Нередко каменный материал панцирей курганов и оград использовался для сооружения плиточных мегалитов. Вероятно, в некоторых случаях данное утилитарное использование можно оценивать как акт осквернения сакральных объектов, свойственных носителям традиций более ранних номадных культур скифо-тагарского облика.

Так, на Подлопаткинском керексуре (с. Подлопатки, Республика Бурятия), раскопки которого производились в ходе разведок под руководством д-ра ист. наук М. В. Константинова в 1971, 1974 и в 1992 гг., остальные пять плиточных могил перекрывали границы условной окружности, в которую были вписаны традиционные для курганов-керексуров каменные кольцевые выкладки – сакральные очажки [2].

На Альбитуйском кургане-керексуре (раскопки Центра охраны и сохранения культурного наследия Забайкальского края – ГУК ЦОСОКН, производимые А. М. Мамкиным в 2000 г.) в урочище Степь Красночикойского района Забайкальского края) (рис. 1), сооружённом, согласно датировке находок из панциря кургана, не позднее VIII–VII вв. до н. э., был установлен могильник КПМ, датируемый VI–V вв. до н. э. (см. рис. 2).

Альбитуйский керексур – округлая, курганная (панцирная) каменная насыпь, обнесённая оградой, составленной из крупных каменных глыб. Размеры насыпи составляли 13 м. Максимальная высота панциря не превышала 0,6 м. Основание насыпи располагалось в кровле жёлто-серой супеси с дресвой («материка»). Отдельные глыбы насыпи кургана вкопаны в тело «материка» на глубину до 0,5 м. В центральной части панциря зафиксирован «клад», представленный бронзовыми литыми изделиями: пронизки с фрагментами кожаных ремней, колокольчик, пряжка, орнаментированная S-образным рисунком (голова барана?), железный черешковый нож .

Бронзовые трубчатые пронизки с ярко выраженным кольцевым перехватом, а также кольцевидные пронизки по многочисленным

аналогам, найденным в Туве и на Алтае, могут датироваться временем не ранее VII в. до н. э. Аналогичных находок в Забайкалье на настоящий момент не известно.

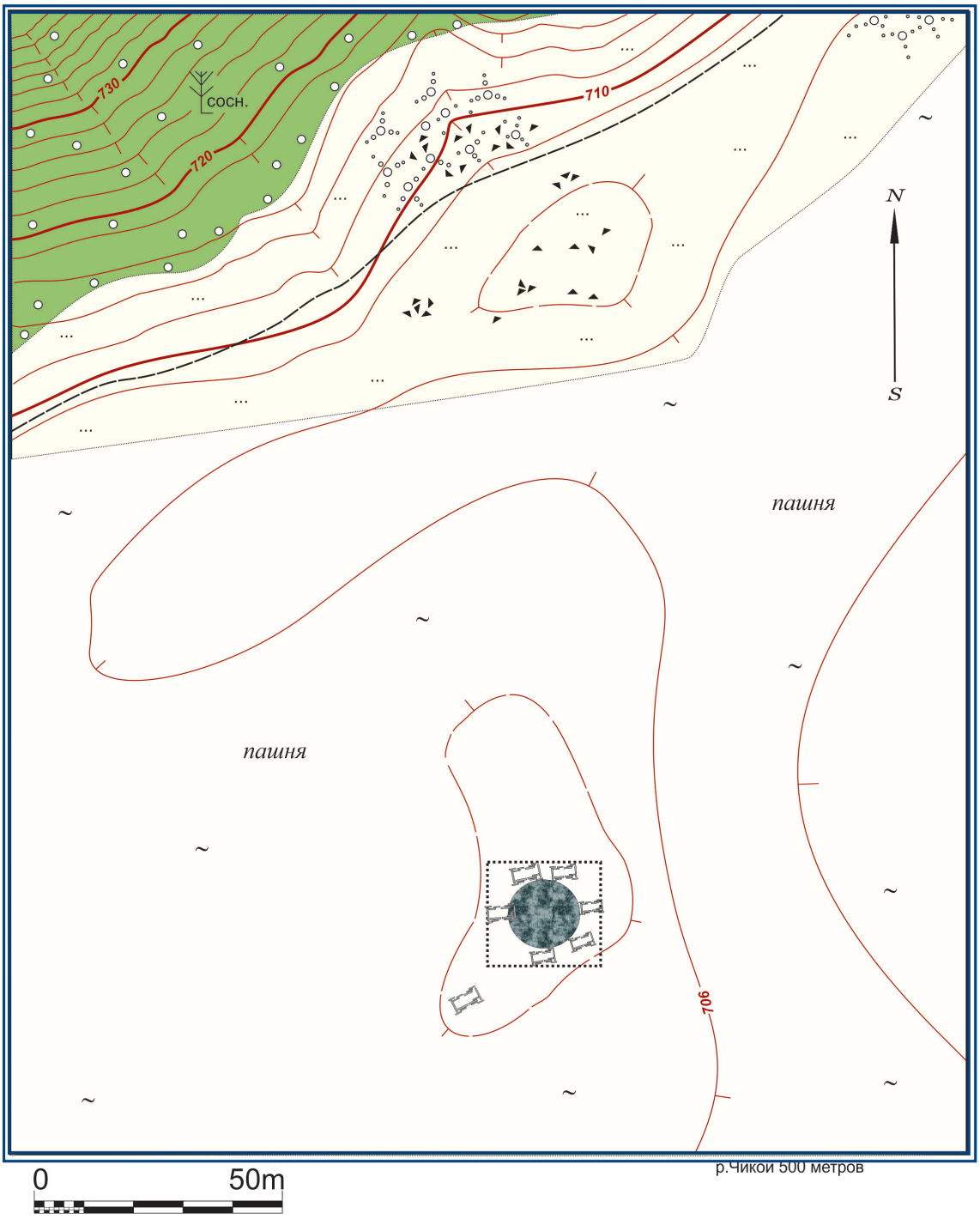

Рис. 1. Альбитуйский керексур

Fig. 1. Albituy hereksur

Бронзовые колокольчики, подобные найденному изделию, встречаются в погребальных памятниках Центральной Азии на протяжении достаточно большого хронологического периода – в пределах раннего железного века и даже позже, включая раннее средневековье.

Точных аналогов пряжки с рельефным изображением на настоящий момент на территории Забайкалья не зафиксировано.

Однако по специфическому S-образному, зооморфному («звериному») характеру орнамента можно датировать находку скифским временем, т. е. VII в. до н. э. Черешковые железные ножи, подобные найденному предмету, появляются и имеют широкое распространение в Забайкалье во второй половине I тыс. до н. э. Таким образом, все биметаллические находки из панциря кургана датируются VIII–VII в. до н. э. – началом н. э.

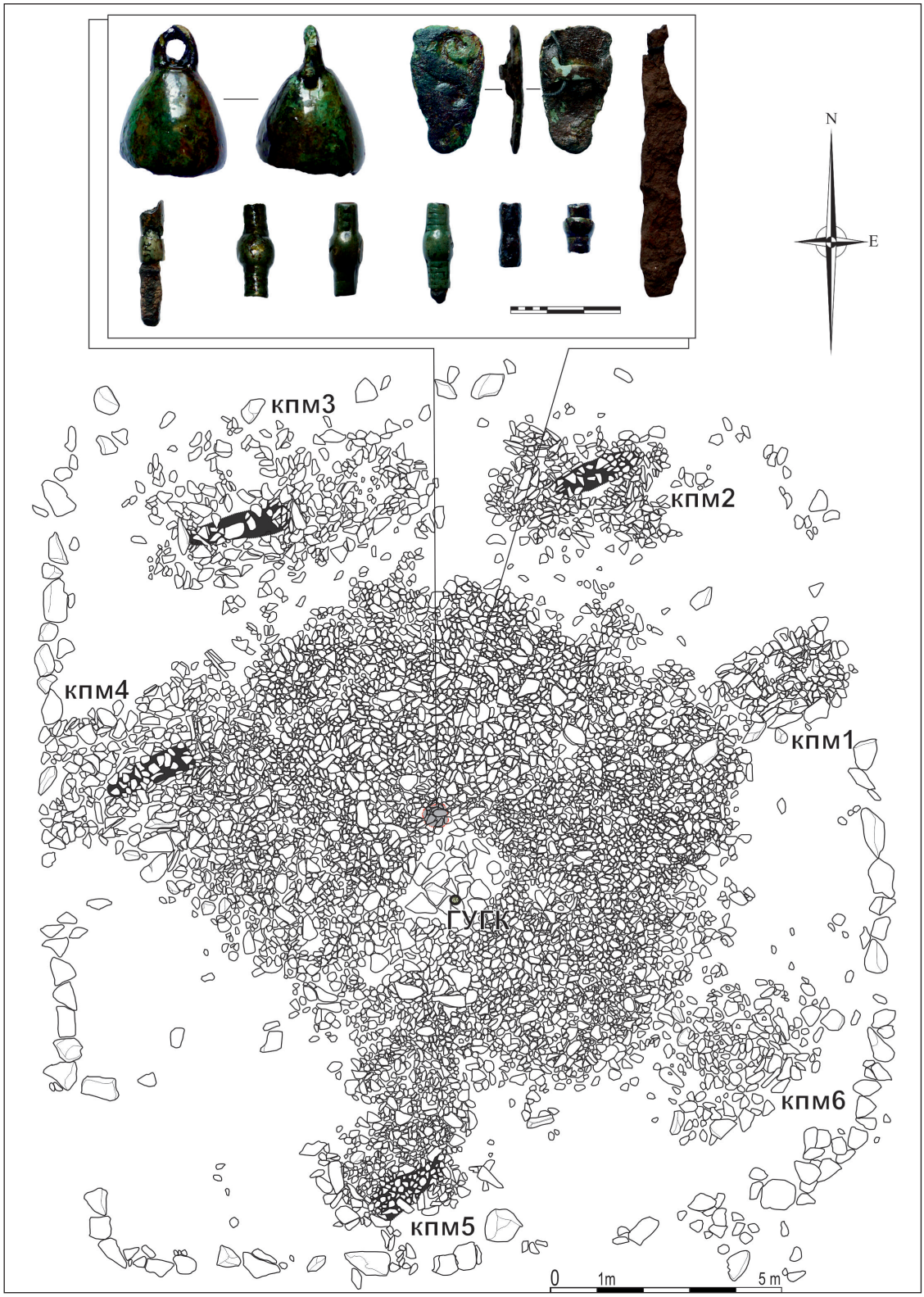

Рис. 2. Альбитуйский керексур и погребения КПМ

Fig. 2. Albituy hereksur and burials of the tiled grave culture

Из немногочисленного фаунистического материала, зафиксированного во время зачистки и раскопок кургана и погребений, с достаточной достоверностью определяются только кости барана и лошади.

Керамический материал, зафиксированный во время раскопок кургана и кладок, немногочисленный. Большая часть определяемых сосудов, бесспорно, соотносится с керамическим комплексом КПМ и может датироваться в хронодиапазоне VII–V в. до н. э. (Тапхарский этап КПМ). Отдельные фрагменты могут быть соотнесены с керамикой КПМ Бальзинского этапа (II в. до н. э. – II век н. э.), а также керамикой гуннского облика, датируемого в долине р.Чикой I – III вв. н. э.

В центре кургана, на поверхности и в заполнении панциря зафиксированы многочисленные углисто-зольные конкреции, вероятно, жертвенного характера, предположительно связанные с обнаруженными здесь же изделиями из бронзы.

Из семи погребений КПМ одно установлено за пределами подпрямоугольной ограды керексура, шесть других помещено между панцирем кургана и периметром ограды (рис. 3, 4). Крайнее западное погребение внутри ограды (погребение № 4) восточной своей частью было встроено в центральную насыпь (см. рис. 3). Все находки из погребения № 4: бирюзовая бусина, височные кольца, пуговицы-бляшки – имеют многочисленные аналогии в памятниках культуры плиточных могил и могут датироваться на данной территории в пределах VI–V вв. до н. э. [5; 6].

Часть вертикально установленных плит ограды погребения № 4 перекрывают камни панциря керексура. Судя по составу строительного материала, можно констатировать, что камни и глыбы насыпи и ограды были использованы в архитектуре погребения № 4. В целом, «солярная» композиция керексура не уничтожена. Плиточники лишь использовали её как своеобразный сакральный маркер для установки собственных погребальных памятников.

Пример утилитарного использования «плиточниками» каменных плит со скифо-тагарскими «степного стиля» петроглифами и оленных камней зафиксирован на плиточном могильнике Дайка-1. Могильник, обнаруженный предположительно в конце 70-х гг. прошлого века, в ходе разведки И. И. Кириллова, позднее обследовался экспедицией ГУК ЦОСОКН Забайкальского края в 2012 году (см. рис. 6, 7). По результатам изысканий Центра информация по Дайкинским петроглифам была впервые опубликована в 2013 г. [7].

Сакрально погребальный объект расположен в 2 км западнее – северо-западнее с. Рудник Абагайтуй Забайкальского района Забайкальского края, на 10-метровом мысовидном уступе левостороннего борта долины р. Дайка (падь Дайка).

Могильник представлен 3 мегалитическими погребальными сооружениями, установленными цепью по линии Север – Юг. Восточнее (10 м) медиального погребения обнаружены фрагменты сторожевого камня и его крепиды.

Погребальные конструкции представляют собой подпрямоугольные ограды, построенные из массивных (площадью около 1×1,5–1,5×2 м) тесаных каменных плит, поставленных на ребро. Видимые периметры оград составляют 8×7, 8×6, 9×7 м, высота над уровнем дневной поверхности не превышает одного метра. Явных следов ограблений не обнаружено.

Грандиозная планиграфия погребальных оград позволяет называть сооружения так называемыми «царскими плиточными могилами». Необходимо отметить, что на момент сооружения высота плит и особенно угловых стел, очевидно, была более значительна, на настоящий момент верхние грани камней обломаны, часть плит завалилась. Высота ограды, не считая закопанного основания и крепиды, согласно размерам, зафиксированным на немногих сохранившихся плиточных оградах в Восточном Забайкалье (оз. Улин, оз. Ножий, Амаголон, Анхабай, Чиндант, Дульдурга и др.), вероятно, составляла не менее 2–3 и более метров.

На двух плитах южной боковой стенки ограды медиального погребения и на окатанном валуне в основании – крепиде сторожевого камня зафиксированы петроглифы смешанного типа стилизации: скифо-сибирского, селенгинского и таёжного. Петроглифы выполнены прошлифовкой и фрагментарной гравировкой по предварительно прочерченным линиям. В результате эоловой и термической эрозии на отдельных участках макрорельеф петроглифов значительно нивелировался.

Плита № 1 (рис. 6). На южной экспозиции плиты в центральной части стенки ограды погребения № 2 нанесены профильные петроглифы – изображение «Охотничьей сцены» (см. рис. 6). В центральной части композиции выбиты фигуры, представленные тремя «псовыми» хищниками, преследующими трёх копытных животных. В левом нижнем углу антропоморфная фигурка «с луком». В верхней

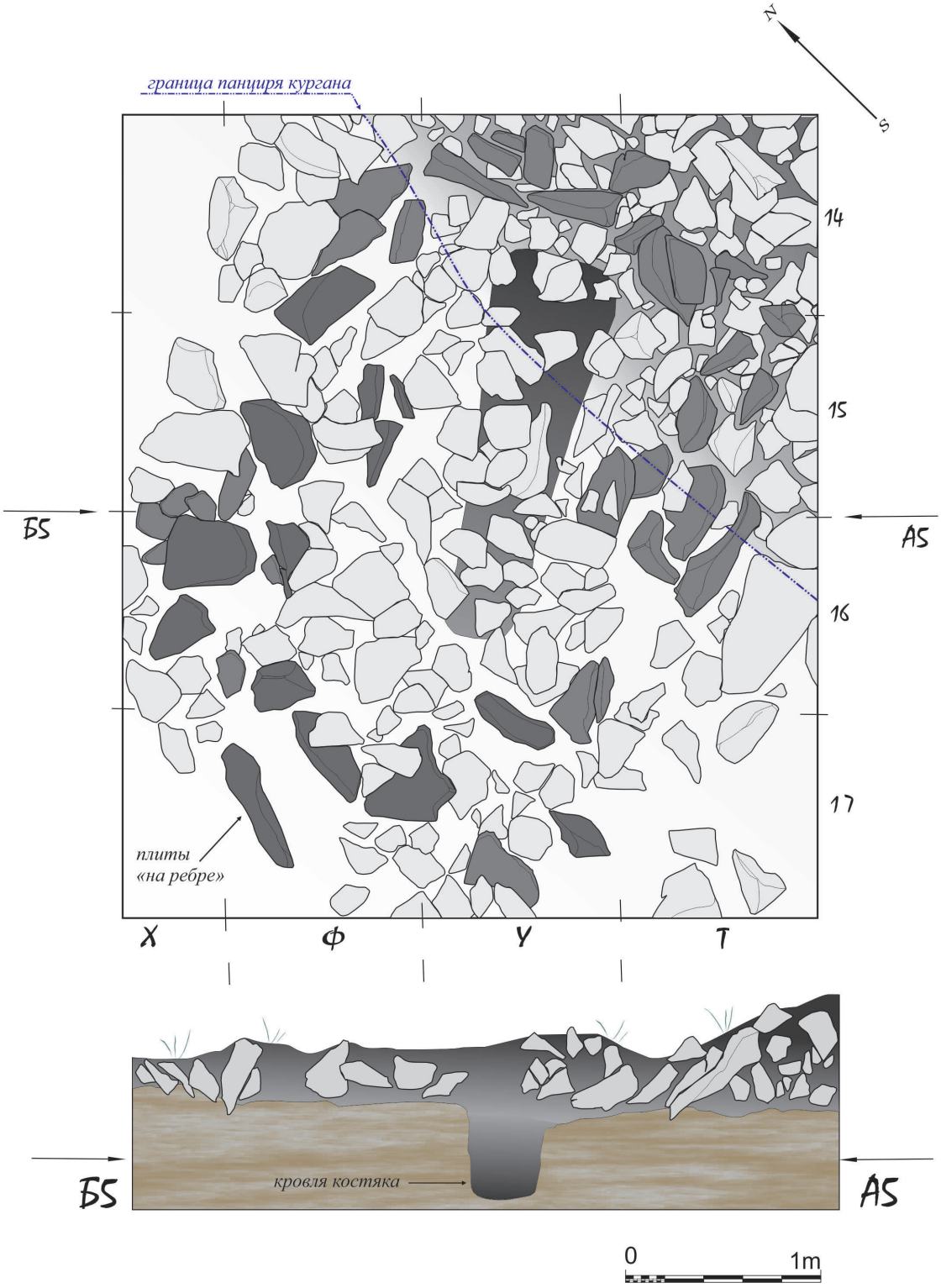

Рис. 3. Погребение КПМ № 4. Альбитуйский курган, урочище Степь
Fig. 3. Burial of the tiled grave culture № 4. Albituy barrow, Step area

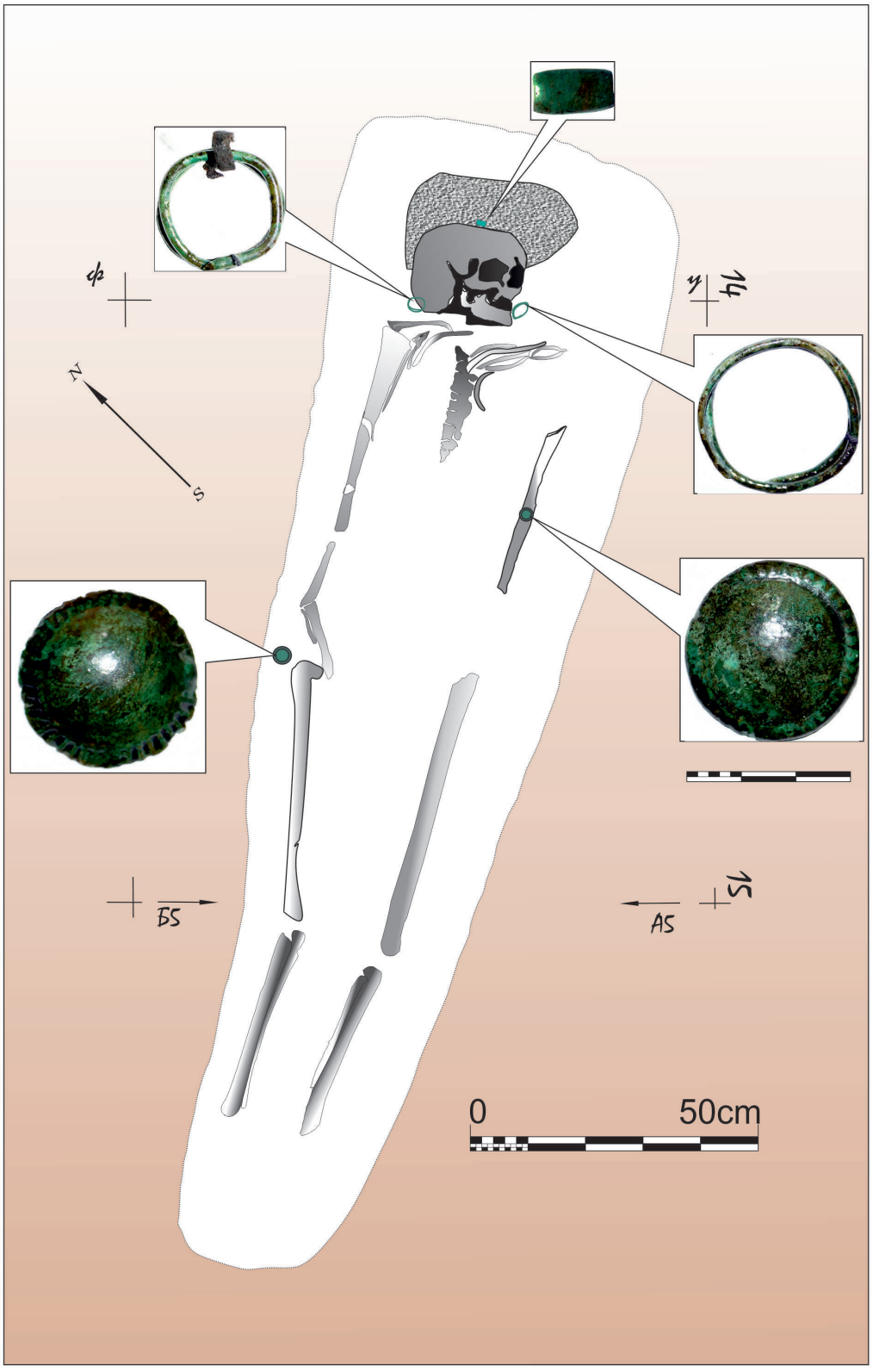

Рис. 4. Костяк из погребения КПМ № 4. Альбитуйский курган, урочище Степь
Fig. 4. Skeleton from the burial of the tiled grave culture № 4. Albituy barrow, Step area

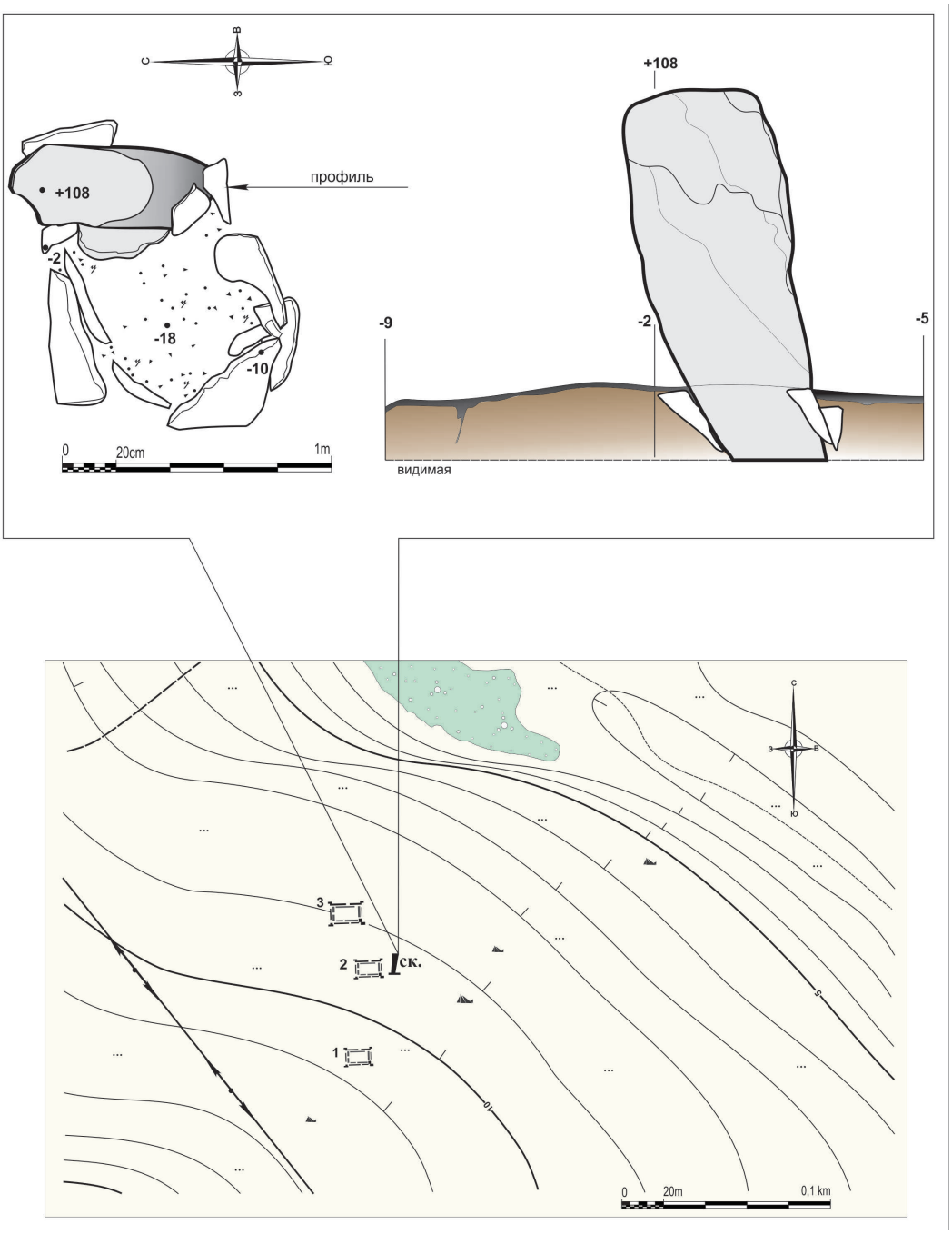

Рис. 5. Могильник КПМ «Чаша Чингисхана»

Fig. 5. Burial ground of the tiled grave culture “The Cup of Genghis Khan”

части композиции изображена наклонённая в сторону центральной сцены птицевидно-антропоморфная фигура. В правом верхнем углу нанесено крупное изображение кошачьего хищника, ориентированного головой в сторону крайнего верхнего копытного центральной части композиции. Мотивы и отдельные изображения «охотничьей сцены» имеют многочисленные аналоги в петрографических памятниках Восточного региона Байкальской Азии. Например, наскальные росписи горы Баин-Хара у с. Еланское Республики Бурятия [9, с.163], Манлай-Сомон, Батор-Хайрхан, Манхан-Сомон, Ималыг. Вместе с тем наибольшее количество подобных изображений зафиксировано на территории Монголии [9, табл. 2, 5–7, 25, 28, 38, 88, 98, 106, 121, 134, 140]. Изображение кошачьего хищника имеет немногочисленные аналоги, например, в числе петроглифов Монголии – писаницы Абдар-Баян [8, табл. 34]; одна из фигур Тепсейских писаниц (Тепсей-2) Красноярского

края [10] (рис. 6). «Ролевая» интерпретация «кошачьего» изображения на петроглифах юго-восточного Забайкалья не ясна. На настоящий момент можно предположить западное – юго-западное происхождение изобразительного мотива. Подобная пиктографическая композиция приводится А. В. Тиваненко в древностях, обнаруженных у с. Субуктуй в западном Забайкалье. Автор интерпретирует похожие петроглифы как сцены жертвоприношения «…в жертвенную чашу (алтарь) … животных (умершему предку родовой общины)» [11].

Плита № 2 (рис. 6). На южной экспозиции плиты в юго-восточного части стенки ограды погребения № 2 нанесены петроглифы – изображение оленя. Верхняя часть композиции, где, очевидно, размещалось изображение головы оленя, утеряна. На сохранившейся части плиты отчётливо фиксируются контуры копытного животного (тело до передних конечностей, круп, задние конечности, рога «в пять параллельных ветвей»). Основная фигура, вероятно, является повторной, нанесённой на более ранний «олений» контур. Кроме того, возможно, петроглиф неоднократно подновлялся. В связи с этим не представляется возможным интерпретировать направление конечностей (вытянутые – летящие, либо подогнутые). В месте тем в нижней части композиции фиксируется ряд параллельных, линейных прошлифовок; вероятно, ветви рогов более раннего изображения [8, табл.138]. «Олений» мотив петроглифов в юго-восточном Забайкалье, часто приписываемый к погребальной архитектуре объектов культуры плиточных могил, на самом деле в плиточных конструкциях практически не встречается. В этой связи представляет особый интерес расположение плиты, на которой нанесён «олений» петроглиф, – в медиальной части южной боковой стенки ограды погребения. Вероятно, установка фрагментированной (без верхней – головной части) «оленной» стелы имеет прикладной характер.

Плита № 3 (рис. 7). На южной экспозиции валуна в основании обломков сторожевого камня, восточнее погребения № 2 выбиты петроглифы, которые можно условно обозначить как «солярно-личинные» изображения (рис. 7). Центр композиции занимает солярный знак – циркулярная окружность, окруженный двумя слева и одной справа личино-солярными (тамгообразными?) петроглифами «с усами». В верхней и правой (восточной) части композиции нанесены две антропоморфные фигуры. Аналогичные петроглифы были обнаружены и детально описаны А. П. Окладниковым на объектах бронзового – раннего железного веков территории аймаков республики Монголия [8, табл. 1, 50, 104, 812]. Личино-солярные, тамгообразные фигуры, расположенные на плите у фрагментов сторожевого камня – «коновязи», имели распространение в достаточно широком хронодиапазоне от эпохи бронзы до средневековья.

Необходимо отметить, что месторасположение камней с петроглифами в боковой стенке одного из погребений и в крепиде сторожевого камня акцентирует «случайный» характер сакральных плит, подчёркивает их утилитарное использование.

Очевидно, что в Забайкалье оленные камни, в основном, либо встроены в погребальную архитектуру плиточных оград, либо «сопутствуют» плиточным могильникам. Так, например, камень в окрестностях с. Кыра (Кыринский караул) в долине р. Онон [4], оленный камень у ст. Могойтуй в ограде плиточного погребения [1], и многие другие[1].

Датировка оленных камней разными исследователями на основании многолетних изысканий определяется концом II тыс. до н. э. – концом I тыс. до н. э. То есть, плиточные могильники сооружались либо синхронно, либо позже времени установки оленных камней.

Кроме того, тесаные стелы, которые зачастую интерпретируют как оленные камни, устанавливались в восточной части могильников КПМ в виде так называемых сторожевых камней, коновязей, серге с сакральным очажком в основании. Вероятно, необходимо чётко дифференцировать данные виды мегалитов: серге – «коновязи» и собственно оленные камни, тем более, что часто последние использовались как серге как плиточниками, так и позднее в эпоху средневековья.

Характерный пример представляют материалы раскопок ГУК ЦОСОКН 2007 г. на могильнике КПМ в урочище Чаша Чингисхана в Агинском районе Забайкальского края (рис. 5). Могильник расположен в 5,5 км севернее, северо-западнее с. Нижний Цасучей, северо-восточнее экспозиции 10–15-метровой поверхности делювиального шлейфа правого борта суходольного бокового, левобережного распадка р. Онон [6].

Могильник представлен тремя плиточными сооружениями и вертикально установлен-

[1] Константинов М. В., Дашилхамаев Д. М. Оленные камни // Малая энциклопедия Забайкалья. Археология. – Новосибирск, 2011. – С.233–235.

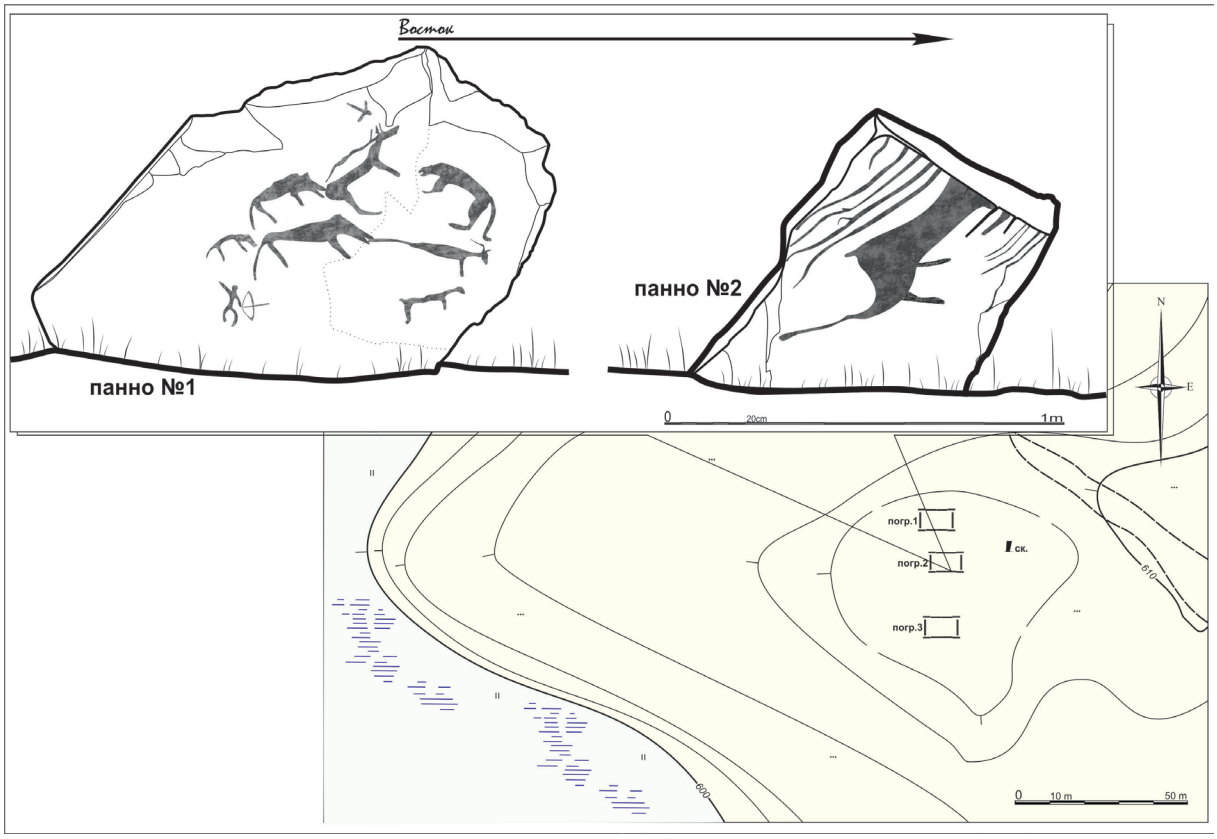

Рис. 6. Петроглифы могильника КПМ Дайка

Fig. 6. Petroglyphs of the burial ground of the tiled grave culture Daika

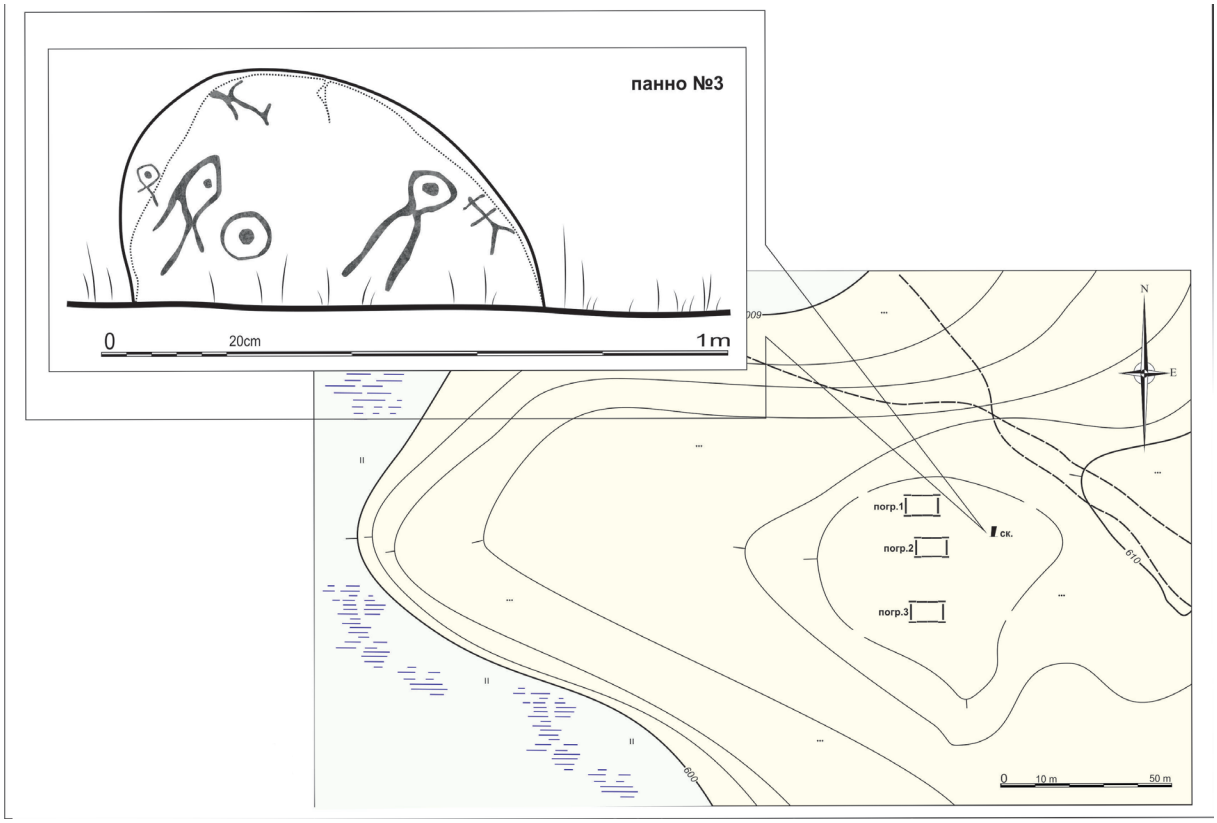

Рис. 7. Петроглифы могильника КПМ Дайка

Fig. 7. Petroglyphs of the burial ground of the tiled grave culture Daika

ной стелой – оленным камнем. Архитектура погребений представлена подпрямоугольными оградами с линейными размерами около (с юга на север) 2×3, 4×5, 5×6 м, высотой не превышающими 0,5 м, сооружёнными из каменных плит, поставленных на ребро, длинной осью, ориентированной по линии Восток-Запад. Построение сооружений цепью по оси Север-Юг. Оленный камень – коновязь установлен восточнее среднего плиточного сооружения.

Камень – тесаная плита, установлен вертикально, с небольшим уклоном на север, ребром ориентирован по линии Север-Юг, широкими плоскостями открыт на Восток и Запад. Линейные размеры плиты составляли: 0,60 × 0,30 м, при высоте 1,10 м над уровнем современной «дневной поверхности».

В ходе работ разобран слой современной почвы (дернина, поддёрновый слой – каштановая супесь с дресвой), мощность которого составляла не более 20–30 см. Изначальная высота камня над поверхностью с учётом естественного оседания и наклона, вероятнее всего, составляла около 1,50–2 м. Кроме того, в ходе зачистки обнаружены клиновидные камни (крепида), которыми закреплялось вертикальное положение стелы. С западной стороны коновязи зафиксирована кольцевидная каменная выкладка – розетка. В заполнении розетки выявлены многочисленные зольно-углистые конкреции, колотые и обожжённые фаунистические остатки, очевидно, жертвенного характера. Иных находок в заполнении розетки и в площади шурфа-}зачистки не обнаружено.

Таким образом, в Забайкалье с полной уверенностью можно выделять три хронологически взаимосвязанных типа сакральных и погребальных объектов археологического наследия: керексуры, оленные камни, погребальные объекты КПМ. Однако в то же время вопрос их функциональной, историко-культурной дефиниции не представляется окончательно решённым. Необходимо констатировать, что проблема определения забайкальских мегалитов в контексте общей центральноазиатской номадической истории ждёт дальнейших изысканий.

Список литературы

1. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во,1958. 108 с.
2. Дроботушенко А. В., Мамкин А. М. Ритуально-погребальный комплекс у с. Подлопатки // Сб. Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск, 1995. С. 204–206.
3. Кузнецов А. К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г.: рукопись.
4. Кузнецов А. К. Археологические изыскания в юго-восточной части Забайкалья летом 1892 г. // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва / под ред. Н. П. Левина. Т. XXIV. № 2. Иркутск, 1898. С. 35–49.
5. Мамкин А. М. Керексурный сакрально-погребальный комплекс в урочище Степь у с. Альбитуй в Красночикойском районе Читинской области // Человек, среда, время. Чита, 2003. С. 20–32.
6. Мамкин А. М. Сакрально-погребальные объекты культуры плиточных могил Восточного региона Байкальской Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 132–135.
7. Мамкин А. М., Белоусов В. Е. Петроглифы юго-восточной провинции Забайкальского центра распространения культуры плиточных могил // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита, 2013. С. 311–314.
8. Окладников А. П. Петроглифы Монголии. Л.: Наука, 1981. 228 с.
9. Окладникова Е. А. Писаницы и их роль в технологиях организации древнего сакрального ландшафта Забайкалья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С.163.
10. Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 35–54.
11. Тиваненко А. В. Древняя письменность Сибири (основные принципы дешифровки наскальной пиктографии). Чита: Экспресс-изд-во, 2011. 347 с.
12. Цыбиктаров А. Д. Культуры плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ, 1998. С. 136–144.

References

1. Dikov N. N. Bronzovyj vek Zabajkal'ja. Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo,1958. 108 s.
2. Drobotushenko A. V., Mamkin A. M. Ritual'no-pogrebal'nyj kompleks u s. Podlopatki // Sb. Obozrenie rezul'tatov polevyh i laboratornyh issledovanij arheologov, jetnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 g. Novosibirsk, 1995. S. 204–206.
3. Kuznecov A. K. Arheologicheskie izyskanija v jugo-vostochnoj chasti Zabajkal'ja letom 1892 g.: rukopis'.
4. Kuznecov A. K. Arheologicheskie izyskanija v jugo-vostochnoj chasti Zabajkal'ja letom 1892 g. // Izv. Vost.-Sib. otd. Rus. geogr. o-va / pod red. N. P. Levina. T. XXIV. № 2. Irkutsk, 1898. S. 35–49.
5. Mamkin A. M. Kereksurnyj sakral'no-pogrebal'nyj kompleks v urochishhe Step' u s. Al'bituj v Krasnochikojskom rajone Chitinskoj oblasti // Chelovek, sreda, vremja. Chita, 2003. S. 20–32.
6. Mamkin A. M. Sakral'no-pogrebal'nye ob#ekty kul'tury plitochnyh mogil Vostochnogo regiona Bajkal'skoj Azii // Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri. Ulan-Udje, 2010. S. 132–135.
7. Mamkin A. M., Belousov V. E. Petroglify jugo-vostochnoj provincii Zabajkal'skogo centra rasprostranenija kul'tury plitochnyh mogil // Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri. Chita, 2013. S. 311–314.
8. Okladnikov A. P. Petroglify Mongolii. L.: Nauka, 1981. 228 s.

9. Okladnikova E. A. Pisanicy i ih rol' v tehnologijah organizacii drevnego sakral'nogo landshafta Zabajkal'ja // Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri. Ulan-Udje, 2010. S.163.

10. Sovetova O. S. Petroglify gory Tepsej // Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify. Kemerovo, 1995. S. 35–54.

11. Tivanenko A. V. Drevnjaja pis'mennost' Sibiri (osnovnye principy deshifrovki naskal'noj piktografii). Chita: Jeks-press-izd-vo, 2011. 347 s.

12. Cybiktarov A. D. Kul'tury plitochnyh mogil Mongolii i Zabajkal'ja. Ulan-Udje, 1998. S. 136–144.

Библиографическое описание статьи

Мамкин А. М., Белоусов В. Е. Новые данные по массивным каменным сакральным бъектам эпохи палеометалла, раннего железного века Восточного региона Байкальской Азии и Восточного Забайкалья // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 104–116.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-104-116

Reference to the article

Mamkin A. M., Belousov V. E. New Data on Massive Paleometal Era Stone Sacral Objects of the Early Iron Age in East Baikal Asia and East Transbaikal Regions // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 104–116.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-104-116

Статья поступила в редакцию 03.03.2016

УДК: 902 (571.55)
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-117-123

Павел Валерьевич Мороз,
кандидат исторических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: frostius.81@mail.ru

Этапы изучения каменного века Забайкалья: прошлое и настоящее[1]

Предлагаемая статья посвящена истории изучения каменного века на территории Забайкальского края. Автор делает попытку осмыслить современное состояние и уровень археологических исследований в регионе и на основании этого выделить периоды исследования каменного века в Забайкалье, качественно отличающиеся друг от друга. На основе этого подхода автором выделяется пять этапов археологических исследований на территории Забайкальского края. Первый этап связан с деятельностью краеведов конца XIX – начала XX в. и исследователей начала прошлого века, продлился до 40-х гг. Второй этап связывается с началом работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова. К третьему этапу отнесено время образования самостоятельного археологического отряда под руководством И. И. Кириллова. Четвёртый этап характеризуется широкими работами в Западном Забайкалье и созданием первых периодизаций каменного века, а современный этап характеризуется высоким уровнем междисциплинарного взаимодействия. Эти периоды качественно отличаются друг от друга по уровню охвата территории, методике проведения археологических раскопок, уровню оценки и фиксации материала, а также степени применения новейших, в том числе междисциплинарных, исследований. Отдельное внимание уделено новому для Забайкалья подходу на стыке археологии и минералогии – петроархеологии, который активно развивается автором работы совместно с д-ром геол.-минерал. наук Г. А. Юргенсоном.

Ключевые слова: Забайкалье, археология верхнего и финального палеолита, петроархеология, сырьё, технология расщепления, исследователи, археологическая периодизация

Pavel V. Moroz,
Candidate of History, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: frostius.81@mail.ru

The Stages of Studying the Stone Age of the Trans-Baikal Region: the Past and the Present[2]

The article is devoted to the history of the studies of the Stone Age on the territory of the Trans-Baikal region. The author makes an attempt to comprehend the current state and level of archaeological studies of the region and the allocation of periods of the Stone Age research in the Trans-Baikal region, qualitatively differing from each other. On the basis of this approach, the five stages of archaeological study of irregular Trans-Baikal region are allocated. The first stage involves the activities of local historians of the late XIXth – early XXth century and researchers of the beginning of the last century which continued until the 1940s. The second stage is associated with the beginning of the Buryat-Mongolian archaeological expedition work under the leadership of A. P. Okladnikov. The third stage is characterized by the formation of time self-referred detachment under the guidance of I. I. Kirillov. The fourth stage is characterized by broad works in Western Transbaikalia and the creation of the first periodization of the Stone Age, and the current stage is characterized by a high level of interdisciplinary interaction. These periods are qualitatively different from each other by the level of coverage of the territory, the methodology of conducting archaeological excavations, the level of evaluation and fixation of the material, as well as the degree of application of the newest, including interdisciplinary research. Special attention is paid to the new approach for the Trans-Baikal region at the intersection of archeology and mineralogy – petroarheology, which the author of the work is actively developing in cooperation with G. A. Yurgenson, Doctor of Minerology and Geology.

Keywords: Trans-Baikal region, archeology of Upper and Final Paleolithic, Petroarcheology, raw material, flaking technology researchers, archaeological periodization

Постановка вопроса

В истории исследования каменного века Забайкалья в настоящее время рядом специалистов выделяется несколько хронологически неравных этапов, каждый из которых характеризует качественно новый шаг в изучении древнейшего прошлого региона [5; 7]. Подобная неравномерность обусловлена

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект 16-06-00003 «Источники минерального сырья в каменном веке Забайкалья: минералого-геохимические критерии и геолого-археологическое картирование».

[2] The work was supported by the grant from Russian Foundation for Basic Research, project 16-06-00003. "The raw materials sources in the Stone Age of Trans-Baikal region: mineralogical and geochemical criteria, geological and archaeological mapping".

© Мороз П. В., 2016

исторически и связана с плеядой учёных, посвятивших себя изучению древностей региона. Причём комплексный характер археологические исследования приобрели относительно недавно, во второй половине XX в., ранее же регион исследовался выборочно, а к работам, за редкими исключениями, были привлечены энтузиасты-краеведы, а не специалисты. В дореволюционный период, а также в 20–30-е гг. прошлого века помимо катастрофической нехватки специалистов-археологов существовали и методологические проблемы с археологической периодизацией и хронологией на территории Забайкалья. Так, термин «палеолит» практически не применялся к рассеянным находкам каменных орудий, произведённых энтузиастами-краеведами ввиду того, что, несмотря на явные свидетельства заселения Сибири палеолитическим человеком, подтверждённые находками Военного Госпиталя и Афонтовой Горы, всё ещё не утихали споры о их культурной и хронологической принадлежности.

Системная работа по изучению памятников каменного века Забайкалья, безусловно, связана с советским периодом истории, а обобщения по результатам полевых работ появились только в 80-х гг. XX в. в работах И. И. Кириллова, М. В. Константинова и, чуть позднее, Л. В. Лбовой и В. И. Ташака. При этом следует отметить, что во второй половине XX в. сложилось географическое членение Забайкалья на Западное, включающее в себя республику Бурятия и западные районы Читинской области, и Восточное – объединившее в себе все районы Читинской области восточнее Яблоневого хребта. Каменный век Западного Забайкалья изучался относительно системно на протяжении большей части XX в., в то время как в восточных районах традиционно исследовались культуры позднего бронзового, раннего железного века и средневековья, а Восточное Забайкалье традиционно «выпадало» из палеолитической тематики.

Это отразилось и на археологической периодизации региона. Так, после схемы, предложенной И. И. Кирилловым, Восточное Забайкалье практически не фигурировало в обзорах и схемах каменного века региона. Другой проблемой стало отсутствие новых парадигм и свежих взглядов на развитие индустрий каменного века региона в начале XXI в., но в настоящее время ситуация во многом изменилась. Обобщения, выполненные исследователями, традиционно охватывают период до «нулевых годов», поэтому в настоящее время существует объективная необходимость взглянуть на развитие археологии Забайкалье через призму достижений начала XXI в.

Этапы изучения каменного века Забайкалья

Работы по поиску памятников каменного века в Восточном Забайкалье фактически были начаты только с конца XIX в. и связаны с именем А. К. Кузнецова – политического ссыльного, краеведа и историка, а впоследствии создателя Забайкальского краевого краеведческого музея. Территория среднего течения р. Онон от границы с Монголией до работ А. К. Кузнецова не была охвачена экспедиционной деятельностью. В 1892 г. он предпринял «археологическую разведку» по этой реке от монгольской границы до станицы Чиндантской, результатом которой стало открытие 25 стоянок, отнесённых к каменному веку, но эти материалы не были отнесены к эпохе палеолита. Часть сборов поступила в Нерчинский музей, но многие коллекции (особенно это касается последующих сборов по р. Ингоде) были безвозвратно потеряны.

Тем не менее, подъёмные материалы, накопленные в фонде Читинского музея, были использованы Г. Ф. Дебецем, который охарактеризовал находки каменного века из Восточного Забайкалья как «даурскую» культуру, отнесённую им ко времени неолита [3]. Следует отметить, что исследователями начала XX в. материалы, полученные в ходе подъёмных сборов, не расчленялись, а представлялись во многом единым комплексом. Только Г. П. Сосновский, работая в Западном Забайкалье в 1927–1929 гг., первым сумел доказать наличие здесь палеолитической культуры, включив в неё материалы «селенгинской» культуры, выделенной Г. Ф. Дебецем [19]. Особое значение в истории изучения каменного века Забайкалья имеют исследования Н. И. Толстихина – описавшего и проанализировавшего террасы р. Шилки в 1935 г. В ходе этих работ «в верхней части разреза третьей надпойменной террасы (высотой 35–40 м), на глубине около 2 м от поверхности, выявлены находки палеолита» [10, с. 73]. Несмотря на то, что судьба полученной коллекции и место постановки разреза остались неизвестными, сам факт обнаружения стратифицированных материалов палеолита в Восточном Забайкалье чрезвычайно примечателен.

Другим интереснейшим открытием середины прошлого столетия является обнаружение в 1942 г. И. В. Арембовским стоянки

близ железнодорожной станции Ага. В восьми литологических слоях мощностью 6,4 м выделено 4 разновременных культурных горизонта. Четвёртый, связанный с нижним литологическим слоем, содержал «предметы быта, которые с полной уверенностью можно датировать солютрейской эпохой» [21, с. 38–40]. Применённый исследователем подход к рассмотрению археологического памятника как «стратиграфического индикатора» был во многом революционным и по своему содержанию приближался к геоархеологическим методикам, применяемым в современном палеолитоведении.

Таким образом, первый, во многом «стихийный» этап, начиная с конца XIX в. до конца 40-х гг. прошлого столетия, являлся для Забайкалья началом археологических изысканий по изучению каменного века. Этот период характеризуется открытием на территории Восточного Забайкалья изделий палеолита в виде подъёмного материала и, в единичных случаях, стратифицированных, которые, к сожалению, не были описаны в научных публикациях того времени. Слабая изученность палеолита Восточного Забайкалья особенно рельефно выступала на фоне результатов археологических изысканий, проводимых в это же время на Енисее и Ангаре.

Уровень исследований значительно изменился с 1947 г. с началом работы Бурят-Монгольской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова, что можно считать началом нового этапа исследований. До 1950 г. основные работы экспедиции проводились на территории Западного Забайкалья [5], но затем акценты были смещены на юго-восток региона, в долины рек Ингода, Шилка и Онон [16]. В это время были открыты стоянка Антипиха и мастерская на Титовской сопке. Период характеризуется тем, что на археологической карте Восточного Забайкалья появились первые стратифицированные памятники, предварительный характер изучения которых, однако, не давал возможности получить общую характеристику каменного века данной территории. Часть материалов, полученных в Восточном Забайкалье, была использована А. П. Окладниковым и З. А. Абрамовой в обобщающих статьях. В то же время была выявлена перспективность дальнейших поисков палеолитических памятников в долинах рек Ингода и Онон.

С 1957 г. в Восточном Забайкалье работает другая археологическая экспедиция, возглавляемая известным археологом С. В. Киселёвым, раскапывавшая памятники монгольского времени – Кондуйский дворец и Хирхиринское городище, в то время как её Ононский отряд, возглавляемый Ю. С. Гришиным, занимался поисками археологических объектов каменного века в долине реки Онон. В результате повторения маршрута разведки А. К. Кузнецова отрядом открыто порядка 70 различных археологических объектов, стоянок неолита и бронзового века, а также могильников, в основном плиточных. Большая часть стоянок, отнесённых к неолиту, была развеяна, материал собирался внутри чашевидных выдувов и по остаткам терас [2]. Материал представлял собой изделия из халцедона, кремня и яшмы, традиционных для забайкальского неолита.

С 1965 г., после перерыва возобновляются работы экспедиции Института истории, филологии и философии СО РАН. В ходе систематических исследований силами её отрядов были выявлены несколько сотен разновременных и разнохарактерных археологических памятников. Отдельным отрядом, возглавляемым И. И. Кирилловым, обследовалась долина реки Онон, начиная от границ Монголии до устья включительно [16]. В районе Алтан-Кыринской депрессии исследователями выявлен ряд могильников бронзового и железного века, а также несколько стоянок, датированных временем «каменного века». К сожалению, материалы этих памятников не опубликованы и в данный момент, невозможно дать этим объектам развёрнутую характеристику.

С конца 1960-х гг. отряд под руководством И. И. Кириллова вырос в самостоятельное подразделение, проводящее широкие изыскания в Восточном Забайкалье, знаменуя начало нового этапа исследований. С именем профессора И. И. Кириллова связано создание первой забайкальской археологической экспедиции, получившей название «Верхнеамурской». Её сотрудниками за пятьдесят лет изучены сотни объектов историко-культурного значения, в том числе и комплекс памятников каменного века на Титовской сопке, стоянки Утан, Танга, Арта и многие другие.

С 1975 г. в западных районах области начинает проводить самостоятельные исследования археологический отряд под руководством М. В. Константинова, специализирующийся именно на изучении объектов каменного века [5]. В ходе многолетних исследований были изучены такие знаковые для сибирской археологии памятники, как Толбага, Читкан, Куналей, Студёновская группа памятников, а также Усть-Мензинский археологический ком-

плекс, исследуемый по сей день под руководством М. В. и А. В. Константиновых.

Именно в последние три десятилетия прошлого века произошёл качественный скачок в осмыслении каменного века региона, что вылилось не только в активные полевые исследования, но и в создание региональных схем, обоснование хронологии и периодизации каменного века Забайкалья.

В основе представлений и взглядов исследователей каменного века Забайкалья лежала классическая трёхчастная схема, которая была адаптирована к археологическим реалиям Забайкалья. Подобный подход начал формироваться уже в конце 1960-х гг. и окончательно оформился в трёхуровневую схему верхнего палеолита Забайкалья, предложенную А. П. Окладниковым и И. И. Кирилловым. По технико-типологическому признаку материала было выделено три этапа [4].

Ранний этап верхнего палеолита – «санномысский» – характеризовался преобладанием крупнопластинчатых индустрий с элементами леваллуазской традиции.

Средняя пора верхнего палеолита (средний этап), согласно с мнением И. И. Кириллова, начинается с первой половины сартанского оледенения и характеризуется угасанием леваллуазской традиции, постепенным её замещением призматической техникой расщепления, сопровождающейся распространением призматических, торцовых и клиновидных форм нуклеусов. В плане типологического облика коллекций «тангинский» этап рассматривался как время замещения крупной заготовки более мелкими основами, что выразилось в «измельчании» орудийных форм в коллекциях памятников.

Последний, «ошурковский» этап выделен как время широкого распространения микротехники, но при этом отмечалось сохранение традиционных «архаичных» массивных форм, объяснённых эпилеваллуазской традицией. Данная периодизация, основанная на стадиальном подходе, была в дальнейшем видоизменена И. И. Кирилловым на основании новых материалов, полученных в результате раскопок на Титовской сопке. Это, по замечанию М. Н. Мещерина, привело к тому, что «доминантными критериями обособления отделов верхнего палеолита становятся геохронологические, а не формально-типологические показатели, как было прежде» [9, с. 6].

Активные работы 1980 и 1990-х гг. прошлого столетия, проводимые М. В. Константиновым совместно с А. В. Константиновым, Л. В. Сёминой, С. Г. Васильевым, В. К. Колосовым и М. Н. Мещериным, И. И. Разгильдеевой в пределах Читинской области, а также Л. В. Лбовой и В. И. Ташаком в республике Бурятия, дали возможность по-новому взглянуть на каменный век Забайкалья. Это выразилось в появлении новых взглядов на вопрос хронологии и периодизации, а также на выборе критериев выделения и обоснования этапов. Так, М. В. Константиновым предложена авторская систематизация каменного века Забайкалья, детально охватывающая верхний палеолит региона [5]. На основании анализа геологии, биостратиграфии, данных абсолютного датирования, технико-типологических признаков и культурной принадлежности «культурно-хозяйственного комплекса» конкретных памятников предложено «ранжирование» памятников верхнего палеолита Забайкалья в пределах схемы, включающей так же три этапа.

Финал XX в. в забайкальской археологии каменного века ознаменован реализацией ряда важнейших проектов по изучению палеолита Западного Забайкалья, возглавляемых Л. В. Лбовой и В. И. Ташаком. Это выразилось в появлении новых данных о развитии верхнего палеолита в Забайкалье. Исследователями была воспринятая идущая от М. В. Константинова традиция деления индустрий на «отщеповые» и «пластинчатые», но технико-типологический облик коллекций стратифицированных памятников с применением максимально широкого спектра современных естественнонаучных методов позволил выделить шесть индустриальных комплексов, в основном хронологически совпадающих с ранней порой верхнего палеолита [7].

Новейший этап исследований каменного века в регионе связан с именами как нового поколения исследователей, так и признанных ранее учёных и, по нашему мнению, хронологически практически совпадает с началом XXI в. В этот период начинают активно применяться новые передовые археологические методы, ранее известные в археологии каменного века, но практически не применявшиеся в Забайкалье.

Значительные результаты по изучению средней поры верхнего палеолита получены М. Н. Мещериным, открывшим и исследовавшим памятники Мастеров Ключ и Мельничная-2 с применением современных методических подходов к фиксации материала [8]. О. В. Кузнецовым, впервые для региона, применён метод функционального анализа к индустриям поздней поры верхнего и фи-

нального палеолита [6]. Детальный планиграфический анализ горизонтов с палеолитическими жилищами для памятников Студёновского археологического комплекса выполнен И. И. Разгильдеевой [17]. Зооархеологическая тематика, разрабатываемая С. Г. Васильевым на материалах поселения Толбага, получила освящение в отдельном диссертационном исследовании [1].

Современные подходы к изучению каменного века Забайкалья

В настоящее время наиболее интенсивное развитие археологии идёт на стыке с естественными науками. И если в XX в. новым направлением явилась геоархеология, разработанная совместно с геологами-четвертичниками, то в настоящее время всё больше исследований посвящено связи минерального сырья, из которого изготовлено каменное орудие, с технологией его производства и утилизации. Данное направление получило название петроархеология [19; 20]. Петроархеологическая тематика разрабатывается автором совместно с д-ром геол.-минерал.наук Г. А. Юргенсоном с 2006 г. и основывается на следующих положениях, адаптированных к забайкальским реалиям.

Картина развития человеческого общества на территории региона на протяжении более тридцати тысяч лет в настоящее время представлена десятками памятников и несколькими сотнями культурных горизонтов. И в каждом из них основной массой находок являются орудия и сколы, выполненные из различных горных пород и минералов. Традиционно исследователями при рассмотрении этих индустрий принимались во внимание следующие показатели: типология орудий, их морфологический облик и технология расщепления, применявшаяся при их производстве. Именно эти «старейшие» характеристики являлись и являются основополагающими для оценки каменной индустрии для всех этапов развития археологии в Забайкалье. Значительно реже обращалось внимание на размер орудий и сколов, но существовало общепринятое мнение о том, что средние размеры орудий сокращались от ранней поры верхнего палеолита до эпохи неолита. Природа этого сокращения объяснялась исследователями культурными факторами и развитием вкладышевой техники, которая обеспечивала микролитизацию каменного инвентаря.

Тем не менее, учитывая, что размер орудий и заготовок являлся вторичным признаком, ему долгое время не придавалось самостоятельного значения. Таким же «второстепенным» моментом был и сырьевой состав коллекций. Как правило, исследователи каменного века не шли дальше визуального определения основных, наиболее часто встречающихся в составе индустрии горных пород и минералов и никогда не выходили на причинно-следственную связь: сырьё – технология расщепления – орудие. Минералого-петрографическое исследование, проводимое совместно археологом и петрографом, позволяет выйти на эту параллель. Оно включает выявление петрофизических свойств горных пород и минералов, использованных в качестве сырья для производства орудий, и сырьевой базы региона на предмет наличия/отсутствия конкретных видов сырья, как в местах дислокации анализируемых археологических памятников, так и в иных районах Забайкалья, рассматриваемых как возможные источники сырья. Это позволяет подойти к решению проблемы взаимосвязи между видами сырья, его петрофизическими свойствами и типом орудия, а также и технологией его изготовления. Определение количественных соотношений минералов и горных пород, применявшихся в верхнем и финальном палеолите, позволило впервые в регионе получить и систематизировать информацию о применявшемся древними обитателями сырье и сопоставить эти данные с территориями его распространения [12; 14]. Это в свою очередь даёт возможность наметить возможные пути транспортировки минерального сырья от его местонахождений до мест обитания древнего человека.

Обсуждение

Практическая значимость применения петроархеологических методов на забайкальских материалах стала очевидна с 2009 г., когда на основе оценки местоположения источников минерального сырья в восточных районах Забайкалья автором были открыты памятники Шивычи-1 и Дальние Шивычи [11].

С целью проверки этой гипотезы о возможном нахождении мастерской на выходах сырья в 2009 г. совершён полевой выезд в район села Сахюрта, к месту нахождения палеовулкана. Всего было исследовано две площади их выхода на дневную поверхность. На склонах каждой были найдены каменные артефакты различного возраста, выполненные из кремней, халцедонов, яшм и, в единичных случаях, эффузивов. Одним из самых важных итогов стало открытие мастерской, ранее не описанной в археологической литературе. Основным материалом для расщепления здесь

служила яшма, которая в больших количествах залегает непосредственно на поверхности этого палеообъекта. Кроме того, при осмотре террасовидного уступа у подножия палеовулкана удалось собрать представительный подъёмный материал, включающий в себя нуклеусы, орудия, выполненные на отщепах и пластинках, а также значительное количество отщепов и сколов без вторичной обработки.

В 2013 г. поставлен разведочный шурф, а в летний сезон 2015 г. заложен пикет 4 × 4 м, позволивший выявить новый объект палеолита. Выявлено 4 уровня залегания археологического материала, содержащего материальную культуру каменного века, причём нижние культурные горизонты однозначно относятся к эпохе палеолита [15]. Данный вывод можно сделать на основании анализа технико-типологических признаков артефактов и стратиграфической позиции в разрезе. Особо следует отметить наличие на памятнике каргинской палеопочвы, залегающей на уровне 100–120 см от дневной поверхности. Археологический материал размещён над ней (первый и второй литологический слой), в ней и под ней. Это первый для Забайкалья памятник, индустрия которого полностью основана на высококачественном кремне и яшме и имеет возраст старше 18 тыс. л. н., что, безусловно, придаёт стоянке Сахюрта уникальность.

Таким образом, благодаря ориентации на методы петроархеологии и конкретные сырьевые источники (палеовулканы с выходами камнесамоцветного сырья), удалось найти информативные объекты каменного века, ограничившись исключительно зачисткой старых горных выработок. Следует считать перспективным исследование взаимосвязи объектов каменного века с палеовулканами региона [14]. Это позволит выйти на новый уровень понимания значения сырьевого фактора в жизни древних коллективов на территории Забайкалья.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день нами выделяется пять генетически связанных между собой этапов изучения каменного века Забайкалья, начиная от первых сборов подъёмного материала в конце XIX в. до мультидисциплинарных исследований получивших своё развитие в конце XX – начале XXI в.

Все эти этапы характеризуются как качественными, так и количественными изменениями, что отразилось в объёме и сложности применяемых исследовательских методик, а также в масштабе и количестве полевых работ в регионе. Опора на новые методические критерии позволила по-новому взглянуть на вопросы поиска памятников палеолита и связать их месторасположение не только с надпойменными террасами и делювиально-пролювиальными шлейфами, но и с месторождениями минерального сырья высокого качества и палеовулканами.

Список литературы

1. Васильев С. Г. Археологическое изучение остеологических материалов на примере палеолитического поселения Толбага: автореф. дис. … канд. ист. наук. Чита, 2004. 28 с.
2. Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового века и раннего железа лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 202 с.
3. Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. Ассоц. науч.-иссл. ин-тов при физ.-мат. фак. МГУ. 1930. Т. 1. № 2*а*.
4. Кириллов И. И. Каменный век Восточного Забайкалья: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1969. 23 с.
5. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ-Чита: Изд-во БНЦ СО РАН, 1994. 180 с.
6. Кузнецов О. В. Позднепалеолитические индустрии Западного Забайкалья (технологический, типологический и функциональный анализ): автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 1996. 22 с.
7. Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П., Коломиец В. Л., Дергачёва М. И., Феденева И. К., Вашукевич Н. В., Волков П. В., Савинов В. В, Базаров Б. А., Намсараев Д. В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 208 с.
8. Мещерин М. Н. Из истории исследования стратифицированного палеолита Забайкалья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. Вып. 3. С. 72–78.
9. Мещерин М. Н. Средняя пора верхнего палеолита в Забайкальской региональной схеме периодизации (состояние изучения) // Российская археология. 2010. № 3. С. 5–13.
10. Мещерин М. Н., Мороз П. В. Средняя пора верхнего палеолита на Хилке и Чикое // Забайкалье в геополитике России. Чита; Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2003. С. 14–16.
11. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья. Чита: Экспресс-изд-во, 2014. 181 с.
12. Мороз П. В. Минеральное сырьё и древний человек на территории Забайкалья // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2016. С. 43–45.
13. Мороз П. В. Работы в Кыринском районе Забайкальского края // Археологические открытия 2009 года. Москва: Изд-во ИА РАН, 2013. С. 316–317.
14. Мороз П. В., Лапердина Е. Ю., Сахновская Я. А., Яковлева А. Е., Туманова А. А. Палеолитическая стоянка Сахюрта (предварительные данные) // Сибирская археология и этнография: вклад молодых исследователей. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2016. С. 52–54.

15. Мороз П. В., Юргенсон Г. А. Применение минерального сырья в палеолите Забайкалья: культурная преемственность или технологическая необходимость? // Stratum Plus. 2016. 1. С. 65–76.
16. Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
17. Разгильдеева И. И. Планиграфия палеолитических жилищ Студёновского археологического комплекса (Западное Забайкалье): автореф. дис. …канд. ист. наук. Владивосток, 2003. 28 с.
18. Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды 11 Междунар. конф. ассоц. по изучению четвертичн. периода Европы. 1934. Вып 5. С. 246–304.
19. Miller R. 2001. Lithic resource management daring the Belgian Early Upper Paleolithic: effects of variable raw material context on lithic economy. ERAUL (91), 220.
20. Moroz P., Yurgenson G. 2014. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investigations in Trans-Baikal region (Russia). ERAUL (140), 94–107.

Источник

21. Аренбовский И. В. Стратиграфия четвертичных отложений Восточной Сибири. Отчёт Восточно-Сибирского геологического управления. // Архив ГГУП «Читагеолсъёмка». Иркутск, 1948. 67 с.

References

1. Vasil'ev S. G. Arheologicheskoe izuchenie osteologicheskih materialov na primere paleoliticheskogo poselenija Tolbaga: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Chita, 2004. 28 c.
2. Grishin Ju. S. Pamjatniki neolita, bronzovogo veka i rannego zheleza lesostepnogo Zabajkal'ja. M.: Nauka, 1981. 202 s.
3. Debec G. F. Opyt vydelenija kul'turnyh kompleksov v neolite Pribajkal'ja // Izv. Assoc. nauch.-issl. in-tov pri fiz.-mat. fak. MGU. 1930. T. 1. № 2a.
4. Kirillov I. I. Kamennyj vek Vostochnogo Zabajkal'ja: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Novosibirsk, 1969. 23 s.
5. Konstantinov M. V. Kamennyj vek vostochnogo regiona Bajkal'skoj Azii. Ulan-Udje-Chita: Izd-vo BNC SO RAN, 1994. 180 s.
6. Kuznecov O. V. Pozdnepaleoliticheskie industrii Zapadnogo Zabajkal'ja (tehnologicheskij, tipologicheskij i funkcional'nyj analiz): avtoref. dis. … kand. ist. nauk. SPb., 1996. 22 s.
7. Lbova L. V., Rezanov I. N., Kalmykov N. P., Kolomiec V. L., Dergachjova M. I., Fedeneva I. K., Vashukevich N. V., Volkov P. V., Savinov V. V, Bazarov B. A., Namsaraev D. V. Prirodnaja sreda i chelovek v neoplejstocene (Zapadnoe Zabajkal'e i Jugo-Vostochnoe Pribajkal'e). Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2003. 208 s.
8. Meshherin M. N. Iz istorii issledovanija stratificirovannogo paleolita Zabajkal'ja // Drevnie kul'tury Mongolii i Bajkal'skoj Sibiri. Ulan-Bator: Izd-vo Mong. gos. un-ta, 2012. Vyp. 3. S. 72–78.
9. Meshherin M. N. Srednjaja pora verhnego paleolita v Zabajkal'skoj regional'noj sheme periodizacii (sostojanie izuchenija) // Rossijskaja arheologija. 2010. № 3. S. 5–13.
10. Meshherin M. N., Moroz P. V. Srednjaja pora verhnego paleolita na Hilke i Chikoe // Zabajkal'e v geopolitike Rossii. Chita; Ulan-Udje: Izd-vo Burjat. nauch. centra SO RAN, 2003. S. 14–16.
11. Moroz P. V. Kamennye industrii rubezha plejstocena i golocena Zapadnogo Zabajkal'ja. Chita: Jekspress-izd-vo, 2014. 181 s.
12. Moroz P. V. Mineral'noe syr'jo i drevnij chelovek na territorii Zabajkal'ja // Sibirskaja arheologija i jetnografija: vklad molodyh issledovatelej. Chita: Izd-vo ZabGU, 2016. S. 43–45.
13. Moroz P. V. Raboty v Kyrinskom rajone Zabajkal'skogo kraja // Arheologicheskie otkrytija 2009 goda. Moskva: Izd-vo IA RAN, 2013. S. 316–317.
14. Moroz P. V., Laperdina E. Ju., Sahnovskaja Ja. A., Jakovleva A. E., Tumanova A. A. Paleoliticheskaja stojanka Sahjurta (predvaritel'nye dannye) // Sibirskaja arheologija i jetnografija: vklad molodyh issledovatelej. Chita: Izd-vo ZabGU, 2016. S. 52–54.
15. Moroz P. V., Jurgenson G. A. Primenenie mineral'nogo syr'ja v paleolite Zabajkal'ja: kul'turnaja preemstvennost' ili tehnologicheskaja neobhodimost'? // Stratum Plus. 2016. 1. S. 65–76.
16. Okladnikov A. P., Kirillov I. I. Jugo-Vostochnoe Zabajkal'e v jepohu kamnja i rannej bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1980. 176 s.
17. Razgil'deeva I. I. Planigrafija paleoliticheskih zhilishh Studjonovskogo arheologicheskogo kompleksa (Zapadnoe Zabajkal'e): avtoref. dis. …kand. ist. nauk. Vladivostok, 2003. 28 s.
18. Sosnovskij G. P. Paleoliticheskie stojanki Severnoj Azii // Trudy 11 Mezhdunar. konf. assoc. po izucheniju chetvertichn. perioda Evropy. 1934. Vyp 5. S. 246–304.
19. Miller R. 2001. Lithic resource management daring the Belgian Early Upper Paleolithic: effects of var-iable raw material context on lithic economy. ERAUL (91), 220.
20. Moroz P., Yurgenson G. 2014. The importance of raw material factor for Final Paleolithic investiga-tions in Trans-Baikal region (Russia). ERAUL (140), 94–107.

Istochnik

21. Arembovskij I. V. Stratigrafija chetvertichnyh otlozhenij Vostochnoj Sibiri. Otchjot Vostochno-Sibirskogo geologicheskogo upravlenija. // Arhiv GGUP «Chitageols#jomka». Irkutsk, 1948. 67 s.

Библиографическое описание статьи

Мороз П. В. Этапы изучения каменного века Забайкалья: прошлое и настоящее // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 117–123.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-117-123

Reference to the article

Moroz P. V. The Stages of Studying the Stone Age of the Trans-Baikal Region: the Past and the Present // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. C. 117–123.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-117-123

Статья поступила в редакцию 15.05.2016

СМИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ
MASS MEDIA: THE PAST, THE PRESENT AND THE FUTURE

УДК 070
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-124-127

Сергей Николаевич Ильченко,
доктор филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199004, Россия, г. Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, 26),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru

Экранная хроника как элемент фейковой журналистики

В статье рассматривается проблема использования кино- и видеохроники в современной журналистской практике. Анализируются в основном материалы, посвящённые различным историческим периодам и событиям, которые связаны с историей России. Указываются явные несоответствия между визуальным рядом и его текстовым сопровождением.

Автор приходит к выводу о том, что в большинстве случае подобные кадры являются экранными фейками. Они – суть отражения такого явления современной информационной культуры, как шоу-цивилизация, когда доминирующим для массового зрителя является визуальный канал распространения любых сведений. Тем более сведений, которые связаны с конкретными историческими эпохами. Развитие технических средств массовой коммуникации в XX в. привело в результате к явному приоритету видеоинформации над всеми остальными.

Причина этого, по мнению автора, заключается в априорном доверии аудитории к кинодокументам. Тогда как в реальности привлекаемая кино- и видеохроника не соответствует ни хронологически, ни содержательно тем событиям прошлого, которые она призвана иллюстрировать. В статье объясняются причины подобного неадекватного использования фрагментов и кадров исторической кинохроники.

***Ключевые слова*:** кинохроника, видеохроника, экранные фейки, историческая журналистика, достоверность, СМИ, шоу-цивилизация

Sergey N. Il'chenko,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Saint Petersburg State University
(26 1st line V. O., st. Petersburg, 199004, Russia),
e-mail: tv_and_radio@mail.ru

Screen Chronicle as an Element of Fake Journalism

The article considers the problem of using film and video footage in modern journalistic practice. It analyzes mainly the materials devoted to various historical periods and events connected with the history of Russia. It identifies obvious discrepancies between visual and accompanying text.

The author comes to the conclusion that in most cases these frames are on-screen fakes. They reflect the essence of the phenomenon of modern information culture as show civilization when dominant for a mass audience is the visual channel of the release of any information. More information is associated with specific historical eras. The development of technical means of mass communication in the twentieth century has resulted in a clear priority of video over all others.

The reason for this, according to the author, lies in a priori trust of the audience to the film documents. Whereas in reality attracted film and video footage does not correspond to any chronological or meaningful events of the past that it was designed to illustrate. The article explains the reasons for this inadequate use of fragments and historical frames of newsreels.

Keywords: newsreels, video, screen fakes, historical journalism, credibility, mass media, show civilization

© Ильченко С. Н., 2016

Современный мир с точки зрения функционирования информационных потоков давно находится под влиянием того, что мы определяем, как «шоу-цивилизация», то есть вполне определённой системы воздействия на аудиторию, в которой доминирующей оказывается визуальная составляющая. При этом качество её достоверности ввиду многих воздействующих на процесс коммуникации факторов, чем шире распространяется шоу-цивилизация, всё чаще подвергается сомнению как со стороны экспертного сообщества, так и со стороны аудитории. Среди непосредственно тех факторов, которые имеют отношение к историческим видеоиллюстрациям, выделим как минимум два. Первый – и самый очевидный – хронологическая отдалённость большинства событий, описываемых или исследуемых в произведениях исторической журналистики, от момента создания этого самого произведения. Понятно, что в данном случае мы имеем в виду единицы телевизионного контента – от репортажей до документальных телесериалов. В меньшей мере анализируемая нами проблематика соотношения визуального и текстово-смыслового начал относится к печатным СМИ и интернет-среде, в которых используются так называемые креолизованные тексты.

Вторым фактором, каковым оказывает существенное влияние на процесс использования визуальных документальных материалов в структуре журналистских материалов на тему истории, является вполне прозаическое обстоятельство: минимальное дошедшее до нашего времени количество кинохроники – зафиксированные в кадрах те или иные исторические события, периоды, эпохи, исторические персонажи.

Совершенно очевидно, что при рассказе о большинстве событий XIX в. мы можем рассчитывать преимущественно на фотографии, так как кино было введено в оборот только в самом конце 1895 г. Да и период, связанный с возможностями фотографии фиксировать мгновения истории, также ограничен, так как технологический процесс фотографической фиксации реальности был открыт и опробован только в 1839 г. Отталкиваясь от этой рэперной точки прошлого, исследователи могут надеяться исключительно на живописное отражение исторических событий (например, восстания декабристов на Сенатской площади в Петербурге 14 декабря 1825 г.). А журналисты, в свою очередь, пытались и пытаются реконструировать разными приёмами то, что происходило тогда, как очевидцы могли в основном только описывать увиденное собственными глазами. Примеры подобных экранных реконструкций телезрители и могли наблюдать в 2012 г., когда самое могущественное медиа современности отмечало в российском эфире 200-летие Отечественной войны 1812 г.

Развитие технических средств сбора, фиксации и распространения информации всех видов и типов, так же как и появление новых технологий, привело к появлению парадокса, о котором в своё время высказался Ролан Барт. По его мнению, «здесь, несомненно, проявляется важнейший исторический парадокс: развитие техники, приводящее ко всё более широкому распространению информации (в частности изобразительной), создаёт всё новые и новые средства, которые позволяют смыслам, созданным человеком, принимать личину смыслов, созданных самой природой» [1, с. 49]. Проще говоря, чем совершеннее и изощрённее стали технические изобретения в информационной сфере, тем всё больше открывалось и открывается вариантов для интерпретации информации об окружающей действительности. По сути дела, в некоторых случаях кадры исторической кинохроники, большинство из которых воспринимаются зрителями как аутентичные и соответствующие реальности, на самом деле (характерный речевой оборот! – С. И.) являются некой модификацией исторических визуальных фейков.

Хрестоматийный пример – документальные кадры штурма отрядами Красной Армии восставшего Кронштадта в марте 1921 г. На них мы видим цепи красноармейцев, двигающихся по весеннему льду Финского залива. Как известно, эти кадры являются целиком постановочными, то есть специально снятыми. Принцип «жизни врасплох» в трагичнейшей ситуации подавления кронштадтского мятежа вряд ли мог быть использован, ибо никто не был уверен в том, что большевики возьмут верх. Поэтому кадры и снимали уже ПОСЛЕ того, когда стало ясно, что мятеж был подавлен. Как писал поэт, «мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе».

Вопрос адекватности реальности и достоверности сведений, фактов, видеоиллюстраций в современных журналистских материалах на историческую тему сегодня является актуальным и важным в контексте тех интерпретационных процессов прошлого, которые всё чаще появляются в медийной и общественной повестке дня. Своеобразной

отправной точкой здесь стала юбилейная дата – 100-летие начала Первой мировой войны. Она породила каскад документальных телесериалов «на заданную тему».

Их отличительной чертой явилось активное использование кинохроники. Анализ использованных видеоматериалов позволил сделать вывод о несоответствии демонстрируемого визуального ряда закадровому тексту, в котором излагается событийная канва военных действий. А также об использовании анахронического подхода к отбору иллюстрирующих фрагментов – авторы документальных телесериалов использовали в монтаже хроники фрагменты, относящиеся совершенно к другим историческим периодам XX в. В эфире Первого канала можно было увидеть совершенно вопиющую спекуляцию доверием зрителей к кинохроникальному материалу. Так, в одной из серий документального цикла, посвящённого событиям Первой мировой войны, когда шёл рассказ о Февральской революции 1917 г., развернувшейся в Петрограде, возник текст об её причинах. Совершенно справедливо за кадром диктор повествовал о жутких перебоях со снабжением хлебом столицы империи. А в это время к тексту подмонтировали известные документальные кадры очередей в хлебных магазинах… блокадного Ленинграда и не менее известные кадры учёного в пальто, который, сидя в холодном зале Публичной библиотеки, читая редкую книгу, отламывает крошки хлеба от своей суточной пайки в 125 граммов.

Там же, где была необходима кинохроникальная иллюстрация рассказа о ключевых сражениях на фронтах Первой мировой, а первичного киноматериала явно не хватало, авторы документальных киноциклов поступали изобретательно и прагматично, но антиисторично. Приём заключался в следующем: однажды использованные при рассказе об одном сражении кадры кинохроники той эпохи применяли в качестве иллюстрации… к рассказу о совершенно другом сражении, произошедшем на другом участке Восточного фронта и в другое время. А чтобы зрители не смогли опознать кадры, «бывшие в употреблении», их просто «переворачивали» наоборот. В результате в первом случае атака одной и той же конницы на экране происходила справа налево, во втором – слева направо.

Фактически можно утверждать, что мы имеем дело с процессом фейкизации документального телевизионного кинематографа, когда «на словах» излагаются факты, имена, событийная последовательность хода войны, а в кадре телезрителям предъявляется совсем иная «картинка».

Строго говоря, для массовой аудитории, наверное, подобная дотошность критического отношения исследователей к проблеме адекватности и достоверности может показаться чрезмерной. Однако для журналистской профессии подобные «допущения» вольного обращения с исходным видеоиллюстративным материалом так или иначе приводят к снижению критериев фактологической правды, что неминуемо продуцирует снижение требовательности при подготовке не только материалов на историческую тематику, но и тех материалов, которые связаны с современностью. Процесс фейкизации новостной журналистики стал реальностью медийного пространства.

Проблемное поле журналистики на ниве истории в ближайшей перспективе будет несомненно расширяться, если учесть наступающий 100-летний юбилей двух российских революций 1917 г. Первой, «фейковой ласточкой» здесь стал документальный телефильм «Кронщтадт. 1921», в котором представлена спорная и недостоверная версия трагический событий, приведших к смене политического курса в советской России – от «военного коммунизма» к НЭПу. Однако вместо объективного изложения фактуры этой исторической драмы аудитория получила зрелище, основанное практически на одном источнике – мемуарах одного из участников тех трагических событий. А пренебрежение исторической правдой привело к тому, что визуальный строй фильма периодически вступает в острейшее противоречие с тем содержанием, которое зрителям приходится видеть. Так, постоянно за кадром диктор вспоминает Михаила Тухачевского, который командовал отрядами, брошенными на подавление мятежа. А на экране то и дело при этом мелькают известные хроникальные кадры, на которых председатель Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкий принимает парад войск Всеобуча.

Можно с сожалением прогнозировать, что скоро зрителям ещё предстоит увидеть аналогичные эфирные продукты подобной «фейковой» журналистики на тему истории. Во всяком случае ясно, что хрестоматийные кадры штурма Зимнего дворца 25 октября 1917 г. из фильма Сергея Эйзенштейна «Октябрь» будут не раз и не два использоваться в качестве наглядной и «достоверной» иллюстрации того, какие события происходили «на самом деле». Подобный прогноз основывается на визуальном зрительском опыте автора

данной статьи, когда на протяжении многих лет, а то и десятилетий они воспринимались исключительно как хроникально-документальные в журналистских материалах, посвящённых очередной юбилейной дате Великой Октябрьской социалистической революции. Сформировавшийся благодаря самому массовому из искусств образ важнейшего исторического события, по сути дела, стал фейком.

Проблема неадекватного использования достоверной исторической кинохроники сегодня находится в острейшей фазе нарастания спекулятивного её использования, что не может не привести к смысловым историческим диссонансам. Дальнейшее её исследование поможет выработать методы и приёмы выявления столь «удобных» в практике журналистов исторических фейков.

Список литературы

1. Барт Р. Третий смысл. М.: Ад Маргинем, 2015. 104 с.
2. Богомолов Ю. А. Затянувшееся прощание: Российское кино и телевидение в меняющемся мире. М.: МИК, 2006. 320 с.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016. 224 с.
4. Вулф Вирджиния. Кинематограф. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 80 с.
5. Ильченко С. Н. Шоу-цивилизация: конец реальности? СПб.: ИВЭСЭП, 2014. 198 с.
6. Ильченко С. Н. Первая мировая война на российском телеэкране: иллюзия достоверности? // Век информации. Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны: материалы 53-й Междунар. науч. конф. «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения». С.-Петерб. гос. ун-т, 23–25 апр. 2014 г. / редкол.: Л. П. Громова (отв. ред.), Г. В. Жирков, О. С. Кругликова. СПб.: Высш. шк. журн. и мас. коммуникаций, 2015. 274 с.
7. Леклезио Ж. М. Г. Смотреть кино / предисл. Ж. Жакоба; пер. с фр., послесл. Д. Савосина. М.: Текст, 2012. 173 с.
8. Павлов А. Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. М.: Изд. Дом Высш. шк. экон., 2014. 360 с.
9. Сонтаг Сьюзен. Против интерпретации и другие эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 352 с.
10. Тюрин Ю. П. История и киномистификации: кино, правда, истории, духовные традиции. М.: НИИ киноискусства, 2008. 296 с.

References

1. Bart R. Tretij smysl. M.: Ad Marginem, 2015. 104 s.
2. Bogomolov Ju. A. Zatjanuvsheesja proshhanie: Rossijskoe kino i televidenie v menjajushhemsja mire. M.: MIK, 2006. 320 c.
3. Bodrijjar Zh. Duh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo / per. s fr. A. Kachalova. M.: RIPOL klassik, 2016. 224 s.
4. Vulf Virdzhinija. Kinematograf. M.: Ad Marginem Press, 2014. 80 s.
5. Il'chenko S. N. Shou-civilizacija: konec real'nosti? SPb.: IVJeSJeP, 2014. 198 s.
6. Il'chenko S. N. Pervaja mirovaja vojna na rossijskom telejekrane: illjuzija dostovernosti? // Vek informacii. Zhurnalistika i vojny: k 100-letiju Pervoj mirovoj vojny: materialy 53-j Mezhdunar. nauch. konf. «Sredstva massovoj informacii v sovremennom mire. Peterburgskie chtenija». S.-Peterb. gos. un-t, 23–25 apr. 2014 g. / redkol.: L. P. Gromova (otv. red.), G. V. Zhirkov, O. S. Kruglikova. SPb.: Vyssh. shk. zhurn. i mas. kommunikacij, 2015. 274 s.
7. Leklezio Zh. M. G. Smotret' kino / predisl. Zh. Zhakoba; per. s fr., poslesl. D. Savosina. M.: Tekst, 2012. 173 s.
8. Pavlov A. Postydnoe udovol'stvie: filosofskie i social'no-politicheskie interpretacii massovogo kinematografa. M.: Izd. Dom Vyssh. shk. jekon., 2014. 360 s.
9. Sontag S'juzen. Protiv interpretacii i drugie jesse. M.: Ad Marginem Press, 2014. 352 s.
10. Tjurin Ju. P. Istorija i kinomistifikacii: kino, pravda, istorii, duhovnye tradicii. M.: NII kinoiskusstva, 2008. 296 s.

Библиографическое описание статьи

Ильченко С. Н. Экранная хроника как элемент фейковой журналистики // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 124–127.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-124-127

Reference to the article

Il'chenko S. N. Screen Chronicle as an Element of Fake Journalism // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 124–127.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-1204-127

Статья поступила в редакцию 25.04.2016

УДК **796.011.1**

Егор Михайлович Исаев[1]***,***
преподаватель, методист,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа Экономики»
(101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20),
e-mail: emisaev@hse.ru
Ирина Владимировна Пожидаева,
магистрант,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
(101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20),
e-mail: irina.pozhidaeva@gmail.com

Популярная история в современной России: мифы, образы и представления о прошлом в спортивном историческом фильме

В обществе ведётся поиск альтернативных путей построения идентичности помимо консолидации памяти вокруг военных достижений. Предположив теоретически, что спорт и история – перспективное символическое объединение, в своём исследовании мы обратились к проблеме репрезентации истории в спортивных художественных фильмах. Важно отметить, что спортивный исторический фильм в России гипотетически является одной из немногих альтернатив «военному прошлому», самому тиражируемому образу истории страны в сегменте популярного кинематографа. Таким образом, исследование ставит перед собой задачу выявить связь между такими сферами, как кино, спорт, и история; проанализировать и описать образ(ы) прошлого, нарративную и семиотическую структуру современного исторического фильма. В результате исследования мы пришли к выводу, что популярный исторический фильм даёт возможность говорить о некотором общественном консенсусе относительно образа прошлого, показанного в этих лентах, несмотря на то, что происходит предельное упрощение и искажение исторической составляющей. Резонным остаётся вопрос о связи милитаризма и спортивного фильма. Исходя из вышеприведенного анализа, мы вынуждены констатировать, что спортивное соревнование – есть не что иное, как метафора войны.

***Ключевые слова*:** популярная история, спорт, исторический фильм, культурная идентичность, историческая политика, коллективная память

Egor M. Isaev[2]***,***
Lecturer, Methodologist,
National Research University “Higher School of Economics”
(20 Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia),
e-mail: emisaev@hse.ru

Irina V. Pozhidaeva,
Graduate Student,
National Research University “Higher School of Economics”
(20 Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russia),
e-mail: irina.pozhidaeva@gmail.com

Popular History in Modern Russia: Myths, Images and Ideas of the Past in Sport Historical Film

Our society is looking for alternative ways of identity construction besides of the consolidation of memory around military achievements. We assumed that sport and history is perspective symbolic union; and we addressed the following issue to representation of history in sport feature films. The research states that the sport film might be an alternative way of screening the past alongside with political history and wars, “the military past” (the most replicated image of the country in popular cinema segment). Thus, the study aims to identify the links between such areas as films, sports, and history, to analyze and describe the image of the past, narrative and semiotic structure of contemporary historical film.

Keywords: popular history, sport, historical film, cultural identity, politics of memory, collective memory

[1] Е. М. Исаев – основной автор, является идейным вдохновителем, формулирует выводы и обобщает итоги исследования соавтора.

[2] Y. M. Isaev is the main author, the inspirer drawing conclusions and summarizing the results of the co-author's research.

© Исаев Е. М., Пожидаева И. В., 2016

Существует парадокс – официальные спортивные комитеты описывают недопустимость эксплуатации спорта политикой, наряду с расовой дискриминацией и религией. Однако ввиду огромной популярности спортивных соревнований современный глобализированный мир часто рассматривает спорт как основной инструмент межкультурной коммуникации и конструирования национальных и локальных идентичностей. Гарри Уаннел указывает на то, что «спорт, возможно, оказывает наибольшее социальное и политическое влияние на процессы, с помощью которых выстраиваются индивидуальные и национальные идентичности. Большинство ведущих спортивных событий, так или иначе, воспринимаются как межнациональные состязания. Репрезентации спорта воспроизводят национальные стереотипы о других, в то же время предлагая праздничные, патриотические и часто ксенофобские идеи о том, кто же такие «мы»» [14, с. 170]. Данная характеристика позволяет говорить о схожести социальной значимости и целей коллективной памяти, истории и спорта. Для того чтобы охарактеризовать эту взаимосвязь и решить поставленные перед исследованием задачи, мы рассмотрим процессы взаимодействия и репрезентация спорта в медиа, подробно проанализируем популярные российские спортивные киноленты, которые, в дополнение к вышесказанному, также являются историческими фильмами.

***

Государство исторически является одним из самых активных акторов на полях истории и коллективной памяти, участвуя в процессе выстраивания культурной идентичности. Посткоммунистические страны, лишь недавно освободившиеся от авторитарного идеологического контроля, активно работают над созданием способов взаимодействия с собственным прошлым. В отношении Российской Федерации Алексей Миллер отмечает следующие практики: создание концепции единого курса истории России, стремление регулировать и закреплять трактовки исторических событий с помощью законодательства, создание различных комиссий и фондов, призванных поддерживать и контролировать исторические исследования и практики реконструкции прошлого [5, с. 141]. Более того, историческая наука влияет на социальную память опосредованно. Школьная программа истории, литературные произведения на исторические темы, произведения искусства – вот главные факторы, формирующие и воздействующие на исторические образы в сознании общества. Принцип популярной истории отражается в её названии – сделать историю популярной. В отличие от академической каждый «продукт» популярной истории существует в режиме собственной истины. Хороший пример – фильм, маркированный жанром исторический, предположительно основанный на реальных событиях. Последнее уточнение придаёт фильму образ транслятора достоверной истории, что заставляет человека поверить в представленную ему версию прошлого. Доверие – один из важных компонентов идентичности. Так как ключевым инструментом, транслирующим нарративы и образы прошлого, остаётся масс-медиа [4, с. 395–396], то для более детального описания этого процесса нам кажется правильным обратиться к модели «кодирования-декодирования», разработанной Бирмингемской школой. Концепция идеологии Луи Альтюссера описывает идеологию не как характеристику экономической практики, но как самостоятельную практику, которая реализуется, в том числе, и в средствах массовой информации [1]. Оные, используя системы репрезентаций, коммуницируют с индивидом, который с их помощью выстраивает своё отношение к реальности, тем самым конструируя свою самоидентификацию. Развивая эту идею, Стюарт Холл добавляет несколько важных характеристик: при помощи процесса кодирования элиты сужают или упрощают системы репрезентаций до наиболее лояльных господствующей идеологии; система декодирования является, в свою очередь, основным способом сопротивления аудитории, который заключается в переосмыслении сообщения [11, с. 173].

Развивая идею Юрия Левады, Борис Дубин характеризовал современную Россию как «страну-телезрителя», страну молчаливого, пассивного большинства [2]. Это наблюдение в некотором смысле позволяет охарактеризовать институт гражданского общества в Российской Федерации, но не даёт необходимых данных в отношении того, как телевизионные сообщения декодируются аудиторией. В этой связи мы посчитали необходимым сузить объект нашего исследования до наиболее популярных телевизионных программ и кинофильмов, которые изначально предполагают осознанный акт – покупку билета в кинотеатре, что в некотором роде позволит выявить

как минимум тематические предпочтения зрителя, а максимум – предположить консенсус между элитами и обществом относительно идеологического содержания сообщения.

Мы остановились на тематике спорта, потому как согласно опросу ВЦИОМа 2013 года 77 % россиян гордятся отечественным спортом и спортсменами. Спорт как повод для гордости уступает только истории России, ею гордятся 85 % граждан, превосходя культуру и искусство[1]. В этом смысле симбиоз в медиа двух наиболее значимых тем для современного российского общества: спорта и истории – кажется нам чрезвычайно интересным объектом исследования.

Спорт стал неотъемлемой частью конструктов культурной идентичности уже в новейшее временя. Это стало возможным благодаря глобализации, формированию единого информационного пространства, высокому уровню осведомлённости и необходимости культурной самоидентификации в современном мире. Спорт, как мощная система, заключает в себя множество других подсистем – символическую, ценностную, идеологическую. С изменениями социально-исторической эпохи эти установки так же видоизменяются. Социолог Борис Дубин в качестве основных и социологически значимых перемен, характеризующих современный спорт, выделяет его общедоступность, приобретение универсальных черт, его эволюцию как эффективный инструмент социальной мобильности, институциализацию. Происходит соединение спортивных занятий и достижений с символикой, ритуалами интеграции, коллективной меморизации и воспроизводства более широких сообществ и ассоциаций [3, с. 38–40].

Связь между появлением массового спорта и кинематографа не ограничивается одним лишь хронологическим совпадением. Фотография, развиваясь, проходила этап прото-кинематографа, коротких по времени воспроизведения движущихся картинок. А их появление непосредственно связано с интересом к самому феномену движения, желанием запечатлеть его [8]. Именно неспособность зафиксировать движение и предопределило появление нового технического решения этой проблемы. Поэтическая сила движения лежала и в основе массового спорта. Впоследствии связка между кинематографом и спортом стала только крепче – эти продукты массовой культуры фактически дополняли и популяризировали друг друга.

Для понимания жанра спортивного фильма недостаточно определить его фундаментальные характеристики, необходимо также «очертить круг проблем, для которых этот жанр предлагает символическое решение» [10, с. 83]. Спортивный фильм, имея эмоционально окрашенное содержимое, является мощным инструментом по созданию образа «другого» и героя. Для Деборы Тьюдор такой запрос общества на «героя», того кто преодолевает сложности, диктуемые самим обществом, того кто делает историю, исходит из психологических причин: безнадёжность перед различными катастрофами, бегство от персональной ответственности за историю и различные социальные процессы [13].

А. Бейкер рассматривает исторические спортивные фильмы через призму теории Бахтина о «диалогизме»: герои преодолевают внешние препятствия, чтобы добиться успеха, но также во многом зависят от окружающего их социума и присущих тому времени ценностей и поведенческих установок [7]. Роу полагает, что такие фильмы «частично правдивы, выделяя определённые версии реальности и намеренно пропуская другие» [12, с. 190]. Спортивные фильмы конструируют историю через индивидуальные желания, цели, эмоциональную драму главных героев. Так, часто спортивные фильмы представлены в форме байопиков. На большую часть исторических вопросов из комплекса, заданных в фильме, ответы даются через действия главных героев. Спортивные фильмы также играют важную роль в создании и поддержании мифа о достижении успеха через спорт, выступающий мощным инструментом социальной мобильности.

В этом смысле источники, содержащие в себе сочетание истории и спорта, кажутся важным примером того, как власть с помощью систем репрезентаций пытается выстраивать идентичность сообществ.

В результате отбора самых кассовых спортивных исторических кинолент в период 2012–2014 гг. мы получили следующий список кинокартин[2]:

Согласно концепции повествовательной формы исторической репрезентации Хейдена Уайта [6, с. 22–62], мы попытаемся категоризировать эмпирические источники, определить присущий им стиль и рассмотреть, как различные установки реализованы на уровне конкретных элементов фильмов.

[1] ВЦИОМ. История, спорт, наука: чем гордятся россияне? [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: пресс-вып. – 2013. – № 2357. – Режим доступа: http://goo.gl/x9SBu7 (дата обращения: 18.03.2016).

[2] По данным портала kinopoisk.ru.

Название фильма	*Год выпуска*	*Режиссёр*	*Описание*	*Бюджет*	*Сборы в России*	*Оценка критиков*
Матч	2012	А. Малюков	Экранизация легендарного рассказа о футбольном матче, смерти и судьбе вратаря «Динамо» Николае Раневиче на фоне оккупации Киева в 1942 г.	$8 000 000	$2 204 000	29 %
Легенда № 17	2013	Н. Лебедев	Фильм о судьбе хоккеиста Валерия Харламова	€10 000 000	$29 523 237	85 %
Поддубный	2014	Г. Орлов	Биографический художественный фильм, повествующий о жизни борца Ивана Поддубного	$12 000 000	$6 175 475	85 %

Сюжет понимается как последовательная система событий и отношений между героями и пространством вокруг, формируемая в историю. Сюжет наполняет её смыслом. Все вышеперечисленные фильмы представляют собой сплавы разных сюжетных построений, но все они являются представителями романтического сюжетного типа, который предполагает героическое повествование, заканчивающееся триумфом центрального действующего лица, который восстаёт против внешних обстоятельств, побеждает собственные слабости. Роман в своей основе есть драма самоидентификации, драма победы добра над злом, света над тьмой. Основной конфликт в комедии разгорается между двумя мирами – внешним и внутренним. Особенно отчётливо это проявляется в *Легенде № 17*: внутренние устремления героя – играть в ЦСКА, привести команду к победе, сыграть в матче против сборной Канады – сталкиваются с реалиями внешнего мира – сложный характер тренера Тарасова (О. Меньшиков), нежелание чебаркульской команды развиваться, травма колена, проблемы с руководством ЦК КПСС, символизирующего государственную власть. Однако все конфликты последовательно решаются в пользу главного героя, и с его помощью сборная СССР побеждает канадцев в матче 1972 г. В картине *Поддубный* можно различить элементы двух типов сюжетов. Во-первых, комедийный. Он главенствует в спортивной линии: конфликт между Иваном (М. Пореченков) и окружающим его миром (его деревенское происхождение, отсутствие образования, в том числе спортивного) разрешается всё-таки в его пользу, так как он продолжает жить, биться, побеждать. Все бои Поддубного заканчиваются победой, герой сам не раз повторяет: «Поддубные не проигрывают». Во-вторых, это элементы романтического сюжета, встречающиеся в жизни героя вне спорта: герой М. Пореченкова переживает драму самоидентификации, пройдя путь от деревенского работника порта до всемирно известного бойца. Он переживает смерть любимой женщины, он осознаёт ценность родины и семьи и, преодолевая себя, оставив в Америке заработанные гонорары и даже продав свои награды, возвращается на родину. Если комедия – это повествование об эпизодических победах индивида, то трагедия – поражение героя перед лицом безжалостной воли обстоятельств, но при сохранении идеи, им воплощаемой. Такой архетип мы видим в исторической драме *Матч*, который представляет собой интересный объект для анализа. *Матч* вышел в 2012 г. и стал первой попыткой соединения тем истории и спорта в современной России. Нельзя сказать, что сборы показали коммерческий успех, но фильм просигнализировал о новом способе работы с темой Второй Мировой войны, которая в этом фильме является сюжетоопределяющей линией, как раз несущей трагедию. Так, идея героя – сохранение справедливости и поднятие духа соотечественникам – реализовалась, но ценой этого стала смерть всей команды.

Итак, фильмы характеризуются романтическим типом сюжета, а в построении индивидуальных историй в него включаются элементы комедийного или трагедийного жанра. В рамках этой категории необходимо отметить, что все анализируемые фильмы заканчиваются победой, из чего можно сделать вывод, что победа является высшей ценностью для спортсмена, поступки которого обращены в сторону достижения этой цели.

Исходя из этого, тип доказательства истории в кинолентах – связи между событиями, действиями, предпринимаемыми героями, и последствиями, к которым они привели, – можно охарактеризовать как органицизм, воплощающийся в стремлении найти принципы или идеи, управляющие процессами

развития. История, написанная в этом ключе, тяготеет к определению конца или цели, к которым, как предполагается, устремлены все процессы, обнаруженные в историческом поле. В спортивном фильме цель определена – победа, это главный принцип развития сюжета, действия героя направлены на выполнение этой цели. В более широком смысле в каждом из фильмов в основе лежит идея о достижении успеха.

Идеологическая ориентация характеризуется как консервативная у всех трёх кинолент. Под термином «идеология» здесь понимается набор предписаний для занятия позиции социальной практики и действия в соответствии с ней. А под консерватизмом – временная локация утопического идеала в настоящем. Кроме этого, консерватизм в изображении Уайта подозрительно относится к изменениям в принципе, особенно к тем, которые затрагивают организацию общества. Форма изменений, которая для него приемлема, ассоциируется с медленным ростом и прочным укоренением. Фильм *Поддубный* демонстрирует как раз отсутствие исторических изменений и даже некоторый эссенциализм исторического процесса и самого героя: Иван Поддубный силён фактически от рождения, от принадлежности к роду Поддубных. Как бы он ни пытался изменить свою судьбу – у него ничего не выйдет, иначе он будет несчастен. В свою очередь сама родина так же пребывает без изменений, даже революция не оказывает на неё никакого влияния, в конце Иван просто вернётся домой.

Ещё один признак консервативной установки – констатация того, что современность есть лучшее из возможных исторических миров. Сцены массовых убийств из фильма *Матч*, реконструированная там жестокость войны являются доказательством, что этот фильм так же принадлежит к консервативному типу идеологии.

Прошлое, в котором происходит действие спортивного фильма, во многом определяется личностью, история которой легла в основу картины. Так, фильм *Поддубный,* отталкиваясь от образа простого крестьянина, выстраивает на этот же лад и остальных персонажей – они лишены психологической глубины, их поступки детерминированы односложной логической схемой. Таким образом, реконструируется образ такой же «простой» Российской империи, которая при помощи цветовых фильтров типа «сепии» представляет собой классический ностальгический оттиск прошлого. Образ Раневича (С. Безруков) также незамысловат, он как будто бы самый простой человек, из народа. Именно эта простота оказывается определяющей – он не способен на предательство, поэтому другого способа, кроме как победить немца на футбольном поле, у него просто нет. Легенда № 17 выстраивает образ Советского Союза через характеристики главного героя: он молод, энергичен и амбициозен. По сути, таким же образом конструируется и советская реальность.

Поскольку мы говорим о целях и функциях представления прошлого, о проблемах и новых ресурсах идентичности, анализ сюжетного, идеологического наполнения фильмов позволил определить специфику репрезентации прошлого и направление формирования идентичности. Герой – это эталонный персонаж общества, носитель структурных элементов идентичности. В этой категории нас интересует персонаж в исторической перспективе, отношение общества к герою.

В первую очередь, говоря о герое, мы можем отметить его спортивное совершенствование, путь. Эволюция героя «Легенды № 17» происходит в двух парадигмах: спортивное совершенствование Харламова отражается в увеличивающемся количестве голов, а духовное – по его шапкам: на первых порах он носит ушанку из кроля, потом добирается до «уровня» основного состава ЦСКА и позволяет себе более дорогой мех, но вскоре меняет шапку с мехом на спортивную шапочку с козырьком, как у тренера Тарасова[1]. Это также относимо к символам-конструкторам прошлого. В. Харламов вырастает из игрока чебаркульской команды до важнейшего игрока сборной России, И. Поддубный – из грузчика в порту до известнейшего атлета.

Ещё одна призма, через которую можно анализировать героя – его отношения с тренером, в котором, по сути, концентрируется мотивация героя. Николай Раневич одновременно и тренер, и игрок киевского «Динамо», именно он собирает футбольную команду, он же принимает решение не проигрывать матч – по сути, мобилизует на противостояние самого себя и близкое окружение. Тренер Тарасов представляется в *Легенде № 17* как справедливый тиран с одной чётко поставленной целью – победить. Сергей Сычёв находит связь между Тарасовым и государством: «Образ Тарасова замещается Родиной аккуратно, постепенно, но настойчиво.

[1] Синяков С. Дело в шапке [Электронный ресурс] // Сеанс. – 2013. – Режим доступа: http://goo.gl/WV9cNR (дата обращения: 18.03.2016).

Этот образ укрепляется в наших глазах всё новыми эпизодами. Вот Тарасов разыгрывает совершенно евангельскую сцену, в которой он обнимает Харламова и благословляет его на иудин поступок предательства: “Иди, делай что должен”. Вот он, как колдун вуду, ходит по заснеженному катку и выводит узоры палочкой, а в это время на другом конце Земли его ребята в точности повторяют эти его движения на стадионе. Ему не нужна трансляция в радиоприёмнике, он – Родина, поэтому он “слышит” и “знает”»[1].

В трёх фильмах (*Поддубный, Матч, Легенда № 17*) есть один повторяющийся сюжет: герою приказано проиграть бой, так как их победа мешает чьим-то интересам, и все три героя отказываются, хотя это грозит серьёзными последствиями. Подобное поведение демонстрирует принципы героя: честность, преданность, смелость перед лицом угроз и неприятных последствий. Правила игры для героев выступают как абсолютная и неукоснительная ценность. Патриотизм, несгибаемый русский характер, честность, работа над собой и воля к победе – вот основные установки героев.

Важную роль в жизни героев играет любовь. Женский образ в трёх фильмах о мужчинах-спортсменах – Поддубном, Харламове, Раневиче – мотивирует и направляет главных героев, является параллельной спортивной линией. Но приобретение любви отнюдь не является самостоятельной целью героя. Любовь в российском спортивном фильме – это одна из мотиваций героя на победу (*Матч*), травма, которую необходимо преодолеть, чтобы стать ещё сильнее (*Поддубный*). Иначе тема любви не получает своего развития. Показательным в этом смысле становится *Легенда № 17*, в которой присутствие объекта любви главного героя детерминировано логикой жанровой необходимости. Денис Синяков характеризует их отношения следующим образом: «Девушка (С. Иванова), кстати, у спортсмена имеется, но околачивается на периферии основного сюжета с тем, чтобы, чуть что, эффектно убегать из кадра, красиво разбрасываясь апельсинами или пытаясь утрамбовать в уме оброненную партнёром после акта любви фразу: «Кроме хоккея мне ничего в этой жизни не надо»[2].

Герой спортивного фильма не обладает сложным характером – он статичен и максимально положителен. Героический образ вбирает в себя идеальные, улучшенные модели человека, утрированные качества и черты, общетипические поведенческие и социальные нормы.

Полностью положительные модели поведения не подразумевают какой-либо рефлексии или критики над выбором героя. Чёткость спортивного соревнования противопоставлена сложности формирования идентичности и определения свой/чужой, что является значимым источником проблематизации этой сферы. «Свой» – это сложный концепт коллективной идентичности, конструирующий отношения индивида и общества. Связка «член своей команды/соперник» в целом заменяется более широким понятием «свой/чужой», так как соперник из своей страны не воспринимаются «чужим». Конечно, игроки другой команды отличаются формой, но во всех фильмах границы «своего» и «чужого» лежат, в первую очередь, в культуре и национальности. Итак, когда происходит идентификация зрителя с положительным героем, тот начинает восприниматься как «свой». Каждый, кто пытается ему навредить, становится антагонистом, однако статус «чужой» в спортивном фильме получает носитель другой культуры. Ключевым механизмом конструирования дихотомии «свой-чужой» в спортивном фильме является язык. В фильмах *Поддубный, Легенда № 17, Матч* можно заметить, что именно противники, говорящие на другом языке, являющиеся носителями другой культуры, воспринимаются как самые серьёзные, с их стороны происходит нарушение правил, и спортивное соревнование превращается, таким образом, в мирную войну. В одной из сцен фильма *Легенда № 17* канадский тренер сказал В. Харламову о его команде: «Во всём мире вас боятся». Так, соотечественники, против которых хоккеисты ЦСКА играют в начале и середине фильма, изображаются в общем виде и как безликая, не имеющая шансов превзойти ЦСКА, масса, однако в сцене стартового матча Суперсерии СССР – Канада, в котором команда СССР победила со счётом 7 : 3, сборная Канады нарисована чётко и весьма карикатурно. Звероподобные, самоуверенные, жующие жвачку, агрессивные канадцы под конец признают превосходство русских. Один из игроков сборной Канады использует невербальную коммуникацию – знак нож по горлу. Более того, при монтаже финальной игры параллельной сменой кадров было обо-

[1] Сычёв С. Как заслужить любовь родины [Электронный ресурс] // Искусство кино. – 2013. – №5. – Режим доступа: http://goo.gl/SRGdwU (дата обращения: 18.03.2016).

[2] Синяков С. Дело в шапке [Электронный ресурс] // Журнал Сеанс. – 2013. – Режим доступа: http://goo.gl/WV9cNR (дата обращения: 18.03.2016).

значено сходство между канадцами и агрессивными быками из пролога.

Спектр исторического знания не богат: ввиду желания сделать продукт для массовой аудитории и ограничений спортивного жанра продюсеры допускают большое количество ошибок и неточностей, не видят для себя возможности передать множественность разных точек зрения. Андрей Архангельский так описывает инструментализацию истории сценаристами: «Берётся именно самый успешный, лакомый кусок жизни героя, а всё, что по краям, отсекается большими закройными ножницами. Кроме того, берётся непротиворечивый, то есть самый несложный с психологической точки зрения кусок. Берётся именно тот кусок жизни, когда человек принадлежит не себе, а государству»[1]. Его мысль продолжает Нина Цыркун: «И в самом деле, к чему зрителю знать, что при немецкой оккупации Поддубный благополучно работал в бильярдной, а после войны жил, как все, на карточки и, как лицо, бывшее в оккупации, не получал доппайка, хотя богатырский организм того требовал, а потому продавал свои медали, чтобы купить хлеба»[2].

Создатели фильма *Матч* не обращались к консультантам-историкам, так как эксплуатировали миф о матче смерти, созданный ещё в Советском Союзе. Но уже в середине 2000-х вышел резонансный материал Акселя Вартаняна[3], который скрупулёзно деконструировал сам миф и причины его появления.

В отношении *Легенды № 17* Андрей Колесников задаётся резонным вопросом: «Зачем авторы фильма произвольно жонглируют фактами, и вовсе не ясно. Другом на все времена у Валерия остаётся Александр Гусев, хотя Харламов дружил с Александром Мальцевым. Зачем Харламова отправляют в первую автомобильную катастрофу на несколько лет раньше, чем это было в действительности? Почему семнадцатому номеру “заокеанские хозяева” с пародийным акцентом предлагают гигантский гонорар до суперсерии (что просто ну совсем неправдоподобно – кто ж его вообще знал при наличии железного занавеса), а не после первых игр – решительно непонятно»[4]. Владимир Лященко находит ответ в утилитарном подходе к истории создателей *Легенды № 17*: «Например, автомобильная авария, в которой Харламов едва не лишился возможности ходить, случилась годы спустя после событий фильма, но эпизод с волевым возвращением на лёд и в большой хоккей добавляет драматизма, так что его хронологический перенос выглядит уместно и вписывается в выигрышную сценарную формулу»[5]. Это также отмечает Антон Долин: «И прямой трансляции матча СССР – Канада на родине хоккеиста не было – игру показывали на следующий день, в записи; однако одновременное торжество болельщиков по всему миру настолько эффектнее, что к черту истину»[6].

***

Итак, российский спортивный фильм в полной мере является продуктом популярной истории: коммерческий успех и недостаток критики как со стороны киноведов, так и со стороны историков даёт возможность говорить о некотором общественном консенсусе относительно образа прошлого, показанного в этих лентах, несмотря на то, что происходит предельное упрощение и искажение исторической составляющей. В результате формирование позитивной идентичности идёт против академического знания. Оно требует объективности, а спортивные фильмы пользуются тем же фрагментарным принципом подбора исторических событий, облегчающим задачу сконструировать миф, как происходит и для наполнения художественной программы на Олимпийских играх. Сейчас правительство активно эксплуатирует спорт как идеологию. Однако есть риск, что спортивные победы и спортивные личности, из прошлого и настоящего, не могут в полной мере выступать символом величия страны: они не абсолютны.

Резонным остаётся вопрос о связи милитаризма и спортивного фильма. Исходя из вышеприведённого анализа, мы вынуждены констатировать, что спортивное соревнование есть не что иное, как метафора войны.

---

[1] Архангельский А. Легенда без номера // Огонёк. – 2014. – №28. – С. 38.

[2] Цыркун Н. Voices - 2014. Парад-ретур [Электронный ресурс] // Искусство Кино. – 2014. – Режим доступа: http://goo.gl/x63qwr (дата обращения: 18.03.2016).

[3] Вартанян А. Футбол в годы войны. Часть четвертая. Миф о «Матче смерти» [Электронный ресурс] // Спорт-экспресс: футбол. – 2007. – Режим доступа: http://goo.gl/G9218V (дата обращения: 18.03.2016).

[4] Колесников А. Миф № 17 [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2013. – Режим доступа: http://goo.gl/MOYsyj (дата обращения: 18.03.2016).

[5] Лященко В. Мифы и легенды Советского Союза [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2013. – Режим доступа: http://goo.gl/CuI38d (дата обращения: 18.03.2016).

[6] Долин А. Биография хоккеиста Харламова выходит на экраны [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2013. – Режим доступа: http://goo.gl/Ia3hWo (дата обращения: 18.03.2016).

На данный момент спортивный исторический фильм – это скорее продукт, базирующийся на запросах общества на позитивную идентичность, создающий не исторический продукт, а скорее коллективное воспоминание, которое детерминировано рамками современной российской исторической политики. Несмотря на некоторые негативные рецензии кинокритиков, вышеперечисленные фильмы, особенно *Легенда № 17* и *Поддубный*, были очень тепло приняты профессиональной публикой. Елена Стишова так описывает свои впечатления: «На премьере “Легенды...” в большом зале “Октября” происходило примерно то же самое действо, что в 72-м в Канаде на трибунах стадиона и в домах наших болельщиков. Собирались вместе компаниями, чтобы было с кем обсудить финты фаворитов и всласть поорать»[1]. Нина Цыркун также отметила успех картины *Поддубный* у зрителей на пресс-показе: «И народ с готовностью пришёл принять дозу духоподъёмного кино, которое представил публике сам идеолог; в ответ народ не разочаровался и наградил создателей бурными аплодисментами»[2].

Спортивный исторический фильм обладает широким спектром возможностей: от развлечения до построения идентичности, имеет большой потенциал и в образовательном плане. По нашему мнению, путь к созданию качественного исторического продукта и поиску формы, в которой общество может усвоить объективный образ, лежит в диалоге и открытости обеих сторон (медиаменеджеров и историков) к сотрудничеству, осознанию деятелями масс-культуры необходимости обращения за рекомендациями и отзывами к историкам-профессионалам ради повышения качества контента. В таком случае видится возможным развитие продуктов популярной истории в историю публичную, которая не основывается на мифах и паранаучном знании, но в простой форме размышляет о прошлом, скорее задавая вопросы, нежели отвечая на них. Как вариант мы считаем продуктивным создание негосударственной профессиональной комиссии, которая в двустороннем добровольном порядке предоставляла бы услуги консультации и экспертной оценки исторических кинолент.

Список литературы

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2011. № 3. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html (дата обращения: 18.03.2016).
2. Дубин Б. В стране зрителей [Электронный ресурс] // Дружба Народов. 2001. № 8. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/8/dubin.html (дата обращения: 18.03.2016).
3. Дубин Б. В. Спорт, культ и культура тела в современном обществе // Дубин Б. В. Интеллектуальные группы и символические формы. Очерки социологии современной культуры. М.: Новое изд-во, 2004. С. 38–46.
4. Исаев Е. М. Историческая политика в России: репрезентация сталинской эпохи в популярном кинематографе // Журнал иссл. соц. политики. 2015. № 3. С. 391–406.
5. Миллер А. Историческая политика в Восточной Европе // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 648 с.
6. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 527 с.
7. Baker A. Sports Films, History, and Identity // Journal of sport history. 1998. № 2. P. 217–233.
8. Braun M. Picturing Time: The Work of Etienne-Jules Marey. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 472 p.
9. Cashmore E. Making Sense of Sports. New York: Routledge, 2010. 600 p.
10. Crosson S. Sport and Film. New York: Routledge, 2011. 216 p.
11. Hall S. Encoding / Decoding // Media and Cultural Studies. KeyWorks. London: Blackwell Publishers, 2001. P. 163–173.
12. Rowe D. Sport, Culture and the Media. Glasgow: Open university press, 2004. 192 p.
13. Tudor D. Hollywood’s Vision of Team Sports: Heroes, Race, and Gender. New York: Routledge, 2015. 201 p.
14. Whannel G. Culture, Politics and Sport Blowing the Whistle. Oxon: Routledge. 2008. 281 p.

Фильмография

15. Матч (2012, реж. А. Малюков, РФ), игр.
16. Легенда № 17 (2013, реж. Н. Лебедев, РФ), игр.
17. Поддубный (2014, реж. Г. Орлов, РФ), игр.

[1] Стишова Е. Адреналин. «Легенда № 17» [Электронный ресурс] // Искусство кино. – 2013. – №5. – Режим доступа: http://goo.gl/FYb2GC (дата обращения: 18.03.2016).

[2] Цыркун Н. Voices - 2014. Парад-ретур [Электронный ресурс] // Искусство Кино. – 2014. – Режим доступа: http://goo.gl/x63qwr (дата обращения: 18.03.2016).

References

1. Al'tjusser L. Ideologija i ideologicheskie apparaty gosudarstva [Jelektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. 2011. № 3. Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html (data obrashhenija: 18.03.2016).
2. Dubin B. V strane zritelej [Jelektronnyj resurs] // Druzhba Narodov. 2001. № 8. Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/8/dubin.html (data obrashhenija: 18.03.2016).
3. Dubin B. V. Sport, kul't i kul'tura tela v sovremennom obshhestve // Dubin B. V. Intellektual'nye gruppy i simvolicheskie formy. Ocherki sociologii sovremennoj kul'tury. M.: Novoe izd-vo, 2004. S. 38–46.
4. Isaev E. M. Istoricheskaja politika v Rossii: reprezentacija stalinskoj jepohi v populjarnom kinematografe // Zhurnal issl. soc. politiki. 2015. № 3. S. 391–406.
5. Miller A. Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. / pod red. A. Millera i M. Lipman. M.: Novoe lit. obozrenie, 2012. 648 s.
6. Uajt H. Metaistorija: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002. 527 s.
7. Baker A. Sports Films, History, and Identity // Journal of sport history. 1998. № 2. P. 217–233.
8. Braun M. Picturing Time: The Work of Etienne-Jules Marey. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 472 p.
9. Cashmore E. Making Sense of Sports. New York: Routledge, 2010. 600 p.
10. Crosson S. Sport and Film. New York: Routledge, 2011. 216 p.
11. Hall S. Encoding / Decoding // Media and Cultural Studies. KeyWorks. London: Blackwell Pub-lishers, 2001. P. 163–173.
12. Rowe D. Sport, Culture and the Media. Glasgow: Open university press, 2004. 192 p.
13. Tudor D. Hollywood's Vision of Team Sports: Heroes, Race, and Gender. New York: Routledge, 2015. 201 p.
14. Whannel G. Culture, Politics and Sport Blowing the Whistle. Oxon: Routledge. 2008. 281 p.

Fil'mografija

15. Match (2012, rezh. A. Maljukov, RF), igr.
16. Legenda № 17 (2013, rezh. N. Lebedev, RF), igr.
17. Poddubnyj (2014, rezh. G. Orlov, RF), igr.

Библиографическое описание статьи

Исаев Е. М., Пожидаева И. В. Популярная история в современной России: мифы, образы и представления о прошлом в спортивном историческом фильме // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 128–136.

Reference to article

Isaev E. M., Pozhidaeva I. V. Popular History in Modern Russia: Myths, Images and Ideas of the Past in Sport Historical Film // Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies. 2016. Vol. 11, No 4. P. 128–136.

Статья поступила в редакцию 04.04.2016

УДК 327(517.3+510)

Виктория Эдуардовна Цыремпилова,
аспирант,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vikaliv21@yandex.ru

Отражение китайско-монгольских отношений в период реализации XII пятилетки КНР (2011–2015) на страницах «Жэньминь Жибао»[1]

В статье описывается развитие китайско-монгольских отношений в период реализации 12-й пятилетки (2011–2015) КНР, преемственность политического курса, принятого в XX в. В этот период в Китае произошла смена руководства страны и были приняты глобальные экономические проекты, направленные на укрепление взаимодействия Китая с зарубежными странами. Одним из таких проектов является экономическая стратегия «Один пояс, один путь», участником которой стала Монголия. В этот период начались постоянные визиты официальных делегаций Китая и Монголии, целью которых стало углубление всестороннего стратегического сотрудничества между странами. В 2014 г. обе страны провели мероприятия, посвящённые 65-летию со дня установления дипломатических отношений между Китаем и Монголией. В конце 2015 г. Китай и Монголия согласовали основные направления двухстороннего сотрудничества на период реализации 13-й пятилетки КНР. Эти направления будут касаться осуществления стратегических проектов «Степной путь» и «Один пояс, один путь». Также в этот период был подписан ряд соглашений, касающихся развития всестороннего партнёрства. Освещением происходящих событий занимался официальный орган КПК – газета «Жэньминь Жибао».

***Ключевые слова*:** Китай, Монголия, китайско-монгольские отношения, Дэн Сяопин, политика реформ и открытости, социализм с китайской спецификой, пятилетка, экономическая стратегия «один пояс, один путь», «Жэньминь Жибао»

Viktoriya E. Tsyrempilova,
Postgraduate Student,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences,
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: vikaliv21@yandex.ru

Coverage of Sino-Mongolian Relationships During the Realization of the 12th Five-Year Plan (2011–2015) on the Pages of Renmin Ribao[2]

The article examines the development of Sino-Mongolian relationships during the realization of the 12th five-year plan (2011–2015) and the succession of political course that was accepted in the XXth century. At this period in China there was a leadership change and global economic projects were approved. The aim of these projects was to strengthen Chinese cooperation with foreign countries. One of these projects is economic strategy “One Belt, One Road”, in which Mongolia has become one of the participants. At that period, the official visits of the Chinese and Mongolian delegations became permanent. The purpose of the visits was the intensification of comprehensive strategic cooperation between the countries. In 2014 both countries organized some events that were connected with the 65th anniversary of the establishment of diplomatic relations between China and Mongolia. At the end of 2015 China and Mongolia agreed on main directions of bilateral cooperation during the realization of the 13th five-year plan. These directions are connected with the implementation of strategic projects “Steppe Road” and “One Belt, One Road”. Also during this period, a range of agreements concerning the realization of comprehensive cooperation was signed. The People’s Daily (Renmin Ribao), an official organ of the CCP covered the current events.

Keywords: China, Mongolia, Sino-Mongolian relationships, Deng Xiaoping, policy of reforms and openness, socialism with Chinese characteristics, five-year plan, economic strategy “One Belt, One Road”, Renmin Ribao

В январе 1975 г. КНР под руководством Дэн Сяопина приняла курс «Четырёх модернизаций», под которыми подразумевались сельское хозяйство, промышленность, оборона, наука и техника. Кроме того, реформирование управляющих структур, государственного и военного аппарата стало главным направлением реформ Дэн Сяопина. На третьем пленуме ЦК КПК 11-го созыва реформы Дэн Сяопина становятся ведущими в

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 14-18-99552 «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии».

[2] The research is financially supported by the RSF project no. 14-18-99552 “Mongolian People: historical experience of transformation of nomadic societies of Asia”.

© Цыремпилова В. Э., 2016

развитии Китая, а сам Дэн Сяопин – главным реформатором китайской экономики и фактически руководителем страны [4]. При этом реформы Дэн Сяопина были направлены не только на внутреннее развитие страны. Это – курс политики реформ и открытости. И если реформы были направлены на разрешение внутренних проблем, то открытость подразумевала доступность внешнему миру, укрепление дипломатических отношений и развитие экономического сотрудничества с зарубежными государствами. Тем самым курс «Четырёх модернизаций» впоследствии стал частью курса строительства социализма с китайской спецификой, превративший Китай в одну из ведущих стран мирового сообщества. Основными векторами этого курса стало не только развитие внешнеэкономических связей и диверсификация форм привлечения внешнего фактора, но и повышение конкурентоспособности КНР за счёт привлечения принципиально новых способов сотрудничества [3]. И теория Дэн Сяопина, официально утверждённая в 1997 г., стала ядром проводимых современных реформ. Несмотря на объективную смену политических лидеров КНР, каждый из которых вносит новые элементы в реализацию реформ, основные положения теории Дэн Сяопина по-прежнему остаются актуальными.

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 г. в политическом курсе Китая появляется концепция «китайской мечты», которая существенно отличается от «американской мечты», прежде всего подходами. Китай использует так называемую «мягкую силу», которая содержит в себе пять направлений: инвестиции, гуманитарная помощь, образовательные программы обмена, дипломатия, участие в деятельности международных организаций и работа с диаспорой [1], опираясь на которые, можно проследить развитие китайско-монгольских отношений за период 12-й пятилетки КНР.

На первой сессии ВСНП 11-го созыва в 2008 г. был сделан упор на развитие дипломатических отношений с внешним миром. На последующих сессиях ВСНП так же призывало к всестороннему развитию отношений и в особенности к поддержанию дружественных отношений с Россией, США, Европой.

Несмотря на то, что Монголия является соседом КНР с самой длинной территориальной границей, она непосредственно не упоминается в стратегии внешнеполитического курса Китая. Однако близость стран и их многолетние отношения позволяют рассматривать Монголию как значимую составляющую во внешнеполитическом курсе КНР.

В 2009 г. Президентом Монголии становится лидер Демократической партии Монголии Цахиагийн Элбэгдорж. 25 мая 2009 г. в газете «Жэньминь Жибао» была опубликована информация о проведении выборов в Монголии. Следующая статья от 19 июня 2009 г. уже касалась вступления Ц. Элбэгдоржа в должность и содержала поздравление Президенту Монголии Ц. Элбэгдоржу в связи со вступлением в должность. Там же выражалась надежда на укрепление двусторонних отношений. В 2013 г. Ц. Элбэгдорж был переизбран на второй срок и «Жэньминь Жибао» вновь опубликовала сообщение об этом событии [5].

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин принимает стратегию «一带一路» («Один пояс, один путь»), которая в свою очередь состоит из «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского пути XXI века». Стратегия направлена на увеличение экспорта китайских товаров и стимулирование двусторонних торгово-экономических связей с Южной, Центральной и Западной Азией, Центральной и Восточной Европой [2]. Непосредственным участником стратегии Китая является и Монголия, через которую будет проложен один из железнодорожных путей в Европу с целью увеличения торгового оборота между Европой и Китаем.

В 2014 г. КНР и Монголия отметили 65-летие со дня установления дипломатических отношений в 1949 г. В этой связи 21–22 августа 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин, впервые после приезда в 1999 г. Цзян Цзэминя, посетил МНР. В ходе встречи главы КНР и Монголии подписали ряд соглашений о развитии всесторонних отношений, касающихся сотрудничества в политической, торгово-экономической и культурной сферах.

«Жэньминь Жибао» подробно освещала этот визит. Кроме того, на страницах газеты было опубликовано выступление китайского лидера в Великом Хурале Монголии, а также тексты совместных соглашений. Особенно следует отметить выступление Си Цзиньпина, в котором говорилось о сложившихся отношениях между Китаем и Монголией и перспективах их развития [5].

Помимо углубления всесторонних отношений между странами главы обоих государств акцентировали внимание на реализации политики невмешательства во внутренние дела друг друга, признали права и суверенитет государств. Эта политика как нельзя

полно соответствует китайской концепции «Пяти принципов мирного сосуществования», в которые входят взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование [11]. Эти принципы были закреплены во время встречи лидеров двух стран.

4 апреля 2015 г. министр иностранных дел Монголии Лундэг Пурэвсурэн посетил Китай с официальным визитом, в ходе которого встретился с министром иностранных дел Китая Ван И, а также заместителем председателя КНР Ли Юаньчао. По сообщениям «Жэньминь Жибао» в ходе встреч обе стороны акцентировали внимание на результатах реализации ранних договоренностей глав обеих стран. В этой связи монгольская сторона активно поддержала китайскую инициативу «Один пояс, один путь».

9–11 ноября 2015 г. Ц. Элбэгдорж посетил с официальным визитом КНР, который широко освещался на страницах «Жэньминь Жибао». Китайская сторона вновь отметила важность развития стратегического сотрудничества между Китаем и Монголией. Обе стороны заявили о своём намерении продолжать контакты на высоком уровне, укреплять обмен и сотрудничество во всех сферах. Президент Монголии Ц. Элбэгдорж заявил, что с момента установления между Монголией и Китаем стратегического партнёрства стороны активно реализуют достигнутые главами государств договоренности и постоянно углубляют двусторонние отношения и сотрудничество по всем направлениям. Монгольская сторона также подтвердила, что она поддерживает политику КНР «Один Китай» и будет и в дальнейшем поддерживать позиции Китая по отношению к Тайваню, Тибету и Синьцзяну. Кроме того, Си Цзиньпин подчеркнул, что китайская сторона будет способствовать развитию отношений между Китаем, Монголией и Россией, а также в скором времени завершит работу над планом строительства экономического коридора между странами [6].

Подписанные документы об углублении комплексного стратегического партнёрства касались сотрудничества и в сфере обороны, в области военной техники и подготовки военных кадров. Речь также шла о подготовке соглашения по сближению монгольского проекта «Степной путь» и китайского «Один пояс, один путь». Стороны договорились об ускорении реализации таких совместных проектов, как освоение угольных месторождений Таван-Толгой и строительство энергетического комплекса Шивээ-Овоо, гидроэлектростанции на реке Эгийн-Гол, железной дороги в южном направлении, мясокомбината в приграничной зоне. Стороны приняли предложение Ц. Элбэгдоржа довести товарооборот между двумя странами к 2020 г. до 10 млрд долл.

В декабре 2015 г. Монголия принимала китайскую делегацию во главе с заместителем генерального секретаря Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) Шэнь Чуньяо. Основная цель визита состояла в том, чтобы предоставить Монголии возможность ознакомиться с планом 13-й пятилетки и заранее скоординировать развитие двусторонних отношений [8].

Тем самым, современные китайско-монгольские отношения имеют всесторонний характер. Согласно подписанным соглашениям в 2013–2015 гг., Китай планирует осуществлять инвестиции в развитие экономики, горнодобывающей инфраструктуры, образования и культуры Монголии.

На сайте Министерства торговли КНР, в разделе новостей экономики и торговли, периодически публикуются сводки о торгово-экономических операциях Китая по всему миру. В этом разделе начиная с 2013 г. был опубликован ряд статей, посвящённых экономике и торговле Монголии. Среди этих публикаций следует выделить переведённые с монгольского языка статьи, касающиеся изменений ВВП Монголии. Например, в октябре 2014 г. был опубликован экономический отчёт Монголии за 3 квартал [9]. Анализ экономического развития Монголии позволяет китайскому правительству выстроить инвестиционные потоки в Монголию.

В январе 2016 г. министр промышленности Монголии Д. Эрдэнэбат принял уполномоченного посла КНР в Монголии Син Хаймина. В ходе встречи были затронуты вопросы создания свободной экономической зоны, получившей освещение в проекте трёхсторонней программы по созданию экономического коридора Китай-Монголия-Россия. Также было обговорено подписание меморандума между Министерством промышленности Монголии и Министерством торговли КНР. На 2016 г. был запланирован ряд мероприятий между странами, среди которых открытие монголо-китайской выставки в АР Внутренняя Монголия [10].

В марте 2016 г. состоялись очередные сессии ВСНП и Всекитайского комитета На-

родного политического консультативного комитета Китая (ВК НПКСК), на которых были подведены итоги 12-й пятилетки и работы правительства, а также поставлены задачи по реализации плана 13-й пятилетки. В своём докладе о работе правительства премьер Госсовета КНР Ли Кэцян подчеркнул, что для успешного выполнения правительственной работы необходимо опираться на теорию Дэн Сяопина, принципы социализма с китайской спецификой, идеи тройного представительства и научной концепции развития, реализуя положения XVIII съезда КПК, 3-го, 4-го и 5-го пленумов ЦК КПК 18-го созыва и ряд важных выступлений председателя Си Цзиньпина [10]. Отсюда видно, что современная внутренняя и внешняя политика Китая по-прежнему опирается на теорию Дэн Сяопина, которая является основой всех происходящих изменений. Тем самым, КНР продолжает осуществлять политику открытости всему миру, что находит отражение на страницах центральных газет КНР.

Что касается укрепления китайско-монгольских отношений, то очевидно, что они будут и дальше развиваться в русле реализации стратегии «Один пояс, один путь». Стоит отметить предложение депутата ВСНП и председателя аймака Айшань во Внутренней Монголии Фэй Юйчжэня, который указал на выгодное расположение аймака Айшань, способствующее созданию на его основе ключевого экономического коридора между Китаем, Россией и Монголией. Создание такого коридора будет непосредственно связано с углублением и продвижением программы «Шёлковый путь» [10].

Таким образом, оценивая развитие китайско-монгольских отношений в период 12-й пятилетки (2011–2015), получившее объективное отражение на страницах «Жэньминь Жибао», можно сказать, что они приобрели новое звучание, а официальные визиты глав обоих государств имеют историческое значение для развития двухстороннего сотрудничества между Китаем и Монголией.

Тем не менее, несмотря на благоприятные отношения между странами, не стоит недооценивать «мягкой силы», под влияние которой уже в некоторой степени попала Монголия. Огромные инвестиции Китая в экономику Монголии отражают лишь небольшую часть планов КНР по отношению к Монголии. И в этой политике особое место занимает «Жэньминь Жибао», которая является официальным органом КПК. Поэтому вполне естественно, что она создаёт определённый образ соседа в умах граждан страны.

В ходе изучения публикаций «Жэньминь Жибао» нами было отмечено использование речевых средств, которые характеризуются как позитивные намерения китайского правительства по отношению к Монголии. Например, примечательно, что в статье от 22 августа 2014 г. использовалась пословица 远亲不如近邻 – юань цинь бу жу цзинь лин, что в переводе означает «Близкий сосед лучше дальней родни». Использование такого высказывания всецело отражает политику КНР по отношению к Монголии. Похожий смысл имеет и выражение 好邻居金不换 – hao linju jin bu huan. В ходе изучения газетных статей также привлекло внимание следующее выражение 路遥知马力，日久见人心 – luyao zhi mali, rijiu jian renxin, что в переводе означает «конь испытывается дорогой, а человек временем (человека узнаешь, когда съешь с ним пуд соли)». Такие яркие речевые обороты показывают реальное отношение КНР к Монголии.

Таким образом, роль газеты «Жэньминь Жибао» заключается в прямом освещении исторических, политических и экономических событий, связанных с развитием добрососедских отношений между Китаем и Монголией.

Список литературы и источников

1. Ким В. С., Бохан Я. А. Трансформация стратегии «мягкой силы» КНР в современных условиях // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2012. № 12. Полит. науки. Востоковедение. С. 17–20.
2. Ковалёв М. М., Го Линь. Инвестиционная стратегия Китая «Один пояс, один путь» // Банковский вестн. 2015. С. 3–8.
3. Пивоварова Э. П. Социализм с китайской спецификой. М.: Форум, 2011. 352 с.
4. Регзенова Д. Б-О. Основные принципы и сущность реформ Дэн Сяопина // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Вып. 6. Улан-Удэ, 2010. С. 189–193.

Источники

5. Архив газеты «Жэньминь Жибао» на китайском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://paper.people.com.cn (дата обращения: 18.03.2016).
6. Архив газеты «Монголия сейчас» на русском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://news.mongolnow.com/13_11_003.html (дата обращения: 20.03.2016).
7. Архив документов ВСНП на китайском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/huiyi/dbdh/11/2008–03/24/content_1423258.htm (дата обращения: 24.03.2016).

8. Архив информационного агентства «Монцамэ» на русском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.montsame.mn (дата обращения: 20.03.2016)

9. Архив новостей Министерства торговли КНР на китайском языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/j/201410/20141000768609.shtml (дата обращения: 24.03.2016).

10. Обзор СМИ [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://polpred.com. (дата обращения: 23.03.2016).

11. Энциклопедия нового Китая. М.: Прогресс, 1989. 509 с.

References

1. Kim V. S., Bohan Ja. A. Transformacija strategii «mjagkoj sily» KNR v sovremennyh uslovijah // Vestn. Cheljabin. gos. un-ta. 2012. № 12. Polit. nauki. Vostokovedenie. S. 17–20.

2. Kovaljov M. M., Go Lin'. Investicionnaja strategija Kitaja «Odin pojas, odin put'» // Bankovskij vestn. 2015. S. 3–8.

3. Pivovarova Je. P. Socializm s kitajskoj specifikoj. M.: Forum, 2011. 352 s.

4. Regzenova D. B-O. Osnovnye principy i sushhnost' reform Djen Sjaopina // Vestn. Burjat. gos. un-ta. Vyp. 6. Ulan-Udje, 2010. S. 189–193.

Istochniki

5. Arhiv gazety «Zhjen'min' Zhibao» na kitajskom jazyke [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://paper.people.com.cn (data obrashhenija: 18.03.2016).

6. Arhiv gazety «Mongolija sejchas» na russkom jazyke [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://news.mongolnow.com/13_11_003.html (data obrashhenija: 20.03.2016).

7. Arhiv dokumentov VSNP na kitajskom jazyke [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.npc.gov.cn/huiyi/dbdh/11/2008–03/24/content_1423258.htm (data obrashhenija: 24.03.2016).

8. Arhiv informacionnogo agentstva «Moncamje» na russkom jazyke [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://ru.montsame.mn (data obrashhenija: 20.03.2016)

9. Arhiv novostej Ministerstva torgovli KNR na kitajskom jazyke [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.mofcom.gov.cn/article/i/jyjl/j/201410/20141000768609.shtml (data obrashhenija: 24.03.2016).

10. Obzor SMI [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://polpred.com. (data obrashhenija: 23.03.2016).

11. Jenciklopedija novogo Kitaja. M.: Progress, 1989. 509 s.

Библиографическое описание статьи

Цыремпилова В. Э. Отражение китайско-монгольских отношений в период реализации XII пятилетки КНР (2011–2015) на страницах «Жэньминь Жибао» // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 137–141.

Reference to the article

Tsyrempilova V. E. Coverage of Sino-Mongolian Relationships During the Realization of the 12th Five-Year Plan (2011–2015) on the Pages of Renmin Ribao // Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies. 2016. Vol. 11, No 4. P. 137– 141.

Статья поступила в редакцию 29.03.2016

УДК: 070(662.1)

DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-142-149

Шейкна Калифа Сангаре,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская набережная, 7–9),
e-mail: cheicknasangar@yahoo.fr

Роль СМИ в становлении и развитии малийской демократии

Статья посвящена вопросу развития средств массовой информации в Мали и их влиянию на становление демократии в стране. Автор отражает особенности перехода от военной диктатуры к демократической форме правления, указывает, что именно независимые СМИ стали оплотом оппозиции в период свержения диктатуры; рассматривает проблему развития демократической формы правления в реалиях чёрного континента, и в частности в Республике Мали, анализирует общую структуру малийских СМИ (выделяя следующие виды: печатные СМИ; радио, телевидение и интернет-издания) и уровень их влияния на общественное мнение в стране.

По мнению автора, наибольшим влиянием в условиях Мали пользуется радио. Тем не менее, все виды СМИ в стране имеют свою потенциальную аудиторию и формируют медийный ландшафт, обеспечивая сохранение малийской демократии.

Особое внимание уделяется вопросу роли и места различных видов СМИ во время проведения выборов в стране, их доступности для потенциальных кандидатов и различных политических сил, невмешательства со стороны власти в деятельность независимых СМИ в период выборов.

Ключевые слова: Африка, Мали, средства массовой информации, демократия, выборы

Cheickna Kalifa Sangare,
Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russia),
e-mail: cheicknasangar@yahoo.fr

The Role of the Mass Media in the Development of the Malian Democracy

The article focuses on the development of the mass media in Mali and their impact on the development of democracy in the country. The author reflects the peculiarities of the transition from military dictatorship to democracy, points out that it is the independent mass media that became a stronghold of the opposition during the dictatorship, considers the problem of the development of democratic governance in the realities of the black continent, and in particular in the Republic of Mali, analyzes the overall structure of the Malian media (highlighting the following: print media, radio, television and internet media) and their level of influence on public opinion in the country.

According to the author, radio has the greatest influence in conditions of Mali. However, all types of mass media in the country have their own target audience and shape the media landscape, ensuring conservation of the Malian democracy.

Particular attention is paid to the role and place of various types of mass media during elections in the country, their accessibility to potential candidates and different political forces, non-interference by the authorities in the activities of independent media during the election period.

Keywords: Africa, Mali, mass media, democracy, elections

Введение. В современном информационном обществе сложно переоценить роль СМИ в формировании демократических устоев. Свободное циркулирование различной информации содействует формированию различных мнений. Однако далеко не все постулаты, характерные для западной демократии, применимы к ситуации на африканском континенте. По словам бывшего президента Франции Ж. Ширака: «Африка пока не готова к демократии!» [16]. Эта фраза в своё время шокировала многих африканцев. Но именно такая оценка дала возможность задуматься о сложности развития демократии в странах континента, включая Мали.

Действительно, не имея глубоких традиций развития демократии, многим странам Африки необходимо ещё пройти большой путь, прежде чем граждане привыкнут к новым социально-политическим условиям и смогут в полной мере реализовывать свои гражданские права. Можно констатировать, что у демократии в Мали, как и во многих иных странах Африки, существует много пре-

© ***Шейкна Калифа Сангаре*, 2016**

град, среди которых бедность, низкий уровень грамотности (около 30 %), оторванность политической элиты от основных масс, высокий уровень недоверия к власти, сохранение традиционных институтов власти, ментальная неготовность воспринять новую идеологию и т. д. Поэтому слово «демократия» в африканских условиях имеет свою специфику.

По мнению А. Л. Емельянова сложившуюся в Африке политическую систему предпочтительно называть «имитационной демократией». Причём в настоящее время «она достигла стадии самовоспроизводства. Такая система имитирует реализацию интересов граждан и общества уже на протяжении двухтрёх десятилетий. В Африке власть переродилась, стала субъектом влияния, а общество, бизнес и отдельные граждане – объектами воздействия» [1, с. 142].

Касается всё это и Республики Мали, которая в 1991 г. избрала демократический путь, преодолевая многочисленные сложности. Несмотря на скептические высказывания специалистов, мы будем использовать понятие «демократия» в отношении политической системы Мали после свержения режима диктатуры. Становление малийской демократии тесно связано со средствами массовой информации, которые продолжают формировать общественное мнение в стране, а также оказывают существенное влияние на политические, социальные и экономические процессы. Поэтому наше обращение к этой тематике представляется весьма актуальным.

В данной работе мы попробуем охарактеризовать роль национальных СМИ в становлении и развитии демократии в Мали. Для этого необходимо выявить особенности развития СМИ в стране, специфику их воздействия на общественное мнение, отразить роль малийских средств массовой информации в свержении диктатуры Муссы Траоре (*Moussa Traoré*) и проведении демократических выборов в стране.

Вопросы взаимодействия и взаимовлияния средств массовой информации и демократии изучены исследователями в различных странах мира. В то же время конкретный пример Республики Мали долгое время не интересовал специалистов. Однако к настоящему времени ситуация изменилась. Так, при подготовке данной статьи были использованы публикации М. К. Кейта (*Kéïta*) и Т. Перет (*Perret*) [6; 13]. Несмотря на это, большинство аспектов взаимосвязи развития средств массовой информации и малийской демократии до сих пор не исследовано.

Современные малийские СМИ и их влияние на общество. Демократическая идеология является новой для африканского менталитета и общественных устоев. Она стала активно проникать на «чёрный континент» в конце 1980-х гг. Для многих демократия несла надежду на перемены к лучшему в различных областях, так как она ассоциировалась в первую очередь с европейскими традициями и уровнем жизни [3].

Свержение Муссы Траоре обусловило существенный поворот в развитии страны, которая избрала демократический путь. А. Л. Емельянов, характеризуя особенности развития демократии в странах Африки, отмечал: «Единственным признаком демократической трансформации общественно-политической жизни на континенте является проведение всеобщих выборов, которые превратились здесь в самую заметную черту демократии» [1, с. 143]. Однако в случае с Мали эту характеристику, безусловно, можно расширить за счёт свободного развития средств массовой информации.

Наряду с другими существенными факторами именно СМИ сыграли важную роль в процессе перехода от диктатуры к демократии. В период диктатуры главным назначением СМИ в Мали было донесение основных идей режима до основной массы населения с целью обеспечения стабильности правления. Это обусловливало доминирование государственных СМИ, которые пользовались монопольным правом получения и тиражирования информации.

В демократических странах средства массовой информации являются инструментами доведения объективной разносторонней информации о ситуации в обществе, стране и мире, средством прямой и обратной связи между правительством и гражданами. Действующие акторы политического пространства имеют в своём распоряжении разнообразные информационные каналы.

В различных демократических странах медийный ландшафт имеет свои особенности. В Мали уместно говорить о распространении печатных, аудиовизуальных и электронных СМИ. Печатные издания занимают в стране особое место, так как они были первыми и именно они стали оплотом демократической оппозиции в период свержения Муссы Траоре. Поэтому с переходом к демократии число газет в Мали значительно возросло, но не все из них оказались жизнеспособны, так как в условиях, когда в стране преобладает бедность, отсутствуют финансовые возмож-

ности и интеллектуальный потенциал, большинство газет исчезало так же быстро, как и появлялось. Факторами, негативно влияющими на развитие печатных изданий в стране, следует считать: нехватку средств на издание газет, квалифицированного персонала, излишнюю политическую ангажированность изданий, отсутствие широкого выбора типографии и оборудования [11, с. 2].

Для всех печатных СМИ существует проблема распределения тиража, потому что обширность территории страны создаёт сложности со своевременной реализацией газет и увеличивает расходы на транспортировку. Всё это дополняет безграмотность большинства населения и низкая покупательная способность потенциального читателя.

В системе малийских печатных изданий особое место занимают газеты на национальных языках, которые, наряду с чисто информационными функциями, созданы для развития письменности и национальной культуры, а соответственно, активно поддерживаются и датируются государством. Более того, можно утверждать, что посредством издания таких газет активно развивается письменная традиция у тех народов Мали, которые получили возможность читать газеты на родном языке. Первой 11 марта 1972 г. была создана «*Kibaru*» (новости), ежемесячно публикующая новости на языке бамбара. Изначально она печаталась на четырёх полосах, но впоследствии стала восьмиполосным изданием. За 20 лет существования тираж газеты увеличился с 5 000 до 20 000 экз. В 1983 г. вышел в свет первый номер газеты «*Kabaaru*» на языке фульбе (тираж 2000 экз.). А в 1993 г. – газеты «*Xibaare*» на языке сонинке [14, с. 33].

Основной массив читателей газет находится в Бамако. Поэтому почти все из газет печатаются в малийской столице, а потом распространяются по всей стране. Единственным исключением из этого правила является ежедневник *“Segovian”*, издаваемый в Сегу.

О росте печатных изданий после свержения диктатуры говорит тот факт, что в 1992 г. в стране имелось 60 печатных СМИ [7, p. 84]. По данным на 2012 г. в Мали издавалось более 250 государственных и независимых газет, из которых регулярно выходило только около 50 [8, с. 28]. Наибольшие тиражи среди них имела государственная газета *“L’Essor”* и независимая *“Les Echos”*. Журналов в Мали немного, так как их стоимость очень высока, в основном они представлены корпоративными изданиями.

Определить влияние печатных СМИ на современное малийское общество непросто. Как мы уже отмечали, низкий уровень грамотности населения, небольшие тиражи и высокая стоимость изданий позволяют утверждать, что они чаще всего ориентированы на горожан, относящихся к политической, экономической и интеллектуальной элите малийского общества, то есть именно к той части населения, которая в современных реалиях определяет будущее страны. Кроме того, именно материалы печатных СМИ активно тиражируются интернет-изданиями, а также служат основой при формировании новостных выпусков и общественно-политических передач на малийских радиостанциях, не имеющих собственных корреспондентов по стране. Этот фактор существенно увеличивает значение газет в системе распространения плюралистической информации.

Одним из ключевых средств массовой информации в современной Мали, как и в других странах Африки, является радио. Низкий уровень грамотности в стране (среди взрослых только 33,4 % относятся к грамотным, у женщин показатель в целом по стране значительно ниже), простота и низкая цена оборудования для приёма и вещания, незначительные инвестиционные затраты, способность передавать даже в отдалённых районах обуславливают важность радиоиндустрии во многих развивающихся странах [9, с. 6]. Широкое распространение радио в Мали обусловлено и тем фактом, что оно даёт возможность распространять информацию на многочисленных местных языках и наречиях.

Независимые радиостанции в стране стали появляться быстрыми темпами после свержения диктатуры Муссы Траоре. По состоянию на 31 декабря 1993 в Мали уже имелось 15 частных, коммерческих и общественных радиостанций. В 1995 г. в стране уже было 52 радиостанции, из них 15 в Бамако, 37 в остальной части страны. Наиболее перегруженными городами по количеству радиостанций стали Кайе, Сикасо, Сегу, Гао [18, с. 52]. В настоящий момент в стране насчитывается около 500 радиоканалов, из которых 2 государственных, а все остальные относятся к коммерческому и общественному радио. Кроме того, в Мали имеется большое количество пиратских радио, действующих благодаря доступности оборудования нелегально, чаще всего в сельской местности.

Именно радио в Мали оказывает наибольшее влияние на формирование обще-

ственного мнения. В пользу этого утверждения говорят результаты опросов 2000-х гг., проведённых сотрудниками *Institut Panos Afrique de l'Ouest* [11, с. 9] (см. таблицу).

Таблица

Радио как средство получения информации

Как часто вы используете радио в качестве источника получения информации?			
Ответы респондентов:	***2001 г.***	***2005 г.***	***2008***
никогда	15	9	15
реже, чем раз в месяц	6	4	4
несколько раз в месяц	10	6	6
несколько раз в неделю	24	22	30
ежедневно	45	59	45

Посредством радио широко распространяются локальные новости, наиболее востребованные в обществе. Кроме того, именно радиоканалы используют, чтобы влиять на общественное мнение в стране. Поэтому в эфире многих радиостанций существуют передачи, целью которых является повышение политической культуры общества, роли женщины в традиционном африканском обществе, развитие грамотности и т. д. Вместе с тем, чаще всего и выбросы ложной, недостоверной информации также происходят посредством этого вида СМИ, так как в отличие от газет радио очень сложно контролировать. Большая часть общественно-политических передач идёт в прямом эфире и не имеет архивной копии. Это, к сожалению, обратная сторона малийской демократии в СМИ.

О влиянии радио на развитие демократии в стране может свидетельствовать и оценка этого вида СМИ президентом Альфа Умаром Конаре (*Alpha Oumar Konaré*), который назвал радио «стержнем малийской демократии» и обратил внимание на то, что руководители общин и даже центральные власти регулярно слушают радио, чтобы знать общую оценку своей деятельности со стороны журналистов [4, p. 36].

Телевидение, как и радио, выделяется тем, что в условиях высокой безграмотности, характерной для стран Африки, является доступным для широких масс населения способом донесения информации, но серьёзно уступает радио по уровню доступности приёмников и охвату территории страны качественным сигналом.

На сегодняшний день основной государственный канал *ORTM* осуществляет аналоговое вещание на большей части территории Мали; кроме того, канал присутствует в сети кабельных операторов Мали и других стран Африки. Это, наравне с государственным радио, главный рупор власти. В настоящее время в рамках *ORTM* действует второй национальный канал – *TM* 2, который транслируется только в цифровом формате либо в кабельных сетях Мали, поэтому пока имеет меньший охват по сравнению с первым каналом *ORTM*. Особенностью малийского телевидения является наличие частного панафриканского канала «*Africable Télévision*», ориентирующегося на разные франкоязычные страны континента. Кроме того, на протяжении последних полутора лет в стране появились новые частные кабельные каналы.

Благодаря спутниковому телевидению и кабельным операторам в городах страны доступны многие иностранные каналы (в первую очередь, французские), пользующиеся значительной популярностью среди наиболее образованной части населения. Таким образом, телевизионный эфир также представлен плюрализмом, что, несомненно, является формирующим фактором малийской демократии.

В последнее время всё большую популярность в Мали получают интернет-СМИ, чему содействует большая доступность всемирной паутины и развитие специализированных информационных ресурсов. Особенно популярен интернет в молодёжной среде, что позволяет говорить о значительных перспективах электронных СМИ в будущем. Сложность контроля всемирной паутины, а также возможность тиражирования публикаций малийских печатных изданий на интернет-ресурсах делают информацию всё более доступной и мобильной, так как наиболее свежие новости можно прочитать с момента их появления в любой части страны и даже земного шара.

Малийские СМИ и их роль в формировании современной политической системы страны. Возможности влияния СМИ на развитие и становление демократии в Мали особенно отчётливо проявили себя в период свержения диктатуры Муссы Траоре, когда выяснилось, что среди журналистов и всей интеллектуальной элиты Мали достаточно много инакомыслящих, недовольных положением дел в стране. Многие официальные журналисты имели связи с нелегальными оппозиционными группами. Они находились рядом с будущим президентом Альфа Умаром Конаре, совместно издавая и распространяя журнал «*Jamana*», ставший оплотом оппозиции режиму Траоре [13].

Альфа Умар Конаре – известный историк, профсоюзный активист, министр спорта, искусства и культуры Мали в 1979–1980 гг. В 1983 Конаре создал культурный кооператив *"Jamana"* (в переводе с нескольких языков Мали означает «страна»). В 1984 г. с одобрения властей кооперативом было организовано издание одноименного журнала (ежеквартальный, тираж 1000 экз.) культурной направленности. Это было первое независимое издание [15]. Посвящённый вопросам общества и культуры, журнал находился в ведении учёных и журналистов, работающих в официальных органах.

В окружении Конаре появилась идея создания независимой информационной газеты. Первый выпуск информационной газеты *"Les Echos"* появился на свет 17 марта 1989 г. (изначально издавалась раз в два месяца тиражом 2000 экз.). Издание позиционировало себя как «голос безгласных», освещая социальные вопросы, политику и, прежде всего, открывало широкие возможности для дебатов, демонстрируя радикализацию взглядов, откровенные претензии на многопартийность и проведение Национальной конференции. С февраля 1994 г. газета стала еженедельной. В настоящий момент её тираж достигает 30 000 экз. [13].

Ещё одним частным изданием, появившимся в тот период, стала *"La Roue"* (Колесо), первый номер которой увидел свет в июле 1989 г. Созданная в феврале 1990 г. *"L'Aurore"* так же резко критиковала режим, сосредоточившись на социально-экономическом анализе. Эти газеты стали в открытую высказывать на своих страницах политические требования, призывая на протяжении всего 1990 г. к созданию объединённого демократического движения. И действительно, многие партии появлялись за счёт объединения вокруг подобных независимых изданий.

Правительство пыталось противостоять этому, но безуспешно. После начала народных протестов и разгона демонстрации в Бамако 22 марта 1991 г. ближайший номер *"Les Echos"* освещает это как падение Муссы Траоре. Тридцать тысяч экземпляров мгновенно расходятся по стране.

Всё происходящее в Мали в конце 1990 г. – начале 1991 г. позволяет некоторым экспертам, в частности Р. де ла Броссе (*R. de la Brosse*), заявлять, что независимая пресса до октября 1990 г. являлась «единственной организованной структурой оппозиции режиму, которая может публично вступить в противоречие с ним» [13].

События 1991 г. стали основанием для некоторых исследователей определять Мали как «подлинную демократию» в западной Африке, как исключение из правил, одно из немногих государств, где переход к демократии укреплялся с начала 90-х годов [6, с. 34]. И для этого есть существенные основания. Начиная с 1992 г. в Мали проводились всеобщие, альтернативные выборы, исход которых непредсказуем и с итогом которых соглашаются проигравшие. В 1992 г. был принят пакт о национальном примирении, обговоренный также и с Севером, что укрепило в стране правовую систему и позволило впоследствии создать действующее законодательство.

Однако не все согласны с этими оценками. Если народный характер малийской революции 1991 г., осуществлённой в условиях экономического упадка, разгула коррупции и падения авторитета правящего режима, действительно не вызывает споров, то заявления об установлении в Мали демократии, по мнению некоторых исследователей, выглядят некорректными. Так, профессор И. Ндойе *(I. N'diaye)* утверждает: **«**Демократия в Мали "больна" сложившейся культурой однопартийной системы, унаследованной от Демократического союза малийского народа, старой единой партии Муссы Траоре. Многопартийная система, продиктованная эрой демократии, дала начало множеству партий, для которых не характерна ни внутрипартийная демократия, ни внутренние обсуждения, ни смена руководства внутри партии. Партии стали собственностью своих руководителей, которые остаются всё теми же, и выражают их индивидуальные амбиции» [12]. Это высказывание во многом подтверждает общую характеристику африканской демократии, данную профессором А. Л. Емельяновым.

Действительно, подобные критические замечания не возникают на ровном месте. Однако и демократическое общество не может сформироваться сразу, для этого, особенно в условиях Африки, исторически далёкой от демократии, нужно время. Вместе с тем, сам факт подобных заявлений, которые свободно циркулируют в стране и доступны не только пользователям интернета, говорит о том, что страна идёт в правильном направлении.

Малийские СМИ в президентских, парламентских и местных выборах: их роль и влияние на избирательный процесс. Опыт проведения выборов в Мали после свержения диктатуры Траоре показывает, что они в основном соответствуют критериям демократичности. Но при этом стоит учитывать неко-

торые нюансы. Среди них – крайне низкую посещаемость выборов различного уровня (особенно местных). Так, в 1992 г., который для многих видится переломным, когда в условиях национального подъёма и всплеска протестных настроений, приведших к свержению режима, многие должны были прийти на выборы, чтобы определить будущее своей страны. Однако на практике этого не происходит. Явка в первом туре в 1992 г. составила 23,6 %, во втором – 20,9 %. Гораздо меньшей она была на парламентских выборах: 21,3 % в 1992 г. и 21,6 % в 1997 г. В 2007 г. на президентских выборах явка достигла 36,2 % от общего числа избирателей, на парламентских – 33,4 %. Обращает на себя внимание и тот факт, что этот показатель варьировался по регионам. В частности, на севере страны явка в большинстве на выборах была значительно выше. Также явка в сельской местности явственно преобладала над явкой в городах. И, как ни парадоксально, но именно в районе Бамако наблюдалась самая низкая явка. На парламентских выборах 2007 г. она составила всего 15 % [17, с. 4, 17, 18].

Чем можно объяснить подобную ситуацию? В первую очередь уровнем политической культуры большинства населения, а также уровнем недоверия к власти и прозрачности выборов. На данный момент большинство малийских политических лидеров согласны с тем, что во всех выборах, то есть во время избирательных кампаний, властью негласно, но весьма активно использовался административный ресурс [5, с. 429]. Многочисленные обвинения властей в использовании административного ресурса, имевшие место на страницах газет и в радиоэфире, могли привести к такому негативному результату.

Также низкая явка в городах может быть обусловлена тем, что многие считают, что участники политических кампаний и кандидаты не предлагают реальные проекты развития общества. Этому, на наш взгляд, во многом могли способствовать различного рода разоблачения (мнимые и реальные) и обвинения, периодически звучащие в адрес политических оппонентов в СМИ.

Также, по мнению экспертов, низкая явка на выборах обусловлена и отсутствием реальной альтернативы в избирательном процессе. Дело в том, что политический плюрализм во многих странах Африки обернулся появлением большого числа партий, не имеющих серьёзной социальной и политической базы, чёткой политической программы.

Отдельного внимания при изучении вопроса о роли СМИ в выборах в Мали заслуживает последняя президентская и парламентская кампании, прошедшие в 2013 г. Прошли они в весьма сложных условиях, когда страна стремилась преодолеть последствия восстания туарегов на севере, военного вмешательства иностранных держав и политический кризис 2012 г., приведший к свержению законно избранного президента Амаду Тумани Туре (*Amadou Toumani Touré*). Предшествующие выборам события, безусловно, не могли не сказаться на росте явки избирателей. В итоге в первом туре президентских выборов на участки явилось почти 49 % избирателей, во втором – 45,8 % [2]. Это говорит о том, что явка была самой большой с момента развития современной демократической республики.

Поэтому и оценки наблюдателей Европейского Союза по итогам выборов и роли СМИ были весьма позитивными. В частности, отмечалось, что малийские средства массовой информации выполнили свою обязанность информирования избирателей. Государственные средства массовой информации обеспечили равный для всех доступ к своим ресурсам. В связи с тем, что закон о выборах не содержит положений о частных средствах массовой информации во время избирательной кампании, нарушения в этой области не фиксировались. Газеты, журналы и интернет-СМИ публиковали плакаты и размещали баннеры. Доступ для кандидатов в радиоэфир и на страницы газет предоставлялся на коммерческих условиях и был равным. В целом, по мнению европейских наблюдателей, частные СМИ освещали предвыборную кампанию сбалансированно. Исключением стало радио «*Kayira*», посвятившее подавляющее большинство своего эфира информации в пользу Умара Марико (*Oumar Mariko*). Единственной проблемой равенства кандидатов оставался доступ к частным СМИ, связанный с финансовыми возможностями участников выборов [19].

Позитивные изменения в ходе избирательных кампаний 2013 г. наблюдались и на севере страны, который довольно сложно восстанавливался после кризиса. Тем не менее, 25 из 57 радиостанций и газет, которые были закрыты в 2012 г., возобновили радиовещание и публикации. В ходе избирательной кампании не было зарегистрировано нападений на журналистов, в то время как в 2012 г. это было частым явлением [10, с. 5].

Таким образом, в условиях развития малийской демократии особое место занимают СМИ, которые являются неотъемлемыми участниками избирательных кампаний. Но, как показывает история последних десятилетий, влияние средств массовой информации на проведение выборов в Мали неоднозначно. С одной стороны газеты, радио и телевидение мобилизуют население, призывая всех отдать свой голос за достойного кандидата. С другой стороны обоснованная критика либо дискредитация власти, кандидатов и политических сил создают негативный информационный фон и также влияют на исход выборов.

Заключение. Всё вышесказанное позволяет сделать следующий обобщающий вывод: в настоящее время средства массовой информации Мали развиваются довольно динамично, несмотря на сложности, с которыми столкнулся малийский народ в 2012 г. И хотя уровень воздействия на общественное мнение у них различный в силу внутренних факторов, все они имеют свою потенциальную аудиторию и формируют медийный ландшафт, обеспечивая сохранение демократии.

Список литературы

1. Емельянов А. Л. Особенности политического процесса и политических структур на африканском континенте / А. Л. Емельянов // Полис. Политические исследования. 2013. № 1. С. 142–163.

2. Au Mali, le raz-de-marée électoral d'Ibrahim Boubacar Keïta [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rfi.fr/afrique/20130815-mali-raz-maree-electoral-presidentiel-ibrahim-boubacar-keita (дата обращения: 07.04.2016).

3. Camara M. Mali: Un quart de siècle démocratique… [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.journaldumali.com/article.php?aid=10044 (дата обращения: 07.04.2016).

4. Gilberds H. The Media Map Project: Mali. Case Study on Donor Support to Independent Media, 1990–2010. 2011. 46 p.

5. Chauzal G. Les regles de l'exception: la regulation (du) politique au Mali et au Niger. Bordeaux: Université de Bordeaux, 2011. 587 p.

6. Kéïta M. K. La presse écrite au Mali. Institut Panos, 1995.123 p.

7. Keita M. K. Réflexion sur la presse écrite // Politique Africaine. 1992. № 47. Octobre. P. 79–90.

8. Le Baromètre des Médias Africains: Première analyse locale du paysage médiatique en Afrique. Mali 2012 / Friedrich-Ebert-Stiftung (FES). Windhoek, Namibia, 2012. 135 p.

9. L'ORTM et l'avenir de la télédiffusion numérique et de l'Internet au Mali Responsable: Klaas Glenewinkel Berlin, printemps 2015. 15 p.

10. Media Sector in Mali Witnesses Steady Recovery After Devastation by Conflict: Monitoring Report. Bamako, 2013. 6 p.

11. Médias publics et médias privés: différences et complémentarité en douze ans de processus démocratique. Bamako, 2003. 87 p.

12. N'Diaye I. Mali – une 'démocratie' contre le peuple [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.africavenir.org/news-details/archive/2012/may/article/pr-issa-ndiaye-mali-une-democratie-contre-le-peuple/print.html?tx_ttnews%5Bday%5D=05&cHash=11c153209bd60f5c5857a8964eae7d6b (дата обращения: 07.04.2016).

13. Perret T. Médias et démocratie au Mali Le journalisme dans son milieu // Politique Africaine [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cairn.info/revue-politique-africaine-2005–1-page-18.htm (дата обращения: 07.04.2016).

14. Politique nationale de communication pour le développement / Ministere de la culture et de la communication. Bamako, 2014. 64 p.

15. Qu'estce que la Coopérative Culturelle Jamana? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.jamana.org/presentation.html (дата обращения: 10.04.2016).

16. Sakpane-Gbati B. La démocratie à l'africaine [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ethiquepublique.revues.org/679 (дата обращения: 10.04.2016).

17. Traore M., Diaby S. M. Les elections au Mali: Pourquoi le taux de participation est toujours si bas? Bamako: FES, 2011. 53 p.

18. Tudesq A. J. L'Afrique parle, l'Afrique écoute: les radios en Afrique subsaharienne. Paris: Karthala, 2002. 320 p.

19. Union Européenne. Mission d'Observation Électorale au Mali 2013 [Электронный ресурс] // Élection Présidentielle Bamako, le 30 juillet 2013. P. 6. Режим доступа: http://www.eueom.eu/files/pressreleases/english/communique-de-presse-declaration-preliminaire-moe-ue-mali-300713_fr1.pdf (дата обращения: 10.04.2016).

References

1. Emel'janov A. L. Osobennosti politicheskogo processa i politicheskih struktur na afrikanskom kontinente / A. L. Emel'janov // Polis. Politicheskie issledovanija. 2013. № 1. S. 142–163.

2. Au Mali, le raz-de-marée électoral d'Ibrahim Boubacar Keïta [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.rfi.fr/afrique/20130815-mali-raz-maree-electoral-presidentiel-ibrahim-boubacar-keita (data obrashhenija: 07.04.2016).

3. Camara M. Mali: Un quart de siècle démocratique… [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.journaldumali.com/article.php?aid=10044 (data obrashhenija: 07.04.2016).

4. Gilberds H. The Media Map Project: Mali. Case Study on Donor Support to Independent Media, 1990–2010. 2011. 46 r.

5. Chauzal G. Les regles de l'exception: la regulation (du) politique au Mali et au Niger. Bordeaux: Université de Bordeaux, 2011. 587 r.

6. Kéïta M. K. La presse écrite au Mali. Institut Panos, 1995.123 r.

7. Keita M. K. Réflexion sur la presse écrite // Politique Africaine. 1992. № 47. Octobre. P. 79–90.

8. Le Baromètre des Médias Africains: Première analyse locale du paysage médiatique en Afrique. Mali 2012 / Friedrich-Ebert-Stiftung (FES). Windhoek, Namibia, 2012. 135 r.

9. L'ORTM et l'avenir de la télédiffusion numérique et de l'Internet au Mali Responsable: Klaas Glenewinkel Berlin, printemps 2015. 15 r.

10. Media Sector in Mali Witnesses Steady Recovery After Devastation by Conflict: Monitoring Report. Bamako, 2013. 6 r.
11. Médias publics et médias privés: différences et complémentarité en douze ans de processus démocratique. Bamako, 2003. 87 r.
12. N'Diaye I. Mali – une 'démocratie' contre le peuple [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.africavenir.org/news-details/archive/2012/may/article/pr-issa-ndiaye-mali-une-democratie-contre-le-peuple/print.html?tx_ttnews%5Bday%5D=05&cHash=11c153209bd60f5c5857a8964eae7d6b (data obrashhenija: 07.04.2016).
13. Perret T. Médias et démocratie au Mali Le journalisme dans son milieu // Politique Africaine [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.cairn.info/revue-politique-africaine-2005–1-page-18.htm (data obrashhenija: 07.04.2016).
14. Politique nationale de communication pour le développement / Ministere de la culture et de la communication. Bamako, 2014. 64 r.
15. Qu'estce que la Coopérative Culturelle Jamana? [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.jamana.org/presentation.html (data obrashhenija: 10.04.2016).
16. Sakpane-Gbati B. La démocratie à l'africaine [Jelektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://ethiquepublique.revues.org/679 (data obrashhenija: 10.04.2016).
17. Traore M., Diaby S. M. Les elections au Mali: Pourquoi le taux de participation est toujours si bas? Bamako: FES, 2011. 53 r.
18. Tudesq A. J. L'Afrique parle, l'Afrique écoute: les radios en Afrique subsaharienne. Paris: Karthala, 2002. 320 r.
19. Union Européenne. Mission d'Observation Électorale au Mali 2013 [Jelektronnyj resurs] // Élection Présidentielle Bamako, le 30 juillet 2013. P. 6. Rezhim dostupa: http://www.eueom.eu/files/pressreleases/english/communique-de-presse-declaration-preliminaire-moe-ue-mali-300713_fr1.pdf (data obrashhenija: 10.04.2016).

Библиографическое описание статьи

Шейкна Калифа Сангаре. Роль СМИ в становлении и развитии малийской демократии // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 142–149.

DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-142-149

Reference to article

Sheikna Kalifa Sangare. The Role of the Media in the Development of the Malian Democracy // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 142–149.

DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-142-149

Статья поступила в редакцию 03.05.2016

УДК 316.28:323.28

***Грег Саймонс*[1],**
Центр исследования ассиметричных угроз, Шведский университет обороны
(п/я 514, Уппсала, 751 20, Швеция)
e-mail: gregmons@yahoo.com

Новые подходы к теории коммуникации: на примере современной террористической угрозы

Именно нарративы определяют наше восприятие действительности в пределах определённой среды, в которой всё происходит. Центральная ошибка в основе текущего нарратива заключается в том, что он использует единую схему в рассмотрении сложного современного мира. Это ясно прослеживается в глобальной войне с террором, начало которой ознаменовано печальными событиями 11 сентября 2001. Последующее сражение за сердца и умы людей, развернувшееся между Западным миром и исламским экстремизмом, нашло своё яркое отражение в информационном пространстве, и особенно в социальных сетях. Принято считать, что воззвания ислама привлекают непрекращающийся поток приверженцев терроризма. Тем не менее, настал момент пересмотра подобных нарративов.

Фокус передачи информации имеет решающее значение для любого социума. История – один из способов изображения действительности и выявления того, что лежит над поверхностью событий. Поэтому нарративы больше насыщены смыслом, а не чистыми фактами, и, следовательно, указывают на то, что является существенным и важным в данной среде. Нарративы не просто повествуют, они используются как средство призыва целевой аудитории к политическим действиям, задействуют контент, ориентированный на нормы и ценности людей. Инициаторы нарративов – международные акторы – организовывают информацию стратегически, создают новые вопросы, убеждают аудиторию и получают рычаги влияния на организации и правительства. Активисты в сетях пытаются не только влиять на политические результаты, но трансформируют саму природу дискуссии.

Негосударственные акторы, выступая в качестве альтернативного источника информации и идей, получают дополнительное влияние на свою целевую аудиторию. Убедительность поддерживается драматическим эффектом изложения информации, эмоциональной по своей природе, что и становится ключевым элементом коммуникационной стратегии.

Неспособность контролировать или, по крайней мере, управлять информационными потоками может постепенно привести к негативным воздействиям на расстановку сил в войне. Пора признать, что публичная дипломатия, призванная играть решающую роль в подобной войне идей, сегодня проигрывает.

При изучении роли и характера использования информации в военных операциях существенная разница обнаруживается между вооружёнными силами Запада и повстанческими (террористическими) организациями. Западные военные силы, как правило, используют информационные действия для поддержки военных операций, например, чтобы их узаконить (в аспекте преумножения веры в политическое и военное руководство). Повстанческие и террористические силы используют военные операции для поддержки информационных действий, предполагаемый результат заключается в формировании особого восприятия своих противников (военных и гражданских лиц) и определённого образа власти. Планируемый эффект предполагает подрыв воли общественности к продолжению борьбы.

Повстанческие и террористические группы искусны в социальной коммуникации, которая не столько диктует аудитории КАК думать, а больше – о ЧЁМ думать. Сообщения ИГИЛ вращаются вокруг трёх основных понятий – религии, обиды и утопического видения. Обиды и утопии привлекают пользователей социальных сетей.

В повстанческих и террористических нарративах различные аспекты риторики играют решающую роль в формировании общей картины мира. *Логос* является рациональным обращением к аудитории, даже если логика является ложной. *Пафос* действует как эмоциональный детонатор для активизации определённых действий аудитории, соотносимых с политическими интересами группы. *Этос* характеризуется использованием ислама и Корана, которые играют роль обеспечения видимости этического обоснования содержания нарратива. Террористы используют ислам как средство легитимизации их политической и вооружённой борьбы против Запада. Запад, приняв последующие конфликты как войну с исламским экстремизмом, на самом деле рискует попасть в геополитическую ловушку, ведущую к «столкновению цивилизаций».

Ключевые слова: информационная война, коммуникация, нарратив, террористическая угроза, альтернативные источники информации.

[1] Грег Саймонс **–** аналитик Центра исследования ассиметричных угроз, давно занимается изучением политических и массово-медийных вопросов современной России, неоднократно участвовал в работе научных конференций в России, читал лекции в ведущих вузах Москвы, Санкт, Петербурга, Екатеринбурга.

© Грег Саймонс, 2016

Greg Simons[1]
Uppsala Centrum for Rysslandsstudier, Centre for Asymmetric Threat Studies,
Swedish Defence University
(UCRS, Box 514, 751 20 Uppsala, Sweden)
e-mail: gregmons@yahoo.com

Rethinking the Communication Theory: the Case of Modern Terroristic Threat

It is narratives that determine our perception of the reality within the specific environment which it resides. The central fallacy at the heart of the current narrative is that it employs a single scheme to view a complex world. This is clearly seen within the Global War On Terrorism that was launched in the wake of the 11 September 2001 attacks. The ensuing battle for hearts and minds that has taken place since, between the Western world and Islamic-based extremism, has flooded the information space and especially social media. The appeal of Islam is considered to draw a steady stream of terrorist followers. However, now may be the point in time to reconsider such narratives.

Information and how it is conveyed is critical to all societies. Stories are one way of depicting reality and of revealing what lies beneath the surface of events. Therefore, narratives are more concerned with meaning rather than pure facts, and so they indicate what is significant and important in our environment. Narratives not only narrate, they are used as a means to call a target audience to political action, they use the content based upon norm and value-based appeals. International actors being narrative creators mobilize information strategically, create new issues, persuade the audience, and gain leverage over powerful organizations and governments. Activists in networks try not only to influence policy outcomes, but to transform the nature of the debate.

Non-state actors as an alternate source of information and ideas gain additional influence on their target audience. Credibility is supported by dramatic messages which are often emotional in nature, and these are key elements in the communication strategy. Failure to control or at least manage information flows can gradually result in negative impacts upon the war operational environment. It is time to recognize that public diplomacy which should play a decisive role in this kind of war of ideas is being defeated now.

When examining the role and nature of how information is used within military operations, a significant difference is found between Western military forces and insurgent/terrorist forces. Western military forces tend to use information operations to support military operations, in order to legitimize them (increase belief in the political and military leadership). Insurgent and terrorist forces use military operations to support information operations, the intended outcome is to shape the particular perception of its opponents (military and civilian) and project a certain image of power. The intended effect is to reduce the public's will in continuing the fight.

Insurgent and terrorist groups have been adept at social media communication, which concerns not so much about dictating to an audience *how* to think, but more *what* to think about. ISIS messages revolve around three core concepts – religion, grievance and utopian vision. The grievances and utopian vision draw social media users. In the insurgent and terrorist narratives, the different rhetoric aspects play a critical role in the overall picture of the world. *Logos* is the logical appeal to the audience, even if the logic is false, it only needs to be believed. *Pathos* acts as an emotional primer for the audience to carry out physical acts that serve the political agenda of a group. *Ethos* is featured in the use of Islam and the Quran, which play the role of providing a façade of ethical justification for the narrative's content. Terrorist forces use Islam as a means of legitimizing their political and armed struggle against the West. By adopting subsequent conflicts as a war against Islamic extremism, the West in fact runs the risk of entering the geopolitical trap of framing "clash of civilizations".

Keywords: information warfare, communication, narrative, terroristic threat, alternative sources of information.

In the information age, success is not merely the result
of whose army wins, but also whose story wins.
Joseph Nye

Narratives determine our perception of a problem and the reality within the specific environment which it resides (Zalman & Clarke, 2009; Esch, 2010). This in turn, affects the means and the approach to solve that issue. One side effect of an established narrative and is to limit how a particular issue is constructed and viewed, often at the expense of alternative explanations and views. This can be to the detriment of solving the problem/task at hand. "The central fallacy at the heart of the current narrative is that it employs a single prism to view a complex world" (Zalman & Clarke, 2009: 111). This is clearly seen within the Global War On Terrorism (GWOT) that was launched in the wake of the 11 September 2001 attacks on the US mainland by terrorists linked to Al Qaeda.

In the ensuing battle for hearts and minds that has taken place since, between the Western world and Islamic-based extremism, messages and counter-messages of these opposing sides have been flooding the information space and

[1] Greg Simons is an analyst at the Centre for Asymmetric Threat Studies (CATS). He has been studying political and mass media issues of modern Russia. He repeatedly participated in scientific conferences in Russia and gave lectures in leading Moscow, Saint Petersburg and Yekaterinburg universities.

especially social media. Conventional wisdom postulates that the appeal of Islam has been drawing a steady stream of sympathy and recruits to the cause of the insurgent and terrorist forces (McClanahan, 2002; Fernandez, 2016). However, now may be the point in time to reconsider this basis after numerous efforts to unsuccessfully communicate with different narratives based on this assumption. Is religion (namely Islam) the foundational basis for those insurgent and terrorist forces engaging the Western world in armed conflict or is it 'merely' an excuse for legitimacy? If religion is not the basis for drawing sympathy, support and recruits to the side of the insurgents/terrorists, then what is drawing people to their cause?

Narratives and Their Significance

Information and how it is conveyed is critical to all societies. "The telling of stories lies at the heart of human communication and underpins the development and cohesion of all societies and cultures. […] Stories, quite simply, are one way of depicting reality and of revealing what lies beneath the surface of events" (Brophy, 2009: ix). Therefore narratives are more concerned with meaning rather than pure 'facts', and therefore indicate what is significant and important in our environment. However, a narrative is not merely the objective conveying of the meaning of events and people that take place in a particular society. They can also be posed and used as a means to prime and call a target audience to political action.

The political call for action can be seen within the framework of advocacy networks that operation across borders in international affairs, which impact upon perception and relations. Actors not only include state-based actors, but non-state actors too. They use high value content based upon norm and value-based appeals in an environment of informational uncertainty. Information exchange is the central basis of the relationships that are created by various actors.

What is novel in these networks is the ability of non-traditional international actors to mobilise information strategically to help create new issues and categories and to persuade, pressure and gain leverage over much more powerful organisations and governments. Activists in networks try not only to influence policy outcomes, but to transform the nature of the debate (Keck & Sikkink, 1998: 2).

Non-state actors can gain additional influence value with their target audiences by serving as an alternate source of information and ideas. Credibility and drama are key elements in the communication strategy, powerful messages (often emotional rather than rational in nature) influence perception and reaction by the audience. As noted by Payne (2005) media are the conduit of the information flows, the significance being the outcome of wars is decided by political factors (as opposed to individual battles being decided by military factors) that is driven by information and perception.

Communicating a Narrative in Political and Armed Conflict

The information sphere is in an intangible existence and reality, however, it plays a critical role. Failure to control or at least manage information flows can gradually result in negative impacts upon the operational environment. One of the key determinants of success is the ability to colonise and occupy the information sphere, which bestows privileges and advantages to those that are successful. "Al Qaeda and other jihadist groups have been enormously successful in using the Internet as a means of occupying that battle space, issuing statements and assertions of fact that largely have gone unchallenged" (Eder, 2011: 11). By being inactive or through using the wrong tactics, an actor essentially yields to their opponent.

In addition, Lord (2006) argues that there needs to be matching and supporting physical deeds to reinforce the rhetoric to ensure and enable a greater sense of credibility of the communicator. He used the lessons ideological conflict embedded in the Cold War to reinforce this particular point, and especially the public diplomacy efforts of the United States in Eastern Europe. In his opinion, communication and influence played a key role in the eventual outcome of the Cold War, but sees a number of problems in the current conflict, which he refers to as being a war.

It is time to recognise that public diplomacy and strategic influence are similarly broken, and for our political leaders to begin to address how to fix them. Particularly in the kind of war that we are engaged in, these instruments could well prove to make the difference between victory and defeat (Lord, 2006: 13).

Western governments need to be able to make their case to a multi-varied target audience, it concerns the need to align messaging, with counter-messaging and physical deeds. Waller (2007: 38) notes that "words and images are the most powerful weapons in a war of ideas. Used skilfully, they can serve the cause well. Used carelessly, they cause collateral damage and the equivalent of death by friendly fire." This is to say that words and images shape the reality of the information space, whether a reality is real or not is secondary to whether it is believed or not. Therefore it is necessary to not

only know oneself, but how the 'Other' communicates and interprets people and events. Possible impediments to achieving these ends "include ignorance, political correctness and the unwillingness of officials to make words work to help win the war" (Waller, 2007: 75).

Political correctness has a profound effect on the contemporary battlefield (not only physical, but also psychological) that limiting or limited military action had historically. This is owing to a shift in the nature of how battles are fought and how wars are won or lost, which in this context means that the increasing relative importance of intangible (belief in political and military leadership, the will to fight) over tangible (size of military forces, the type and quality of military equipment) elements.

The current battlefield is located increasingly in the global information space, which knows none of the historical constraints of geopolitics (namely space and time). When examining the role and nature of how information is used within military operations, a significant difference is found between Western military forces and insurgent/terrorist forces. Western military forces tend to use information operations to support military operations, in order to legitimise those operations (increase belief in the political and military leadership). Information operations play a subordinate role to military operations. Insurgent and terrorist forces use military operations to support information operations, the intended outcome is to shape the perception of its opponents (military and civilian) and project greater tangible and intangible power than they may in fact have. The intended effect is to reduce their opponents' belief in their political and military leadership, and erode the public's will in continuing the fight. Therefore, political correctness has the disastrous effects and consequences of hobbling our own efforts, whilst emboldening the enemy.

Social Media and Geopolitics in the GWOT

The mechanisms of geopolitical mobilisation through communication have been gradually evolving along with the developments in New Communications Technologies. Mathew Fraser speaks of *geopolitics 2.0*, he notes three significant shifts: 1) States to individuals; 2) real world to virtual world mobilisation and power; 3) old media to new media. He also notes that states have reacted to these changes by either censoring and/or deploying web platforms to achieve their goals and assert their influence (Fraser, 2009). This has already had a noted and significant impact upon the nature of the foreign policy process. Henry Kissinger (2015: 330-360) has noted that there is much less concrete and unified knowledge for policymakers in the age of social media as there is an instantaneous deluge of information available. Thus the days of shared accounts of knowledge are fading as knowledge is being increasingly contested. Another point being the nature of the instantaneous communication, which often carries selective and emotionally based material forces a more rapid and less reflective reaction to people and events in the world. This increases the risk of applying inappropriate or incorrect remedies to global problems, such as terrorism.

New media communication is dialogic in nature, a many-to-may form of message flow, which witnesses the simultaneous sending and receiving of messages between numerous individual via platforms such as Facebook, Twitter and LinkedIn (Cunningham, 2010: 111). The new media environment differs from the traditional media (print and broadcast) as it is a rapid paced and interactive environment that has implications. "A dialogic new media communication strategy must be persistent and adaptive over time. It represents at a conceptual level a war without end, although it is a war waged in the information sphere" (Cunningham, 2010: 113). As influential as social media's role is in communicating and spreading dissent, the role should not be overstated and nor should the role of traditional media be completely discounted in the process (Khondker, 2011).

Insurgent and terrorist groups have been adept at social media communication, which concerns not so much about dictating to an audience how to think, but more what to think about. "The siren call of ISIS, promoted through its now-infamous use of social media, is, like that Wahhabism before it, a worldview that has motivated tens of thousands toward extreme action, caused extreme suffering and dislocation, is extraordinarily ambitious and aggressive" (Fernandez, 2016). Fernandez notes that ISIS messages revolve around three core concepts – religion, grievance and utopian vision. Those that draw the hearts and minds of certain segments of social media users are the grievances and utopian vision. Recent research has shown that isolated and marginalised groups and individuals are more likely to be lured by the messages of vengeance (perceived social and political justice) and a utopian life of the Caliphate (perceived sense of belonging and purpose) (CVE, 2016; Simons, 2016).[1] In this regard, religion may play a different role in the communication plan.

[1] This is in keeping with research conducted by Dr Noha Bakr from Egypt, she identified per-ceived grievances among youth from relatively well to do families was a significant motivating factor to join an organisation such as ISIS (correspondence via email on 6 March 2016).

An astute observation by Waller (2007) is that the insurgent and terrorist forces use Islam as a means of legitimising their political and armed struggle against the West, by adopting this approach and characterising the GWOT and subsequent conflicts as a war against Islamic extremism the West in fact runs the risk of entering the geopolitical trap of framing the conflict as between the West and Islam in terms of a Huntingdon-type clash of civilisations (Simons, 2010).

Conclusions

In the insurgent and terrorist narratives, the different rhetoric aspects play a critical role in the overall picture and effect of the message. *Logos* is the logical appeal to the audience, even if the logic is false, it only needs to be believed. This plays a role in capturing influence from the target group. *Pathos* acts as an emotional primer for the audience to carry out physical acts that serve the political agenda of a group. *Ethos* is featured in the use of Islam and the Quran, which play the role of providing a façade of ethical justification for what may otherwise be unthinkable, let alone doable.

Given that the current communication strategies seem to be addressed at the underlying ideological legitimacy of terrorist and insurgent groups, it may be a case of administering the right medicine to the wrong problem. Undermining the perceived legitimacy of an opponent is certainly important, but should not be the only task. This is one of three necessary tasks. The other two messages of the narrative should also focus on shaping and engaging audiences in their perception of grievances and anger, and lastly to reduce the vulnerability and susceptibility of marginalised and isolated groups in society through active communication. This should align defensive communication (protect own information space), offensive communication (attack opponent's information space) and deeds (to support and engage communication with target audiences).

References

1. Brophy P. Narrative-Based Practice. Farnham: Ashgate, 2009.
2. Countering Violent Extremism (CVE). Positive Counter-Messaging: Can We do it Alone? Defence IQ, March, 2016
3. Cunningham T. Strategic Communication in the New Media Sphere, JFQ, issue 59, 4th Quarter. 2010. P. 110–114.
4. Eder M. K. Leading the Narrative: The Case of Strategic Communication. Annapolis (MD): Naval Institute Press, 2011.
5. Esch J. Legitimising the "War on Terror": Political Myth in Official-Level Rhetoric // Political Psychology. 2010. Vol. 31. No. 3. P. 357–391.
6. Fernandez A. M. Countering the Islamic State's Message [Электронный ресурс] // The Journal of International Security Affairs, Winter. No. 30, 2016. Режим доступа: http://www.securityaffairs.org/issues/number-30/countering-islamic-states-message. (дата обращения: 16.04.2016).
7. Fraser M. 'Geopolitics 2.0', ARI 144. 2009.
8. Keck M. E. & Sikkink, K. Activists Beyond Borders: Advocacy Networks in International Politics. Ithaca: Cornell University Press. 1998.
9. Khondker H. H. Role of New Media in the Arab Spring // Globalisations, 2011. Vol. 8. No. 5. P. 675–679.
10. Kissinger H. World Order. New York: Penguin Books. 2015.
11. Lord C. Losing Hearts and Minds? Public Diplomacy and Strategic Influence in the Age of Terror. Westport (CT): Praeger Security International. 2006.
12. McClanahan J. R. America's Information War on Terrorism: Winning Hearts and Minds in the Muslim World. Carlisle Barracks (PA): US Army War College. 2002.
13. Payne K. The Media as an Instrument of Waги // Parameters. Spring. 2005. P. 81–93.
14. Simons G. Islamic Extremism and the War for Hearts and Minds // Global Affairs, 2016. DOI: 10.1080/23340460.2016.1152446.
15. Simons G. Fourth Generation Warfare and the Clash of Civilisations // Oxford Journal of Islamic Studies. 2010. Vol. 21. No. 3. P. 391–412.
16. Waller J. M. Fighting the War of Ideas Like a Real War: Messages to Defeat the Terrorists. Washington DC: The Institute of World Politics Press. 2007.
17. Zalman A. & Clarke, J. The Global War on Terror: A Narrative in Need of a Rewrite, Ethics & International Affairs. 2009. Vol. 23. Issue 2. P. 101–113.

Библиографическое описание статьи

Грег Саймонс. Новые подходы к теории коммуникации: на примере современной террористической угрозы // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 150–154.

Reference to the article

Greg Simons. Rethinking the Communication Theory: the Case of Modern Terroristic Threat // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 150–154.

Статья поступила в редакцию 24.05.2016

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ORIENTAL STUDIES

УДК 615 (571.54)
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-155-162

***Цымжит Пурбуевна Ванчикова*[1],**
доктор исторических наук, профессор,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

***Оюуна Санжимитуповна Ринчинова*[2],**
кандидат исторических наук,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
(670031, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: rinchinova.o@gmail.com

Проект Буручкома по реформированию тибетской медицины в БМАССР в 1920-е годы

Авторами поставлена цель – исследовать этапы становления и развития тибетской медицины на территории Бурятии, роль первой научной организации – Бурятского учёного комитета в попытках реформирования тибетской медицины и модернизации здравоохранения БМАССР в целом.

В статье показаны две противоположные тенденции, которые были в обществе: с одной стороны проводилась политика подавления тибетской медицины, с другой стороны – были сторонники интеграции тибетской медицины в складывающуюся систему советского здравоохранения.

В фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН хранится архив Бурятского учёного комитета. На основе документов из этого архива показана определяющая роль Буручкома в попытках сохранить тибетскую медицину, выявлены причины неудачной попытки интеграции традиционной медицины в советскую систему здравоохранения. Введены в научный оборот новые архивные данные по истории тибетской медицины, первых научных организаций.

Показана политика советских властей по отношению к тибетской медицине, приведшая к её уничтожению в СССР.

Актуальность темы определена необходимостью воссоздания состояния тибетской медицины в период становления здравоохранения Бурятии для понимания современного состояния традиционной медицины России и проблем, стоящих перед ней.

Ключевые слова: Бурятский учёный комитет, Буручком, политика властей, тибетская медицина, здравоохранение, буддизм, эмчи-ламы, модернизация

[1] Ц. П. Ванчикова является организатором исследования, ею скорректированы формулировки теоретических положений, затронутых в исследовании, и обобщены итоги реализации коллективного проекта.

[2] О. С. Ринчиновой проведена практическая часть работы по сбору архивных документов и их анализу, разработаны основные положения исследования.

© Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С., 2016

Tsymzhit P. Vanchikova[1]***,***
Doctor of History, Professor, Senior Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670031, Russia),
e-mail: vanchikova_ts@mail.ru

Oyuna S. Rinchinova[2]***,***
Candidate of History, Researcher,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi st., Ulan-Ude, 670031, Russia),
e-mail: rinchinova.o@gmail.com

The Project of the Buryat Scientific Committee on Reforming of the Tibetan Medicine in BMASSR in the 1920s

The authors have set up a goal to explore the stages of formation and development of Tibetan medicine in Buryatia, to reveal the role of the first scientific organization – the Buryat Scientific Committee and its attempts of reforming the Tibetan medicine and modernization of health care of the BMASSR in general. Two opposite tendencies which were in society are shown in the article: on the one hand, the policy on suppression of the Tibetan medicine was pursued, on the other hand, there were supporters of integration of the Tibetan medicine into the developing system of the Soviet health care.

The archives of the Buryat scientific committee are stored in funds of the Center of eastern manuscripts and xylographs of the IMBT of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. On the basis of documents from this archive, the role of Buruchkom in attempts to keep the Tibetan medicine is shown, the reasons of unsuccessful attempt of integration of traditional medicine into the Soviet health care system are analyzed. New archival documents on the history of the Tibetan medicine and first scientific organizations are introduced for scientific turnover. The policy of the Soviet authorities towards the Tibetan medicine, which led to its destruction in the Soviet Union is shown.

The relevance of the article is defined by the need of reconstruction of the state and conditions of the Tibetan medicine during the initial stage of formation of modern health care system of Buryatia for understanding of the current state and status of traditional medicine of Russia and problems facing it.

Background identified the need to recreate the state of Tibetan medicine in Buryatia health formation period for understanding the current state of traditional medicine in Russia and the problems facing it.

Keywords: Buryat scientific committee, Buruchkom, policy of the authorities, Tibetan medicine, health care, Buddhism, emchi-lamas, modernization

Тибетская медицинская система нашла своё практическое применение у бурят со времен принятия ими буддизма, и к моменту появления первых европейских исследователей в Забайкалье, которые зафиксировали наличие здесь буддийской системы врачевания, население широко пользовалось её методами и услугами.

Судя по историческим свидетельствам, приобщение региона к буддийской культуре началось с селенгинских бурят, перекочевавших в Забайкалье в течение XVII в., уже ставших буддистами. В этой связи в летописи Аюши Саагиева сообщается: «В то время, когда мы были подданными Алтан-гэгэн-хана, он пригласил из Тибета всеведущего далай-ламу Содном-Джамцо, который посвятил нас в религию Будды-Шигемуни, усмирил чертей и нечистых духов, в честь которых раньше делались жертвоприношения. После этого, говорят, мы стали почитать изображения богов, а ламы и их ученики читали нам священные книги, мы учились тибетской и монгольской грамоте, писали и читали, извлекали пользу из лекарств и астрологии, отдавали юношей из своей среды в хувараки. Считают, что с этого времени, как Алтан-гэгэн-хан пригласил далай-ламу Содном-Джамцо, до присоединения нас к российскому государству в 1648 г, прошло 70 с лишним лет» [6, с. 172]. По мере своего распространения тибетская медицина вобрала в себя монгольские, бурятские народные традиции врачевания. Вплоть до 30-х гг. прошлого века к услугам эмчи-лам обращалось население всей этнической Бурятии (Предбайкалье, территория Республики Бурятия, Забайкалье).

[1] Ts. P. Vanchikova is an organizer of the research, she has formulated its theoretical issues and has done general analyses of the results of the collective article.

[2] O. S. Rinchinova gathered and analyzed archival documents and materials and developed the research fundamentals.

О широком распространении среди бурят тибето-монгольской медицины, говорит тот, факт, что статьи о практике взаимоотношений пациента и лекаря тибетской медицины к моменту наибольшего расцвета буддизма среди бурят в середине XIX в. уже были включены в сборники обычного права бурят в Положении 1808 г., «Селенгинском сборнике 1823 г.» и др.: «Если раньше обращение к ламам было делом добровольным, то теперь, после принятия «Нового постановления ... 1841 г», оно становится обязательным: «при болезнях или смерти милостынедателей обязательно следует запрашивать своевременно от каждого дацана лам-лекарей» [6, с. 174].

Первоначально ламы обучались, главным образом, в монастырях Тибета, таких как Лавран, Гумбум и в Монголии, но после установления русско-китайской границы в 1727 г. бурятам стало сложно свободно пересекать границу для обучения в монастырях Тибета, Монголии, поэтому при каждом крупном буддийском монастыре – дацане начали открываться собственные медицинские школы – манба-дацаны. Образовательная программа в бурятских и монгольских монастырях строилась по образцу тибетских медицинских школ. Большая часть бурятских монастырей придерживалась системы буддийского образования тибетского монастыря Лавран, в котором сложилась небольшая бурятская община монахов [1, с. 33].

Начало систематического изучения тибето-монгольской медицины в бурятских дацанах было положено в Цугольском дацане, в дальнейшем благодаря выпускникам медицинского факультета Цугольского дацана в хоринских, селенгинских и других бурятских монастырях были основаны медицинские факультеты, в которых подготавливались квалифицированные, успешно практиковавшие бурятские эмчи-ламы.

Таким образом, в начале прошлого века бурятские эмчи-ламы эффективно выполняли основную свою функцию – обеспечивали охрану здоровья населения и подготовку лечебных кадров. По данным, приведённым Ю. Жабон, расцвет тибетской медицины приходится на начало XIX в., когда число лам-лекарей достигало 700 чел. [6, с. 185]. В Бурятии в начале XX в., согласно архивным данным, насчитывалось более 10 медицинских школ, лучшими из которых считались школы в Гусиноозёрском, Цугольском, Агинском и Челутайском дацанах. Общее количество лам-лекарей на территории Бурятии достигало 500 чел. [8, л. 5].

С утверждением советской власти был провозглашён курс на модернизацию всех сфер жизни страны, и перед государственными органами была поставлена задача выстроить новую систему здравоохранения с масштабным охватом всего населения. Интеграция тибето-монгольской медицины в советское здравоохранение в тех условиях представлялась невозможной из-за её неразрывной связи с буддийской церковью, а новое государство строилось на принципах воинствующего атеизма.

Уже в 1920-х гг. началась широкомасштабная кампания борьбы с религией и церковью, в полной мере затронувшая и Бурят-Монголию. Не избежали последствий и эмчи-ламы. О гонениях против традиционной медицины можно судить по отзыву Бурнаркомздрава о деятельности лам-медиков, текст которого приводит В. Башкуев: «В Бурятии насчитывается огромное количество лам-медиков, именующих себя тибетскими медиками, в огромном большинстве своём совершенно невежественных и медицински неграмотных. Пользуясь темнотой и невежеством масс, эти ламы-медики имеют популярность среди культурно отсталого бурятского народа. Борьбу с этим вековым злом можно вести только путём широкого санитарного просвещения среди бурятского народа, насаждения квалифицированной помощи европейской медицины в отдалённых глухих районах Бурреспублики и постепенного приобщения бурят к культурной жизни» [3, с. 279].

Главной причиной ликвидации тибетской медицины называлось её бессилие в борьбе с социальными заболеваниями, такими как сифилис, туберкулёз. К примеру, в ноябре 1922 г. М. И. Амагаев писал: «Процесс вымирания не принял массового характера, но всё же он определённо наметился. Ближайшие перспективы развития бурятского населения довольно мрачны. Одна из сторон европейской культуры… нашла крайне благоприятные условия распространения и приняла катастрофический характер – это социальные болезни» [4, с. 200].

В рамках развернувшейся широкой лечебно-профилактической и организационной работы по борьбе с социальными болезнями ламы-лекари выглядели не в выгодном свете. Применяемые ими препараты были менее эффективны, нежели европейские лекарства, поскольку болезни эти привнесены на бурятскую землю извне и против них не было выработано эффективного лечения в рамках подходов тибетской медицины. Население привыкло доверять ламам и не совсем охот-

но шло лечиться к европейским докторам, что позволяло властям обвинять лам-лекарей в противодействии модернизации медицины. Для борьбы с приверженцами тибетской медицины были включены механизмы пропаганды. Освещая деятельность советско-германской экспедиции, газета «Бурят-Монгольская Правда» писала: «Население видит, что заклинаниями и наговорными корешками и травами ни сифилис, ни другие болезни не вылечиваются. Что же в этом случае должны делать ламы? Зная про свою медицину с религией, что это сплошное шарлатанство, обращаясь со всеми болезнями к русским врачам и врачам русско-германской экспедиции, они говорят, что врачи могут лечить только с их помощью, что если больной не обратится к ним, ламам, то болезнь не пройдёт. Чтобы поддержать свой авторитет среди населения, ламы распространяют слухи, что врачи приехали к ним не только лечить, но главное, учиться у них тибетской медицине…» [3, с. 279].

Так формировался господствующий дискурс, в рамках которого проводилась целенаправленная работа по дискредитации тибетской медицины и её удалению из жизни бурятского общества. Вместе с тем осуществлялись попытки сохранить тибетскую медицину, которые предпринимались в основном в академической среде.

В 1922 г. был организован Бурятский учёный комитет, в сферу интересов которого вошли изучение истории, археологии, этнографии, языкознания и религиоведения. Другим направлением деятельности Буручкома стало участие в формировании и становлении новых институтов бурятского общества – науки, образования, медицины, культуры, многие члены комитета были функционерами государственных органов управления.

Тяжёлое положение тибетской медицины попало в сферу внимания Буручкома. Хотя его члены были вынуждены придерживаться советской секуляристской политики, они, наблюдая за крайне неблагоприятно складывающейся ситуацией для лам-лекарей, всё-таки решили встать на защиту традиционной медицины, которая на протяжении трёх веков справлялась с задачей медицинского обслуживания народных масс. Осознавая огромную роль тибетской медицины в жизни бурятского общества, решение они видели в выведении тибетской медицины за рамки религиозных институтов.

Подобные шаги уже предпринимались в попытке реорганизации дацанских медицинских школ в «…светские школы для мирян и лам с введением преподавания анатомии, физиологии, диагностики болезней по методике европейской научной медицины» [1, с. 41]. По мнению Т. Асеевой, процесс такой реорганизации был вдохновлён «обновленческим» движением в буддизме, что оказалось роковым для такого рода начинаний. Поскольку они проектировались в русле «обновления» буддизма, то были пресечены новой властью политикой ужесточения антирелигиозной борьбы.

Деятели Буручкома выход из сложившейся ситуации видели в систематизации тибетской медицины, в изучении её проблем, сильных и слабых сторон. «Причина всему этому та, что эта медицина ничем не регламентирована и пользуется неограниченной свободой, благодаря чему создаётся полный простор безудержному эксплуатированию народной темноты невежественными людьми, именуемыми лекарями тибмедицины. Подобное полулегальное положение и в то же время полная свобода лам-медиков не должны быть дольше терпимы, и всему этому должен быть положен предел путём тех или иных мер. Репрессивные меры не приведут ни к чему, наоборот, дадут обратный результат: ламы-медики на глазах тёмной массы станут борцами и страдальцами за правое дело, они окончательно замкнутся в себе, и от этого положение дела нисколько не улучшится. Единственным выходом из этого является то, что необходимо немедленно регламентировать тибмедицину с её лекарями-ламами…» [10, л. 13].

В архивном фонде Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН хранятся документы Буручкома (Ф-471), позволяющие понять проблемы, которые стояли перед тибетской медициной Бурятии в те годы, и пути, которые предлагались учёными для их решения. Так, первый научный орган Бурятской Республики взялся за исследование состояния тибетской медицины и за обеспечение её интеграции в советское здравоохранение.

Уже в 1923 г. вышли «Тезисы по вопросу о тибетской медицине в Бурреспублике» под редакцией Б. Барадина. Тезисы были составлены специалистами-востоковедами в сотрудничестве с врачами академической медицины, в результате совместного исследования были сделаны следующие выводы:

«1. Тибмедицину нельзя рассматривать, как простую бессистемную эмпирику, и нельзя судить о её состоятельности или несостоятельности по знаниям и практике современных лам-медиков.

2. Тибмедицина представляет вполне теоретически стройную науку, которая по своему построению, терминологии и методологии усвоения носит печать своеобразного, самобытного творчества великой индийской культуры.

3. Тибмедицина имеет все отделы современной научной медицины, начиная с отделов патологии с классификацией болезней, эмбриологии, бактериологии, фармакологии и кончая диагностикой, терапией и хирургией с трепанацией черепа включительно.

4. Тибмедицина представляет большой научный интерес не только с точки зрения истории культуры Востока и общей истории медицины, но и с практической точки зрения современной терапии, так как имеются неоспоримые факты излечения средствами тибмедицины некоторых болезней, неизлечимых средствами европейской медицины.

5. С практической точки зрения современной терапии могут представлять особый интерес отделы тибмедицины – патология, фармакология и терапия.

6. Для организации научного изучения тибмедицины условия Бурреспублики следует признать чрезвычайно благоприятными, как нигде на свете, при наличии исчерпывающей литературы предмета на тибетском и монгольском языках и знатоков этой медицины, лам-медиков» [8, л. 4].

Также была предпринята попытка отделить истинных лам-врачей от тех, кто просто ими назывался, все эмчи-ламы были разделены на три категории: высшей, средней и низшей квалификации. «К лицам высшей квалификации, не превышающим по количеству 3 % общего количества всех лам-медиков, относятся те, которые получили более или менее основательное школьное образование в медицинских школах – мамба-дацанах в Тибете или Монголии и Бурятии, и соответствующий стаж медицинской практики. К лицам средней квалификации относятся те, которые получили неполное школьное образование и занимаются медицинской практикой. Число лиц этой категории предположительно определяется не более 12 % общего числа лам-медиков. Вся остальная часть лам-медиков низшей квалификации, т. е. не менее 85 % общего числа лам-медиков состоит всецело из невежественных лиц, безграмотных или полуграмотных, в лучшем случае получивших элементарные сведения у ламы-медика по общепринятому рецептурнику» [8, л. 5].

Буручком взялся решить следующие проблемы: 1) узаконить статус эмчи-ламы, владеющего знаниями тибетской медицины, т. к. его положение в новой системе здравоохранения, строящейся на принципах европейской медицины, оказалось неопределённым; 2) организовать учёт и контроль деятельности лам-лекарей; ввести регламентирующие их деятельность документы, т. к. авторитет тибетской медицины подрывали неграмотные лекари-самоучки, которые непрофессионально вели свою деятельность.

Для решения поставленных задач и регламентации деятельности лам-лекарей Буручкомом в феврале 1924 г. был разработан проект «Положения о тибетской медицине в Бурят-Монгольской АССР». При этом Буручком явным образом показывал заинтересованность в модернизации тибетской медицины и её внедрении в формирующуюся советскую систему здравоохранения.

«Принимая во внимание указанные выше доводы, Учком считает необходимым принять в основу положения тибмедицины следующие предпосылки:

1. Практика лам-врачей даёт в общей сложности отрицательное показание, и допущение практики тибмедицины в Бурятии терпимо лишь временно.

2. Положение запрета на практику тибмедицины в настоящее время невозможно и нерационально без постепенной замены тибмедицины общедоступной помощью научной медицины.

3. Новое положение о тибмедицине в Бурятии должно иметь в виду прежде всего отделение этой медицины от ламайской церкви и установление строгой регламентации врачебной практики лам.

4. Новое положение о тибмедицине должно ставить тибмедицину в такие рамки и условия, при которых она может свободно развиваться, если она действительно способна к прогрессу и полезна для дела народного здравоохранения, или же она вынуждена будет самоликвидироваться, если окажется неспособной к развитию и прогрессу и выдержать свободную конкуренцию с европейской медициной.

5. Новое положение о тибмедицине в первую очередь должно совершенно прекратить практику шарлатанствующего и эксплуатирующего население лам, абаралчинов и гуримчинов, чтоб тибмедицина была, по крайней мере, обезврежена для дела народного здравоохранения.

6. Новое положение о тибмедицине должно рассматривать систему абаралов и гуримов как вспомогательное орудие тибмедицины и как сильнейшие средства для одурачивания, одурманивания, эксплуатиро-

вания и всяческой агитации ламством среди народной темноты.

7. При проведении в жизнь нового положения о тибмедицине необходимо учесть всю живучесть тибмедицины, которая заключается ещё в том, что лекари-ламы в огромной массе своей чрезвычайно приспособлены и общедоступны к своим многочисленным пациентам, с чем никакой представитель европейской медицины не может конкурировать.

8. Вопрос постепенной замены тибмедицины европейской медициной должен быть разрешён только путём достижения наибольшей общедоступности и приспособленности новой медицины к жизни народной массы бурят-монголов.

Заканчивая этим общее объяснение к настоящему положению, Учком считает излишним дать постатейное объяснение, так как все статьи положения, как прямые выводы из всего настоящего объяснения, будут само собой понятными, не требующими особых объяснений.

Настоящая объяснительная записка составлена председателем Учкома т. Барадиным и заседанием Учкома от 31 марта 1923 г. одобрена и принята» [9, л. 106].

После принятия «Положения о Тибетской медицине в Бурят-Монгольской АССР» всем учреждениям, где практиковалась тибетская медицина, предписывалось перейти под управление Бурнакомздрава, тем самым они выводились из ведения Центрального Совета по духовным делам бурят-монголов буддистов СССР [9, л. 5].

Согласно новому документу каждый врач-лекарь, специализирующийся в тибетской медицине, обязан был иметь промысловое свидетельство на право занятия частной практикой и нести ответственность перед законом за правильность лечения. Тибмедиков обязывали лечить только средствами своей медицины, им было запрещено применять средства европейской медицины, поскольку они не обладали знаниями и правами европейских врачей.

Тибмедики должны были вести учёт больных по единой системе. Была разработана форма записи больных, которая включала дату приёма, имя и фамилию пациента, сомон или селение, хошун или волость, аймак, указание заболевания и название прописанного лекарства.

Было предложено создать контролирующий орган Тибмедцентросовет, куда все тибмедики были обязаны представлять отчёты о своей деятельности [9, л. 4].

Иерархи буддийской церкви и ламы-лекари были против отделения медицины от дацанов и предпринимали попытки сохранить тибетскую медицину под крылом буддийских организаций. В июне 1926 г. состоялось собрание эмчи-лам Хоринского, Верхнеудинского и Баргузинского аймаков, на котором решались вопросы, призванные упорядочить состояние тибетской медицины в республике, повысить её качество. Свои предложения и планы они направили в СНК республики, что вызвало необходимость проведения совещания «по вопросам о тибетской медицине» [7, с. 284]. На совещании, где присутствовали члены правительства и специалисты разных ведомств, было принято следующее постановление: «В вопросе административного противодействия распространению тибетской медицины переход на путь запретных мер считать нежелательным, ибо последнее при недостаточном охвате населения пунктом европейской медицины может загнать тибетскую медицину в скрытое состояние. Существующее отношение правительства БМАССР к тибетской медицине, т. е. политику отказа от регламентирования деятельности врачей тибетской медицины, сохранить» [7, с. 285].

Среди руководителей ведомств были сторонники традиционной буддийской медицины, к примеру нарком здравоохранения А. Т. Трубачёв, член Буручкома, который со студенческих лет интересовался тибетской диагностикой, фармакологией и терапией. Так, в 1926 г. Наркомздрав РСФСР и правительство БМАССР дали разрешение на открытие при Ацагатском дацане медицинской школы и Центра тибетской медицины, директором этой школы стал Д. Ендонов [5, с. 126]. По подобию данного опыта планировалось открытие ещё нескольких школ.

Кроме этого, А. Т. Трубачёв ввёл практику выдачи особых удостоверений от республиканского НКВД эмчи-ламам, а также справок для провоза через советско-монгольскую границу лекарственных средств тибетской медицины [3, с. 278].

Буддисты искали поддержку и в академических кругах. Так, во время Буддийского собора в 1929 г. его делегаты направили приветственную телеграмму в Академию наук: «Первый Всесоюзный Буддийский собор выражает Академии наук, востоковедам Щербатскому, Ольденбургу, Владимирцову глубокую благодарность за инициативу создания буддологического института и питает надежду, что изучение буддизма явится началом правильного понимания такового культурным

миром Запада и залогом дальнейшего процветания нашей драгоценной религии» [7, с. 285].

Тем не менее, советская политика в области здравоохранения становилась на протяжении 1920-х гг. всё более жёсткой, не признающей альтернатив. Ранее лояльный к тибетской медицине Наркомздрав БМАССР даёт такое заключение, датированное 8 августа 1930 г.: «Изучение тибетской медицины происходит в некоторых дацанах Бурятии. Хувараки (ученики) изучают её под руководством отдельных лам-лекарей. БНКздрав не располагает данными о сроке обучения и о программе. Существующие мамба-дацаны (школы медицины) служат местом не для учебы, а для разных религиозных служб. У этих мамба-дацанов (полутёмные, холодные, без печей помещения), имеются только книги по тибетской медицине, а всё остальное – предметы религиозного культа. Окончивших полный курс по медицине, по рассказам лам, очень мало, а большинство малограмотно, знакомо с назначением лекарств лишь практически и считает, что этого достаточно для практики медициной… Поэтому нам кажется, что теперь вполне своевременно издать приказ о запрещении тибетской медицины» [7, с. 286].

Характерной является следующая переписка между советскими органами по вопросу тибетской медицины, возникшая по поводу запроса известного буддийского деятеля А. Доржиева в Президиум ВЦИК, которую приводит В. Номогоева: «Президиум ВЦИК отправляет в ЦИК БМАССР прошение от 16.06.1930 г. за № 298 с/к выслать в возможно короткий срок:

1. Дела о закрытии пяти дацанов: Баргузинского, Тарбагатайского, Цолгинского, Ольхонского и Осинского – с докладом о политике закрытия дацанов и о причинах отступления от действующего законодательства при их закрытии.

2. Доклад о действиях, связанных с борьбой с тибетской медициной, и о причинах отклонения в этом деле от директив, данных ранее из центра…»

В ответ ЦИК БМАССР от 15.02.1931 г. сообщал: «…никакого отклонения в борьбе с тибетской медициной и нарушения приложенной по этому вопросу директивы центральных органов власти не было. Этому свидетельствует существующая по настоящее время школа тибетской медицины и недавно построенная больница при Ацагатском дацане в Хоринском аймаке, руководимая тибетскими медиками. Тибетская медицина в Бурреспублике существует совершенно свободно, и никаких репрессивных мер по борьбе с ней не ведётся» [7, с. 286].

Данная переписка показывает, что инициатива подавления тибетской медицины часто исходила от местных властей. Вышеприведённое мнение республиканского Наркомздрава стало отражением наиболее мощной репрессивной волны против буддийского духовенства, и лам-лекарей в том числе. На протяжении 1930-х гг. медицинская система, которая функционировала на территории этнической Бурятии на протяжении трёх веков, была полностью уничтожена, разрушена была и система подготовки и обучения эмчи-лам.

Тем не менее, попытка Буручкома сохранить наследие тибетской медицины как интегральной части системы общественного здравоохранения, в первую очередь на основе секуляризации и её научного изучения, заслуживает внимания как учёных, так и организаторов медицинской отрасли. За короткий период существования Бурятский учёный комитет до 1929 г. смог выявить наиболее уязвимые места тибетской медицины и сформулировать основные проблемы, из-за которых она не могла быть интегрирована в современную медицинскую систему. Буручкомом были собраны статистические данные и разработан важнейший документ, являвшийся одной из попыток по систематизации работы лекарей тибетской медицины, в конечном счёте, направленный на сохранение его наследия и практики. Буручком пытался решить проблему признания достижений тибетской медицины, не имея на то ни поддержки со стороны правительства, буддийской сангхи, ни серьёзной научно-исследовательской базы.

От полного забвения тибетскую медицину спасло то, что некоторым эмчи-ламам удалось выжить. Вернувшись из лагерей, они смогли устно, тайно передавать свои знания и опыт молодым последователям, в некоторых дацанах сохранились медицинские трактаты, а население смогло спрятать и сохранить буддийские книги, среди которых встречались и медицинские. Значительное собрание книг сохранилось в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Спустя более 30 лет, в 1968 г. по инициативе и под руководством П. Б. Балданжапова в Институте общественных наук Бурятского научного центра (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) было восстановлено целенаправленное академическое исследование наследия тибе-

то-монгольской медицины. Был создан отдел источниковедения индо-тибетской медицины, в котором началось комплексное изучение основных письменных источников тибетской медицины. За прошедший период изучение индо-тибето-монгольской медицины расширилось, фундаментальные исследования разных отраслей тибетской медицины проводятся в стенах институтов Бурятского научного центра. Свидетельством неугасающего интереса современных учёных к тибетской медицине служит обилие публикаций, переводов и практических руководств, вышедших во многих странах [2, с. 13].

Благодаря огромной научной базе, которая была накоплена в течение 50 лет исследовательской работы, тибетская медицина ныне находит своё место: эмчи-ламы проводят приём населения в дацанах, частные медицинские учреждения ведут деятельность с применением методов тибетской медицины. На государственном уровне единственным официальным учреждением, в лечебный процесс которого активно внедряются методы диагностики и лечения, основанные на тибетских медицинских знаниях, является государственное лечебное учреждение «РКЛРЦ “Центр восточной медицины”».

Список литературы и источников

1. Асеева Т. А. [и др.]. Тибетская медицина у бурят. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 324 с.
2. Базаров Б. В. Исследование коллекции медицинских письменных источников, хранящихся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН / Б. В. Базаров, Ц. П. Ванчикова, Ю. Ж. Жабон, О. С. Ринчинов // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН. 2014. № 1. С. 11–24.
3. Башкуев В. Ю. Буддизм и тибетская медицина в контексте научно- медицинского изучения монгольских народов (1920–1930-е) // Вестн. Бурят. науч. центра СО РАН, 2014. № 4. С. 276–281.
4. Башкуев В. Ю. Пробуждая «буддийский восток»: кампании за оздоровление и санитарное просвещение в Бурятии и Монголии (1920–1970-е гг.) // Власть. 2015. С. 198–203.
5. Жабон Ю. Ж. К творческому наследию Д. Ендонова (1870–1937?) – руководителя тибетской медицинской школы Ацагатского дацана // Культура Центральной Азии: письм. источн. Вып. 6. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 100–126.
6. Жабон Ю. Ж. Тибетская медицина в Забайкалье // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье: науч. изд. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова. М., 2008. С. 172–210.
7. Номогоева В. В. Тибетская медицина в Бурятии в контексте социальной модернизации 1920-х годов // Бюл. Вост.-Сиб. науч. центра СО РАН, 2009. С. 284–286.
8. Положение о тибетской медицине в Бурятии, СССР. ЦВРК. Ф-471. Д. № 134.
9. Предварительная объяснительная записка «Положение о тибетской медицине в Бурятии». ЦВРК. Ф-471. Д. № 118.
10. Тезисы по вопросу о тибетской медицине в Бурреспублике. ЦВРК. ОФ. Д. 448.

References

1. Aseeva T. A. [i dr.]. Tibetskaja medicina u burjat. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2008. 324 s.
2. Bazarov B. V. Issledovanie kollekcii medicinskih pis’mennyh istochnikov, hranjashhihsja v fondah Centra vostochnyh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedenija, buddologii i tibetologii SO RAN / B. V. Bazarov, C. P. Vanchikova, Ju. Zh. Zhabon, O. S. Rinchinov // Vestn. Burjat. nauch. centra SO RAN. 2014. № 1. S. 11–24.
3. Bashkuev V. Ju. Buddizm i tibetskaja medicina v kontekste nauchno- medicinskogo izuchenija mongol’skih narodov (1920–1930-e) // Vestn. Burjat. nauch. centra SO RAN, 2014. № 4. S. 276–281.
4. Bashkuev V. Ju. Probuzhdaja «buddijskij vostok»: kampanii za ozdorovlenie i sanitarnoe prosveshhenie v Burjatii i Mongolii (1920–1970-e gg.) // Vlast’. 2015. S. 198–203.
5. Zhabon Ju. Zh. K tvorcheskomu naslediju D. Endonova (1870–1937?) – rukovoditelja tibetskoj medicinskoj shkoly Acagatskogo dacana // Kul’tura Central’noj Azii: pis’m. istochn. Vyp. 6. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2004. S. 100–126.
6. Zhabon Ju. Zh. Tibetskaja medicina v Zabajkal’e // Zemlja Vadzhrapani. Buddizm v Zabajkal’e: nauch. izd. / otv. red. C. P. Vanchikova. M., 2008. S. 172–210.
7. Nomogoeva V. V. Tibetskaja medicina v Burjatii v kontekste social’noj modernizacii 1920-h godov // Bjul. Vost.-Sib. nauch. centra SO RAN, 2009. S. 284–286.
8. Polozhenie o tibetskoj medicine v Burjatii, SSSR. CVRK. F-471. D. № 134.
9. Predvaritel’naja ob#jasnitel’naja zapiska «Polozhenie o tibetskoj medicine v Burjatii». CVRK. F-471. D. № 118.
10. Tezisy po voprosu o tibetskoj medicine v Burrespublike. CVRK. OF. D. 448.

Библиографическое описание статьи

Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С. Проект Буручкома по реформированию тибетской медицины в БМАССР в 1920-е годы // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 155–162.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-155-162

Reference to article

Vanchikova Ts. P., Rinchinova O. S. The Project of the Buryat Scientific Committee on Reforming of the Tibetan Medicine in BMASSR in the 1920s // Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies. 2016. Vol. 11, No 4. P. 155–162.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-155-162

Статья поступила в редакцию 24.05.2016

УДК 94
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173

Леонид Владимирович Курас,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
(670047, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6),
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки)

В статье рассматривается деятельность российской военно-политической эмиграции, которую курировала, поддерживала, вырабатывала основные направления её деятельности и активно использовала Японская военная миссия и Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го. Из числа именно этой эмиграции японская разведка формировала агентов и диверсантов, чья деятельность должна была быть направлена против Советского Союза и Монголии. Эмиграция имела и центральный орган – «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (ГБРЭМ), который осуществлял координацию деятельности российской эмиграции. Идеологом ГБРЭМ был атаман Семёнов. Особую опасность для СССР представлял Русский фашистский союз, имевший штаб квартиру в Харбине и отделения во многих странах мира, а также Союз казаков Восточной Азии. Причём Союз имел военизированные поселения на границе с Советским Союзом, которые рассматривались Японией как авангард для военного вторжения.

Все эти обстоятельства учитывались советской внешней разведкой, которая не только освещала российскую эмиграцию в Маньчжурии, но и противостояла разведке императорской Японии и Маньчжоу-Го, а также способствовала активной деятельности Гоминьдана и КПК в борьбе с агрессором.

***Ключевые слова**:* Маньчжоу-Го, Япония, Советский Союз, российская эмиграция в Маньчжурии, советская разведка, Японская военная миссия, Российский фашистский союз, монархические объединения, молодёжные объединения

Leonid V. Kuras,
Doctor of History, Professor, Senior Research Associate,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies Siberian Branch,
Russian Academy of Sciences
(6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude, 670047, Russia),
e-mail: kuraslv@yandex.ru

Russian Military-Political Emigration in Manchukuo (on the Materials of the Soviet Intelligence)

Based on the materials of the Soviet intelligence the article examines the activities of the Russian military-political emigration that were controlled by the Japanese military mission and Manchukuo Public Security Bureau. They also supported and formed the main directions of the Russian military-political emigration's activities. From this emigration the Japanese intelligence have raised a number of agents and saboteurs whose actions should have been against the Soviet Union. The emigration has had the central agency – "The Principal office for the affairs of the Russian emigrants in Manchuria" (POREM). Ataman Semenov was the ideologist of "POREM". The most dangerous for the Soviet Union was Russian Fascist Union with headquarters in Harbin and departments all around the world, and Cossack Union in Eastern Asia. Moreover, the Union had paramilitary settlements on the border with the Soviet Union that were considered by Japan as advance guard for invasion.

All these circumstances were taken into consideration by the Soviet external intelligence. It has not only covered Russian emigration in Manchuria, but also resisted imperial Japan and Manchukuo's intelligence. Moreover, it has contributed to the activities of Kuomintang and CPC in the struggle with aggressor.

***Keywords**:* Manchukuo, Japan, the Soviet Union, Russian emigration in Manchukuo, the Soviet intelligence, Japanese military mission, the Russian Fascist Union, the monarchic associations, the youth associations

Маньчжоу-Го: общая характеристика

А. Государство Маньчжоу-Го

Маньчжурия – историческая область на северо-востоке Китая – была местом традиционного столкновения интересов России и Японии. В 1858 г. по Пекинскому трактату Россия получила контроль над Внешней Маньчжурией (современные: Приморский край, Амурская область, юг Хабаровского края и Еврейская автономная область). А ослабление империи Цин привело к усилению России во Внутренней Маньчжурии, где была

© Курас Л. В., 2016

построена КВЖД (Харбин – Владивосток). В этот период российское правительство рассматривало проект «Желтороссии» (Дальневосточный проект Российской империи), в основе которого была полоса отчуждения КВЖД, формирование нового казачьего войска и русские колонисты. После поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. Япония усиливает своё влияние во Внутренней Маньчжурии. Во время гражданской войны в России 1918–1920 гг. Япония оккупировала Внешнюю Маньчжурию, которая стала ареной борьбы между Россией, Японией и Китаем.

В 1931 г. Япония вторглась в Маньчжурию, а 1 марта 1932 г. по решению Всеманьчжурской ассамблеи было образовано Государство Маньчжурия, которое существовало до 19 августа 1945 г. Его главой стал последний китайский император из маньчжурской династии Цин-Пу И, который в 1934 г. был объявлен императором. Девизом его правления стало «Кандэ», или «Спокойствие и добродетель». 1 марта 1934 г. Маньчжоу-Го было объявлено Великой Маньчжурской империей (Маньчжоу-ди-го) и признано 23 из 80 существовавших на тот момент государств мира, в том числе Германией, Италией, Испанией, режимом Виши во Франции, Сальвадором и Доминиканской Республикой, Японией, Словакией, Румынией, Болгарией, Финляндией, Данией и др. Маньчжоу-Го граничило с Японией, МНР, СССР, Мэнцзяном и Китайской Республикой. Столица – Синьцзин (ныне Чанчунь). В 1949 г. территория Маньчжоу-Го вошла в состав КНР.

Дипломатические отношения нового государства были установлены и с СССР (де-факто – 23 марта 1935 г.; де-юре – 13 апреля 1941 г.). Консульства СССР располагались в городах Маньчжурия, Синьцзин; генеральное консульство СССР – в Харбине. Консульства Маньчжоу-Го в СССР с 1933 г. располагались в Чите, Москве и Благовещенске.

Единственной разрешённой политической партией являлось финансируемое правительством «Общество Согласия». Собственные политические движения было разрешено организовать и нескольким эмигрантским группам, в частности русским эмигрантам. «Общество Согласия» стало основой выдвинутой японцами паназиатской концепции «согласия народов», предполагавшей самоопределение различных азиатских народов по образцу советской модели «союза народов». Концепция предполагала сосуществование различных национальностей в рамках единого централизованного государства и самоорганизацию в рамках отдельных общин для разных национальностей. В Маньчжоу-Го были представлены монголы, маньчжуры, корейцы, японцы, мусульмане, русские эмигранты и китайское большинство. Но ключевую роль в создании и дальнейшей жизни Маньчжоу-Го играла Квантунская армия – японская группа армий на Дальнем Востоке. В дальнейшем командующий армией одновременно занимал пост посла Японии и имел право вето на решения императора Пу И.

Наряду с Квантунской армией и армией Маньчжоу-Го Советскому Союзу противодействовало Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го, которое занималось «следственной и оперативной работой с советскими перебежчиками, агентурно-оперативной работой против консульских учреждений и органов государственной безопасности СССР под руководством и в интересах разведки Квантунской армии» [28, с. 177]. В феврале 1933 г. из этнических маньчжуров была сформирована Императорская гвардия Маньчжоу-Го, которая несла гарнизонную службу в столице и охраняла императора Пу И.

По состоянию на 1934 г. население Маньчжоу-Го составляло 30 млн 880 тыс. чел.: 29 млн 510 тыс. китайцев и маньчжуров, 590796 японцев, 680 тыс. корейцев, 98 431 представителей прочих национальностей. В деревнях проживало 80 % населения. За время существования Маньчжоу-Го население этой территории увеличилось на 18 млн чел.

Значение Маньчжоу-Го для метрополии было огромным: в 1944 г. на колонию приходилось (по сравнению с производством в Японии) 228 % добычи железной руды, 52 % – каменного угля, 85 % выплавки чугуна. Машиностроение было представлено Маньчжурским заводом по производству подшипников, Далянским железнодорожным заводом, Маньчжурским заводом транспортных средств. В 1939 г. начали работу Фушуньские заводы по сжижению угля в Фушине и в Сыпине.

Б. Численность российской эмиграции в Маньчжурии

Перед революцией 1917 г. российская колония в Маньчжурии насчитывала 200–220 тыс. чел., к ноябрю 1920 г. – около 300 тыс. и около 400 тыс. чел. к началу 1923 г. [29].

В начале XX в. ряд государств по отношению к Китаю, в том числе и Россия, обладали правом экстерриториальности. После Синьхайской революции 1911 г. в Китае началось движение за восстановление суверенитета и борьба за отмену прав экстерриториально-

сти. 23 ноября 1923 г. был принят декрет президента Китая, по которому были упразднены российские консульские дипломатические учреждения в Китае и прежние обязательства китайского правительства в отношении особых прав российских граждан в этой стране (права экстерриториальности). Это было вызвано неопределённым положением России в 1918–1920 гг. [41]. Всё российское население перешло в незавидное положение бесподданных эмигрантов в чужой стране, то есть на положение диаспоры. В течение 1922–1923 гг. не менее 100 тыс. эмигрантов получили советские паспорта и в большинстве своём репатриировались в РСФСР (большую роль в этом процессе сыграла объявленная 3 ноября 1921 г. амнистия в отношении рядовых участников белогвардейских соединений). Кроме того, в течение 20-х гг. существовала значительная реэмиграция русской молодёжи из Китая для обучения в университетах США, Австралии, Южной Америки и Европы.

В. Деятельность советской разведки в Маньчжоу-Го

К началу 30-х гг. XX в. внешняя разведка СССР обладала развитой структурой, оформившимся центральным аппаратом и десятками зарубежных резидентур с широкой агентурной сетью.

Одной из важнейших задач внешней разведки СССР в предвоенное десятилетие была работа в Китае. Исходя из принципов своей внешней политики, Советский Союз поддерживал те силы в Китае, которые боролись за независимость страны, выступали против расчленения её территории. Поэтому Гоминьдану оказывалась активная военная и политическая помощь. Советский Союз постоянно подчеркивал, что эта помощь осуществляется для отпора японской агрессии, а не для использования её во внутренней борьбе между Гоминьданом и КПК.

Советская разведка в Китае, а затем и Маньчжоу-Го осуществлялась по четырём линиям: 1) по линии разведывательного управления Штаба РККА – ГРУ РККА [36]; 2) по линии Коминтерна [2]; 3) по линии Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ – ГУГБ НКВД [4]; 4) по линии Наркомата иностранных дел СССР [26]. Кроме того, существовал Институт военных советников в Китае [44], который также осуществлял разведывательную деятельность. На VI съезде КПК (июнь-июль 1928 г. Москва) был создан Комитет по контрразведке, при котором образован Особый отдел при ЦК КПК, отвечавший за безопасность руководства ЦК партии. При этом советская разведка в Харбине особое внимание уделяла российской эмиграции, специально освещая Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), российскую фашистскую партию (РФП), монархическое объединение, Дальневосточный союз военных, национальную организацию русских разведчиков (НОРР), легитимистов и молодёжную организацию «Союза мушкетёров» [36].

Центральные органы эмигрантов

Эмиграция – это неотъемлемое свойство исторического пути России, берущее начало с Андрея Курбского. Конечно, не только Россия, но и другие страны имели свою эмиграцию, так как всякая революция непременно порождает её. Но нигде и никогда эмиграция не приобретала таких масштабов и не достигала такого трагизма, как в России в первые десятилетия XX в. После революции 1917 г. и гражданской войны по разным оценкам Россию покинуло от 1,5 до 3 млн чел. [36]. Особую страницу в этой истории составляет маньчжурская эмиграция. Так, к началу 20-х гг. XX в. российская колония в Маньчжурии составляла более 140 тыс. чел. [25, с. 267]. Однако начало эмиграции в Китае обусловили вовсе не социальные катаклизмы, а строительство КВЖД, а также развитие его экономического и административного центра – Харбина. Именно поэтому судьба российской эмиграции в Китае – стране наибольшей концентрации российской эмиграции на Дальнем Востоке – складывалась иначе, нежели судьба российской эмиграции на Западе. «Русский Харбин» [33] сумел сохранить свой российский облик, стал сосредоточием культурной и просветительской деятельности и не только сохранил уклад и традиции русской духовной культуры, но и развивал её ценности.

Но к началу 30-х гг. XX в. ситуация существенно меняется. По свидетельству советской разведки центральными органами эмиграции в Маньчжурии стали «Объединение российских эмигрантов» и «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (ГБРЭМ) [14; 16; 23; 39]. Главное бюро возглавил участник трёх войн, ближайший соратник атамана Семёнова, командир «Сводной Маньчжурской атамана Семёнова дивизии», развёрнутой из «Особого Маньчжурского отряда», генерал-майор от кавалерии Владимир Александрович Кислицын. При этом ГБРЭМ представляет собой административный орган, а «Объединение» – совещательный. Над ними главенствует «Токуму кикан» – «Японская военная миссия» (ЯВМ) – аппарат военной разведки Японии. ГБРЭМ имело крупные

периферийные организации: Захингайское районное бюро, Восточное районное бюро и северный участок границы, отделения во всех крупных городах Маньчжурии.

Таким образом, ЯВМ вырабатывает основные направления, организует и контролирует всю деятельность белой эмиграции, в которой ГБРЭМ является исполнительным органом, а «Объединение» занимается бытовыми вопросами, снабжением, воспитанием молодёжи. Атаман Семёнов был непосредственным организатором ГБРЭМ [10]. Поэтому ЯВМ определило статус белой эмиграции в секретном «Предупреждении по вопросу об обращении с белыми русскими»: «По распоряжению властей руководство белыми русскими, включая также татар и евреев, полностью осуществляется Особыми органами, ввиду чего все серьёзные мероприятия в отношении белых русских, как аресты, содержание под стражей и т. д., могут осуществляться только после согласования этого вопроса с вверенными мне органами или его ближайшим отделением» [4, т. 1, с. 2–3]. Там же были сформулированы и задачи организации: «Быть посредствующим звеном между правительственными и административными органами с одной стороны и эмигрантами – с другой» [там же, с. 3]. Тем самым вся система ГБРЭМ представляла собой огромный резервуар кадров разведчиков и диверсантов, засылаемых японцами на территорию СССР, а также кадровым резервом для вооружённых выступлений на случай возникновения военных конфликтов между СССР и Японией.

ГБРЭМ имел семь отделов: переселенческий, культурно-просветительный, учётно-статистический, финансовый, благотворительный, военный и молодёжно-воспитательный. Особый интерес представляет деятельность переселенческого и культурно-просветительного отделов. Так, вопрос о заселении эмигрантами, и в частности казаками, пограничных районов, решался с учётом будущего вооружённого столкновения с СССР и потому напрямую зависел от ЯВМ.

Что касается деятельности «культурно-просветительного» отдела, то он фактически являлся отделом агитации и пропаганды. Причём заведующим отделом был первый заместитель начальника ГБРЭМ и одновременно глава «Российского фашистского союза» Константин Владимирович Родзаевский. Поэтому не случайно, что весь ГБРЭМ и казачество, организационно связанное с «Монархическим объединением», идеологически тяготело к фашизму.

Политические организации российской эмиграции

А. Российский фашистский союз

Деятельность русских фашистов в Маньчжурии получила серьёзное звучание в отечественной историографии [1; 5; 7; 11; 13; 18; 31; 32]. Советская военная разведка так же уделила деятельности русских фашистов особое внимание [6].

«Российский фашистский союз» (РФС) был образован в мае 1931 г. в Харбине. Сначала он назывался «Российская фашистская партия». Переименование партии в союз было обусловлено стремлением подчеркнуть универсальность организации, в которую могут объединяться лица, являющиеся членами других организаций. Программа РФС декларировала единение всех белоэмигрантских сил в единый фронт под лозунгами:

1. «Новая национальная революция».

2. «Создание национального рабочего государства, которое будет служить основой русской нации».

3. Универсальное разрешение еврейской проблемы в сотрудничестве с иностранными антикоминтерновскими силами и освобождение мира от угрозы еврейского финансового «интернационала» [там же, с. 26].

Эмблемой РФС являлась свастика в сочетании с двухглавым орлом. Знамя – белое полотнище со свастикой в центре. Политическая программа РФС заключалась в непримиримой борьбе с советской властью и осуществлении национальной революции, уничтожении коммунизма и создании фашистской России путём совместной интервенции с любой капиталистической страной. Эти задачи были сформулированы в программных документах партии, принадлежащих перу В. К. Родзаевского: «Монархия или республика», «Наше оружие», «Формы борьбы», «Фашистское мировоззрение», «Тактика В. Ф. П.», «Лицом к России», «Государство Российской нации» [13, с. 135]. Для достижения поставленной цели РФС активно использовало шпионаж, диверсии, распространение контрреволюционной литературы. Причём вся его деятельность проходила под непосредственным руководством ЯВМ.

РФС имел довольно стройную структуру: Верховный Совет, Центральная контрольная комиссия, Центральная ревизионная комиссия, Центральное управление с 10 отделами (организационный, политический, особый, военный, разведывательно-секретный, финансовый, экономический, воспитательный, церковный и отдел канцелярии), Идеологиче-

ский совет и законодательная комиссия при «Верховном совете», Комиссия по изучению СССР, Учебный совет РФС, издательство газет («Нация» – Харбин, «Наш путь» – Шанхай), Центральный совет фонда противокоммунистической борьбы. В Маньчжурии организация РФС имела секции и филиалы в 18 городах [2, л. 22–23]. Кроме того, существовал аппарат «особоуполномоченных» в Японии, США, Испании, Югославии, Болгарии [24]. О разветвлённости организации свидетельствует факт проведения III съезда русских фашистов, состоявшийся 28 июля 1935 г. в Харбине, на котором были обсуждены и утверждены программа и устав партии, заслушан отчёт партии и осуществлены выборы Центральных органов. 48 делегатов съезда представляли фашистов Токио, Иокогамы, Киу-Сиу, Шанхая, Тяньцзиня, Явы, Персии, Сирии, Египта, Болгарии, Югославии, Польши, Эстонии, Финляндии, Германии, Италии, Нью-Йорка и Сан-Франциско, Дайрена, Имяньпо, Аньда, Цицикара, Хайлара, Маньчжурии, Модягоу и Харбинских районных организаций [1, л. 92]. Все решения съезда были согласованы с ЯВМ, а сама работа съезда проходила в присутствии офицеров Квантунской армии.

В начале августа 1935 г. в Харбине состоялось три рабочих совещания, повестка которых шла в развитии решений III съезда партии и полностью соответствовала планам специального комитета, созданного в сентябре 1934 г. при Квантунской армии. На совещаниях рассматривались вопросы об отправке на советскую территорию групп разведчиков – террористов, перед которыми были поставлены совершенно конкретные задачи:

1) провести заброс групп в район Кузбасса и Урала, где необходимо провести вербовку;

2) восстановить старую агентурную связь, законсервированную после отступления армии адмирала Колчака;

3) собрать стратегические сведения в районе Кузбасса и Урала, а также обследовать состояние аэродромов и авиационного парка в Приморье;

4) выявить возможности организации антисоветских беспорядков, вредительства, вооружённых восстаний [12, с. 182].

После нападения фашистской Германии на СССР положение русских фашистов в Маньчжурии осложнилось. Это было обусловлено осторожностью Японии в связи с подписанием 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией после поражения Японии на реке Халхин-Гол. Японская администрация ужесточила контроль деятельности русских фашистов, а 1 июля 1943 г. ЯВМ без объяснения причин запретила РФС, который вскоре был преобразован в Союз национальной трудовой России [22, с. 93].

Конечно, русские фашисты, находясь на чужой территории в качестве эмигрантов, не могли создать масштабный диктаторский режим. Тем не менее организация представляла серьёзную политическую и военную опасность для СССР, а поддержка со стороны Японии выводила РФС в лидеры в среде эмигрантов.

Б. Монархические объединения

«Монархическое объединение» [4] было создано 26 июня 1938 г. в Харбине ЯВМ через посредничество Бориса Николаевича Шепунова с целью объединения всех белогвардейских организаций под лозунгом «За веру, царя и отечество» для борьбы с коммунизмом. На федеративных началах в «Объединение» вошли следующие организации:

1. Монархическая группа. Представляло ядро «Объединения», которое поставляло руководящие кадры монархическому движению.

2. Дальневосточный союз военных (ДВСВ) – объединение эмигрантов военных в Маньчжурии с целью сохранения кадров царской армии для борьбы с Советской властью [3].

3. Союз казаков Восточной Азии. Официальная задача заключалась в сохранении кадров казачества для выступления против СССР в качестве авангарда Квантунской армии [37; 38; 40].

4. Национальная организация русских разведчиков (НОРР) [35], находившаяся под покровительством великой княгини Ксении Александровны. Организация была призвана осуществлять подготовку кадров для разведывательно-диверсионной работы против СССР.

5. «Союз мушкетёров князя Никиты Александровича» [9] – для объединения эмигрантской молодёжи для борьбы с коммунизмом с опорой на монархическо-религиозное воспитание.

6. «Литературно-художественный кружок «имени августейшего К. Р. » (Константин Романов) [27]. Был призван вести культурное воспитание молодёжи.

В «Монархическом объединении» имелся руководящий штаб «Объединения» из 22 чел., представлявших ГБРЭМ, Союз русских военных инвалидов, агентов ЯВМ, Торговую палату Харбина и др. Будущее отечества они

представляли в виде буферного государства на советском Дальнем Востоке, которое планировали создать с помощью японской интервенции. За годы своего существования монархисты не оправдали надежд, возложенных на них японцами, так как находились в постоянной конфронтации с РФС.

В. Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП)

«Национально-трудовой союз нового поколения» главной своей задачей видел организацию молодёжи для борьбы с советской властью посредством террора и диверсий. И хотя центр этой организации находился на Балканах, её филиалы – во всех крупных капиталистических странах, в том числе и в Маньчжурии. Но так как японцы содействовали существованию и развитию лишь тех белоэмигрантских организаций, которые работали бы в русле интересов Японии, то НТСНП начало склоняться к сотрудничеству с ЯВМ и РФС.

Военные организации российской эмиграции

А. Дальневосточный союз военных (ДВСВ)

«Дальневосточный союз военных», или «Союз военных Восточной Азии», [4, т. 1, с. 38–30] являлся филиалом наиболее крупной и разветвлённой организацией «Русского общевоинского союза» (РОВС) [6], являвшегося резервом для осуществления диверсионных операций на территории СССР.

ДВСВ – это монархическая организация с ориентацией на военную интервенцию с помощью Японии. Непосредственным руководителем организации была ЯВМ, перед которой союз отчитывался о своей работе. Вся система ДВСВ делилась на три военных округа (Харбинский, Мукденский, Северо-Китайский) и на пять отделов, которые в свою очередь делились на районы. Для подготовки собственных кадров у союза функционировали военно-учебные заведения (Харбин, ст. Сунгари 2-я) и юнкерская школа на ст. Ханьдаохэнцзы. Курсы для переподготовки старшего комсостава, существовавшие при Харбинском округе, 24 января 1941 г. были преобразованы в «Общество ревнителей военных знаний», где особое внимание уделялось изучению авиации и танков. Военная подготовка велась и в школах военной молодёжи при районных организациях союза, по окончании которых молодёжь направлялась на службу в железнодорожную и лесную полицию или охранные отряды.

При Харбинском округе ДВСВ ещё имелись Морской отдел, кружок военной молодёжи. Кроме того, под контролем ДВСВ находилось 11 военных обществ: молодых офицеров и юнкеров, морских офицеров в Харбине, Читинского военного училища, воспитанников Иркутского военного училища, воспитанников Алексеевского военного училища, воспитанников Оренбургского военного училища, воспитанников Первого Сибирского им. Александра I кадетского корпуса, общество взаимопомощи Александровцев, общество Заамурцев, Харбинский отдел федерации союзов русских военных инвалидов, кружок порт-артурцев.

Б. Союз казаков Восточной Азии

«Союз казаков Восточной Азии» [4, т. 1, с. 40–42] был создан в 1938 г. ЯВМ в Харбине для объединения всех казаков, оказавшихся в Маньчжурии. Задача союза состояла в том, чтобы оказывать материально-бытовую помощь и осуществлять культурное обслуживание казачества с целью «сохранения казачьей самобытности и традиций». Но фактически японская разведка, создавая союз, ставила перед собой иную цель: использование казаков в качестве профессиональных кадров для шпионско-диверсионной деятельности на территории СССР в мирное время и как авангард для агрессии Японии в военное время. Именно поэтому японцы начали группировать разбросанных по всей Маньчжурии казаков в станицы в непосредственной близости к границе СССР. Следует обратить особое внимание на название станиц: Иркутская, имени атамана генерал-майора П. П. Оглоблина; Молодая, имени наследника цесаревича Алексея Николаевича; Молодая, имени атамана Семёнова; Оренбургская имени атамана Дутова; Сибирская, Ермака Тимофеевича; Усурийская им. атамана И. П. Калмыкова [4, т. 1, с. 107–108]. Поселенцам выдавалась ссуда на обзаведение, оружие, представлялись различные льготы. Казачество расселилось в районе Трёхречья, г. Маньчжурия, на реке Чол – на западе и в районе Муданьцзян, Ханьдаохэцзы и ст. Пограничная – на востоке. По мысли японской разведки казачьи станицы должны были представлять войсковые подразделения по типу прежних казачьих станиц, готовые в военной обстановке к развёртыванию в сотни – посёлки, в полки – станицы, в дивизию – казачьи отделы, а союз казаков в штаб корпуса [там же, с. 41]. В станицах было широко поставлено обучение военному делу в конном строю, устраивались состязания по джигитовке, сохранялись и

культивировались старые казачьи традиции. Это подкреплялось денежными субсидиями ЯВМ на организационные расходы. Она же покрывала все расходы, связанные с расселением казачества, организацией посёлков, содержанием «Отдельного корпуса казаков» и изданием газеты «Захинганский голос».

Общепризнанным «вождём» эмигрантского казачества в Маньчжурии считался «походный атаман казачьих войск Урала, Сибири и Дальнего Востока» генерал-лейтенант Г. М. Семёнов.

Организации молодёжи

В соответствии с политикой ЯВМ бюро ГБРЭМ большое внимание уделяло развитию движения молодёжи [8]. Не случайно начальник Харбинского отделения ЯВМ генерал Янагита заявил: «Огромное значение приобретает сейчас развитие движения молодёжи, которое может явиться фундаментом будущей российской эмигрантской молодёжи и движущей силой переорганизации Восточной Азии» [4, т. 1, с. 43]. В соответствии с этим заявлением в руководящих кругах белоэмигрантов усиленно дебатировался вопрос о привлечении молодёжи к активному участию в борьбе с советской властью. Для эмиграции эта кампания конспирировалась под видом борьбы за «оздоровление быта молодёжи». Была даже создана специальная комиссия под председательством профессора И. И. Никифорова, члена украинской колонии в Харбине, близкого по своим воззрениям к РФС.

Идеологический спектр молодёжных объединений был в основном представлен монархическими и фашистскими идеями.

Из наиболее известных молодёжных организаций монархического толка можно выделить «Союз мушкетеров», «Союз крестоносцев», «Национальную организацию русских разведчиков» и молодёжные кружки в составе казачьих организаций [15].

Что касается фашистских объединений, то они были представлены Русским фашистским обществом, а на более позднем этапе – фашистскими синдикатами и Русской фашисткой партией, которые создали молодёжные объединения «Общество друзей молодёжи» и «Клуб молодёжи».

Кроме того, до прихода японцев в Харбине существовали и деполитизированные молодёжные организации: «13», «Джентельмены», «Зорро», «Чёрное кольцо», «Хоба». Они отличались низким уровнем организованности, что и определяло скоротечность их существования.

С образованием Маньчжоу-Го политическая составляющая маньчжурского общества, в том числе и молодёжных объединений, стала определяющей и основным инструментом социальной интеграции. С началом Великой Отечественной войны в молодёжной среде российской эмиграции произошли серьёзные изменения. По свидетельству газеты «Захинганский голос» «значительная её часть считала Германию врагом русского народа, а следовательно, врагом эмиграции». Отсюда тенденция считать врагами всех тех, кто играет на руку германскому фашизму [4, т. 1, с. 44]. Однако основная проблема выражалась в аполитичности молодёжи, у которой, по свидетельству старшего поколения российской эмиграции, «культурный уровень в массе очень низок, интересы узки, умственные запросы ограничены». По свидетельству профессора И. И. Никифорова молодёжи свойственно «чрезмерное увлечение танцульками, гулянками, а подчас и наркотиками», «культурный уровень молодёжи понизился, и она стала терять свой национальный облик, утратив представление о том долге, который лежит на каждом эмигранте» [там же]. Тем не менее, молодёжные организации: «Союз националистической молодёжи», «Клуб молодёжи при редакции газеты «Нация», «Авангард», «Союз авангардисток», «Казачья смена», «Отряды потешных», «Объединение окончивших учебные заведения М. А. Оксаковской», «Союз окончивших учебные заведения Главного бюро эмигрантов» (в рамках которого существовали литературно-историческая, востоковедная, артистическая, музыкальная, вокальная, художественная и спортивная секции), «Союз окончивших реальное училище», «Кружок им. Ломоносова», «Союз русских девушек», «Союз фашистских крошек» – оказались в зоне особого внимания советской разведки [4, т. 2, с. 117–120].

Но стремление политических кругов российской эмиграции сплотить молодёжь вокруг политических лозунгов оказалось утопией. Нежелание следовать в фарватере политических устремлений Японии привело к конфликтам в рамках молодёжных объединений, расколам и деполитизации. Именно поэтому уже в 1943 г. Япония ликвидировала остатки эмигрантских молодёжных объединений [18, с. 22–23]. Тем не менее эмигрантские молодёжные организации оказали существенное влияние на судьбы эмигрантской молодёжи и, прежде всего, в сфере сохранения её национально-культурной идентичности, дополняя

деятельность в этой сфере таких институтов, как школа [30], семья и особенно церковь [20].

А. Христианский союз молодых людей (ХСМЛ)

Христианский союз молодых людей [16] – это крупная межконфессиональная организация, центр которой располагался в США. Через неё в эмиграции прошли тысячи молодых людей. Харбинское отделение ХСМЛ выгодно отличалось от таких же отделений в США и Западной Европы, где было сильно протестантское влияние. Причина тому сотрудничество ХСМЛ и иерархов Русской православной зарубежной церкви. Ещё в 1921 г. Синод запретил православной молодёжи создавать организации под руководством ХСМЛ, соотнося её с масонами. Но Харбинский архиепископ Мефодий не был столь категоричен по отношению к ХСМЛ, полагая, что «православная церковь должна пойти навстречу этому движению». Это позволило православному дальневосточному духовенству наладить тесное сотрудничество с Харбинским ХСМЛ.

После гражданской войны в России численность молодых эмигрантов в Харбине резко возросла и ХСМЛ совместно с Русской православной церковью (РПЦ) создавал практические школы, открывал вечерние курсы по изучению английского языка, курсы машинописи, школы шофёров-механиков, дабы помочь молодым изгнанникам выжить на чужбине. Кроме того, в рамках союза была создана воспитательно-образовательная система: детский сад, курсы дошкольного воспитания, гимназия, колледж, институт, библиотека, сеть научных обществ. Это способствовало формированию облика молодого поколения русских эмигрантов, сохранявших национальные православные традиции. Последовательность проводимой политики наиболее ярко проявилась в 1938 г., в дни празднования 950-летия Крещения Руси. Поэтому ЯВМ плотно работала с этой организацией и вербовала из числа её членов будущую агентуру.

Выводы. В своей агрессивной политике Япония рассчитывала использовать российскую эмиграцию, проживавшую на Северо-Востоке Китая. Отличительной особенностью этой эмиграции была её «двухслойность». Первый слой – это эмиграция, которая возникла ещё до 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД; второй – из числа прибывших после гражданской войны, бывших подданных Российской империи. Поэтому первая волна была представлена железнодорожниками и их семьями, различными категориями гражданского населения, занятого торговлей, образованием, здравоохранением. В 1917 г. к ним присоединились городские обыватели, мелкие торговцы, учителя, врачи, инженеры и техники, крестьяне приграничных районов, профессорско-преподавательский состав, журналисты и литераторы, члены различных «временных» правительств.

Второй слой российской диаспоры в Китае был представлен изгнанными из России событиями гражданской войны. В их числе политические и общественные деятели, военные руководители белого движения, члены военных формирований Г. М. Семёнова, Р. Ф. Унгерна, И. М. Калмыкова, В. О. Каппеля. Причём последняя группа была самая многочисленная (50–60 тыс. военнослужащих) по сравнению с военной эмиграцией в Чехословакии, Франции, Турции и др. Именно из неё формировалась наиболее активная часть белой эмиграции, именно она вела активную борьбу с советской властью с начала гражданской войны и до завершения Второй мировой войны.

Одной из существенных особенностей российской эмиграции в Маньчжурии было наличие хорошо организованной и активно действующей фашистской партии, имевшей отделения и филиалы во всех городах Маньчжоу-Го и многих странах за рубежом. Тем самым русская колония в Маньчжоу-Го представляла для ЯВМ, с учётом их планов по захвату СССР, особый интерес. В отношении эмигрантов ставились конкретные задачи: 1) обеспечить в лице русской эмиграции надёжного союзника; 2) использовать русские вооружённые формирования на случай прямого столкновения с СССР; 3) вовлечь русскую эмиграцию в идеологическую войну с мировым коммунизмом.

Японские власти взяли на учёт фактически всю эмиграцию, открыли для них специальные курсы под руководством японских офицеров для подготовки будущей агентуры с целью заброски на территорию СССР, а также сотрудников для агентурно-разведывательной работы при японских военных миссиях за рубежом. Причём вербовка, ввиду явной нехватки добровольцев, осуществлялась насильственно. В этой связи во многих городах Маньчжурии под видом школ изучения японского языка и культуры создавались специальные японские школы, готовившие агентуру.

Все эти обстоятельства, а также особенности формирования российской эмиграции учитывались советской внешней разведкой, которая не только освещала белую эмиграцию в Маньчжурии, но и умело противостоя-

ла разведке императорской Японии и Маньчжоу-Го, а также способствовала активной деятельности Гоминьдана и КПК в борьбе с агрессором. При этом советская разведка вынуждена была лавировать между правящей партией Гоминьдан и коммунистической оппозицией, между многолетним противостоянием разведок Чан Кайши и Мао Дзэдуна.

Список литературы

1. Аблова Н. Е. Российская фашистская партия в Маньчжурии // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 1999. № 2.
2. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна 1919–1943. М.: Росс. полит. энцикл.,1997. 287 с.
3. Балмасов С. С. Белоэмиграция на военной службе в Китае. М.: Центрополиграф, 2002. 576 с.
4. Белоэмиграция в Маньчжурии. В 3 т. Т. 1, 2. Чита: Управл. НКВД по Чит. обл., 1942.
5. Большаков С. Н., Кибардин В. В. Фашизм и религия. Харбин, 1936. 20 с.
6. Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский Общевоинский союз, Россия и Русское зарубежье в XX–XXI вв. Архангельск: Солти, 2006. 522 с.
7. Звезда и свастика. Большевизм и русский фашизм. М., 1991. С. 271–312.
8. Каргапольцев Д. С. Молодёжные объединения российской эмиграции в Северной Маньчжурии в 1929–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011. 34 с.
9. Каргапольцев Д. С. Союз мушкетеров в Маньчжурии (1921–1938 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, Филология. 2009. Т. 8. Вып. 4. С. 97–103.
10. Курас Л. В. Атаман Семенов и Японская военная миссия // Сибирь: XX век. Вып. 4. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002. С. 131–134.
11. Курас Л. В. Всероссийская фашистская партия (Харбин: 30-е годы) // Вопр. соц.-полит. истории (XVII–XX века). Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999.
12. Курас Л. В. Кузбасс в планах милитаристской Японии в 1930-е годы // 55 лет Кемеровской области: материалы науч.-практ. конф. 27 янв. 1998 г. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1998.
13. Курас Л. В. Русские фашисты в Маньчжурии в 20–40-е годы XX века // Сэнкай Ки Сибэриа, Монгору-но сэйдзи. Сякай сисутэма-но кайхэй: 1917–1941 (Сибирь в межвоенный период, монгольская политика. Системная перестройка общества: 1917–1941 гг.). Тохоку дайгаку. Тохоку Адзиа кэню сэнта (Ун-т Тохоку. Тохоку азиат. иссл. центр) – март 2006. С. 129–147.
14. Курас Л. В. Харбин – 30-е годы XX века: Главное бюро по делам российских эмигрантов // Сибирь: XX век. Вып. 5. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. С. 105–111.
15. Малашенко Г. И. Молодёжные организации российского казачества в Дальневосточном зарубежье (1920–1937 гг.) // Ист. науки. Томск, 2004. С. 170–175.
16. Мелихов Г. В. Бюро по делам российских эмигрантов в маньчжурской империи (домыслы и факты) // Тр. Ин-та росс. истории. Вып. 8. М.: Наука, 2009. С. 190–209.
17. Мелихов Г. В. Христианский союз молодых людей в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 6. С. 118–122.
18. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии (В. К. Родзаевский: трагедия личности) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 109–121.
19. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии (В. К. Родзаевский: трагедия личности) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 3. С. 156–164.
20. Окороков А. В. Молодёжные организации российской эмиграции (1929–1945). М.: Станица, 2000. 112 с.
21. Окороков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М.: Русаки, 2001. 593 с.
22. Онегина С. Письмо В. К. Родзаевского И. В. Сталину: вст. ст. // Отеч. история. 1992. № 3. С. 92–100.
23. Онегина С. В. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 141–146.
24. Онегина С. В. Российский фашистский союз в Маньчжурии и его зарубежные связи // Вопр. истории. 1997. № 6. С. 150–159.
25. Павловская М. А. Исследование Маньчжурии и стран Восточной Азии экономическим бюро КВЖД (1921–1934 гг.) // Россия и Восток: взгляд из Сибири. Т. II. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1998. С. 267–270.
26. Панюшкин А. С. Записки посла: Китай 1939–1944. М.: Изд-во Ин-та Дальн. Вост. АН СССР, 1981. 301 с.
27. Печерица В. Д. Духовная культура российской эмиграции в Китае. Владивосток: ДВГУ, 1998. 276 с.
28. Полутов А. В. Управление государственной безопасности Маньчжоу-Го (1937–1945 гг.) // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. 2013. № 1. С. 169–181.
29. Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: 2005. С. 493–519.
30. Потапова И. В. Русская школа в Маньчжурии 1808–1945 годы. Хабаровск: Частн. коллекц., 2000. 186 с.
31. Родзаевский К. В. Против ВКП(б) – ВФП! Харбин, 1936. 33 с.
32. Русская эмиграция и фашизм: статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. В. Ю. Жуков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 264 с.
33. Русский Харбин. М.: Изд-во МГУ, 1998. 272 с.
34. Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М.: Мысль, 1968. С. 282–283.
35. Терзов А. С. История и идеология русских эмигрантских молодёжных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРР) // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. 2009. № 15. С. 151–155.
36. Усов В. Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М.: Т-во науч. изданий КМК, 2007. С. 288–352.
37. Худобородов А. Л. Казачья эмиграция в Маньчжурии в период японской оккупации (1932–1945 годы) // Вестн. Челяб. ун-а. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1. С. 186–196.

38. Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции (1920–1945 гг.): социальные, военно-политические и культурные проблемы: автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ, 1997.

39. Цветков И. Б. Финансовые органы БРЭМ и их деятельность (дек. 1934 – авг. 1935 гг.) // Власть. 2009. № 6. С. 133–136.

40. Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая: 1920–1945 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 24 с.

41. Черникова Л. П. Борьба за отмену экстерриториальности в Китае и Британская империя (по материалам русской периодической печати) // Imagines mundi: альм. иссл. всеобщ. истории XVI–XX вв. № 6. Сер. 3. Альбионика. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 273–283.

42. Чуйков В. И. Миссия в Китае. Записки военного советника. М.: Воениздат, 1981. 252 с.

Источники

43. Архив УФСБ России по Респ. Бурятия. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.

44. Центральный архив ФСБ Росс. Федер. Особый фонд. Н-18765. Т.1.

References

1. Ablova N. E. Rossijskaja fashistskaja partija v Man'chzhurii // Belorus. zhurn. mezhdunar. prava i mezhdunar. otnoshenij. 1999. № 2.

2. Adibekov G. M., Shahnazarova Je. N., Shirinja K. K. Organizacionnaja struktura Kominterna 1919–1943. M.: Ross. polit. jencikl.,1997. 287 s.

3. Balmasov S. S. Belojemigracija na voennoj sluzhbe v Kitae. M.: Centropoligraf, 2002. 576 s.

4. Belojemigracija v Man'chzhurii. V 3 t. T. 1, 2. Chita: Upravl. NKVD po Chit. obl., 1942.

5. Bol'shakov S. N., Kibardin V. V. Fashizm i religija. Harbin, 1936. 20 s.

6. Goldin V. I. Soldaty na chuzhbine. Russkij Obshhevoinskij sojuz, Rossija i Russkoe zarubezh'e v XX–XXI vv. Arhangel'sk: Solti, 2006. 522 s.

7. Zvezda i svastika. Bol'shevizm i russkij fashizm. M., 1991. S. 271–312.

8. Kargapol'cev D. S. Molodjozhnye ob#edinenija rossijskoj jemigracii v Severnoj Man'chzhurii v 1929–1945 gg.: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2011. 34 s.

9. Kargapol'cev D. S. Sojuz mushketerov v Man'chzhurii (1921–1938 gody) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, Filologija. 2009. T. 8. Vyp. 4. S. 97–103.

10. Kuras L. V. Ataman Semenov i Japonskaja voennaja missija // Sibir': HH vek. Vyp. 4. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002. S. 131–134.

11. Kuras L. V. Vserossijskaja fashistskaja partija (Harbin: 30-e gody) // Vopr. soc.-polit. istorii (XVII–XX veka). Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1999.

12. Kuras L. V. Kuzbass v planah militaristskoj Japonii v 1930-e gody // 55 let Kemerovskoj oblasti: materialy nauch.-prakt. konf. 27 janv. 1998 g. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1998.

13. Kuras L. V. Russkie fashisty v Man'chzhurii v 20–40-e gody HH veka // Sjenkaj Ki Sibjeria, Mongoru-no sjejdzi. Sjakaj sisutjema-no kajhjej: 1917–1941 (Sibir' v mezhvoennyj period, mongol'skaja politika. Sistemnaja perestrojka obshhestva: 1917–1941 gg.). Tohoku dajgaku. Tohoku Adzia kjenju sjenta (Un-t Tohoku. Tohoku aziat. issl. centr) – mart 2006. S. 129–147.

14. Kuras L. V. Harbin – 30-e gody HH veka: Glavnoe bjuro po delam rossijskih jemigrantov // Sibir': HH vek. Vyp. 5. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007. S. 105–111.

15. Malashenko G. I. Molodjozhnye organizacii rossijskogo kazachestva v Dal'nevostochnom zarubezh'e (1920–1937 gg.) // Ist. nauki. Tomsk, 2004. S. 170–175.

16. Melihov G. V. Bjuro po delam rossijskih jemigrantov v man'chzhurskoj imperii (domysly i fakty) // Tr. In-ta ross. istorii. Vyp. 8. M.: Nauka, 2009. S. 190–209.

17. Melihov G. V. Hristianskij sojuz molodyh ljudej v Harbine // Problemy Dal'nego Vostoka. 1996. № 6. S. 118–122.

18. Mel'nikov Ju. Russkie fashisty v Man'chzhurii (V. K. Rodzaevskij: tragedija lichnosti) // Problemy Dal'nego Vostoka. 1991. № 2. S. 109–121.

19. Mel'nikov Ju. Russkie fashisty v Man'chzhurii (V. K. Rodzaevskij: tragedija lichnosti) // Problemy Dal'nego Vostoka. 1991. № 3. S. 156–164.

20. Okorokov A. V. Molodjozhnye organizacii rossijskoj jemigracii (1929–1945). M.: Stanica, 2000. 112 s.

21. Okorokov A. V. Fashizm i russkaja jemigracija (1920–1945 gg.). M.: Rusaki, 2001. 593 s.

22. Onegina S. Pis'mo V. K. Rodzaevskogo I. V. Stalinu: vst. st. // Otech. istorija. 1992. № 3. S. 92–100.

23. Onegina S. V. Bjuro po delam rossijskih jemigrantov v Man'chzhurii // Problemy Dal'nego Vostoka. 1996. № 5. S. 141–146.

24. Onegina S. V. Rossijskij fashistskij sojuz v Man'chzhurii i ego zarubezhnye svjazi // Vopr. istorii. 1997. № 6. S. 150–159.

25. Pavlovskaja M. A. Issledovanie Man'chzhurii i stran Vostochnoj Azii jekonomicheskim bjuro KVZhD (1921–1934 gg.) // Rossija i Vostok: vzgljad iz Sibiri. T. II. Irkutsk: Izd-vo IGU, 1998. C. 267–270.

26. Panjushkin A. S. Zapiski posla: Kitaj 1939–1944. M.: Izd-vo In-ta Dal'n. Vost. AN SSSR, 1981. 301 s.

27. Pecherica V. D. Duhovnaja kul'tura rossijskoj jemigracii v Kitae. Vladivostok: DVGU, 1998. 276 s.

28. Polutov A. V. Upravlenie gosudarstvennoj bezopasnosti Man'chzhou-Go (1937–1945 gg.) // Vestn. Dal'nevost. otd-nija RAN. 2013. № 1. S. 169–181.

29. Poljan P. Jemigracija: kto i kogda v HH veke pokidal Rossiju // Rossija i ejo regiony v HH veke: territorija – rasselenie – migracii. M.: 2005. S. 493–519.

30. Potapova I. V. Russkaja shkola v Man'chzhurii 1808–1945 gody. Habarovsk: Chastn. kollekc., 2000. 186 s.

31. Rodzaevskij K. V. Protiv VKP(b) – VFP! Harbin, 1936. 33 s.

32. Russkaja jemigracija i fashizm: stat'i i vospominanija / otv. red. i sost. V.Ju. Zhukov. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2011. 264 s.

33. Russkij Harbin. M.: Izd-vo MGU, 1998. 272 s.

34. Spirin L. M. Klassy i partii v grazhdanskoj vojne v Rossii (1917–1920 gg.). M.: Mysl', 1968. S. 282–283.

35. Terzov A. S. Istorija i ideologija russkih jemigrantskih molodjozhnyh organizacij na primere Nacional'noj organizacii russkih razvedchikov (NORR) // Izv. Penz. gos. ped. un-ta im. V. G. Belinskogo. 2009. № 15. S. 151–155.

36. Usov V. N. Sovetskaja razvedka v Kitae: 30-e gody HH veka. M.: T-vo nauch. izdanij KMK, 2007. S. 288–352.
37. Hudoborodov A. L. Kazach'ja jemigracija v Man'chzhurii v period japonskoj okkupacii (1932–1945 gody) // Vestn. Cheljab. un-a. Ser. 10. Vostokovedenie. Evrazijstvo. Geopolitika. 2002. № 1. S. 186–196.
38. Hudoborodov A. L. Rossijskoe kazachestvo v jemigracii (1920–1945 gg.): social'nye, voenno-politicheskie i kul'turnye problemy: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. M.: MGU, 1997.
39. Cvetkov I. B. Finansovye organy BRJeM i ih dejatel'nost' (dek. 1934 – avg. 1935 gg.) // Vlast'. 2009. № 6. S. 133–136.
40. Chapygin I. V. Kazach'ja jemigracija v russkoj diaspore Severo-Vostochnogo Kitaja: 1920–1945 gg.: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Irkutsk, 2006. 24 s.
41. Chernikova L. P. Bor'ba za otmenu jeksterritorial'nosti v Kitae i Britanskaja imperija (po materialam russkoj periodicheskoj pechati) // Imagines mundi: al'm. issl. vseobshh. istorii XVI–HH vv. № 6. Ser. 3. Al'bionika. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2008. S. 273–283.
42. Chujkov V. I. Missija v Kitae. Zapiski voennogo sovetnika. M.: Voenizdat, 1981. 252 s.

Istochniki

43. Arhiv UFSB Rossii po Resp. Burjatija. F. 2. Op. 1. D. 4.
44. Central'nyj arhiv FSB Ross. Feder. Osobyj fond. N-18765. T. 1.

Библиографическое описание статьи

Курас Л. В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 163–173.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173

Reference to article

Kuras L. V. Russian Military-Political Emigration in Manchukuo (on the Materials of the Soviet Intelligence) // Humanitarian Vector. Series Philosophy. Cultural Studies. 2016. Vol. 11, No 4. P. 163–173.
DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-163-173

Статья поступила в редакцию 23.03.2016

УДК 94 (517.3)

Поогоо Чултэмсурэн,
научный сотрудник,
Международный институт по изучению кочевой цивилизации
Академии наук Монголии
(14200, Монголия, г.Улаанбаатар, ул. Премьер-министра А. Амара, 1),
e-mail: chultemsuren@yahoo.com

Уртонная служба монголов, или «Монгольский закон в три дня»

В статье рассматривается вопрос о системе уртонных станций, являвшейся важнейшим звеном в управлении Монгольской империей. На основе древней поговорки *Монгол хууль гурван хоногт* – ‘монгольский закон в три дня’ автор подчёркивает быстроходность монгольских лошадей и выносливость монгольских всадников. Законы и указы великого хана распространялись по всей территории огромной империи, во всех подвластных странах Востока и Центральной Азии в течение трёх дней, т. е. 72 ч. Автор освещает механизм управления системой, устройство уртонных станций, на которых служили харчины. Своё название харчины получили от рода занятий, которое исполняли при дворе: они исполняли особую службу по доставке ко двору императора *хар айраг*, ‘*букв*. чёрный айрак, или чистый, высококачественный продукт’. В работе приведена карта уртонного пути от Пекина до Кобдо в Цинский период, обнаруженная автором во время полевой экспедиции 2005 г. в сомоне Даланзадгад Южногобийского аймака Монголии в семье старожила Харчин Мажаа. Из обозначенных на карте 84 уртонных станций в 44 службу несли харчины. После упразднения системы уртонов в начале XX в. харчинам предлагалось вернуться на родину в Ордос. Однако старики не согласились, сославшись на то, что нельзя покидать дуганы и монастыри, а также на то, что харчины и халха стали как родные братья.

Ключевые слова: уртонная станция, харачин, управление, сообщение, лошадь

Poogoo Chultemsuren,
Scientific Researcher,
International Institute for the Study of Nomadic Civilizations,
Mongolian Academy of Sciences
(1Prime Minister A. Amara st., Ulaanbaatar, 14200, Mongolia),
e-mail: chultemsuren@yahoo.com

The Urton Postal Service of the Mongols, or “Mongolian Law in Three Days”

The paper deals with the system of urton postal stations which was the inescapable link in management of the Mongolian empire. On the basis of an ancient saying *Mongol huuli gurvan honogt* ‘the Mongolian law in three days’ the author emphasizes rapidity of the Mongolian horses and endurance of the Mongolian riders. Laws and decrees of the great Khan extended across all territory of the huge empire, in all subject countries of the East and Central Asia within three days, i. e. 72 hours. The author describes the mechanism of management of the system, the organization of stations at which the Kharchins served. The name of the Kharchins was derived from the name of their occupation which they were executing at court. They were engaged in special service on delivery to the court of the emperor har airag ‘black fermented horse milk’, where the adjective black means pure, crystal, high quality. The author supplies the map of urton way from Beijing to Khovd, which was used during the Qing period. This map was found by the author during the field expedition in 2005 in somon Dalanzadgad of Umnugobi aimag of Mongolia in the family of old man Harchin Mazhaa. There are 84 stations on the map and 44 of them were served by the Kharchins. After abolition of system of urtons at the beginning of the XXth century the Kharchins were offered to return home in Ordos, but they did not agree referring to the fact that it was impossible to leave dugans and monasteries, and also due to the fact that the Kharchins and the Khalkhas became as brothers.

Keywords: urton station, Kharachin, management, communication, horse

Древняя монгольская поговорка *Монголын хууль гурван хоногт* ‘монгольский закон в три дня’ сегодня понимается в отрицательном смысле как *Хууль нь гууль болно* ‘Монгольский закон [через три дня] превращается в латунь’ (т. е. обесценивается). Однако первоначальный смысл поговорки вовсе не имел столь уничижительного оттенка. Во времена Великой Монгольской империи в три дня устанавливался срок, за который распространялись законодательные акты, указы, оповещения и уведомления. Поговорка свидетельствует о быстроходности монгольских лошадей и выносливости монгольских всадников, о том, что законы и указы великого хана распространялись по всей территории огромной империи, во всех подвластных странах Востока и Центральной Азии в течение трёх дней, т. е. 72 ч. Такая необычайная скорость распространения информации в период рас-

© Поогоо Чултэмсурэн, 2016

цвета и мощи Монгольской империи установилась на последующий длительный период в несколько столетий.

Быстрая доставка вестей была обязанностью уртонной службы. Уртонная единица обозначалась словом п.-монг. *örtege* ‘почтовая станция’ [10, p. 588], монг. *өртөө*, бур. *уртөө*, калм. *өртң* ‘перегон между станциями (равный 30–40 км); ямская станция, полустанок’. В обязанности уртонных служащих входило держать лошадей в постоянной готовности для дальнейшего, беспрепятственного продвижения всадника – гонца с вестью. По мнению Е. В. Сундуевой, слово *уртөө* образовано от глагола п.-монг. *örü-*, монг. *өр-*, калм. *өр-* ‘ставить, расставлять в ряд, раскладывать что-л. в определённом порядке’ и первоначально обозначало ряд привязанных на полустанке лошадей, стоящих вдоль тракта и готовящихся к перегону [5, с. 204].

Монголы почитали лошадь с древних времён и всегда считали её верным другом мужчины. В эпосе монгольских народов особо отмечается то, что прекрасный конь является неизменным помощником главного героя-богатыря, может выступать в роли чудесного помощника, воспитателя, советника героя. При этом описанию коня, его бега уделяется иногда даже больше стихотворных строк, чем описанию самого героя [3, с. 157]. В эпических сказаниях сила, скорость и выносливость лошадей образно выражаются следующим образом:

Хонгор хурдана унажа,
Оседлал скакуна светло-рыжего
Морин хурдыма,
и, говоря: у коня быстрота,
Модон үзүүртэйма гэжэ,
у дерева вершина, –
Ороһон ехэ ялгайе
через встречные пади большие
Ото харайлган ошобо,
насквозь поскакал,
Гараһан ехэ голиие
попутные долины великие
Гаталан харайлган ошобо,
преодолевая, мчался,
Тэнгэриин хара һальтинаар
с небесным чёрным ветром
Тэмэлсэн ябажи харайлгаба,
состязаясь, скакал,
Тэргэд һара хоертой
с луной и месяцем
Урилдан ябажа харайлгаба.
соревнуясь, скакал.
Хурдан хара хурдан гү,
Скакун гнедой быстрее ли,
Хүхэ үүлэн хурдан гү?
или синие облака быстрее?
[8, с. 4–5].

Особые качества лошадей во многом зависят от их возраста. Монгольские языки обладают обширным пластом лексики, указывающей на возраст домашних животных от 0 до 5 лет: монг. *унаган* ‘жеребёнок до года’, *дааган* ‘годовалый жеребёнок, стригунок, жеребчик по второму году’, *шүдлэн үрээ* ‘двухгодовалый конь’, *хавчиг соёолон* ‘шестилетний (о лошади)’; *хуучин соёолон* ‘лошадь в возрасте около шести лет’; *шинэ соёолон* ‘лошадь в возрасте около пяти лет’, *бүдүүн морь* ‘взрослая особь’, *хүгшин морь* ‘старая особь *старше 15 лет*’ и др. Средняя продолжительность жизни лошадей в Монголии составляет 23–25 лет.

Монгольская лошадь в среднем развивает скорость до 12–16 м в секунду. В Хэнтэйском аймаке Монголии были проведены исследования, в результате которых выведено среднее значение расстояния, которое лошади преодолевают за одну секунду. Так, жеребец преодолевает 15 м, взрослая лошадь – 14,9 м, четырёхлетняя лошадь – 13 м, трёхлетка – 12,5 м [7, с. 26].

На протяжении многих веков кочевая традиция выработала устойчивый механизм воспитания бойцовских качеств мужчин и скоростных качеств скакунов, которые проходят ежегодную проверку на состязаниях во время ежегодного всенародного праздника *Наадам* (полное название *Эрийн гурван наадам*, т. е. ‘три [вида] игрищ мужей’). Игрища включают состязания в борьбе, стрельбе из лука и конных скачках. В последних выделяются разные дистанции: 10 км для лошадей-двухлеток, 20 км для лошадей-трёхлеток, 25 км для четырёхлеток и жеребцов и 30 км для взрослых особей. Как видно, наиболее сильными и выносливыми являются взрослые лошади, способные удерживать максимально высокую скорость на протяжении 30 км. Обычно на конных скачках взрослые лошади пробегают 30-км дистанцию за 15–20 мин. Очевидно, что дистанция в 30 км для традиционного вида состязаний, а также для расстояния между уртонными станциями выбрана не случайно. С помощью уртонных пересадок монгольская лошадь преодолевала в среднем 90 км за 1 ч. Поскольку на уртонной станции лошади находились в постоянной «боевой» готовности, то срочная весть доставлялась в течение трёх суток на расстояние в 6000 км.

Плано Карпини в своих путевых заметках описывает скорость движения через уртонные станции: «По всей этой дороге мы продвигались с великой поспешностью, потому что нашим Татарам было приказано быстро

отвезти нас на торжественное заседание, назначенное уже несколько лет тому назад для избрания императора, чтобы мы имели возможность при сём присутствовать… мы ехали, как только могли скакать лошади. Ибо лошадей отнюдь не щадили, так как очень часто днем мы видели свежих лошадей, и те, которые валились, возвращались обратно. И таким образом мы ехали быстро без всякого перерыва» [1, с. 52]. Он выехал из французского города Лиона 16 апреля 1245 г. и достиг западных границ великой Монгольской империи, где располагалась ставка Бату-хана на берегу Волги, потратив почти год. А от ставки Бату-хана до ставки Гуюк-хана, расстояние между которыми почти в два раза превышало его предыдущий путь, он доехал за два месяца – с 8 апреля по 16 июня 1246 г.

Об относительно высокой для своего времени скорости продвижения по уртонному пути свидетельствуют данные Г. де Рубрука, который из Черноморского порта Судак через город Укок по Волге преодолел путь в 1000 км до города Сарай приблизительно за 2 месяца. Если бы он продвигался с такой же скоростью и далее, то до монгольской столицы ему потребовалось бы ещё 8 месяцев. Однако остаток пути от Сарая до Каракорума в 3900 км он прошел за 3,5 месяца при помощи монгольской уртонной службы [6, с. 23].

Считается, что уртонные пути начали своё развитие при Угэдэй-хане, однако и до него выходили указы, регулирующие работу уртонной службы. Так, запрещалось использовать уртоны без специального на то свидетельства (монг. *пайз* ‘дощечка, удостоверяющая полномочия посланца’), были определены нормы довольствия и обеспечения на уртонных станциях для официальных гонцов, превышение которых строго каралось по закону. Вероятно, до Угэдэя уртонная служба не охватывала полностью всю империю. В некоторых районах использовалась такая служба, как *уургын улаа* ‘езда помимо уртонных пунктов *на лошадях, пойманных прямо с поля*’, где *уурга* ‘укрюк, урга, *длинный шест с петлей на конце для ловли лошадей*’. Приглашённый Чингис-ханом даосский монах Чан Чунь во время путешествия по Монголии использовал службу уртонных станций, его свидетельства были первой информацией о почтовой службе средневековой Монголии. Чан Чунь, выехавший со своей родины летом 1218 г., «проехал через пограничный пост в Великой китайской стене, двигался по направлению на северо-восток и достиг ставки Тэмугэ-Отчигин-нойна в низовьях реки Керулен. Следуя далее вверх по течению реки Керулен на запад, через четыре уртона он переправился через реку, откуда открылась широкая степь. …Двигаясь далее на север вдоль хребта Хангай-нуруу, достиг Чингай-балгасуна. Уртонные люди сказали ему, что на северной стороне снежной горы есть город Тяньчжэньхай» [9, с. 18, 21]. Это подтверждает существование станций во времена Чингис-хана, однако уртонная служба как система оформилась уже при Угэдэй-хане.

В 1235 г., в год синей овцы на Великом Курултае в местности Далан-Даван Угэдэй-хан принял решение об усовершенствовании уртонной службы. В «Тайной истории монголов» описывается предложение хана: «При настоящих способах передвижения наших послов и послы едут медленно, и народ терпит обременение. Не будет ли целесообразнее раз и навсегда установить в этом отношении твёрдый порядок: повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций – ямчины и верховые почтари – улаачины; в определённых местах устанавливаются станции – ямы, и послы впредь обязуются, за исключением чрезвычайных обстоятельств, следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу… Чаадай после надлежащих вопросов одобрил и ответил: «Я тоже озабочусь учреждением ямов, поведя их отсюда навстречу вашим. Кроме того, попрошу Батыя провести ямы от него навстречу моим. Из доложенных мне мероприятий считаю самым правильным учреждение ямов» [2, с. 197–198].

Рашид-ад-Дин отмечает: «А для того чтобы происходило беспрерывное прибытие гонцов как от царевичей, так и от его величества каана в интересах важных дел, во всех странах поставили ямы и назвали это *таян ям*. Для установления этих ямов от каждого царевича был призван посол… эмиры отправились и во всех областях и странах по долготе и широте земного пояса установили ямы» [4, с. 36]. Именно Угэдэй-хану принадлежит заслуга по оптимизации работы уртонных станций и организации её в системном виде почтовой службы. Маньчжуры в Цинский период сохранили и использовали это достижение Монгольской империи для своих нужд.

Для обеспечения работы системы уртонов Хубилай-хан выделил людей из службы собственного двора, из которых образовалась социальная прослойка служилого люда – *харчин*. Своё название харчины получили от рода занятий, которые исполняли при дворе: они исполняли особую службу по доставке ко двору императора *хар айраг*, букв. ‘чёрный айрак, или чистый, высококачественный продукт’. Определение *чёрный* в данном случае

имеет значения ‘чистый, натуральный, без примесей, прозрачный, настоящий’. Среди харчинов были представители следующих родов (*овог*) – *мянган шилдэт, ташигад, байран, баюуд, чахар, булгачид, цөлдөөд, түмэн, уухан, харнууд, огниуд, бугалууд, тавин бугалууд, могниуд* и др. О кровно-родовой близости представителей одного рода свидетельствует запрет на внутриродовые браки, а также традиция компактных захоронений представителей одного и того же рода.

Харчины были выходцами из регионов западного Ордоса. Со времён правления Канси большое количество их семей были переселены из Ордоса в Халху для несения уртонной повинности. Система почтовой службы империи Цин поддерживала работу 84 уртонных станций от Пекина до Кобдо, местопребывания своего наместника амбаня. От этой основной линии отходили станции к крупным монастырям и храмам. На рисунке представлена карта уртонного пути от Пекина до Кобдо в Цинский период, обнаруженная нами во время полевой экспедиции 2005 г. в сомоне Даланзадгад Южногобийского аймака Монголии в семье старожила Харчин Мажаа.

Из этих 84 уртонных станций в 44 службу несли харчины. Один уртон обслуживал 20 дворов (монг. *өрх*). Повинность эта была довольно обременительной и тяжёлой работой. Для контроля над харчинами на уртонных станциях создавались дополнительные уртоны (монг. *хавсрага өртөө*), которые предполагали содержание по 7 дворов, одной рабочей лошади, 90 верблюдов, 50 овец для пропитания. На них служили халхи по одному человеку от каждого хошуна, который освобождался от всяких прочих повинностей. Заработной платы ему не полагалось. Когда от уртона отходило четыре лошади, их сопровождали по одному верблюду и лошади от дополнительного уртона. Поначалу выполнявшие функцию надзора в случаях восстаний хорчинов, позднее халхи превратились в их помощников.

Система управления уртонами имела свою иерархию. Так, управляющий 11 станциями назывался *залан*, он имел право на пользование специальной печатью. Существовала также должность *занги*, находившаяся в ведении *заргачин яам* – органа, несшего судебно-надзирательные функции. *Занги* получал жалованье в 36 ланов серебра годовых и управлял 8 рядовыми охранниками (монг. *хуяг*). Должность *хүнд* предполагала жалованье в 20 ланов серебра в год и 10 ямщиков (*улаачин*) в подчинении. Рядовой охранник (*хуяг*) получал 24 лана, ямщик – 18. *Улачин* – непосредственный исполнитель доставки информации, или курьер, получал жалование 18 ланов в год. Также на уртонах были *бошго*, в обязанности которого входило обеспечение встречи и проводов официальных послов, их пропитания и ночлега. Эту функцию мог исполнять рядовой охранник или ямщик. Писарь (монг. *бичээч*) оформлял бумаги прибывающих и отбывающих.

На харчинских уртонах были *гэрийн бянд* – молодые люди в возрасте 16–17 лет, которые выполняли работы кухонных помощников и официантов. Они разводили на улице огонь и варили чай в чёрных баклагах, которые были выстроены в ряд. Этот процесс назывался *хар шаахуу шатаах*, ‘*досл*. жечь чёрные баклаги’. Гонцам и послам, официально следующим по уртонному пути, полагалось три чаши горячей пищи в сутки. Из разряда *гэрийн бянд* в дальнейшем они становились *улааны бянд*, в функции которых входил уход за лошадьми пребывающих людей. Необходимо было поменять седло и узду, накормить и напоить лошадей, разгрузить и загрузить поклажу, следить за тем, чтобы груз не потерялся (монг. *ачаа хөөх*). Если прибывал выскопоставленный начальник с большим количеством клади, его сопровождал человек с саблей, которого называли *хаван*. Переход из категории *улааны бянд* на собственно уртонную службу назывался *дансанд орох* ‘зачислиться, попасть в книгу’. Такой человек следил за лошадьми и верблюдами богатых людей и получал 4–5 ланов в год.

Как отмечалось выше, на приведённой карте отмечено 84 уртона. От Пекина до Чуулалт-Хаалга было установлено 6 уртонов, от Чуулалт-Хаалга до Харчин – 44 станции, от Харчина до Халхи – 20 уртонов и, наконец, от Халхи до Кобдо – 14 станций. На каждом уртоне размещалось по 14 военных. 44 харчинские станции делились на 8 станций Чахара, 4 станции Даваа, 11 станций Сари, 11 станций Бултая и 11 станций Хангая. На последних 22 уртонах служил один залан, два занги, два заместителя занги и два помощника занги.

После упразднения системы уртонов в начале XX в. харчинам предлагалось вернуться на родину в Ордос, однако старики не согласились, сославшись на то, что нельзя покидать дуганы и монастыри, а также на то, что харчины и халха стали как родные братья. Таким образом, в древней поговорке «монгольский закон в три дня» отражена отлаженность системы уртонной службы, являвшейся важнейшим звеном в управлении империей.

Список литературы

1. Карпини П., Рубрук В. История Монгалов. Путешествие в Восточные страны. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911. 232 с.
2. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. 605 с.
3. Николаева Н. Н., Энхбадрах С. Героический эпос баргутов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12: в 4 ч. Ч. IV. С. 157–160.
4. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей / пер. с перс. Ю. П. Верховского, ред. И. П. Петрушевского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 2. 248 с.
5. Сундуева Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
6. Их Монгол замын харилцаа, өртөө. Улаанбаатар, 2006. 46 с.
7. Намнандорж О. Монголын хурдан морины тухай. Улаанбаатар, 1967. 80 с.
8. Ганга Бүрэд хаан // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Инв. № 167. 33 л.
9. Чань Чунь бумбын өрнө зүгт зорчсон тэмдэглэл. Улаанбаатар,1997. 92 с.
10. Kowalewski, J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

References

1. Karpini P., Rubruk V. Istorija Mongalov. Puteshestvie v Vostochnye strany. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1911. 232 s.
2. Kozin S. A. Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaja hronika 1240 g. M.; L., 1941. 605 c.
3. Nikolaeva N. N., Jenhbadrah S. Geroicheskij jepos bargutov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 12: v 4 ch. Ch. IV. C. 157–160.
4. Rashid-ad-Din. Sbornik letopisej / per. s pers. Ju. P. Verhovskogo, red. I. P. Petrushevskogo. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1960. T. 2. 248 s.
5. Sundueva E. V. Zvuki i obrazy: fonosemanticheskoe issledovanie leksem s kornevymi soglasnymi [r/m] v mongol'skih jazykah. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, 2011. 344 c.
6. Ih Mongol zamyn harilcaa, өrtөө. Ulaanbaatar, 2006. 46 s.
7. Namnandorzh O. Mongolyn hurdan moriny tuhaj. Ulaanbaatar, 1967. 80 s.
8. Ganga Bүrjed haan // CVRK IMBT SO RAN. F. 36. Op. 1. Inv. № 167. 33 l.
9. Chan' Chun' bumbyn өrnө zүgt zorchson tjemdjegljel. Ulaanbaatar,1997. 92 s.
10. Kowalewski, J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. V. I–III. 2690 p.

Библиографическое описание статьи

Чултэмсурэн Поогоо. Уртонная служба монголов, или «Монгольский закон в три дня» // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 174–178.

Reference to article

Chultemsuren Poogoo The Urton Postal Service of the Mongols, or "Mongolian Law in Three Days" // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 174–178.

Статья поступила в редакцию 05.04.2016

УДК 398.2(571.56)

Василий Васильевич Ушницкий,
кандидат исторических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
(677007, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, 1),
e-mail: voma@mail.ru

Анализ легенд о Тыгын Дархане: мифологический якутский «царь» времён «завоевания»

В статье изучается потестарная культура якутского этноса до прихода русских на Среднюю Лену. В якутском фольклоре существует цикл легенд о времени якутского предводителя Тыгына из кангаласского рода, совершавшего далёкие походы с целью покорения других родов. В статье сделан вывод, что мифологическое государство предводителя Тыгына на Средней Лене более соответствует принятому в западной науке понятию чифдом – протогосударство. Приводится обширная историография анализа роли личности предводителя Тыгына в древней истории якутского народа. Сопоставление фольклорных материалов с письменными документами помогает проследить время и условия формирования фольклорного образа якутского владыки.

Сюжеты якутских легенд о предводителе Тыгыне сопоставимы с ролью легендарного короля Артура в истории Британии. Якутское вождество в образе Тыгына возникло в эпоху военной демократии и распада родо-племенной общности, формирования рабовладельческой аристократии. Сделан важный вывод о формировании образа Тыгына в период становления якутской аристократии и распространения якутских родов, в основном кангаласцев по Северо-Востоку Сибири.

Ключевые слова: вождество, историография, потестарная культура, раннее государство, история Якутии, фольклор, миф

Vasily V. Ushnitsky,
Candidate of History,
Institute of Humanitarian Research and
Minorities of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences
(1 Petrovskogo st., Yakutsk, 677007, Russia),
e-mail: voma@mail.ru

Analysis of the Legends of Tygyn Darkhan: Yakut Mythological “King” of the “Conquest”

This article examines the Potestarian culture of the Yakut ethnic group before the arrival of the Russians in the Middle Lena. In the Yakut folklore there is a cycle of legends about the time of the Yakut leader Tygyn from Kangalassky clan who made long trips with the aim of conquering the other clans. The article concluded that the mythical leader of the state in the Middle Lena Tygyn is more in line with chifdom – proto-state in Western science concept. The extensive historiography analysis of the role of the individual leader Tygyn in the ancient history of the Yakut people is given. Comparison of folklore materials with written documents help to trace the time and conditions of formation of the Yakut folklore image of the lord.

The plots of the Yakut legend about Tygyn are comparable to the role of the legendary King Arthur in the history of Britain. Yakut chiefdom in Tygyn’s image emerged in the era of military democracy and the collapse of the tribal community, the formation of the slave-owning aristocracy. An important conclusion on formation of Tygyn’s image during the formation of the Yakut aristocracy and spread of Yakut clans, mainly from Kangalassy, North-East of Siberia is made.

Keywords: chiefdom, historiography, potestarian culture, earlier State, history of Yakutia, folklore, myth

Образу Тыгына посвящена большая историческая литература. Из работ по изучаемой теме, имеющих историографический интерес, можно выделить статьи А. П. Окладникова [10; 11; 13]. С присущим ему литературным языком и фантазией, он нарисовал образ Предводителя якутских родов. В этом ему помог рассказ, записанный Н. Золотарёвым и не повторяющийся в других известных нам фольклорных произведениях [10, с. 106]. Исходя из анализа термина *Дархан олох*, А. П. Окладников сделал вывод о существовании властной структуры чуть ли не со времени «государства» у древних якутов [10].

А. П. Окладников в то время, можно сказать, работал по заказу Правительства ЯАССР. В таком же положении находились Л. Р. Кызласов в Тыве и Хакасии, Л. Р. Потапов в Горном Алтае. В постсоветское время в 1990-е гг. людьми, непонимающими специфику исторической науки, в сталинское время был принят образ А. П. Окладникова как

© Ушницкий В. В., 2016

«одиозного» историка. При этом «недруги» Окладникова вырывали из контекста отдельные фразы из его работ, где он говорил о регрессивной роли личности Тыгына, который сопротивлялся прогрессивной роли «русского царизма» [13]. Однако именно Окладниковым был дан образ Якутского Царя – Тыгын Дархана, имеющего исторические корни в курыканском Эле (государстве), где уже были Тегины (Сыгины) [12]. Между тем, по якутским материалам точно не установлено, Тыгын – это антропоним или титул. Вопросы вызывает и правильное произношение данного слова, в некоторых улусах (районах) он произносится как Дыгын, а в других Тыгын.

Одни исследователи считают данное слово титулом, производным от общетюркского Тегин – принц. Также есть мнение, опирающееся на фольклорные сведения и письменные свидетельства, что имя Тынина вождя кангаласцев, не отпускавшего казаков И. Галкина обратно домой и «по всю дни» воевавшего с ними [9, с. 69], есть производное от якутского слова «тыын» – дыхание. Двойное название Тыгын Дархан, которое имеется в некоторых фольклорных источниках и в современной политической культуре, безусловно, свидетельствует о тюрко-монгольских его корнях.

Так был ли якутский «Царь», существовало ли государство на Средней Лене до прихода русских? Действительно, у многих племён Океании, Африки, Америки до прихода европейских колонизаторов существовали сильные «вождества», или «потестарные» лидеры эпохи военной демократии. Например, вождь Понтиак или ирокезы. Такие «вождества» некоторыми исследователями определяются как «ранние государства». Западная историческая наука в определении социальной структуры общества в этом отношении значительно опережала советскую науку. Если советские историки, руководствуясь марксистской теорией, рассуждали об обязательном наличии государства при классовом обществе, то зарубежные исследователи пользовались другой терминологией. Личность Тыгына, нарисованная А. П. Окладниковым на основе фольклорного материала, более соответствует термину *чифдом* – протогосударство, который принят в западной науке. Известно, что существовал общеякутский ритуально-культовый центр в долине Куллаты и место проведения общеякутского праздника Ысыаха в местности Юс Хатынг. Главы – предводители общин имели своё войско из боотуров – «куяжных людей» – и подчинялись верховному лидеру Тыгын Дархану. Однако одно дело фольклорный образ, воссозданный на основе легендарных сюжетов, и исторический портрет героя, вытекающий из анализа документов времён прихода казаков на Среднюю Лену. А они между собой сильно различаются.

Другим является вопрос о существовании племени в якутском обществе в эпоху переселения с Верхней Лены. И. Линденау писал о существовании особого титула Той-он-ууса (букв. «тойонский род»), означавшего господствующее положение среди якутских родов прямых потомков Эллэя. В связи со спорами о порядке наследования этого титула со смерти отца Тыгына началась ожесточённая борьба за власть, в которой верх взял Тыгын, убивший и разогнавший своих братьев. По изложенной Линденау версии Тыгын не успел стать дарханом – верховным правителем якутских родов из-за распрей внутри правящего клана, а затем и прихода русских [7]. Данный вывод был сделан исключительно на основе фольклорных источников. Приводимые Линденау сведения свидетельствуют о возможности существования общеплеменного вождя у якутов с титулом дархан. Но исторические предания – сложный жанр, они несут в себе печать современности, т. е. приспосабливают события, происходившие в древности, к более поздним историческим реалиям.

Общеплеменное объединение к моменту прихода русских было разрушено, и Тыгын, один из многочисленных сыновей Мунньан Дархана, победив в междоусобной борьбе братьев, пытался восстановить былое единство [12]. По мотивам якутских легенд многочисленные братья и сыновья Тыгына, страдая от его тирании, бегут на якутские окраины – Вилюй, Жиганы, Колыму, Яну [4; 14].

По другим данным прародители якутских родов сначала были одними из воинов-боотуров Тыгына. Затем они вынуждены были бежать от него в таёжные районы и покинуть обширные долины Туймаада и Эркээни [2, с. 157]. Причём Тыгыну – предводителю двухсот воинов, противостояли богатыри-одиночки, живущие охотой, рыболовством и имеющие одну-две коровы [4]. Таким образом, ясно видна разница между крупным тойоном – владельцем огромного количества скота и людей и «аласными» людьми, живущими в тайге в небольших долинах натуральным хозяйством. Но такая картина складывается только в результате анализа легенд о времени Тыгына. По документам видно, что тойоны – предводители многих родов, имели не

меньше людей, способных носить кольчугу, чем кангаласский Тынина. Следовательно, в образе легендарного Тыгына можно увидеть обобщающий образ якутского тойоната.

Г. В. Ксенофонтов и А. П. Окладников писали о преемственности власти якутского Тыгына от тюркских тегинов – «царей» [5; 12]. Некоторые в связи с этим приводят сведения о бегстве последнего уйгурского хана Энен-Тегина [5] к «да-шивеям», которые жили на территории Южной Якутии [6].

Государственность появляется во время распада первобытно-общинного строя, при появлении классовых отношений. Анализ общественных отношений якутов XVII в. позволяет сделать вывод о появлении элементов рабовладельческого строя только во время распада якутской общины и после установления ясачной системы на Средней Лене. В связи с этим следует сказать о прогрессивности русского «завоевания» в историческом отношении сопровождавшегося характерными для эпохи «колониальными» жестокостями. Применение термина «вхождение» в современном политико-государственном языке представляется правильным, так как якутские «тойоны» – родовые вожди, после присоединения к российскому государству превратились в наследственную феодально-рабовладельческую аристократию [16].

Образ Тыгына сродни личности короля Артура в истории Британии. Эта мифологическая личность, герой средневековых рыцарских романов воспринимается современной британской общественностью в качестве первого английского короля. Идут серьёзные споры об историчности этого легендарного персонажа. В целом, образ короля бриттов был воспринят от римских колонистов, принесших государственность на Британский остров. Поэтому и Тыгына нельзя изучать вне контекста реальной исторической обстановки в Якутии во время зарождения его фольклорного образа. А это вторая половина XVII в. и «тёмный» якутский XVIII в., который характеризуется массовым бегством от «ясачного» ига и уходом на «промыслы» представителей якутских родов со Средней Лены на окраины Северной Азии. В результате этих исторических событий происходило становление современного якутского этноса [15]. К началу XVII в. на территории современной Якутии кочевали многочисленные тунгусские роды [17]. Но в авангарде движения на окраины были именно кангаласцы, постоянные зачинщики и участники антирусских восстаний. В итоге их миграция в основном привела к появлению «вилюйской» и «северной» группы якутов. Именно они принесли на якутские окраины легенды о Тыгыне – верховном предводителе всей якутской земли.

Народность появляется внутри государственного образования, вместе с формированием мышления господствующего класса. Ленское «воеводство», исходя из отдалённости края и финансовых возможностей, уже во времена П. Головина и Д. Францбекова проявляло сепаратизм по отношению к Москве. «Служилые» и «промышленные» люди так же воспринимали эту территорию как «государство в государстве». Всё это могло способствовать появлению образа мифологического государства у коренного населения. Мечта о сильном якутском «царе» – объединителе всех враждебных якутских родов, возникла именно в этот период. Легендарный Тыгын громит все левобережные и правобережные по отношению к кангаласцам роды, наносит поражение дюпсинцам, борогонцам, намцам, мальжегарцам [2; 12].

Предводители родов, с которыми соперничал Тыгын, известны нам по документам 1630–40-х гг. в качестве участников стычек и битв с отрядами казачьих атаманов П. Бекетова, И. Галкина, П. Худякова. Эти исторические обстоятельства подразумевают подмену действий воевод Ленского края и казачьих атаманов в фольклоре образом супергероя Тыгына – победителя всех якутских родов. Таким образом, прообразом легендарного Тыгына являются не только известные нам предводители якутских родов, но и воеводы царской администрации и известные атаманы.

Тыгын, как легендарная личность, имеет несколько исторических прототипов. Безусловно, его можно рассматривать в качестве исторической личности. Это исторический «Тынина», существование которого задокументировано в челобитной атамана Ивана Галкина Московскому царю [8]. Из документов нам становится известным наличие целой династии его сыновей и внуков – «Тыниновичей». Однако как легендарный образ фольклорный Тыгын шире своего исторического прототипа – кангаласского тойона Тынины, который не являлся даже единовластным предводителем кангаласского рода. Легенды о Тыгыне и его времени широко распространены во всех частях огромного Якутского края [4] и далеко за его пределами.

Одним из исторических личностей, повлиявших на становление фольклорного образа Тыгын Дархана, является намский тойон Мамык или, согласно якутскому фольклору,

Мымах. Именно он был Верховным предводителем ополчения якутских родов во время восстания 1634 и 1642 гг. По С. И. Новгороду Мымак означало по-якутски князец, староста, а Тыгын значит князец-престолонаследник, отсюда выражение князец Мымак, в переводе Тыгын Мымак [3, с. 20].

На роль прототипа легендарного Тыгына наряду с «Тыниной» претендуют и его сыновья Ёлкёрёй (в документах Откурай), возглавлявший ополчение кангаласцев и других родов в 1636 г., и знаменитый Чаллаайы (Челай). Последний, наиболее последовательный борец против русских, был повешен после подавления восстания 1642 г. Забывчивость фольклора в отношении столь крупных исторических фигур в событиях 1630–40 х гг. на Средней Лене можно объяснить вхождением их образов в единый образ Тыгына.

Дженник (якут. *Дьэллик* – «бродяга») – предводитель кангаласцев во время последнего восстания 1670 г., также претендует на роль легендарного Якутского «Царя». Именно после его выступления против воеводской власти, поддержанного староверами и казаками, женатыми на якутках, якуты кангаласского рода массово бежали в Колымский край и иные окраины Северного края. Так, В. Серошевский писал, что в 1670 г. якутами предводительствовал Тыгын. В некоторой степени совпадает биография и имя нашего героя и вождя тунгусского рода долган – Дыгынчи (фольк. Даринча), проживавшего на Нижней Лене. Он выступил против «служилых» людей вместе с беглыми якутами в количестве 600 чел. [1]. Точно так же реальный исторический Дыгынча, как и легендарный Дыгын (вариант имени Тыгына), боролся с русскими с большим отрядом и, попав в плен, умер в заточении.

Таким образом, фольклорный образ Тыгына – это не воспоминание о былой племенной или государственной общности у якутского общества, принесённой с юга, а формирование единого якутского народа, который можно назвать северными кочевниками, на территории всей современной Якутии вокруг кангаласского рода. Народность формируется при наличии государственной организации независимо от того, принесена ли государственность извне или создана племенами для сплочения. Вхождение якутов в состав Российского государства принесло классовый строй и ясачно-воеводскую систему.

Список литературы

1. Бахрушин С. В., Токарев С. А. Якутия в 17 веке. Якутск, 1953. 442 с.
2. Боло С. И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 320 с.
3. Ионова О. В. Из истории якутского народа: (первая половина XVII в.). Якутск: Кн. изд-во, 1950. 112 с.
4. Ксенофонтов Г. В. Эллэйада: материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. 245 с.
5. Ксенофонтов Г. В. Ураанхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Якутск: Нац. изд-во РС (Я), 1992. Т. I, кн. 1. 416 с.
6. Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во вост. лит., 1961. 281 с.
7. Линденау Я. И. Описание народов Сибири: (первая половина XVIII века). Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
8. Материалы по истории Якутии XVII века: (Документы ясачного сбора): в 3 ч. М., 1970. 1269 с.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 3. М.: Вост. лит. РАН, 2005. 598 с.
10. Окладников А. П. Социальный строй предков якутов // Сов. этногр. 1947. № 2. С. 95–121.
11. Окладников А. П. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (Легенды о Тыгыне и историческая действительность) // Сов. этногр. 1949. № 2. С. 98–118.
12. Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству // История Якутской АССР. Т. 1. М.; Л., 1955. С. 400–428.
13. Окладников А. П. Якутский «царь» Тыгын: легенды и действительность // Открытие Сибири. М., 1979. С. 188–210.
14. Предания, легенды и мифы саха (якутов) / сост. Н. А.Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1995. 400 с.
15. Ушницкий В. В. Формирование магистральной якутской культуры // Этногр. обозр. 2012. № 5. С. 158–170.
16. Ушницкий В. В. Завоевание, присоединение или вхождение Якутии в состав Российского государства? // Роль Якутии в освоении Дальнего Востока: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 380-летию вхождения Якутии в состав Росс. гос-ва (г. Хабаровск, 11–13 сент. 2012 г.). Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2014. С. 33–36.
17. Ушницкий В. В. Тунгусские роды Якутии XVII в.: вопросы происхождения и этнической принадлежности // Вестн. археол., этногр. и антропол. ИПОС СО РАН (Тюмень). 2009. № 9. С. 124–129.

References

1. Bahrushin S. V., Tokarev S. A. Jakutija v 17 veke. Jakutsk, 1953. 442 s.
2. Bolo S. I. Proshloe jakutov do prihoda russkih na Lenu: Po predanijam jakutov byvshego Jakutskogo okruga. Jakutsk: Bichik, 1994. 320 s.

3. Ionova O. V. Iz istorii jakutskogo naroda: (pervaja polovina XVII v.). Jakutsk: Kn. izd-vo, 1950. 112 s.
4. Ksenofontov G. V. Jelljejada: materialy po mifologii i legendarnoj istorii jakutov. Novosibirsk: Nauka, 1977. 245 s.
5. Ksenofontov G. V. Uraanhaj-sahalar: ocherki po drevnej istorii jaku¬tov. Jakutsk: Nac. izd-vo RS (Ja), 1992. T. I, kn. 1. 416 s.
6. Kjuner N. V. Kitajskie izvestija o narodah Juzhnoj Sibiri, Central'noj Azii i Dal'nego Vostoka. M.: Izd-vo vost. lit., 1961. 281 c.
7. Lindenau Ja. I. Opisanie narodov Sibiri: (pervaja polovina XVIII veka). Magadan: Kn. izd-vo, 1983. 176 s.
8. Materialy po istorii Jakutii XVII veka: (Dokumenty jasachnogo sbora): v 3 ch. M., 1970. 1269 s.
9. Miller G. F. Istorija Sibiri. T. 3. M.: Vost. lit. RAN, 2005. 598 s.
10. Okladnikov A. P. Social'nyj stroj predkov jakutov // Sov. jetnogr. 1947. № 2. S. 95–121.
11. Okladnikov A. P. Iz istorii obshhestvennyh otnoshenij u jakutov v XVII veke (Legendy o Tygyne i istoricheskaja dejstvitel'nost') // Sov. jetnogr. 1949. № 2. S. 98–118.
12. Okladnikov A. P. Jakutija do prisoedinenija k Russkomu gosudarstvu // Istorija Jakutskoj ASSR. T. 1. M.; L., 1955. S. 400–428.
13. Okladnikov A. P. Jakutskij «car'» Tygyn: legendy i dejstvitel'nost' // Otkrytie Sibiri. M., 1979. C. 188–210.
14. Predanija, legendy i mify saha (jakutov) / sost. N. A.Alekseev, N. V. Emel'janov, V. T. Petrov. Novosibirsk: Nauka. Sib. izd. firma RAN, 1995. 400 s.
15. Ushnickij V. V. Formirovanie magistral'noj jakutskoj kul'tury // Jetnogr. obozr. 2012. № 5. S. 158–170.
16. Ushnickij V. V. Zavoevanie, prisoedinenie ili vhozhdenie Jakutii v sostav Rossijskogo gosudarstva? // Rol' Jakutii v osvoenii Dal'nego Vostoka: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 380-letiju vhozhdenija Jakutii v sostav Ross. gos-va (g. Habarovsk, 11–13 sent. 2012 g.). Jakutsk: Izd-vo IGIiPMNS SO RAN, 2014. S. 33–36.
17. Ushnickij V. V. Tungusskie rody Jakutii XVII v.: voprosy proishozhdenija i jetnicheskoj prinadlezhnosti // Vestn. arheol., jetnogr. i antropol. IPOS SO RAN (Tjumen'). 2009. № 9. S. 124–129.

Сокращения:

АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик.
РАН – Российская академия наук.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
ПМНС – проблем малочисленных народов Севера.
ИПОС – Институт проблем освоения Севера.
ИГИ – Институт гуманитарных исследований.
ФАНО – Федеральное агентство научных организаций.
ЯГУ – Якутский государственный университет.
ЯАССР – Якутская автономная Советская социалистическая Республика.
РС (Я) – Республика Саха (Якутия).

Библиографическое описание статьи

Ушницкий В. В. ***А****нализ легенд о Тыгын Дархане: мифологический якутский «царь» времён «завоевания» // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 179–183.*

Reference to the article

Ushnitskiy V. V. Analysis of the Legends of Tygyndarkhan: Yakut Mythological «King» of the «Conquest» // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 179–183.

Статья поступила в редакцию 28.09.2015

УГОЛ ЗРЕНИЯ
POINT OF VIEW

УДК 94 (47).084

Александр Михайлович Захаров,
кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
(191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48),
e-mail: rusist.rgpu@mail.ru

Рецензия на сборник статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды»

В статье рецензируются тексты 24 докладов, состоявшихся в ноябре 2014 г. в ходе 8-й Ежегодной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» в РГПУ им. А. И. Герцена. Разносторонние по тематике и дискуссионные по содержанию, эти доклады представляют собой новые взгляды на традиционно актуальную для отечественной истории тему – революционные события 1917 г. в различных их аспектах: собственно политическом, партийном, национальном, культурно-образовательном. Стабильный интерес научной общественности к конференции, организованной кафедрой русской истории РГПУ им. А. И. Герцена, вызван широтой рассматриваемых вопросов, многомерностью и мультипарадигмальностью подходов, введением в научный оборот новых источников. Отмечается высокий уровень представленных в сборнике статей и культура полемики. Основные результаты работы конференции, отражённые в рецензируемых статьях, могут быть использованы как при разработке общих курсов по отечественной истории XX в., так и при углублённых научных исследованиях по схожей тематике.

Ключевые слова: революция 1917 года; российская историческая наука; А. Б. Николаев; РГПУ им. А. И. Герцена

Aleksander M. Zakharov,
Candidate of History, Assocoate Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia
(48 River Moyka nab., Saint Petersburg, 191186, Russia),
e-mail: rusist.rgpu@mail.ru

A Review of the Collection of Articles “The Revolution of 1917 in Russia: New Approaches and Views”

The article reviewed the texts of 24 presentations held in November 2014 in the 8th annual conference “The Revolution of 1917 in Russia: new approaches and perspectives” in Herzen State Pedagogical University. Versatile topics and discussion on the content of these reports are a new take on traditionally vital topic for the country’s history – the revolutionary events of 1917 in their various aspects: the actual political, party, national, cultural and educational. Stable interest of the scientific community to the conference organized by the Department of Russian history of Herzen Pedagogical University called by the breadth of the issues involved, and multidimensionality and multiparadigmality of approaches, by the introduction of new historical sources. A high level of articles presented and culture controversy must be marked. The main results of the conference, as reflected in peer-reviewed articles that can be used in the development of common courses in Russian history of the twentieth century, and in-depth research on similar topics.

Keywords: Revolution of 1917; Russian historical science; Andrey B. Nikolaev; Herzen State Pedagogical University of Russia

© Захаров А. М., 2016

6 ноября 2014 г. в РГПУ им. А. И. Герцена прошла 8-я Ежегодная конференция «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». Инициатором проведения этой конференции является д-р ист. наук А. Б. Николаев, автор фундаментального труда по истории Февральской революции [7], специалист по истории российского парламентаризма [17], института думских комиссаров [5] и организации власти в 1917 г. [1].

Рецензируемый сборник [11] представляет собой тезисы 24 докладов из 31, состоявшихся в ходе конференции. Сразу нужно отметить, что не все доклады были представлены к публикации по объективным, чаще всего техническим причинам. Были, впрочем, и трагические исключения – откровенно новаторский по подходу и содержанию взгляд д-ра ист. наук А. В. Островского на проблему датировки возвращения В. И. Ленина в Петроград в октябре 1917 г. не получил своего письменного отражения по причине безвременной смерти учёного, последовавшей 18 февраля 2015 г. Нет сомнения, что, будучи опубликованными, тезисы его доклада получили бы большой научный резонанс – не меньший, чем большинство предшествующих его работ [8].

Как и все опубликованные ранее, сборник вышел под редакцией неизменного коллектива в составе д-ра ист. наук А. Б. Николаева, канд. ист. наук Д. А. Бажанова и д-ра ист. наук А. А. Иванова. Рецензент, в силу того, что его собственные выступления на предшествующих конференциях в 2009–2011 гг. и публикации тезисов докладов [14; 15; 16] проходили через внимательный отбор и правку редакционной коллегии, может только отметить колоссальный труд каждого из редакторов по отдельности и вместе, вложенный в каждую опубликованную страницу, а также неизменную точность и пунктуальность при оформлении всех материалов согласно существующим правилам, что, к сожалению, становится редкостью даже в отдельных солидных столичных научных журналах.

Важнейшей общей стороной докладов конференции, как представляется рецензенту, стали разносторонность исследуемой тематики и мультипарадигмальность профессиональных подходов к единому историческому массиву – комплексу революционных событий 1917 г., что выгодно отличает эти доклады и от монографических исследований (пусть и очень достойных и солидных, но, естественно, представляющих исключительно авторскую единую позицию), и от сборников статей, содержание которых можно определить, взглянув на фамилию главного редактора. Тексты докладов конференции дискуссионны – это их общее положительное свойство.

Шесть статей сборника посвящены событиям накануне и в дни Февральской революции в Петрограде. Аспирант А. А. Чемакин показывает в своей статье [11, с. 7–14] деятельность Независимой группы депутатов IV Государственной думы через призму политической активности её лидера – терского казака М. А. Караулова, бывшего одним из самых ярких и оригинальных думских ораторов (последнее обстоятельство чаще способствовало не столько анализу взглядов Караулова, сколько нагнетанию нездоровой сенсационности вокруг его фигуры и речей). Московский специалист О. Р. Айрапетов посвятил своё исследование взаимоотношениям Рабочей группы ЦВПК с властями накануне революции [11, с. 14–28]. Название его статьи, на взгляд рецензентов, несколько уже рассмотренной в ней проблемы – героями исследования являются и сыгравшие столь важную роль в февральских событиях А. Д. Протопопов и С. С. Хабалов, а не только А. И. Гучков. Интересным образом последний текст перекликается с помещённым в сборнике комментированным источником – записками из архива руководителя Комиссии опросов Общества изучения революции М. А. Полиевктова. Автор комментариев – профессор Университета Нотр-Дам (Иллинойс, США) С. М. Ляндрес, нашедший записки в архиве своего университета, – так же отмечает в них роль Рабочей группы в Февральской революции [11, с. 69–76].

Роль в февральских событиях Св. Синода подробно освещает в своей статье Л. С. Бокарева [11, с. 28–38]. Интересным представляется её наблюдение о том, что Синод в революционные дни сохранил строгую внутреннюю иерархию и подчинение власти обер-прокурора, в то же время быстро показав свою лояльность новым властям.

Важную и сложную дискуссию способна породить статья нижегородского историка д-ра ист. наук Ф. А. Селезнёва об обстоятельствах назначения генерала Л. Г. Корнилова командующим войсками Петроградского военного округа [11, с. 55–69]. Автор статьи возлагает ответственность за это назначение на А. И. Гучкова. Вместе с тем до сего времени организатором этого назначения считался М. В. Родзянко [7]. Приведённые Ф. А. Селезнёвым аргументы, безусловно, заслуживают

внимания, но, во-первых, порождают логичные вопросы о состоянии источниковой базы; а, во-вторых, на взгляд рецензента, принципиально не противоречат общепринятой версии, просто дополняя и расширяя её. Отдельно следует заметить, что использование в статье терминов современной социологии («контрэлита») также далеко не бесспорно.

Петербургский архивист А. Г. Румянцев возвращается в своём микроисследовании к одной из самых устойчиво загадочных историй Февраля – «истории о полицейских пулемётах» [11, с. 38–55]. Фактически можно говорить о возвращении этой обросшей слухами темы в повестку дня исторических исследований. Проанализировав отчёты многочисленных уполномоченных и самодеятельных следователей 1917 г., автор статьи приходит к выводу о доказанности факта использования пулемётов в ходе перестрелок в городе, но ставит под сомнение их полицейскую принадлежность. Думается, что автору следовало обратить большее внимание на фигуру генерал-майора В. Ф. Галле, который обвинялся современником событий в обучении полицейских стрельбе из пулемётов [20]. В любом случае тема явно нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Четыре автора сборника обратились к различным аспектам русской революции с февраля по октябрь 1917 г. А. Б. Николаев продолжил глубокую разработку сюжетов, связанных с факторами революционного правосознания и работой органов революционной юстиции, чему свидетельством являются многочисленные статьи Андрея Борисовича по указанной тематике [13, с. 38–55; 12, с. 46–58]. В этот раз исследователь обратился к проблеме суда над домовладельцами [11, с. 139–156]. Примечательным в связи с этим представляется поднятие важной теоретической проблемы «революционной справедливости», что само по себе является поводом для отдельной дискуссии.

Столь же существенная теоретическая проблема стала предметом изучения видного московского специалиста д-ра ист. наук А. В. Пыжикова. Александр Владимирович, известный более своими трудами по истории советского периода, сравнительно недавно стал обращаться и к более ранним сюжетам [10]. В сборнике представлен его взгляд на место буржуазии в революционных событиях 1917 г. [11, с. 114–139]. По мнению рецензента, этот взгляд носит предельно прагматичный характер и касается истории защиты русской буржуазией своих деловых интересов, в то время как собственно отношение буржуазии к революции во многом осталось «за кадром». Впрочем, вполне возможно, что автор раскроет своё комплексное видение проблемы в последующих работах.

Канд. ист. наук П. Н. Гордеев так же относится к числу авторов, разрабатывающих свою специфическую большую тему – «Революция и деятели культуры». В поле внимания автора попал комендант петроградских театров в 1917 г. В. Ф. Безпалов [11, с. 82–114]. Ценность данной статьи в том, что деятельность Безпалова анализируется не только на основе широко известных его мемуаров, но и на базе архивных документов, вносящих существенные коррективы в описание и оценку этой деятельности. П. Н. Гордееву удалось также выявить совпадение некоторых страниц мемуаров со статьями в петроградских газетах, что вносит большой вклад в оценку мемуаров Безпалова как исторического источника.

Интересной представляется небольшая статья аспирантки Е. С. Гавроевой, основанная на так называемых «письмах во власть» – приветственных адресах и телеграммах с мест в адрес М. В. Родзянко [11, с. 76–82]. Автор справедливо отмечает, что на фоне этого источника традиционный взгляд на Родзянко – «человека на обочине революции» – оказывается несостоятельным. Хотя справедливости ради следует заметить, что использованный Е. С. Гавроевой источник не является настолько уж новым и оригинальным – другие исторические сюжеты уже получили своё освещение через призму такого рода документов [9].

Партийно-политическая деятельность в 1917 г. рассматривается также в четырёх статьях. Рассматривая конфликты в среде левых революционных партий, Е. М. Лаврова справедливо отмечает, что многие из них, имея в основе своей межличностные отношения, наносили урон имиджу всех революционных сил в целом, представляя их в глазах общественного мнения вульгарными интриганами и склочниками [11, с. 156–170]. Исследователь из Донбасса Я. В. Козлов обращается в своей статье к теме репатриации политэмигрантов в революционную Россию [11, с. 170–187]. Не возражая по сути предложенного взгляда на проблему, отметим, что автор статьи по неизвестным причинам строит её на документах и исследованиях преимущественно полувековой давности. Современные работы, в том числе столь серьёзные, как монографии Г. Л. Соболева [18;

19], по неизвестным причинам Я. В. Козлов игнорирует, что, естественно, снижает общую научную ценность его труда.

Продолжает свои изыскания в сфере политических биографий деятелей правого политического спектра д-р ист. наук А. А. Иванов [4]. Последние годы его внимание приковано к фигуре Н. Е. Маркова, деятельности которого во второй половине 1917 г. и посвящена рецензируемая статья [11, с. 187–195]. Автор отмечает верность своего героя, в отличие от многих других правых политиков, своему политическому идеалу, хотя практическая деятельность по его реализации и в самом деле вызывает до сих пор больше вопросов, чем ответов (отчасти в силу пробелов в источниковой базе). Канд. ист. наук Д. И. Стогов в своём исследовании подробно изучает дневник видного правого политика графа С. Д. Шереметева [11, с. 195–205]. Примечательно замечание автора о характерном для правых восприятии революции как «кары божьей» и вытекающем из этого известном фатализме взгляда на действительность.

Как обычно, есть в сборнике и работы, посвящённые участию в революции военных. Аспирант К. А. Тарасов исследует институт общеполковых собраний как формы прямой демократии в 1917 г., вводя при этом в оборот большое число новых источников [11, с. 205–212]. Вместе с тем статья носит дискуссионный характер в смысле определения данных собраний именно как выражения прямой демократии и их отличий от обычных митингов как формы выражения мнения, не подразумевающей прямого действия. Заведующий отделом ГМПИР канд. ист. наук А. М. Кулегин пишет о судьбе 1-го Петроградского женского батальона, обращаясь, как и многие авторы этого сборника, к ранее изучавшейся им теме [6]. Заслуживает внимания наблюдение исследователя о том, что важнейшую роль в деморализации и утрате частью боевых качеств сыграла некомпетентность и потеря уверенности в себе непосредственным командованием батальона [11, с. 156–170]. Канд. ист. наук Д. А. Бажанов также продолжает ранее разрабатывавшуюся им тему участия в войне и революции 1-й линейной бригады Балтийского флота [3]. Его статья, возвращающая читателя к так называемому «делу о мятеже на линкоре “Гангут” в 1915 г.», затрагивает столь важный и деликатный момент, как восприятие воинской дисциплины в условиях революции [11, с. 229–238]. Автор убедительно доказывает, что восприятие это было категорически негативным.

Три статьи сборника затрагивают в разной степени национальный аспект революционных событий. Канд. ист. наук М. А. Златина на базе новых архивных источников характеризует историю ликвидации Консультации для оказания юридической помощи неимущему еврейскому населению в 1917 г., отмечая, что функциональное назначение этой организации после Февраля 1917 г. оказалось исчерпанным [11, с. 220–224]. Интересное наблюдение содержится в статье студентки РГПУ им. А. И. Герцена Е. А. Козловой о становлении революционной власти в Ревеле в 1917 г. – как выяснилось, революционные органы власти и структуры, претендующие на эту роль, далеко не всегда и не регулярно оповещали городскую прессу о своей деятельности [11, с. 224–229]. Статья петрозаводской исследовательницы Е. Ю. Дубровской отражает оригинальный взгляд на проблему взаимоотношений русских войск в Финляндии и местного населения в условиях революции [11, с. 238–254]. Автор справедливо отмечает многомерность этого процесса: с одной стороны известную оторванность русских и финнов друг от друга в условиях революции в силу разницы в языке, культуре (в том числе и политико-правовой), традициях и самосознании, с другой – формирование механизма «взаимной радикализации». Рецензент писал об этом применительно к другим межнациональным контактам на территории революционной России и может только поддержать высказанную точку зрения [2]. Обращает на себя внимание и удачное использование Е. Ю. Дубровской иностранных источников и литературы.

Три статьи сборника посвящены культурно-образовательному аспекту и проблеме благотворительности в условиях революции. Ведущий архивист ЦГИА (Санкт-Петербург) Д. В. Надсадный, продолжающий рассмотрение различных аспектов муниципальной благотворительности на основе новых документов, хранящихся в ЦГИА, приходит к выводу о тяжелейшем системном кризисе, поразившем благотворительные учреждения уже во второй половине 1917 г. вследствие общей политической нестабильности и расстройства городского бюджета [11, с. 254–263]. Магистрантка А. А. Смирнова рассматривает в своей статье проблемы эвакуации из Петрограда Павловского женского института [11, с. 263–267]. Отмечая высокий уровень исследования, рецензент не может здесь удержаться от небольшого критического замечания в отношении названия статьи:

конструкция «К вопросу о…» обычно применяется в тех случаях, когда имеет место быть научная дискуссия, чего из текста не следует – А. А. Смирнова ни с кем не полемизирует. Наконец, проблемам, с которыми столкнулся Петроградский воспитательный дом после Октября 1917 г., посвящено исследование канд. ист. наук Т. Г. Фрименковой [11, с. 267–273]. Особую ценность этой небольшой статье придаёт обращение автора к архивным документам, не подвергшимся обработке и строгому упорядочению – работа с такими документальными россыпями всегда отличается особой сложностью.

Завершает сборник статья профессора факультета истории Университета Санта-Барбары (Калифорния, США) Ц. Хасегавы, посвящённая складыванию новых органов правопорядка после прихода большевиков к власти [11, с. 273–299]. Автор отмечает, что проблема борьбы с резкой криминализацией ситуации в Петрограде после Октября 1917 г. привела большевиков к необходимости создания сильных централизованных структур противодействия криминалитету, хотя вся логика предыдущего развития большевистской партии противилась этому. Тем не менее, альтернативой принятому решению становился хаос в городе, грозящий уже и политической власти большевиков в целом. Текст статьи приведён в оригинале – на английском языке.

В заключение хотелось бы отметить неизменно высокий уровень и культуру полемики, продемонстрированный авторами сборника, и выразить надежду на продолжение публикаций столь важного для понимания и освещения революционных событий 1917 г. собрания трудов.

Список литературы

1. 1917 годах в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению: сб. материалов междунар. науч. конф. М., 1997.
2. 90 лет Февральской революции в России: сб. науч ст. СПб., 2007.
3. Бажанов Д. А. Щит Петрограда (служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг.). СПб., 2007.
4. Иванов А. А. Владимир Пуришкевич: Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011.
5. Из глубины времен. № 8. СПб., 1997.
6. Кулегин А. М. Звезда женского батальона. СПб., 2007.
7. Николаев А. Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля – 3 марта 1917 г.: дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2005.
8. Новейшая история России. 2013. № 2.
9. Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. / сост. В. В. Журавлёв. СПб., 2012.
10. Пыжиков А. В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории с XVII века до 1917 г. М., 2013.
11. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. / редкол.: А. Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д. А. Бажанов, А. А. Иванов. СПб., 2015.
12. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб., 2013.
13. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб., 2014.
14. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб., 2009.
15. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб., 2010.
16. Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб., 2011.
17. Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб., 1993. Вып. 1.
18. Соболев Г. Л. Русская революция и «немецкое золото». СПб., 2002.
19. Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. СПб., 2009.
20. Journal of Modern Russian History and Historiography. Boston, Leiden, 2012. Vol. 5. № 1.

References

1. 1917 godah v sud'bah Rossii i mira. Fevral'skaja revoljucija: ot novyh istochnikov k novomu osmysleniju: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf. M., 1997.
2. 90 let Fevral'skoj revoljucii v Rossii: sb. nauch st. SPb., 2007.
3. Bazhanov D. A. Shhit Petrograda (sluzhebnye budni baltijskih drednoutov v 1914–1917 gg.). SPb., 2007.
4. Ivanov A. A. Vladimir Purishkevich: Opyt biografii pravogo politika (1870–1920). M.; SPb., 2011.
5. Iz glubiny vremen. № 8. SPb., 1997.
6. Kulegin A. M. Zvezda zhenskogo batal'ona. SPb., 2007.
7. Nikolaev A. B. Revoljucija i vlast': Gosudarstvennaja duma IV sozyva 27 fevralja – 3 marta 1917 g.: dis. … d-ra ist. nauk. SPb., 2005.
8. Novejshaja istorija Rossii. 2013. № 2.
9. Privetstvennye poslanija Verhovnomu pravitelju i Verhovnomu glavnokomandujushhemu admiralu A. V. Kolchaku. Nojabr' 1918 – nojabr' 1919 g. / sost. V. V. Zhuravljov. SPb., 2012.
10. Pyzhikov A. V. Grani russkogo raskola. Zametki o nashej istorii s XVII veka do 1917 g. M., 2013.
11. Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzgljady: sb. nauch. st. / redkol.: A. B. Nikolaev (otv. red. i otv. sost.), D. A. Bazhanov, A. A. Ivanov. SPb., 2015.
12. Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzgljady: sb. nauch. st. SPb., 2013.
13. Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzgljady: sb. nauch. st. SPb., 2014.
14. Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzgljady: sb. nauch. st. SPb., 2009.
15. Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzgljady: sb. nauch. st. SPb., 2010.

16. Revoljucija 1917 goda v Rossii: novye podhody i vzgljady: sb. nauch. st. SPb., 2011.
17. Rossija v 1917 godu. Novye podhody i vzgljady: sb. nauch. st. SPb., 1993. Vyp. 1.
18. Sobolev G. L. Russkaja revoljucija i «nemeckoe zoloto». SPb., 2002.
19. Sobolev G. L. Tajnyj sojuznik. Russkaja revoljucija i Germanija. SPb., 2009.
20. Journal of Modern Russian History and Historiography. Boston, Leiden, 2012. Vol. 5. № 1.

Библиографическое описание статьи

Захаров А. М. Рецензия на сборник статей «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 184–189.

Reference to the article

Zakharov A. M. A Review of the Collection of Articles “The Revolution of 1917 in Russia: New Approaches and Views”// Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 184–189.

Статья поступила в редакцию 09.03.2016

УДК 930

Виктор Иванович Мерцалов,
доктор исторических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: mercalov47@mail.ru

Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 годов в диссертационном исследовании В. Л. Дрындина «Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории»

В статье выясняется научный вклад доктора исторических наук В. Л. Дрындина в исследование реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. Анализ содержания и структуры текста его диссертации показывает, что она в части исследования совнархозовской реформы не отличается высоким качеством. Фактический материал по исследуемым совнархозам Центра и Южного Урала незначителен по объёму, а по содержанию является фрагментарным и не даёт достаточно полной картины для весомых обобщений и выводов. Общесоюзный и общероссийский материал в большинстве случаев не отличается новизной. Он, как и обзоры оценок зарубежных, советских и российских авторов, по существу, прикрывает дефицит регионального фактического материала. Другим элементом текстовой структуры диссертации является плагиат, выявленный в основных частях диссертации В. Л. Дрындина – введении, первой, второй, четвёртой главах и заключении диссертации. В двух первых параграфах четвёртой главы он преобладает. Следует подчеркнуть, что плагиат в диссертации В. Л. Дрындина присутствует не в качестве отдельных фрагментов, а представляет собой целенаправленное и систематическое присвоение существенной части диссертационного исследования В. И. Мерцалова по проблеме происхождения, эволюции и итогов совнархозовской реформы. В большей мере диссертация представляет собой плагиаторскую имитацию исследования реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг., но отнюдь не само исследование. Диссертация В. Л. Дрындина стала основой плагиаторских работ – кандидатской диссертации и монографии его ученика Е. В. Демичева.

Ключевые слова: историография, совнархозовская реформа, реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг., Н. С. Хрущёв, исследования Е. В. Демичева, В. Л. Дрындина и В. И. Мерцалова, плагиат

Viktor I. Mertsalov*,*
Doctor of History, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039 Russia),
e-mail: mercalov47@mail.ru

Building and Industrial Management During 1957–1965 Reform in V. L. Dryndin's Research "Attempts of Reforming Agrarian and Industrial Spheres in the RF (1953–1964) in the Context of Russian History Characteristics"

The article investigates scientific contribution of V. L. Dryndin, Doctor of History, into the research on building and industrial management reform in 1957–1965. The content and the text structure analysis of his doctoral thesis shows that it is not of high quality in its part concerning SOVNARKHOZ (* sovnarhoz – Soviet short-lived regional economic councils of Khrushchev's period) reform. The amount of facts on regional economic councils in the Centre and the Southern Urals is insignificant, and its content is too spotty to give fair generalizations and conclusions. All-Union and All-Russian data in most examples prove the absence of novelty. In fact, they are like estimation reviews given by foreign, Soviet and Russian authors, conceal the factual regional material deficit. Another element of the textual structure is plagiarism, detected in the main parts of V. L. Dryndin's thesis – in the introduction, the first, the second, the fourth chapters and in the conclusion of the thesis. It prevails in the two first paragraphs of the fourth chapter. I should point out the fact that plagiarism in V. L. Dryndin's doctoral thesis is not fragmentary but systematic and intentional appropriation of an essential part from V. I. Mertsalov's thesis on the problem of SOVNARKHOZ reform's origin, its evolution and results. Mainly the doctoral thesis is plagiaristic imitation of the research on the building and industrial management during 1957–1965 reform, not a research proper. V. L. Dryndin's doctoral thesis became the basis for plagiaristic works – E. V. Demichev's PhD thesis and his monograph. He was V. L. Dryndin's follower.

Keywords: historiography, sovnarkhoz reform, the building and industrial management reform, N. S. Khrushchev, E. V. Demichev's, V. L. Dryndin's and V. I. Mertsalov's researches, plagiarism

© Мерцалов В. И., 2016

В 2014–2015 гг. нами были опубликованы две статьи [13; 14], посвящённые исследованиям Е. В. Демичева [1; 2], содержащим обширный плагиат из наших работ. Они полностью перечёркивали приоритет проведённых нами исследований по проблеме происхождения и эволюции реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. [10; 12]. Плагиат был проведён с таким размахом, что мы были вынуждены для восстановления своего авторства опубликовать не только упомянутые статьи, но подготовить и издать новую монографию [15].

Выясняя причины плагиаторства Е. В. Демичева, мы обратились к исследовательской деятельности доктора исторических наук В. Л. Дрындина, научного руководителя Е. В. Демичева во время его работы над кандидатской диссертацией и одного из рецензентов его монографии. Свою докторскую диссертацию В. Л. Дрындин защитил в 2004 г. в Оренбургском университете [4]. Её название и исследуемый период давали основание предположить, что он был знаком с нашей диссертацией. Действительно, в его автореферате имеется ссылка на неё с достаточно высокой оценкой, в которой отмечалось, что кроме прочего «В. И. Мерцалову удалось … осветить главные моменты эволюции центральных органов управления» [3, с. 14]. Но дальнейшее знакомство с его авторефератом показывает, что у истоков плагиаторской практики Е. В. Демичева стоял не кто иной, как сам его научный руководитель. Вместе с этим отметим, что в его диссертации имеются и постановка научной проблемы, и концептуальный подход к её решению, и фактический материал, почерпнутый в архивах, и обобщения. Другое дело, какого они качества. Поэтому цель данной статьи – выяснить реальный научный вклад В. Л. Дрындина в исследование совнархозовской реформы 1957–1965 гг.

Начнём с истоков. Мы приступили к сбору фактического материала в 80-е гг. сначала по теме докторской диссертации «Партийное руководство развитием промышленности Сибири в 1951–1958 гг.», а к исследованию совнархозов – в середине 90-х гг. Первыми публикациями на эту тему были статьи «Региональный уровень индустриальной политики в пятидесятые годы (на материалах Читинской области)» [5] и «Структура Иркутского совнархоза (1957–1962 гг.)» [6].

В. Л. Дрындин тоже не сразу вышел на тему своего исследования. Знакомство со списком его публикаций, размещённым в автореферате (34 наименования), показывает, что в 1992–2000 гг. у него преобладали публикации по идеологической работе на Южном Урале – 15 статей из 20. Поворот к новой теме у него наметился с публикации в 1997 г. статьи «Идеология и реформы». В 2000 г. у В. Л. Дрындина появились первые статьи по совнархозовской реформе «Исторический опыт перестройки системы управления народным хозяйством» и «Перестройка системы управления промышленностью и строительством». К моменту его выхода на исследование совнархозовской реформы у нас уже вышла монография «Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири)» [10]. Содержание её трех глав полностью тождественны второй, третьей и четвёртой главам нашей докторской диссертации.

В 2001–2002 гг. в исследовательской практике В. Л. Дрындина произошёл своего рода скачок. Он опубликовал три монографии. В 2001 г. – «Попытки реформирования советской экономики в контексте специфики российской истории, начало 50-х – первая половина 60-х годов», в 2002 – «Попытки проведения хозяйственных реформ 1953–1964 годов в контексте специфики российской истории» и «Опыт реформирования советской экономики в 1953–1964 годы с использованием идеологических средств». Его работа над ними предопределила окончательный вариант структуры диссертации, придавшей ей внешне вполне солидный вид. Кроме введения выделена глава, раскрывающая научные основы исследования. Во второй главе раскрываются специфика российской истории и экономические предпосылки реформ периода «оттепели»; в третьей – преобразования в сельском хозяйстве; в четвёртой – перестройка системы управления промышленностью и строительством; наконец в пятой – реформирование экономики с использованием идеологических средств [4, с. 2–3].

Диссертация В. Л. Дрындина изначально формировалась не из конкретно-исторического материала, а вырастала из концепции о специфике российской истории. Этот концептуальный подход был даже включён в предмет исследования [4, с. 9]. Он стал разрабатываться с 1997 г., когда появилась первая статья В. Л. Дрындина на эту тему. В 1999 г. у него вышли два учебных пособия – «Специфика российской истории и западное влияние» и «Социально-экономическое развитие СССР в 50–60-е гг. в контексте специфики российской истории и западного влияния».

Во введении, где читатель впервые встречается с его концепцией, он попытался выстроить систему дефиниций, выделив такие понятия, как факторы российской специфики и её феномены [4, с. 6–9]. Ввод этих понятий открывал возможность выйти на категориальный уровень осмысления специфики российской истории. Можно было ожидать продолжения категориального осмысления в главе «Специфика российской истории и экономические предпосылки реформ периода «оттепели». Но в ней В. Л. Дрындин особенности исторического развития России рассматривает преимущественно как данность и практически сразу переходит к выяснению понятия «реформа», выделив доминирующую роль государства в российской истории. Затем свой концептуальный подход он дополняет теорией тоталитаризма, концепциями модернизации, догоняющего и мобилизационного развития.

Наиболее органично концептуальный подход о специфике российской истории им был использован при обосновании главных параметров диссертации – объекта и предмета исследования, его территориальных рамок. В целом у него сложилось соответствие между концепцией и масштабом предпринятого исследования. Однако при вдумчивом взгляде на всю крупногабаритную конструкцию диссертации возникает немало вопросов. Во-первых, не уводит ли историософский вектор концепции от решения задач конкретно-исторического исследования? Во-вторых, почему исследование ограничено пределами Московской области, в то время как совнархозы южно-уральского региона рассматриваются с 1957 г. в территориальных рамках укрупнённого Южно-Уральского СНХ? В-третьих, почему автор, понимая всю масштабность своего исследования, вынужден был «по мере необходимости» ещё и расширять хронологические рамки исследования [4, с. 14] вплоть до 70–90-х гг.? Не вело ли это к потере чёткости очертания предмета исследования и появлению таких обтекаемых формулировок, как «выявить … *некоторые* (выделено нами) позитивные и негативные моменты в осуществлении реформ» (из задач исследования) или «Некоторые итоги и оценки экономического развития страны» (название пятого параграфа четвёртой главы)?

Сомнения, возникающие при постановке указанных вопросов, усиливаются впечатлениями от плагиата, с которым читатель встречается при прочтении введения, первой и второй глав диссертации. Во введении плагиат представлен небольшим сюжетом, касающимся целесообразности выработки конкретных рекомендаций [4, с. 6, первый абзац; 12, с. 3]. Но дальше – больше. В историографическом разделе на страницах 35 (последний абзац), 36–37 находим наш текст с характеристикой исследовательской литературы по совнархозовской тематике [12, с. 33–35]. В параграфе «Источники и методология исследования» текст на страницах: 43–44 полностью, на страницах 46, 47, 48, 50, 51, 54 частично, 55, 56, 57, 58 полностью, 59, 60 частично – заимствован из нашей диссертации [12, с. 62–65, 67, 68, 72; 80, 81, 83; 14–19, 22, 23]. В него вошли классификация опубликованных документальных источников по структурному признаку, характеристика неопубликованных документов по критериям их происхождения и предназначения, особенности комплектования документов в ГАРФе. В. Л. Дрындин полностью присвоил описание опыта проведённого нами исследования, включая наши подходы к исследованию поставленной научной проблемы. Вот образцы его заимствования.

Текст из диссертации В. Л. Дрындина (2004 г.)	Текст из диссертации В. И. Мерцалова (2001 г.)
Раскрывая историческую среду СССР первых постсталинских лет, мы учитывали происходящие в ней политические изменения, ослабление чрезвычайных условий существования советского общества, количественный и качественный рост масштабов народного хозяйства. Данные изменения выражались как в частичных реорганизациях системы управления народным хозяйством, так и в возникновении идей осуществления экономических реформ. В итоге выявлялась альтернативность исторического процесса реформирования аграрной и промышленной сфер страны [4, с. 58].	Раскрывая историческую среду, мы оттолкнулись от момента ослабления чрезвычайных условий существования советского общества и тех политических изменений, которые произошли в СССР в первые постсталинские годы. В качестве факторов возникновения реформы рассматривался рост масштабов народного хозяйства как с количественной, так и качественной стороны, а также постепенный переход страны от экстенсивного к интенсивному развитию экономики. В конечном итоге происходившие изменения выразились в частичных реорганизациях системы управления до 1957 г. и в возникновении в 1956 г. идеи экономической реформы. В итоге выявлялась альтернативность исторического процесса реформирования управления экономикой [12, с. 19–20].

Одновременно раскрывались изменения в системе управления народным хозяйством, освещалось влияние политики и идеологии на формирование характера реформ. На наш взгляд, всё это позволяло достаточно объективно подойти к решению вопроса о соотношении необходимости и случайности в возникновении реформ [4, с. 58]	Одновременно раскрывались изменения в системе государственно-хозяйственного управления …Наконец, освещалось влияние политики и идеологии на формирование характера реформы. Всё это в целом позволяло, на наш взгляд, достаточно объективно подойти к решению вопроса о соотношении необходимости и случайности в её возникновении [12, с. 20]
Большую роль в этом процессе играл региональный фактор. При его рассмотрении использовался историко-генетический метод в сочетании с рядом общих методов. Для определения роста влияния регионального фактора мы исходили из таких общих понятий, как государственный и спонтанный факторы экономического развития. Изучение их соотношения на различных этапах исторического развития применительно к Московской области и Южному Уралу давало возможность, во-первых, более точно определить место этих регионов в экономическом развитии страны; во-вторых, выделить их особенности; а в- третьих, рассмотреть рост влияния регионального фактора как многостороннего процесса. В целом изучение регионального фактора позволило дополнить и конкретизировать общеисторическую картину происхождения реформ [4, с. 58]	Крупную роль в этом процессе играл и региональный фактор. При его рассмотрении использовался историко-генетический метод в сочетании с рядом общих методов. … Чисто эмпирический подход её определения был не продуктивен. Возникала опасность утонуть в фактическом материале. Поэтому мы оттолкнулись от таких общих понятий, как государственный и спонтанный факторы индустриального развития. Изучение их соотношения на различных этапах исторического развития применительно к Восточной Сибири давало возможность, во-первых, более рельефно представить место Восточной Сибири в индустриальном развитии страны; во-вторых, выделить её особенности; а в-третьих, рассмотреть рост влияния восточно-сибирского регионального фактора как многостороннего процесса. …В целом изучение регионального фактора позволило в значительной мере дополнить и конкретизировать общеисторическую картину происхождения реформы [12, с. 20]
Реформирование осуществлялось под влиянием субъективного и объективного факторов. Но главным, на наш взгляд, было то, что создаваемая в хрущевские годы система функционировала по собственным внутренним законам, независимо от воли людей, работавших в ней. Поэтому мы попытались выявить методом абстракции определённые устойчивые связи в организационном развитии колхозов, совхозов и совнархозов, которые бы действовали независимо от субъективного фактора [4, с. 59]	Осуществление реформы происходило под влиянием субъективного и объективного факторов. …Однако главным, на наш взгляд, было то, что создаваемая система функционировала по собственным внутренним законам, независимо от воли людей, работавших в ней. Исходя из этого, мы попытались методом абстракции выявить определённые устойчивые связи в организационном развитии совнархозов, которые бы действовали независимо от субъективного фактора [12, с. 21]

Приведённые заимствования свидетельствуют о чисто механическом наложении В. Л. Дрындиным наших подходов на объект и предмет собственного исследования. Всё его авторство свелось к замене в нашем тексте совнархозов Восточной Сибири на «колхозы, совхозы и совнархозы» Московской области и Южного Урала. Такой примитивизм ставит вопрос о качестве исследования даже той части диссертации В. Л. Дрындина, в которой раскрываются преобразования в сельском хозяйстве. Списанные у нас подходы стали обоснованием его мнимого авторства на основной текст нашей диссертации, оказавшийся в четвёртой главе его диссертационного исследования.

Обращаясь к содержанию четвёртой главы «Перестройка управления промышленностью и строительством», отметим, что наряду с третьей главой диссертации «Преобразования в сельском хозяйстве» она является базовой. Четвёртая глава состоит из пяти параграфов общим объёмом 123 страницы. Доля фактического материала по Московской области и Южному Уралу в текстовой структуре её параграфов, исключая третий, небольшая. Из 25 страниц первого параграфа «Историческая обусловленность возникновения реформы управления и формирование структуры совнархозов» Московскому областному совнархозу отведено всего 6 страниц (с. 213–219). Материал по формированию совнархозов Южного Урала в нём полностью отсутствует. Во втором параграфе «Деятельность российских совнархозов в 1957–1961 годах» совнархозам Московской области и Южного Урала отведено всего 7 страниц (с. 234–241) из 23. В четвёртом – «Научно-технический прогресс в советской экономике» – 4 страницы (с. 283–287) из 24. В пятом параграфе даже упоминания о региональных совнархозах исчезают, хотя собственные обобщения и оценки В. Л. Дрындина изложены на 4 страницах (с. 316–320). Единственный параграф, который преимущественно написан на региональном материале, это третий – «Укрупнение совнархозов и перестройка партийно-советских органов по производственному принципу». Его объем 24 страницы. Таким образом, во всех параграфах четвёртой главы региональный материал – основа исследования истории совнархозов – в диссертации В. Л. Дрындина составил всего 41 страницу, или треть её объёма (33,3 %). И это несмотря на заявление В. Л. Дрындина, что он в качестве основы своего диссертационного исследования берёт Московскую область и Южный Урал.

Между тем, указанные регионы невозможно сравнивать. Чтобы обеспечить их сравнимость, необходимо было с самого начала историю совнархозов центрального региона 1957–1965 гг. исследовать в пределах территории будущего укрупнённого Московского совнархоза, а не ограничиваться одной Московской областью. Но в диссертации В. Л. Дрындина этого не было сделано.

Если характеризовать содержание незначительного по объёму регионального материала, то в глаза бросается его фрагментарность. В первом параграфе имеется материал только по Московскому областному совнархозу, а по другим совнархозам он полностью отсутствует, кроме единственного о них упоминания на с. 215.

Во втором параграфе содержательность регионального материала выше. Деятельность совнархозов по выполнению производственного плана раскрывается полнее, но их работа по специализации и кооперированию производства представлена опять-таки материалами только Московского областного совнархоза. Полной картины в параграфе нет.

Третий параграф, написанный почти полностью на региональном материале, страдает, как ни странно, тем же недостатком – дефицитом фактического материала и фрагментарностью. Название этого параграфа ориентирует читателя на то, что речь в нём должна идти об организационном развитии совнархозов и перестройке партийно-советских органов. Однако на деле параграф представляет собой смешение сюжетов об организационной структуре укрупнённых совнархозов с сюжетами, освещающими их деятельность. Такое смешение объясняется отсутствием полноценного фактического материала для последовательного освещения проблемы, обозначенной в названии параграфа. Материал по укрупнённому Московскому совнархозу изложен на 5 страницах [с. 248–253], его организационному развитию выделено всего 3 страницы. Организационно-структурные изменения, связанные с образованием укрупнённого Южно-Уральского совнархоза, разместились в подстрочнике (см. с. 253). Перестройка партийно-советских органов, которая должна составлять вторую часть третьего параграфа, разместилась менее чем на одной странице (см. с. 265), включая перед этим списанный у нас текст [4, последний абзац с. 264, начало с. 265; 12, с. 228–229]. Так, В. Л. Дрындин «выполнил» свою исследовательскую задачу «проанализировать взаимодействие между государственно-хозяйственным и партийно-политическим блоками управления» [4, с. 9].

Подобная минимизация исследовательского материала связана с тем, что архивный материал по заявленным проблемам В. Л. Дрындин не изучал. В параграфе имеется всего 8 архивных сносок, но почти все они относятся к освещению хозяйственной деятельности совнархозов, а не к их организационному развитию. Описание укрупнённого Московского совнархоза основано на фактическом материале, почерпнутом из периодических изданий, которые могут быть отнесены по теме исследования только к источникам второго порядка, так как для систематического освещения истории совнархозов они недостаточны. Ограничившись преимущественно данным кругом источников исследования, В. Л. Дрындин обрек себя на иллюстративный метод описания, который по своей природе не может дать полноценного освещения исторического процесса. В целом третий параграф представляет собой лишь заявку на исследование, но не само исследование, проведённое доктором исторических наук.

Обратимся к оставшейся и самой большой части, на которую приходится две трети текста главы (66,7 %). Начнём с рассмотрения текстов первого и второго параграфов, в которых преобладает плагиат.

Отметим, что текст, подвергнутый В. Л. Дрындиным в первом параграфе обширному заимствованию, стал у нас формироваться ещё задолго до появления монографии и написания докторской диссертации, а именно в 1996–1997 гг. В это время мы опубликовали две статьи – «Идеологические предпосылки реформирования системы управления промышленностью (1957–1965 гг.)» [7] и «Предпосылки реформирования управления промышленностью в 1957–1965 гг.» [8]. В 1999 г. вышла статья «О происхождении реформы управления промышленностью и строительством (1957–1965 гг.)» [9]. Материалы этих статей вошли сначала в раздел монографии, названный «Необходимость проведения реформы. Влияние политики и идеологии на её характер», а затем в раздел докторской диссертации с названием «Историческая обусловленность возникновения реформы в стране». В них мы дали развёрнутую картину влияния системы факторов на возникновение реформы управления 1957 года. Из неё В. Л. Дрындин и сделал свою плагиаторскую выборку объёмом в 10 страниц [4, с. 197–207; 12, с. 84, 85, 88–89, 89–90, 97–98, 99, 102,

107, 108, 109–110; 143, 144, 145, 146, 147, 151, 152, 153, 154, 162, 163, 164]. Некоторые факторы он только упомянул, другие опустил. В поле его внимания оказался текст, где была дана количественная и качественная характеристика роста масштабов народного хозяйства страны, предопределившего появление как радикальных организационных идей реформы, так и идей экономического характера, впервые проявившиеся на декабрьском (1956 г.) Пленуме ЦК КПСС. В. Л. Дрындин также присвоил материал о влиянии понятия культа личности и принципа демократического централизма на созревание идеи совнархозовской реформы. Он заимствовал материал, свидетельствующий о начавшемся превращении в 1956 г. журнала «Коммунист», возглавляемого А. М. Румянцевым, в идеолога экономической реформы, но вскоре прерванного. Свои заимствования он завершил нашим выводом о том, почему вызревавшая реформа управления промышленностью приобрела характер организационной перестройки [4, с. 201; 12, с. 109–110].

В нашей монографии и диссертации мы использовали новый круг документов, отразивших процесс становления идеи реформы [См. 11]. Впервые проанализировали записку Н. С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС [11, с. 5–6], в которой он изложил свой замысел реформы. Пришли к выводу, что идея реформы вырабатывалась коллегиально. Авторство этой исследовательской работы тоже было присвоено В. Л. Дрындиным [4, с. 201–204; 12, с. 143–147].

Во втором параграфе текст нашей диссертации снова становится вполне узнаваемым с первой строки, сообщающей, что «стержень организационно-хозяйственного механизма совнархозов составляла административно-командная власть». И далее плагиат у В. Л. Дрындина приобретает сплошной характер, воспроизводя структуру, главные положения и фактический материал, изложенные в параграфе. Причём то, что он списал, в нашем тексте органически связано с конкретно-историческим материалом Восточной Сибири. Этот материал В. Л. Дрындин, естественно, опустил и собрал, что говорится, сливки. К ним относятся характеристика оперативного руководства совнархозов, их коллегиальных органов Советов, центрального аппарата совнархозов, их материальные и финансовые резервы; двойственная природа совнархозов, многообразные проявлениям местничества, затянувшееся организационное становление Госплана РСФСР [4, с. 222–227; 12, с. 200–208, 210]. Попытка Бюро ЦК по РСФСР зарезервировать десять председателей крупнейших совнархозов в качестве республиканских министров и наше наблюдение о том, что в «постановлении отсутствовал традиционный пункт о представлении данного решения на утверждение Президиума ЦК КПСС, как будто ожидали, какой будет политическая реакция руководства страны на «негативные тенденции в управлении»; выяснение роли майского (1958 г.) Пленума ЦК КПСС не только в борьбе против местничества, но и предотвращения отката назад от первоначального замысла реформы [4, последний абзац с. 227, 228–229; 12, с. 209–210] – всё это оказалось им присвоено.

Далее В. Л. Дрындин заимствовал наш текст о неудачной попытке реформировать организацию материально-технического снабжения в стране, приведшей к постепенному усилению централизации в совнархозовской системе управления, созданию в крупных экономических районах Советов по планированию и координации, а также образованию Всероссийского Совета народного хозяйства (ВСНХ) [4, с. 229–233; 12, с. 211–217]. Мимо его внимания не прошёл и наш вывод о том, что «решение о создании в крупных экономических районах Советов по планированию и координации скорректировало переход реформы с первоначального варианта её развития на второй вариант, от которого отказались в начале реорганизации управления» [4, с. 231; 12, с. 215].

Он переписал и сюжет о борьбе в политическом и государственном руководстве, о полномочиях Советов по координации, а также фактический материал об их организации и результатах деятельности [4, с. 232, 233; 12, последний абзац с. 215–217]. Но этим не ограничился. На с. 241–244 своей диссертации он поместил наш текст [12, с. 225 – первый абзац с. 229], описывающий возобновление в 1962 г. дискуссии по экономической реформе, начало которой было положено запиской В. Чураева на имя Н. С. Хрущёва, тоже впервые найденной и изученной нами.

Наконец, в четвёртом и пятом параграфах находим вместо плагиата преобладание общесоюзного и общероссийского материала и обзоры оценок зарубежных и российских исследователей по проблемам, освещаемым в параграфах. На первых 10 страницах четвёртого параграфа даётся общая характеристика научно-технического прогресса в стране. Нового материала здесь нет. Имеются ссылки на опубликованные документы, которые

были максимально использованы исследователями ещё в советский период. Характер подачи этих документов очень сильно напоминает научный стиль советского времени. Факты почерпнуты только из научной литературы, общесоюзного и общереспубликанского архивного материала нет, но использованы статистические сборники. Единственное, что В. Л. Дрындину удалось показать – это снижение эффективности внедрения достижений научно-технического прогресса. Но материал в целом не даёт возможность определить в достаточной мере особенности развития научно-технического прогресса в исследуемый период. В тексте имеется всего 4 страницы (см. с. 283–288) с однотипными примерами по данной тематике. Чтобы смягчить впечатление у читателя от недостатка фактического материала, В. Л. Дрындин прибег к обзору оценок научно-технического прогресса в СССР зарубежных авторов. В целом четвёртый параграф больше похож на материал для популярной лекции о «Научно-техническом прогрессе в советской экономике». В нём собрано всё, включая и описание борьбы власти с диссидентами.

Структура пятого параграфа следующая. Первую его часть (с. 296–308) составляют статистические выкладки выполнения государственного плана по России за 1965 и в целом за семилетку (1959–1965 гг.). Она представляет собой изложение отчётного документа со ссылками на дело, из которого почти подряд переписаны 13 листов (у В. Л. Дрындина имеется ссылка на ГАРФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4854. Л. 35, 36, 37, 38, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49). На весь этот материал имеется всего один тезис: «Попытки реформирования советской экономики в начале 50-х – первой половины 60-х гг. привели к противоречивым результатам» (с. 296). Вторая часть параграфа ещё интереснее. Оказывается, весь изложенный материал подведён к другому тезису. В. Л. Дрындин утверждает, что у него «…есть все основания усомниться в достоверности многих показателей экономического развития советской страны» (с. 308). Однако «все основания» – это ссылки на исследования американских экономистов и советского экономиста Г. Ханина (с. 309–313). Конечно, ссылки на авторитетных экономистов это хорошо, только где же собственное исследование? На с. 313–316 всё их содержание опять-таки состоит из одних оценок зарубежных, советских и российских авторов. Правда, последние четыре страницы (с. 316–320) завершаются его собственными соображениями, нашедшими отражение в положениях, вынесенных на защиту [4, с. 16, 17, пункты 2, 4]. Но и на них лежит печать плагиата, без которого он так и не смог завершить свою диссертацию. В её заключении заимствования занимают два последних абзаца с. 390, полностью с. 391 и три первых абзаца с. 392 [ср.: 12, с. 361, 362, 363, 364, 366, 367]. Объём плагиата в своей сумме близок объёму регионального материала о совнархозах и компенсирует его недостаток. Но этот порок присутствует в его диссертации не в качестве отдельных фрагментов, а представляет собой целенаправленное и систематическое присвоение существенной части нашего диссертационного исследования.

По всем основным признакам в его диссертации, исключая плагиат, присутствует не само исследование, отличающееся завершённостью и полнотой, а только попытка исследования реформы управления промышленностью и строительства 1957–1965 гг. Его концепция не нашла полного применения в исследовании совнархозовской реформы. Она, образно говоря, в его диссертации представляет собой привлекательную рамку, в которую он механически поместил теорию тоталитаризма, концепции модернизации, догоняющего и мобилизационного развития. Из-за плагиаторской практики В. Л. Дрындина они плохо связаны между собой. Он переписал нашу корректировку теории тоталитаризма с критикой её абсолютизации, ведущей к отождествлению советского строя с нацистским строем Германии [4, с. 74, 75; 12, с. 24, 25]. Но он, со своей стороны, абсолютизировал роль концепции административно-командной системы (к таким попыткам мы отнеслись критически) и не заметил, что в данном случае теория тоталитаризма становится лишней. Его трактовка концепции административно-командной системы переоценивает степень сращивания партийного аппарата с государственным. Он не разглядел различия между партийно-политическим и государственно-хозяйственным руководством, что не позволило ему в ряду других причин исследовать их взаимодействие. А концепции догоняющего и мобилизационного развития постоянно выводили его за пределы конкретно-исторического исследования периода «оттепели» на орбиту обобщений вплоть до 90-х гг. и современности, по которым он исследования вообще никакого не проводил. Впоследствии в сочинениях его ученика Е. В. Демичева, в появлении которых он играл ведущую роль, концепция тоталитариз-

ма исчезает. В монографии она была заменена концепцией евразийской цивилизации. Точно так же произошёл полный отказ от словосочетания [4, с. 5] «попытки реформирования» при характеристике совнархозовской реформы. В кандидатской диссертации и монографии Е. В. Демичева речь идёт именно о реформе как таковой.

Что касается конкретно-исторических задач исследования, то их решение представляет собой, как правило, имитацию исследования. Попытка дать «характеристику нерыночных и рыночных аспектов преобразований … промышленности и строительства» в 1957–1965 гг. не является убедительной. Кроме нашего материала по совнархозовской реформе у него нет ничего, а он не даёт оснований для выделения в то время «рыночных аспектов преобразований». Другие задачи в области исследования совнархозовской реформы, сформулированные В. Л. Дрындиным во введении его диссертации, тоже не были решены из-за преобладания плагиата и недостатка фактического материала. Но один существенный результат его диссертация всё-таки имела. Она стала основой плагиаторских работ Е. В. Демичева – его кандидатской диссертации и монографии. Только плагиат в кандидатской диссертации Е. В. Демичева является вторичным, прикрывая плагиат В. Л. Дрындина.

Наличие в монографии Е. В. Демичева концепции о специфике российской истории, а также первичной разработки регионального фактического материала и некоторых собственных наблюдений давало В. Л. Дрындину полное право включить себя в качестве одного из её авторов. Но он проявил осторожность и ограничился тем, что выступил в качестве рецензента, скрыв своё доминирование в созданном им плагиаторском дуэте. Отсутствие собственного полноценного исследования и плагиаторские сочинения Е. В. Демичева – *таковы главные итоги так называемой научной и педагогической деятельности доктора исторических наук В. Л. Дрындина в области исследования реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг.*

Список литературы

1. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством в Центре и на Южном Урале (1957–1965 гг.): дис. … канд. ист. наук. Оренбург, 2007. 227 с.
2. Демичев Е. В. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в контексте специфики отечественной истории. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РОССПЭН, 2011. 295 с.
3. Дрындин В. Л. Попытки реформирования аграрной и промышленных сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. 52 с.
4. Дрындин В. Л. Попытки реформирования аграрной и промышленных сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории: дис. … д-ра. ист. наук. Оренбург, 2004. 464 с.
5. Мерцалов В. И. Региональный уровень индустриальной политики в пятидесятые годы (на материалах Читинской области) // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья: материалы регион. науч.-практ. конф. Чита, 30 нояб. – 2 дек. 1993 г.). Чита, 1995. С. 300–302.
6. Мерцалов В. И. Структура Иркутского совнархоза (1957–1962 гг.) // Проблемы комплексного изучения человека. Человек в условиях Забайкалья: материалы 2-й Регион. науч.-практ. конф. Чита, 25–27 апр. 1995 г.). Чита, 1996. С. 317–320.
7. Мерцалов В. И. Идеологические предпосылки реформирования системы управления промышленностью (1957–1965 гг.) // Высшая школа: Гуманитарные науки и гуманитарные основы образования и воспитания. Экология. Экономика. Право: материалы Росс. науч. конф. Чита, 25–28 апр. 1996 г. Чита: Изд-во Чит. пед. ин-та, 1996. С. 73–76.
8. Мерцалов В. И. Предпосылки реформирования управления промышленностью в 1957–1965 гг. // Народы Забайкалья: возрождение и развитие: сб. материалов науч. конф. Чита, 1997. С. 123–126.
9. Мерцалов В. И. О происхождении реформы управления промышленностью и строительством (1957–1965 гг.) // Ист.- экон. науч. журн. № 6. Чита; Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. С. 60–72.
10. Мерцалов В. И. Реформа хозяйственного управления 1957–1965 гг.: предпосылки, ход, итоги (на материалах Восточной Сибири). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000. 266 с.
11. Мерцалов В. И. Архивные источники изучения реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. // Проблемы реформирования экономики России: материалы внутривуз. науч.-практ. конф. Ч. II. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2001. С. 3–12.
12. Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири): дис. … д-ра ист. наук. Иркутск, 2001, 471 с.
13. Мерцалов В. И. История совнархозовской реформы 1957–1965 гг. в исследованиях Е. В. Демичева // Гуманит. векст. Сер. История. Политология. 2014. № 3. С. 152–160.
14. Мерцалов В. И. Монографическое исследование Е. В. Демичева о реформе управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер. Филология, история, востоковедение. 2015. № 2. С. 182–191.
15. Мерцалов В. И. Происхождение и эволюция реформы управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. / В. И. Мерцалов; Забайкал. гос. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Чита: ЗабГУ, 2015, [1]. 258 с.

References

1. Demichev E. V. Reforma upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom v Centre i na Juzhnom Urale (1957–1965 gg.): dis. … kand. ist. nauk. Orenburg, 2007. 227 s.

2. Demichev E. V. Reforma upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom 1957–1965 gg. v kontekste specifiki otechestvennoj istorii. 2-e izd., pererab. i dop. M.: ROSSPJeN, 2011. 295 s.

3. Dryndin V. L. Popytki reformirovanija agrarnoj i promyshlennyh sfer RF (1953–1964 gg.) v kontekste specifiki otechestvennoj istorii: avtoref. dis. … d-ra ist. nauk. Orenburg, 2004. 52 s.

4. Dryndin V. L. Popytki reformirovanija agrarnoj i promyshlennyh sfer RF (1953–1964 gg.) v kontekste specifiki otechestvennoj istorii: dis. … d-ra ist. nauk. Orenburg, 2004. 464 s.

5. Mertsalov V. I. Regional'nyj uroven' industrial'noj politiki v pjatidesjatye gody (na materialah Chitinskoj oblasti) // Problemy kompleksnogo izuchenija cheloveka. Chelovek v uslovijah Zabajkal'ja: materialy region. nauch.-prakt. konf. Chita, 30 nojab. – 2 dek. 1993 g.). Chita, 1995. S. 300–302.

6. Mertsalov V. I. Struktura Irkutskogo sovnarhoza (1957–1962 gg.) // Problemy kompleksnogo izuchenija cheloveka. Chelovek v uslovijah Zabajkal'ja: materialy 2-j Region. nauch.-prakt. konf. Chita, 25–27 apr. 1995 g.). Chita, 1996. S. 317–320.

7. Mertsalov V. I. Ideologicheskie predposylki reformirovanija sistemy upravlenija promyshlennost'ju (1957–1965 gg.) // Vysshaja shkola: Gumanitarnye nauki i gumanitarnye osnovy obrazovanija i vospitanija. Jekologija. Jekonomika. Pravo: materialy Ross. nauch. konf. Chita, 25–28 apr. 1996 g. Chita: Izd-vo Chit. ped. in-ta, 1996. S. 73–76.

8. Mertsalov V. I. Predposylki reformirovanija upravlenija promyshlennost'ju v 1957–1965 gg. // Narody Zabajkal'ja: vozrozhdenie i razvitie: sb. materialov nauch. konf. Chita, 1997. S. 123–126.

9. Mercalov V. I. O proishozhdenii reformy upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom (1957–1965 gg.) // Ist.- jekon. nauch. zhurn. № 6. Chita; Irkutsk: Izd-vo IGJeA, 1999. S. 60–72.

10. Mertsalov V. I. Reforma hozjajstvennogo upravlenija 1957–1965 gg.: predposylki, hod, itogi (na materialah Vostochnoj Sibiri). Irkutsk: Izd-vo IGJeA, 2000. 266 s.

11. Mertsalov V. I. Arhivnye istochniki izuchenija reformy upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom 1957–1965 gg. // Problemy reformirovanija jekonomiki Rossii: materialy vnutrivuz. nauch.-prakt. konf. Ch. II. Irkutsk: Izd-vo IGJeA, 2001. S. 3–12.

12. Mertsalov V. I. Reforma upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom 1957–1965 gg. (na materialah Vostochnoj Sibiri): dis. … d-ra ist. nauk. Irkutsk, 2001, 471 s.

13. Mertsalov V. I. Istorija sovnarhozovskoj reformy 1957–1965 gg. v issledovanijah E. V. Demicheva // Gumanit. vekt. Ser. Istorija. Politologija. 2014. № 3. S. 152–160.

14. Mertsalov V. I. Monograficheskoe issledovanie E. V. Demicheva o reforme upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom 1957–1965 gg. // Uchen. zap. Zabajkal. gos. un-ta. Ser. Filologija, istorija, vostokovedenie. 2015. № 2. S. 182–191.

15. Mertsalov V. I. Proishozhdenie i jevoljucija reformy upravlenija promyshlennost'ju i stroitel'stvom 1957–1965 gg. / V. I. Mercalov; Zabajkal. gos. un-t. 2-e izd., pererab. i dop. Chita: ZabGU, 2015, [1]. 258 s.

Библиографическое описание статьи

Мерцалов В. И. Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. в диссертационном исследовании В. Л. Дрындина «Попытки реформирования аграрной и промышленной сфер РФ (1953–1964 гг.) в контексте специфики отечественной истории» // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 190–198.

Reference to the article

Mertsalov V. I. The Building and Industrial Management During 1957–1965 Reform in V. L. Dryndin's Research "Attempts of Reforming Agrarian and Industrial Spheres in the RF (1953 – 1964) in the Context of Russian History Characteristics" // Humanitarian Vector. Series History. Political Science. 2016. Vol. 11, No 4. P. 190 –198.

Статья поступила в редакцию 10.02.2016

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ
NEW BOOKS

Бейдин, Сергей Владимирович

Система государственного и муниципального управления : учеб. пособие / С. В. Бейдин ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 132 с.

ISBN 978-5-9293-1621-0

В учебном пособии исследованы теоретические и практические вопросы системы государственного и муниципального управления, дана характеристика территориальных образований, обозначены основные принципы формирования системы государственного и муниципального управления, структура её органов власти, приведён перечень тем, рекомендованных для подготовки курсовых работ.

Обоснование различий государственного и муниципального управления выявило специфику вопросов местного значения и форм ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Учебное издание предназначено для обучения студентов направления 38.03.04 *Государственное и муниципальное управление*, а также для преподавателей, специалистов по вопросам государственного и муниципального управления.

Асламов, Сергей Владимирович

Государственное регулирование внешнеторговой деятельности : учеб. пособие / С. В. Асламов ; Забайкал. гос. ун-т. – Чита : ЗабГУ, 2016. – 164 с.

ISBN 978-5-9293-1680-7

Учебное пособие содержит методически систематизированный материал по теме «Государственное регулирование внешнеторговой деятельности» учебного курса «Внешнеэкономическая деятельность».

Издание предназначено для студентов специальностей 38.03.02 *Менеджмент* и 38.03.01 *Экономика*, а также преподавателям, аспирантам и специалистам-практикам по внешнеэкономической деятельности.

Книжную продукцию можно приобрести по адресу:
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30,
e-mail: chita-iio@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПУБЛИКУЕМЫМ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ
«Гуманитарный вектор»

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает не опубликованные ранее материалы объемом до 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объем
статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указывается фамилия автора и название статьи.
2. Письменное согласие на обработку и использование данных, на управление контентом своего материала, на его опубликование всоответствующем номере журнала в сети Интернет.
3. Если автор статьи – аспирант, отзыв научного руководителя **с указанием новизны и достоверности исследования**.
4. Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/ основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора или основного автора (1 предложение).

Город, страна (на русском и английском языках)

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес

Источники финансирования статьи (при их наличии) приводятся на рус. и англ.яз.

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150-200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи**, содержащий следующие блоки: вводная часть** («Introduction»), данные о методологии и методики исследования («Methods»), результаты исследования («Results»), обсуждение результатов («Discussion»), заключение (Conclusion) – выводы.

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг о друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 10 источников. Литература на иностранных языках следует за литературой на русском языке. **Публицистика, архивы**, **справочные*, словарные*** **и законодательные материалы указываются после «Списка литературы» в разделе «Источники»**, нумерация продолжается (сквозная), либо выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация постраничная. **Список литературы** оформляется согласно

ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц. Желательно, чтобы в списке литературы были представлены зарубежные источники.

Объем цитирования в статье должен быть не более **40%** от общего объёма статьи.

Технические параметры статьи

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Arial, кегль14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи предоставить их в редакцию.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставится дата и Ф.И.О. автора.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать чёткое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т.д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращённо (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки представляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии), даются со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращенно (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/авторов и названия статьи. Размер рисунка 170х240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисуночные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Оплата пересылки авторского экземпляра.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 **руб.**

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по **e-mail:** **zab-nauka@mail.ru.**

Адрес редакции: **672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный университет, Редакция научных журналов (каб. 126).**

Ответственный секретарь: Блажевская Ирина Николаевна

Тел. +7(3022) 35-24-79

Редактор Т. Р. Шевчук
Редактор перевода В. М. Ерёмина
Дизайн обложки: В. В. Михалев
Вёрстка: Г. А. Зенкова

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура «Arial». Сдано в печать 15.10.16.
Усл. печ. 23,5.
Усл. изд. л. 21,1.
Тираж 1000 экз.
Заказ № 16244.

Забайкальский государственный университет
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Managing editor T. R. Shevchuk
Editor of the English Translation
V. M. Eremina
Cover design: V. V. Mikhalev
Make-up: G. A. Zenkova

Format 60×84 1/8. Offset paper
Headset «Arial». Signed to print 15.10.16.
Con. quires 23,5.
Con. pub. quires 21,1.
Circulation 1000 copies.
Order № 16244.

Transbaikal State University,
672039, Chita, 30 Aleksandro-Zavodskaya st.